

ВЕСТНИК
ТОМСКОГО
ГОСУДАРСТВЕННОГО
УНИВЕРСИТЕТА

ФИЛОЛОГИЯ

TOMSK STATE UNIVERSITY JOURNAL OF PHILOLOGY

Научный журнал

2017

№ 47

Свидетельство о регистрации
ПИ № ФС77-29496 от 27 сентября 2007 г.
выдано Федеральной службой по надзору в сфере массовых
коммуникаций, связи и охраны культурного наследия

Журнал индексируется в БД Scopus и включен в «Перечень
рецензируемых научных изданий, входящих в международные
реферативные базы данных и системы цитирования, в которых должны
быть опубликованы основные научные результаты диссертаций
на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание
ученой степени доктора наук», Высшей аттестационной комиссии

*Редакционная коллегия журнала
«Вестник Томского государственного
университета. Филология»*

Т.А. Демешкина (Томск, Россия) –
главный редактор
И.А. Айзикова (Томск, Россия) – зам.
главного редактора
Ю.М. Ершов (Томск, Россия) – зам.
главного редактора
Д.А. Катунин (Томск, Россия) – отв.
секретарь
П.П. Каминский (Томск, Россия) –
зам. отв. секретаря
К.В. Анисимов (Красноярск, Россия)
Е.В. Иванцова (Томск, Россия)
В.С. Киселев (Томск, Россия)
Т.Л. Рыбальченко (Томск, Россия)
В.А. Суханов (Томск, Россия)

*Editorial Board of the
Tomsk State University
Journal of Philology*

T.A. Demeshkina (Tomsk, Russia) – Editor-
in-Chief
I.A. Aizikova (Tomsk, Russia) – Deputy Edi-
tor-in-Chief
Yu.M. Yershov (Tomsk, Russia) – Deputy
Editor-in-Chief
D.A. Katunin (Tomsk, Russia) – Executive
Editor
P.P. Kaminskiy (Tomsk, Russia) – Deputy
Executive Editor
K.V. Anisimov (Krasnoyarsk, Russia)
Ye.V. Ivantsova (Tomsk, Russia)
V.S. Kiselev (Tomsk, Russia)
T.L. Rybalchenko (Tomsk, Russia)
V.A. Sukhanov (Tomsk, Russia)

*Редакционный совет журнала
«Вестник Томского государственного
университета. Филология»*

Дж.Ф. Бейлин (Стоуни-Брук, США)
Е.Л. Березович (Екатеринбург, Россия)
Е.Л. Варганова (Москва, Россия)
Н.Д. Голев (Кемерово, Россия)
Е.А. Добренко (Шеффилд, Великобритания)
М.Н. Липовецкий (Боулдер, США)
З.И. Резанова (Томск, Россия)
И.В. Силантьев (Новосибирск, Россия)
С.Л. Фрэнкс (Блумингтон, США)
Т.В. Шмелева (Великий Новгород, Россия)

*Editorial Council of the
Tomsk State University
Journal of Philology*

J.F. Bailyn (Stony Brook, US)
E.L. Berezovich (Yekaterinburg, Russia)
Ye.L. Vartanova (Moscow, Russia)
N.D. Golev (Kemerovo, Russia)
E.A. Dobrenko (Sheffield, UK)
M.N. Lipovetsky (Boulder, US)
Z.I. Rezanova (Tomsk, Russia)
I.V. Silantev (Novosibirsk, Russia)
S.L. Franks (Bloomington, United S)
T.V. Shmeleva (Veliky Novgorod, Russia)

СОДЕРЖАНИЕ

ЛИНГВИСТИКА

Березович Е.Л., Леонтьева Т.В. НАМЕК в диалектной лингвокультурной среде: жанровая разновидность частушек и лексические репрезентации понятия	5
Волошина С.В. Репрезентация концепта «Сибирь» в автобиографических рассказах томских крестьян	28
Зильберман Н.Н., Мишанкина Н.А. «Советское» в рефлексии пользователей интернет-сообществ	39
Меликян В.Ю., Акбаева О.В. Фразеосинтаксические схемы с опорным Компонентом – неполнозначительным словом в современном русском языке	57
Старикова Г.Н., Хоанг Тхи Хонг Чанг. Трофонимы (ресторонимы) как особый тип эргонимов (на материале имен заведений общественного питания Москвы)	72

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

Белюсова Е.Г. О кинематографичности романа В. Набокова «Машенька»	88
Елисеева А.В. Взаимосвязь национального и гендерного кодов в романе Альфреда Дёблина «Берлин Александерплац»	100
Жучкова А.В. Загадка мандельштамовской «Оды»	109
Костецкая Е.В. Поэтика биографического очерка в «Тобольских губернских ведомостях» (1850–1860-е гг.)	123
Крылов В.Н. Литературно-критическая проза М. Цветаевой: поэтика на фоне традиции	132
Суханов В.А., Щербинин А.И. Жизнь и смерть «Сибирских Афин»: проблема жизненного цикла метафорического топонима в различных дискурсах XX – начала XXI в.	149
Фаритов В.Т. Философия времени в романе А.С. Пушкина «Евгений Онегин»	171

ЖУРНАЛИСТИКА

Бабкина Е.С. Журналистика русского Китая для детей и молодежи (1898–1945 гг.)	184
Беленко В.Е., Осипова Е.С. Студенческие радиостанции Сибирского федерального округа: редакционная и программная политика	199

ДОКУМЕНТЫ И МАТЕРИАЛЫ

Кузнецова Е.Г. Письмо матери – Евгения Соломоновна Гинзбург в защиту сына Василия Павловича Аксёнова	214
---	-----

РЕЦЕНЗИИ, КРИТИКА, БИБЛИОГРАФИЯ

Анисимов К.В. «Свойство комедии...» Рецензия на книгу: Лебедева О.Б. Поэтика русской высокой комедии XVIII – первой трети XIX веков	218
Сологуб О.П. Рецензия на книгу: Ностальгия по советскому	224

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ	229
----------------------------------	-----

CONTENTS

LINGUISTICS

Berezovich E.L., Leontyeva T.V. HINT in dialect linguocultural environment: folklore genre and lexical representations of the notion.....	5
Voloshina S.V. Representation of the concept “Siberia” in autobiographical stories of Tomsk Peasants	28
Zilberman N.N., Mishankina N.A. The “Soviet” in reflection of online community users.....	39
Melikyan V.Yu., Akbaeva O.V. Fixed phrase schemes with a compulsory component – a syncategorematic word – in the modern Russian language.....	57
Starikova G.N., Hoang Thi Hong Trang. Troponyms (restauronyms) as a special type of ergonyms (on the material of Moscow eating place names).....	72

LITERATURE STUDIES

Belousova E.G. On the film looking nature of the novel <i>Mary</i> by Vladimir Nabokov	88
Eliseeva A.V. The relationship of the national and gender codes in Alfred Döblin’s novel <i>Berlin Alexanderplatz</i>	100
Zhuchkova A.V. Enigma of Osip Mandelstam’s <i>The Ode</i>	109
Kostetskaya E.V. Poetics of biographical essays in <i>Tobol’skie gubernskie vedomosti</i> (1850s–1860s)	123
Krylov V.N. Marina Tsvetaeva’s literary prose: poetics against the background of tradition.....	132
Sukhanov V.A., Scherbinin A.I. Life and death of the “Siberian Athens”: the problem of the life circle of the metaphorical toponym in the discourses of the 20th – early 21st centuries	149
Faritov V.T. The philosophy of time in A.S. Pushkin’s <i>Eugene Onegin</i>	171

JOURNALISM

Babkina E.S. Russian children and youth journalism in China (1898–1945)	184
Belenko V.E., Osipova E.S. Student radio stations in the Siberian Federal District: editorial and program policies	199

DOCUMENTS AND MATERIALS

Kuznetsova E.G. A letter of a mother: Yevgenia Ginzburg in defence of her son V.P. Aksenov	214
---	-----

REVIEWS, CRITIQUES, BIBLIOGRAPHY

Anisimov K.V. The Comedy’s Virtue . . . Book Review: Lebedeva, O.B. (2014) <i>Poetika russkoy vysokoy komedii XVIII – pervoy treti XIX vekov</i> [The Poetics of the Russian High Comedy of the 18th – First Third of the 19th Centuries]. Moscow: Languages of Slavic Culture.....	218
Sologub O.P. Book Review: Rezanova, Z.I. (ed.) (2011) <i>Nostal’giya po sovetskomu</i> [Nostalgia for the Soviet]. Tomsk: Publishing House of Tomsk State University	224

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS	229
--	-----

ЛИНГВИСТИКА

УДК 81:39+811.161.1'37:398.845

DOI: 10.17223/19986645/47/1

Е.Л. Березович, Т.В. Леонтьева

НАМЕК В ДИАЛЕКТНОЙ ЛИНГВОКУЛЬТУРНОЙ СРЕДЕ: ЖАНРОВАЯ РАЗНОВИДНОСТЬ ЧАСТУШЕК И ЛЕКСИЧЕСКИЕ РЕПРЕЗЕНТАЦИИ ПОНЯТИЯ¹

В статье рассматриваются прагматические и семантико-мотивационные особенности функционирования слов, выражающих понятие намека, в русских народных говорах. Решаются следующие задачи: выявление лингвопрагматического своеобразия «наветок» как жанровой разновидности частушек; определение этимологии слова наветка; характеристика основных мотивационных особенностей других диалектных слов, обозначающих намеки. Предлагается новое этимологическое решение: слово наветка 'намеки' входит в гнездо вет- со значением говорения.

Ключевые слова: этнолингвистика, намеки, частушки, наветка.

В настоящей статье речь пойдет о лексических единицах, обозначающих один из важнейших видов непрямого говорения – намеки. Проблематика статьи тем самым относится к так называемой «лингвистике намека» (см.: [1. С. 443]), изучающей его как «сложный языковой и одновременно когнитивный феномен, позволяющий существенно расширить возможности передачи смысла в естественно-языковой коммуникации» [1. С. 443]. «Лингвистика намека» включает в себя изучение всего разнообразия многоликих способов воплощения намеков в тексте и системе языка. Нами рассматриваются прагматические и семантико-мотивационные особенности слов, выражающих понятие намека, в такой лингвокультурной среде, как русские народные говоры. Толчком для написания статьи стало знакомство авторов с ключевым словом нашего будущего текста – *наветка*. Знакомство произошло во время полевой работы топонимической экспедиции Уральского федерального университета (ТЭ УрФУ) в Костромской и Вологодской областях. Оказалось, что *наветка*, с одной стороны, является термином народной песенной культуры, за которым стоит разновидность целого фольклорного жанра – частушки «с подковыркой», а с другой стороны, «обычным» словом, функционирующим и вне фольклорного контекста и обозначающим намеки. При этом данная лексема имеет неясную первичную мотивацию, выяснение которой помогло вскрыть специфику народных представлений о «непрямом говорении». Работа со словом *наветка* стимулировала интерес к фольклорным текстам, для которых оно служит обозначением жанровой разновидности частушек, и к

¹ Работа Т.В. Леонтьевой выполнена за счет средств гранта Российского научного фонда (проект № 16-18-02075 «Русский социум в зеркале лексической семантики»). Работа Е.Л. Березович выполнена за счет средств проекта 34.2316.2017/ПЧ «Волго-Двинское междуречье и Белозерский край: история и культура регионов по лингвистическим данным», поддержанного Минобрнауки РФ.

фактам системы языка, которые выражают тот же смысл, что и указанное слово. Отсюда задачи данной статьи: выявить лингвопрагматическое своеобразие «наветок» как жанровой разновидности частушек в русской диалектной среде; определить первичную мотивацию (этимологию) слова *наветка*; охарактеризовать основные мотивационные особенности других диалектных слов, обозначающих намеки. Особое внимание предполагается обратить на то, как отражается в изучаемом лексическом материале специфика деревенского сообщества, его социорегулятивный уклад, определяющий прагматику и мотивацию намека.

«Наветка» как жанровая разновидность частушек: лингвопрагматический анализ

Слово *наветка* (*наветочка*, *наведочка*) многократно зафиксировано ТЭ УрФУ в вологодских и костромских говорах в значении ‘песня, частушка, исполняемая на молодежных гуляниях и содержащая, как правило, сообщение о состоянии любовных отношений поющего с кем-либо из присутствующих’: «Дружил парень с девушкой и перестал. Все об этом знают. Она всё равно идёт и поёт наветку на гулянке, штё у нее отбили милого. Секрет она не открывает, но надо спеть. Споёт про соперницу – и ей легче станет. Пусть все видят, штё она лучше, штё поёт хорошо. Вот наветку и поёт для облегчения» (Шар, Рождественское)¹; «Наветки-ти парню поются и его подружке. Они догадываются, кому это поют» (К-Г, Титовщина); «Песни вот пели с подковырочкой, наветочки» (Шар, Завьялиха); «Я наветки вам напела, Милый, в хиточку <во внимание> возьми. От моей ты супостатки Побыстрее отойди» (Шар, Бухалкино)². Слово часто используется в составе выражения *наветки давать* ‘намекать (обычно в частушке) на обстоятельства личной жизни кого-л.’: «Наветки давали – пели песни кому-то. В песнях выражают хоть жениху, хоть подруге чего. Чашше ругают. Про себя *наветки давали*. Не прямо скажут, а в песнях» (Шар, Сергеево); «Вот как раньше было? Она мне *даёт наветки*, а я её *отмачиваю* <отвечаю тем же>. Не надо *выговаривать* <оправдываться>. Если *выговаривать*, то я с неё снимаю грех и принимаю на себя. Пусть говорят, чего хотят. Я лучше пойду да *отпою* её <спою ей частушку с намеками>» (Шар, Плосково).

Исполнялись наветки во время плясовых – в каждом регионе своих. Например, на юго-востоке Костромской области плясали *ветлужского* (все участники гулянья), *сормово* (парни, мужчины), *двóечку* (девушки, женщины), *ходили шабалóй* (парни, мужчины): «А *ветлужского* плясали, тогда наветки и

¹ Здесь и далее полевые записи ТЭ УрФУ оформляются с указанием на район записи и деревню; по умолчанию предполагается, что вологодские материалы содержатся в [2], костромские – в [3].

² Помимо этого значения, отмечаемого в записях ТЭ УрФУ как наиболее частотное, слово зафиксировано нами также в следующих значениях: ■ ‘намеки’: «Могу я тебе наветкам слово дать – догадывайся. Наветкой сказать – не прямо» (К-Г, Муравьево); ■ ‘наказ, предостережение’: «Наветку я даю тебе, этак вот говорят кому-нибудь, что вот “хорошо себя веди”. Мать дочке говорит, что ты не ходи к парням, не ложись, не спи, я тебе наветку даю» (К-Г, Крадикино); ■ ‘недобрый слух, клевета’: «Я на тебя наговорила что-то плохое, пустила сплетню, наветку» (Ник, Большой Двор); ■ ‘памятный подарок, напоминание’: «Наветочку, скажут, далá, платок на память» (Ник, Завражье); ■ ‘предзнаменование’: «Наветка будет: сон приснится – радость или скорбь. Вот у меня. Сиж у на кухне, птичка села на белильце <оконную раму>. А потом умер брат. Наветка была» (Ник, Серпово).

пели. Вот пою: “Пойду ветлужского плясать, На ногу дроле наступлю. За ним гоняется другая, Но и я не уступлю!”» (Шар, Бухалкино); «Пойду я на гулянье, вот и стану напевать, шчѣ разлюбил он меня. И ему напоёшь наветку, и ёй, шчѣ: “Перебѣчка подруга, Перебила у меня”. Это *двѣчка* называлось у нас» (Шар, Сергеево).

Как можно понять, поющие совершают «симметричные» – соотносимые друг с другом – речевые действия, что в диалектной лексике фиксируется антонимической парой *(на)петь* – *отпѣть* (*отпѣвать*) ‘спеть в ответ’: «Навѣтки дают друг дружке, одна поѣт, другая *отпѣает*. Дружков отбивают одна у другой» (К-Г, Еловино). То же может обозначаться и формулой *спеть (петь) встречную*: «Мане наветку спели, а она поѣт встречную. Мол, меня он теперь любит, будѣт мой. Вызывают тебя – отвечай, пой встречную» (К-Г, Титовщина). Таким образом, герои действия *перепѣваются*: «Ветлугая плясали да русского. *Перепѣались* – одна то споѣт, другая ей на ответ поѣт. С частушками, да» (Вохом, Пономарево); «*Перепѣались*: ты споѣшь песню, а я *отпою*. Навѣтки давали про любовь. Мол, я у ей дружка отбиваю: “Ягодинка изменил, Зачем вперед не предъявил? Я бы старого не бросила И шшас гуляла б с ним”» (К-Г, Смольянка). Каждая частушка – реплика в песенном диалоге.

Импульсом к исполнению *наветки* становится, как правило, любовный конфликт, обида – драматическое происшествие в личной жизни: «Если какая обида, то наветка пелася» (Шар, Столбечкое). Личное становится известным всем на молодежном гулянье. С.Б. Адоньева указывает на то, что частушечное состязание – форма обнародования конфликта специфической природы: «Он не является деструктивным для социума. Он нормативен» [4. С. 152].

Таким образом, слово *наветка* обозначает частушку «личного» содержания, но не используется по отношению к частушкам на другие темы (например, социально-политические). Эта жанровая разновидность частушек в вологодских говорах (белозерских) именуется еще *примерной частушкой* [4. С. 138]; исследователи же, не имея терминологического обозначения для одной единицы такой коммуникации, называют в целом поочередное исполнение частушек *словесным поединком* [5. С. 156], *частушечным агоном*, *праздничным частушечным состязанием* [4. С. 152] и т.д.

Значит, речь может идти о целой «частушечной акции», содержание и назначение которой определяется деревенским социумом. Как известно, в народной традиции частушки выступают как форма публичного поведения (т.е. часть естественной коммуникации) на деревенских гуляньях. Исследователи приходят к выводу о социально-возрастных различиях исполнителей частушечной перебранки: например, девки «неприличных частушек петь не могли», но могли их исполнять парни, ходившие «шатаями» (группами), и мужики с бабами, которые образовывали свои кружки, отдельно от молодежи [4. С. 139–141]. Частушка рассматривается во всех случаях, независимо от различий прагматических контекстов, как «специфическое социальное действие» [4. С. 138], апеллирующее к норме через тематику антинормы [6. С. 39].

Частушка, спетая девушкой, может адресоваться парню: «Полюбила парня, наветку о ём спела. Про глаза: “У милого серые, Веселые и смелые”» (Шар, Сергеево); «Навѣтки-ти – это поют песню, парню девка споѣт, а то и

парень девке споёт. Девка дает понять парню, что он ей нравится. Раньше любили-то тайно» (Ник, Молодежный). Помимо признаний в симпатии, частушка могла содержать и обвинение, упрек: «Дролечка, двоих-то любишь, Обеим открываешься. Сегодня обе на гуляньице, Куда деваешься?» (Ник, Байдарово).

Парень поет частушки в ответ: «Наветки пели другу своему, в сердцах или дружбе, про хорошее или плохое. Наветки о том, у кого какая жизнь. Ну вот парень да девка дружат, а мать парня её не любит: “Ягодиночка моя, Скажи-ка матке-дурочке, Не ругала бы меня, Когда иду по улочке”» (Ник, Куданга); «Со весёлыя беседушки Пришёл на колунé. Сероглазая сударушка Трубу дала менé¹» (Шексн, Ершово); «Мене милка изменила. Говорит: гуляй один. Я один гулять не буду, Хватит этаких падún» (Шексн, Дубки); «Раньше реченька бежала, Теперь высохла она. Раньше девушка любила, Теперь бросила меня» (Шар, Плосково); «Зарастай, моя тропинка, По которой я ходил. Забывай меня, залёточка, Которую любил» (Шар, Плосково); «Ты играй, играй, гармонь, Играй, моя певучая, А нам, милая, с тобой Разлука неминуемая» (Шар, Плосково); «Ты залёточка, залёточка, Вертучие глаза. На тебя, моя залёточка, Надеяться нельзя» (Шар, Плосково).

Адресатом может быть и соперник: «Расхороший мой товарищ, Уж ты мне не поперечь. Отобью твою красивую, Тебе не устеречь» (Шар, Плосково); «Не ходи, товарищ, в поле, Росы не оббивай. Не завёл своей милашки, Так мою не отбивай» (Шар, Плосково).

Прямое обращение к сопернику или девушке вовсе не обязательно. Напротив, намек предполагает стратегию имплицитного обращения, т. е. такого, которое подразумевается, но не имеет вербального выражения, а текст частушки приобретает повествовательный характер: «Я иду, а мне навстречу Милый парочкой идет. Захватило моё сердце, Думала, не отойдёт» (Шар, Бухалкино); «Я залёточке своей: Расти, залёточка, скорей! Она росла, старалась – товарищу досталась» (Шар, Плосково); «У милашки русы косы Ниже пояса вились. Как за эти русы косы Мы с товарищем дрались» (Шар, Плосково); «Не пошёл бы на беседку Горюшко заманивать, Товарищ дролю отбивает, Замуж уговариват» (Шар, Плосково); «Мы с товарищем в беседку, Мой товарищ наперёд. Осердилась моя милка И конфеток не берёт» (Шар, Плосково). Поющий описывает состояние своих отношений с кем-либо: «Мы с милёночком стояли У поленницы, у дров. Развалилась поленница – И кончилась любовь» (Гряз, Болотово); «Подождите, не рубите у крылечка ёлочку. Я сама ее срублю, Когда забуду дролечку» (Гряз, Скородумка); «Отыграли мои пальцы По серебряным ладам. Отходили мои ножки За милой по следам» (Шар, Плосково).

Если же речь идет об измене, пение наветки может сопровождаться ритуалом с предметными атрибутами: «“Изменил – дак не заглядывай Во личико моё. Расцвету или повяну – Это дело не твоё”. Если изменит – так отсобачу! Он изменит – я ему вешаю *ошешетки* <лапти> на шею. Если на него ошешетки повесят, то ешшо и отбузят его. Это как знак измены» (Шар, Плосково). Упоминание об обычае «помечать» повешенными на шею лаптями

¹ Ср. волог. *прийти на колуне* ‘испытать измену в любви’, *дать трубу* ‘изменить в любви’ [2].

изменника или того, кому изменили, не единично: «Парень мой проводил другую девчонку – ну, изменил мне. Мне ошемётки навесят – лапти с оборкам. Это наветка» (Шар, Бухалкино). Как видим, *наветка*, будучи символически оформленным актом осуждения, может воплощаться не только вербальным способом.

Чаще всего исполнителями *наветок-частушек* выступают незамужние девушки – соперницы, которые ведут диалог, состоящий из колкостей, острот, угроз, намеков, обещаний расправы: «Товарка, холодно на улице, Поди надень сачок, Теперь нечего надеяться На дролин пиджачок» (К-Г, Трубовщина); «У меня парня отбила другая девка. Вот я наветку пою: Супостаточку свою Чем-нибудь уважу, Куплю вару на пятак, Всю её замажу» (К-Г, Матино).

Реже информанты говорят о том, что обмениваться *наветками* могли молодые парни, споря из-за приглянувшейся девушки. Сам по себе такой песенный спор между парнями вовсе не редкость, но слово *наветка* для него, видимо, не годится.

Иногда девушка намекает на связь с женатым мужчиной: «Я любила бедного, Любила и богатого, Признаюсь, девушки, Любила и женатого. Он жену свою не любит, Я не виноватая» (Шар, Плосково); «Я постукаю, побрякаю По раме кулаком, У кого ревнива баба – Погуляю с мужиком» (Шар, Плосково).

Наветка может содержать также условное обращение к подруге, за которым следует жалоба: «Задушевная подруга, Изменяет дорогой. Говорит, что некрасивая. Подумаешь, какой», «Задушевная подруга, Меня дроля изменил. Ну да ладно. Некрасивее Другую полюбил» (Шексн, Дубки).

Но наиболее частотно в текстах наветок упоминание соперницы, чей образ выполняет здесь важнейшую роль, а именно функцию «мишени»: это объект, на который направлено обвинение. Среди лексем, обозначающих соперницу в любви, можно назвать следующие:

– костр. и волог. *перебóйка, перебóечка*: «Перебойка звонкая, Как иголка тонкая, Как с крыши перекладаина, Еще смеется, гадина»; «Перебоечка идет, Идет и не поклонится. Она боится поклониться – Шея переломится» (Шар, Плосково); «Наветки всё про перебоек пели: “Перебойка нарядилась В самый тоненький батист. Она пляшет, жопой вертит, У ей в жопе ревматизм”» (К-Г, Большое Раменье);

– костр. *своячина*: «Ты своячина моя, Своячина хвалёная. В девяти водах умоешься – Да и то зеленая»; «Я своячине своей Все равно наботаю. Два-те года не дадут, А третий отработаю» (Шар, Бухалкино); ср. новг., волог. *свояня* ‘соперница в любви’ [7. С. 329], новг. *свояночка* ‘уменьш. к *свояня*’ («Две свояночки собрались, скоро третья подойдет») [Там же], ленингр. *своячка* ‘соперница; наперсница’ [Там же. С. 330], новг., яросл. *своячка* («Со своячкой сяду рядом, на одну скамеечку. Своячку честью попрошу, не отбивай статеечку») [7. Т. 41. С. 91];

– волог. *лиходéйка, лиходéечка*: «Много частушек. Интересное иное – про лиходеечек. Вот мы с тобой с одним парнем знакомимся, а он пошел от меня к тебе... Она-то пляшет, писни напридумывает, потом ежели другая придет, эта на отпев: “Помоги мене, подруга, Огород загородить, Чтобы этой лихо-

дейке К нам в деревню не ходить”. А она отвечает: “Я молоденькая девочка, Гуляю, где хочу. Хоть какие огороды Все равно перескочу”» (Шексн, Сизьма); «*Лиходеечка* моя Маленького ростика. Она похожа на собачку, Только нету хвостика» (Шексн, Сизьма); «*Лиходейка* съела пистик, Нечем яблоки толчи, Я у тебя не отбивала, Жидконогая, молчи!» (Шексн, Сизьма);

– волог. *супостáтка*, *супостáточка*: «*Супостаточка* моя Модная-премодная. А поближе подойдет – Подпора огородная» (Гряз, Семенцово); «*Супостаточка* моя Модная-премодная. Изогнулась, извилась, Как вица огородная» (Гряз, Семенцово); «Наветки, наводки-то пели. Делят парня две девушки. Поют обе, щё на ум пришло. Одна другой поют меньше хорошего, чем плохого: “*Супостатка* – девка бойкая, Да и я девчонка-бой. Ты не думай, *супостаточка*, Не будет дроля твой”» (К-Г, Скородум). Ср.: новг., ленингр., свердл. *супостáтка*, новг. *супостáточка* ‘соперница в любви’ («Я надена ремешки, подтянусь потуже, неужели, милый мой, я *супостатки* хуже»; «*Супостаточка* черна, Я ее белее») [Там же. Т. 42. С. 256].

Ср. в других регионах: пенз. *посёстры* ‘соперница’ [Там же. Т. 30. С. 152], иркут., свердл. *супэра*, том. *сопэра*, *сопэрка* ‘соперница в любви’ («Я свою *суперу* Веру посажу на небеса, посиди, моя *супера*, повыпучивай глаза») [Там же. Т. 39. С. 330], иркут. *супротівница* ‘соперница в любви’ («*Супротивница* сидит на стуле у заборочка, захочу, и полетят из головы гребёночки») [Там же. Т. 42. С. 262] и др.

Когда в частушечном агоне встречаются две девушки-соперницы либо двое парней-супротивников, можно говорить о состязании: «Одна поёт наветку, другая – наперекор» (Шар, Плосково). Об этом свидетельствуют следующие коммуникативные тактики, к которым прибегают поющие.

Вызов. Исполнение частушек организуется на народных гуляньях так, что кто-то из собравшихся выходит на круг и поет, вызывая другого участника на разговор. К примеру, обиженная девушка приглашает к себе в пару соперницу.

Инвектива-оскорбление. Частушка в коммуникации такого рода служит заместителем формул прямого личного обвинения, которые непременно были бы произнесены, если бы между противницами завязался «бытовой» разговор вне «художественных» коммуникативных практик. Не случайно информанты комментируют содержание *наветок* с помощью слов *ругать(ся)*, *отсобачивать*, *напевать острее, злее, унижать, униженные песни* и др., при этом поясняя, что «раньше не ругались, а вместо этого пели»: «Наветки – *униженные песни*. Одна одну немного *унижала*. Такой был обычай, так было заведено. Ругаться не ругались, как теперя. Теперя в волосы могут въехать. А тогда поумней были. Песни вот пели с подковырочкой, наветочки. Пели на páру» (Шар, Завьялиха); «*Ругаются*, дак дают наветки – кто хорошие, кто плохие, вот это наветки» (К-Г, Смольянка).

В острой частушке разлучницу позорили, ей давались обидные характеристики: она и «тощая гадина», и «последняя из всех», и уродлива: «Супостатка <соперница в любви> звонкая, Как иголлка тонкая. С крыши перекладина, Ешшо смеётся, гадина!» (Ник, Байдарово); «Изменил меня милёнок, Думал, в гору поднялся. Ниже среднего спустился – За последнюю взялся»

(К-Г, Смольянка). Ср. том. *сопёрка* 'соперница': «Ох, соперка моя, коротенькие ножки, голова, как у мыша, голос, как у кошки» [7. Т. 39. С. 330].

Угроза. В продолжение упреков и оскорблений сопернице сулилось уничтожение или по меньшей мере досадные неприятности: «Наветки напевали своей сопернице: “Я свою соперницу Увезу на мельницу. Ты крутись, мельница, Мелись, моя соперница”» (Шар, Завьялиха); «Перебоек за миленьким По бережку бежит. Догоню и рассчитаюсь – Две недели пролежит» (Шар, Плосково).

Объявление себя жертвой. Весьма важной стороной исполнения наветок является представление себя пострадавшей стороной, именно поэтому поступок милого открыто квалифицируется как *измена*: «Ягодинке за изменушку Чего и подарить? Вересовой ветки жалко, Хоть еловую сломить» (К-Г, Косково). В этом не стыдно признаться, но и важно объявить обо всем во всеуслышание, поскольку положение жертвы позволяет снискать расположение и сочувствие слушателей, ср. запись речи информанта: «Изменил мне парень, я-то плачу, а про себя знаю, что сама лучше той-то девки. Душа рвётся сказать. Парню чего скажешь – без толку. А при людях скажу. Наветку в песне дам, все поймут, меня-то пожалеют» (Шар, Быниха). Высказывая упреки изменщику и сопернице, девушка не только рисует их образы в черном цвете, но и создает собственный облик «честной девушки».

Все эти коммуникативные тактики нацелены на то, чтобы в глазах слушателей, составляющих общину, стяжать славу победительницы (победителя) в частушечном состязании, ср. описание информантами поражения соперницы: «Быват, так отпоют, что даже уходит, убежит» (Шар, Столбцкое); «Соперница наветки давала, пела. Вот ты ей какую частушку напеваешь, она слушает, заплачет да и пойдёт» (Шар, Печенкино). Победительница уверена в своей силе: «Отбивай, подруга, друга, Тебе с ним не совладеть. На твои колени сядет – На меня будет глядеть» (Шар, Плосково). Победе пострадавшей стороны может воспрепятствовать только большая острота и убедительность ответных частушек. Ср.: «Умение “отпеться” высоко оценивается обществом» [4. С. 143].

Удивительно, что носители народной культуры истолковывают исполнение наветок как не обидную форму выяснения отношений в сравнении с личным разговором: «Вроде поют – и не обидно. В глаза-то обидно будет. Парень слушает, молчит уж, виду не показывает, вывод сделает» (Шар, Плосково). Вряд ли носитель городской культуры может согласиться с тем, что скрытый от чужих ушей упрек обиднее, чем открытое публичное выступление. Не случайно участники экспедиции, формулируя дефиницию для слова *наветка*, подчеркивали, напротив, кажущееся им очевидным свойство частушки – быть «обидной для адресата», исходя из своего понимания наветки как жанровой разновидности частушек. В толковании частушки информантами как не обидной формы сообщения-намека нам видится точка пересечения традиционной этики и народной эстетики. В восприятии представителя деревенской культуры взаимодействие может быть прямым и опосредованным: грубость прямого, предельно ясного обвинения противопоставляется неопределенности, неясности очертаний намека: «Наветки пели. Как вроде критикуешь, но не прямым текстом. Наветки были

про подружек-супостаток: “У милёночка одиннадцать, Двенадцатая я. Скоро всех он перелюбит, Будет очередь моя”» (Ник, Байдарово). Песенно-игровая форма, вероятно, ощущается как плоскость искусства, отличная от плоскости бытовых взаимодействий, т. е. интуитивно точно осознается символичность художественной формы – жанра частушки. Элемент сценической театрализованности сообщает частушечному изложению личной драмы неличный характер, обобщенность, опосредованность, помещает индивидуальное в контекст повторяющегося в жизни разных людей, обеспечивая дистанцию между личным и общественным, внутренним и внешним. Иначе говоря, частушки, отражающие тип любовного конфликта достаточно прямо, именуются *наветками* (т.е. намеками), поскольку эти тексты характеризуются прагматической соотнесенностью собственной, личной жизненной истории поющего с типовой ситуацией, обобщенной на определенном уровне и подвергнутой эстетическому закреплению.

Содержание *наветки* как разновидности песенного жанра весьма условно можно определить по основному значению этого слова, которое формулируется диалектными словарями как ‘нарек, предостережение’ [7. Т. 19. С. 153]. Песенные *наветки* имеют мало общего с той трактовкой *намека*, которая представлена в литературном языке (*нарек* ‘слово, выражение, в котором не полностью высказывается мысль, но дается возможность догадаться о том, что имеет в виду говорящий, пишущий’ [8. Т. 7. С. 326], ‘слова (а также жест, поступок), предполагающие понимание по догадке’ [9. С. 386]), хотя информанты и заявляют о том, что в частушках содержатся намеки: «Навётки давали. Я чего-то знаю про тебя, буду всяким примерам говорить, штёб не обидеть: “Если делом не поверишь, Я на песнях выпую!”» (Ник, Полежаево). Приведенный контекст дополним записанным от этого же информанта частушечным диалогом:

– Задюшевная товарка,
Знаю новость про тебя.
Не хочу тебе рассказывать,
Расстраивать тебя.
– Задюшевная товарка,
Говори, не бойся.
Если суженые есть,
Гуляй, не беспокойся.
– Задюшевная товарка,
Начинаю говорить.
У тебя духаня Миша (Петя и др.),
Он уж хочет изменить.
– Ну и пусть он изменяет,
Миша-ягодиночка.
Но и он не расцветёт,
Повянет, как травиночка (Ник, Полежаево).

Куплеты, как видим, содержат недвусмысленную информацию, которая вовсе не нуждается в расшифровке и будет понята всеми слушателями. О конкретной адресности частушечного текста свидетельствует упоминание имен, событий, высказываний, узнаваемых деталей одежды (*голубая рубаха*–

ка, серые глаза), места, где живет возлюбленный (далёко, недалёко), и подобных частностей: «Полюбила недалёко, Недалёко и идти. Только под гору да в гору Ручеёчек перейти» (Шексн, Сизьма); «Хорошо, да и не больно Подалёку с дролей жить. Нету вести никакие. Письмецо одно лежить» (Шексн, Дубки); «Поиграй повеселее Веселее этого. Ваши серые глаза Любила из-за этого» (Гряз, Погиболово); «Сенокосила, косила, Шевелила валики. Сероглазого милашку Забываю навеки» (Шексн, Починок); «Сероглазая залёточка, Глазами не води! Ты сама неладно сделала, А сказала: “Не ходи!”» (Шар, Плосково); «Изменил мне ягодинка, Думал, что на выгоду. Полно, серенькие глазки, Я чёрные найду» (Шар, Плосково). Для понимания таких намеков, т. е. «для вывода информации из буквального смысла текста», слушающему вовсе не требуются «нетривиальные мыслительные операции» [10. С. 465].

Частушка с намеком – это условное не прямое театрализованно-песенное действие, заданное традицией, которое заменяет выяснение отношений один на один. Привязкой к конкретной любовной истории служит в большей степени персонификация исполнителя или исполнительницы, чем текстовые детали. Благодаря этому свойству частушки поются многократно, повторяются на разных территориях и всякий раз несут сообщение о частном случае вечного сюжета – «любовного треугольника». Именно поэтому информанты редко говорят о том, что частушка сочиняется, – она обычно воспроизводится. Собственно намеком и является не столько инсценирование или упоминание детали, по которой слушатели должны восстановить весь смысл, всю ситуацию, сколько применение «старой», известной частушки к «новым» отношениям. Частушка – идеальная неиндивидуализированная форма изложения личной информации. Под общеизвестным куплетом маскируется личное, и маскировка эта в силу привязки текста к поющему весьма условна, поскольку в деревенской общине всё обо всех известно.

Условие исполнения частушек с намеками в замкнутом коллективе, каким является молодежь одной деревни, объясняет отсутствие подобного явления в городской культуре, где любовная частушка утрачивает способность выразить намек на конкретную личную историю, так как слушатели не могут соотнести содержание частушки с определенной парой или любовным треугольником. Именно поэтому «любовное» содержание частушки само по себе не может служить основанием ее отнесения к типу «наветка»: намек как социально-коммуникативная стратегия реализуется исключительно при условии адресного исполнения любовной частушки внутри микроколлектива, а в прочих обстоятельствах пение таких частушек имеет развлекательную функцию и не оказывает влияния на отношения и роли людей, образующих социальную группу.

Наветка же содержит намек в том его варианте, который А.Н. Баранов обозначил как «регулярный намек», т. е. «легко вычисляемый, реконструируемый» (*прозрачный намек, прямой намек, обычный намек, открытый намек, явный намек, несомненный намек, недвусмысленный намек, грубый намек*), противопоставленный по параметру тривиальности / нетривиальности «истинному», или «сложному», намеку [1. С. 451–452].

Характеризуя намек как способ косвенного информирования, И.М. Кобозева и Н.И. Лауфер называют в числе его основных мотивов такой:

«...буквальное выражение некоторого смысла может быть расценено как поступок, нарушающий те или иные социальные нормы» [10. С. 463]. В приложении к исполнению наветок это утверждение означает, что в деревенском крестьянском социуме публичная апелляция к мнению общины и обнародование изменения состояния любовных отношений в своей возрастной группе составляют социальную норму.

Исполнение наветок «встроено» в систему «общественного (общинного) реагирования».

Во-первых, мотивом к вступлению в песенный поединок может быть переданный кем-либо и дошедший до ушей девушки или парня слух об измене милого или возлюбленной. Сплетни оказывают в малом социуме весьма ощутимое влияние на общественное мнение. В этой «системе оповещения» и зарождается конфликт: межличностное становится предметом наблюдения и обсуждения в общине.

Во-вторых, показателем сам факт обращения человека, испытывающего любовные страдания, к обычаю как выработанному народной традицией инструменту воздействия, желание заручиться поддержкой окружающих. Сознанию современного городского жителя такая установка незнакома. Личные неудачи скорее будут скрыты от чужих глаз, чем вынесены на всеобщее обозрение – даже в песенно-игровой форме. Однако в деревенском социуме взаимодействие влюбленных опосредовано общиной. По верному замечанию С.Б. Адоньевой, исполнение частушки «не является свободным действием: к нему принуждают нормы традиционного поведения в группе», «придя на беседку, девушки и парни должны плясать и петь, а следовательно, высказываться на тему своих отношений» [4. С. 160].

В-третьих, намерение исполнителя *наветки* заключается в обнародовании знания о слухе и публичном ответе. Ср.: «Частушка – публичная форма оповещения о том, кто и с кем в качестве милого / милой и кто кому соперник в группе на данный момент, чьи любовные отношения обществу следует считать недействительными, кто считает себя “свободным”, кто – “занятым”» [Там же. С. 156]; «Предмет частушечных сообщений – оглашение распределения отношений между членами молодежного сообщества» [Там же. С. 145]. Личное и общинное, тайное и явное балансируют здесь так же, как предполагаемое и достоверное (поющий часто «авторизует» информацию, указывая на то, что узнал об измене от кого-то другого, помещая этот факт посередине между правдой и вымыслом). Межличностные отношения и «общественные» не образуют два разных плана коммуникации, они не сосуществуют параллельно, а сливаются, переплетаются и оказывают взаимную поддержку. Личные отношения выносятся на игровую сцену, но за форматом плясовой песни и игровых перепевов скрыта апелляция к мирскому суду. Исполнитель, если он сторона страдающая, вызывает к общине как хранительнице норм одобряемого и порицаемого, надеется на ее соучастие безвинно обиженному и честному: «Обнародование личного – чувства, оценки, потребности – призывает публику в свидетели, вручая сообществу право контролировать, ратифицировать, одобрять или осуждать» [Там же. С. 179]. Соответственно, «супротивник» или «супостатка», отвечая на обвинение или намеренно, с вызовом зате-

вая игровое пение, прилюдно заявляет право и готовность пойти против мнения общины, любить вопреки, невзирая на свою неправоту.

Роль адресата *наветки* определяет коммуникативную функцию рассматриваемой разновидности жанра. С одной стороны, частушка обращена к сопернице («супостатке»), с другой – она исполняется с учетом того, что все слышит возлюбленный, стоящий тут же, среди присутствующих, а третью сторону представляет публика, принадлежащая той же возрастной группе, и свидетели из числа старших членов общины, соседей, поскольку частушки исполнялись во время гуляний молодежи по улицам деревни. Ср: «Обязательная публичность частушки предполагает, что у нее есть и “прямой адресат” / слушатель, на кого непосредственно направлено сообщение-текст, и “коллективный адресат” – аудитория, которой предлагается “авторский” взгляд на события»; «<исполнитель частушки> делит ответственность за сказанное с коллективом» [6. С. 38–39]. Публичная частушечная перебранка имеет своим предметом репутацию: «Стяжание “славы” – социальная задача девушки и парня, ибо “слава” – то, что она или он вынесут из этого возрастного сообщества в следующее – взрослое, то что в значительной степени определит возможность членов этой группы стать хозяевами (брак) и их позицию в среде хозяев» [4. С. 154]. *Наветка* как жанровая разновидность частушек, таким образом, имеет назначение не развлекательное, а глубоко прагматическое, связанное как с тактическими рокировками на сцене складывающихся предбрачных отношений в молодежной среде, так и с реализацией стратегических задач приобрести и закрепить за собой в будущем доминирующие позиции в своей социальной среде, доказать свою состоятельность.

О происхождении слова *наветка*

Обратимся к самому слову *наветка*. Каково его происхождение? На первый взгляд здесь нет проблемы: *наветка* кажется образованием от лит. *навет* ‘наговор, ложное обвинение’, восходящего к праслав. **navěť*, образованному от **navětiti* ‘наговаривать, клеветать’ [11. Т. 19. С. 229–230], которое, в свою очередь, выводит на глагол **větiti* ‘говорить, оповещать’ [12. С. 46–47] (в гнездо этого глагола входят слова *вече*, *завет*, *обет*, *ответ*, *привет*, *совет* и др. [Там же. Т. 7. С. 67]). Но версия относительно связи с *наветом* встречает два возражения.

Во-первых, слово *навет* трактуется в словарях современного русского языка как книжное, что несколько ослабляет возможность появления у него диалектных производных.

Во-вторых (и это главное возражение), в русских говорах наряду с формой *наветка* отмечается и *наведка* (СРНГ считает последнюю форму основной, помещая оба слова на алфавитное место *наведки* [7. Т. 19. С. 153]). В значении ‘намеки, предостережение’ слова отмечены в следующих говорах: амур., арх., волгогр., вят., забайк., казан., костр., краснаяр., морд., моск., перм., прибайк., пск., сарат., свердл., твер., тобол., том., р. Урал, яросл. [13. Т. 2. С. 475; 14. Т. 19. С. 250; 15. Т. 5. С. 26; 16. Т. 2. С. 8; 17. Ч. 1. С. 577; 7. Т. 19. С. 153; 18. Т. 2. С. 320; 19. Т. 2. С. 159]). При этом *т* и *д* могут стоять не только в слабой позиции – перед *к*, но и в сильной, в формах *наведочка* и *наветочка*: волог., перм., пск. фольк. *наведочку* (*наветочку*), *наветочки да-*

вать ‘намекать на что-л.’: «Послушай, ягодка, припевочки, Подруженька поет; В припевочках миленочку Наведочку дает» (пск.) [7. Т. 19. С. 153; 14. Т. 19. С. 250]. В нашем полевом материале форма *наветочка* отмечена 4 раза, а *наведочка* – 2; ср. примеры: «Надушёная товарка, Не давай *наветочек*! Мне и так проходу нету От твоих соседочек!» (К-Г, Маслово); «*Наведочку* дала, что парень изменил» (Шар, Рождественское).

Конечно, при потере этимологических связей варьирование *д* // *т* возможно, но какую форму считать первичной? Есть аргументы в пользу того, чтобы трактовать так именно *наведку*, для которой в этом случае следует предположить связь с глаголом *ведать* ‘знать’. Эта версия вполне состоятельна в плане словообразования, поскольку есть *навёдки* с другими значениями, в составе которых корень *вед-* выделяется весьма убедительно: пск., твер., сев.-двин. ‘посещение, наведывание кого-либо’¹, костр., сев.-двин. ‘узнавание чего-либо, наведение справок о чем-либо’: «Сделай *наведку*, там ли он» [7. Т. 19. С. 153]; можно напомнить и о слове с другой приставкой – *разведка*. Что касается семантики, то здесь сложнее: в гнезде глагола *ведать*, кажется, нет значений, связанных с наговорами, клеветой и проч. (см.: [12. Т. 6. С. 162–166]).

Изучая формы на *д*, можно выдвинуть и другое предположение – о связи *наведок* с глаголом *навести* (*наводить*). На это наталкивает приведенная выше формулировка одного из значений *наведки*: ‘узнавание, наведение справок о чем-л.’. Глагол *навести* семантически «подходит» нам больше, чем предыдущий, поскольку среди его значений есть такие: арх. ‘наговаривать’, пск., твер. ‘клеветой смущать кого-либо’, арх. ‘напеть’ [7. Т. 19. С. 172], ср. также мурман. *навести сплетни* ‘насплетничать’, костр. *наводить на обман* ‘провести, обмануть’ [Там же]. В русском просторечии есть слово *наводка* (от *наводить*), которое, как и *наведка*, часто употребляется в сочетании *давать наводку* ‘дать какой-либо ориентир’. В истории русского языка у слова *наводка* было важное для нас значение – ‘ложное обвинение, донос’ [20. Т. 10. С. 36]; фиксируется также интересное сочетание, актуализирующее связь глагола и образованного от него существительного: *навести наводку на кого-л.* ‘донести на кого-л.’ [Там же]. Будучи убедительной с точки зрения семантики, эта версия слабее предыдущей в плане словообразования: в гнезде глагола *вести* (*водить*) существительные с суффиксом *-к-* имеют корневое *о* (*наводка, проводка, обводка* и т. п.), а не *е*.

Итак, предположения о первоначальной связи *наветок-наведок* с *ведать* или *вести* встречают возражения. Несмотря на них, ЭССЯ включает интересующие нас *наветки-наведки* в значении ‘нарек, предостережение’ (среди других значений этих слов) в гнездо **navědъ* [11. Т. 23. С. 222], считая их, таким образом, связанными с *ведать* ‘знать’.

Однако, как нам кажется, стоит вернуться к версии относительно происхождения этого слова от *навет* и поискать дополнительные аргументы в ее пользу. Они обнаруживаются в истории русского языка. Интересующее нас слово отмечается в источниках с XVII в.: *навѣтка* ‘наущение, подстрека-

¹ Ср. также новг., твер. *наведы* ‘посещение роженицы ее подругами, знакомыми, родственниками’ [7. Т. 19. С. 154].

тельство, козни', 'косвенное обвинение, намек, поучение обиняками': «Кошку бьют, а невѣстке навѣтки дают» (Симони. Пословицы. XVII в.) [20. Т. 10. С. 32]. Словари, фиксирующие лексику XVII–XIX вв., не дают форм с *д*. При этом иллюстративные контексты позволяют судить о том, что *наветка* встречалась за пределами «высокого штиля» речи. Так, большинство контекстов XVIII в., представленных в [21. Т. 13. С. 140; 22; 23. Т. 1. С. 1036], несут на себе черты разговорной языковой стихии: это отрывки из комедий Е.Р. Дашковой и Я.Б. Княжниной, из письма М.В. Ломоносова. О «народности» этого слова свидетельствует и его пословичное употребление: приведенная выше пословица о невестке и кошке из сборника Симони отмечена (с вариациями) в «Словаре Академии Российской», в словаре В.И. Даля и в ряде современных диалектных словарей (в статьях на слово *наветка*).

Таким образом, *наветка* с момента самых ранних своих словарных подтверждений была народно-разговорным словом, что говорит об органичности фиксации его в говорах. С точки зрения семантики предположение о его производности от *навета* выглядит вполне убедительным, ср. *навѣт* 'навет, наговор, клевета', 'наущение, подстрекательство', 'тайные враждебные умыслы и действия, козни, посягательства', 'нападение, вылазка, удар (?)' [20. Т. 10. С. 31–32]; значение 'клевета' отмечено и у наших вологодско-костромских *наветок*: «Я на тебя наговорила что-то плохое, пустила сплетню, наветку» (Ник., Большой Двор). Сам *навет*, воспринимаемый сейчас как слово «высокого штиля», раньше не был сугубо книжным: к примеру, в словаре В.И. Даля фиксируются паремии «Конь не без навета<укора>», «Одному вред – всем навет» [24. Т. 2. С. 390], в псковских говорах есть *навет* 'плохое качество чего-либо, порок' [14. Т. 19. С. 263]. Что касается формальной стороны этой версии, то ее подкрепляют другие слова, представляющие собой фонетически и словообразовательно убедительные производные от *навета*, которые имеют также и явную смысловую связь с ним и с *наветками*: *навѣтник* 'наводник, смутник, наговорщик, клеветник' [23. Т. 1. С. 1035–1036], *навечать*, *наветовать*, *наветничать*, *наветить* 'наговаривать, наклеветать, обносить кого, взводить напраслину' [24. Т. 2. С. 390] и др. Глагол *навечать* представлен в наших костромских записях, при этом информант осознает его родство с *наветкой*: «Наветку какую дашь. В лицѣ не скажут, а наветкой выразят. Навечают мне» (Шар, Бухалкино).

Фиксация формы *навечать* (а не **наведать*, **наведывать* etc.) – сильный аргумент (в ряду других) в пользу того, чтобы подкорректировать позицию составителей ЭССЯ: по нашему мнению, слово *наветка* 'нарек' производно не от *ведать* 'знать', а от *навета*, – и входит тем самым в гнездо *вет-* со значением говорения. В этом случае формы типа *наведочка* следует объяснять как деэтимологизацией, так и вторичным сближением с *ведать* или *наводить*, которое вызвано формально-смысловым сходством слов.

Как было показано выше, в народной культуре личностный намек закономерно проходит «горнило» опосредования в социуме и облекается в символическую форму. Соответственно, *наветка* становится термином народной песенной (и шире – символической) культуры (частушка с намеком или предметный знак, выражающий социальное осуждение). Это значение слова, отмеченное пока только в восточных районах Вологодской и Костромской

областей, наверняка имеет более широкое распространение (это еще предстоит выяснить). С другой стороны, значимость самого рассматриваемого явления определяет обилие способов лексического воплощения представлений о намеках в системе русских говоров. Об этом следующий раздел данной статьи.

Основные мотивы, реализующиеся в русской диалектной лексике со значением намека

Полный семантико-мотивационный анализ русских диалектных слов со значением намека мог бы быть представлен в отдельной (и немалой по объему!) работе. В данной статье мы выбрали лишь наиболее характерные примеры, чтобы обозначить основные мотивационные линии, реализуемые в изучаемой лексике.

▪ Намек может быть обрисован в рамках ситуации **коммуникации**. Это в первую очередь неполноценная коммуникация, причем неполноценность может трактоваться в «количественном» ключе, когда намек подается как «полуречь» или «недоречь»: арх., новг., свердл. *полурече* 'намеки, недомолвки' («Начисто сказывай: да иль нет? А то все полуречье ведешь») [7. Т. 29. С. 161], костром. *недомолком* 'не вполне ясно; намеком' («Недомолком молвил он — и все-таки все поняли, на что он намекал») [Там же. Т. 21. С. 26], ср. также общенар. *недомолвка* 'умолчание о чем-нибудь существенном, недоговоренность', волог. *недомолка* 'недомолвка, недоговорка' [Там же]¹. Гиперболизация этой линии приравнивает речь с намеками к немоте и использованию мимики вместо слов: курган. *немтовать* 'объясняться намеками' [Там же. С. 87], краснодар. *говорить на пантамны* 'говорить намеками' [Там же. Т. 25. С. 199]. Что касается качественного аспекта речи с намеками, то она может рисоваться как невнятное бормотание, ср. ворон. *мормонуть* 'сказать, напомнить, намекнуть' [7. Т. 18. С. 268], волог., латыш., эст., олон., зап.-брян., пск., твер. *мормотать* 'бормотать', пск., твер. *мормотень* 'о том, кто говорит неясно, неразборчиво' [Там же]. Такая речь сродни эху, отголоску, — если верно то, что терск. *райком* 'стороной, обиняком, хитростью' («Я к нему райком, прямо спросить не посмел») [Там же. Т. 34. С. 86] можно соотнести с нижегор. *райко* 'эхо, отголосок', нижегор., яросл., заурал. *райко* 'гулко, звучно, отдаваясь эхом', б/у места *райкий* 'звучный, гулкий, отголосистый' [Там же].

Намеки надо раскрывать, расшифровывать — и образ такой расшифровки представлен в костр., яросл. *говорить (баять) под титлами* 'говорить с намеками, загадочно, не договаривая' («Ты баешь под титлами» (костр.)) [Там же. Т. 44. С. 139]. Этот образ апеллирует к старописьменной практике постановки надстрочного титла над сокращенно написанным словом. Любопытно и такое выражение, как горьк. *принцами говорить* 'говорить намеками, недомолвками, неясно' («Его скоро-то не поймешь, он принцами говорит») [Там же. Т. 31. С. 319]. Вероятно, слово *принц* — диалектная модификация литературного *принцип*, которая отражает представление о «заумности» речи

¹ Интересно, что и сам глагол *молвить*, имевший изначально семантику «полноценного» говорения, может получить (возможно, «бриколажем» от *недомолвок*) значение речи с намеками: твер. *молвиться* 'намекать' («Он молвился приехать к нам, хоть и не говорит впрямь») [7. Т. 18. С. 214].

со всякими «принципами»¹. Ассоциацию «заumnости» и «недоступности» простому сознанию, возможно, усиливает и вторичное притяжение к «сказочному» слову *принц*.

В рамках «коммуникативной» мотивационной стратегии, реализующейся в изучаемой лексике, следует рассматривать и такие глаголы, которые подчеркивают сигнально-ориентирующую роль намека: перм. *надмаячить* 'намекнуть' («Она мне надмаячила, что собиралась ехать, а ему ничо не сказала») [7. Т. 19. С. 238], сев.-двин. *надтакнуть* 'поощрить, посоветовать, намекнуть' [Там же. С. 253], юж. *натякивать* 'намекать' [Там же. Т. 20. С. 244]. Эта же логика лежит в основе слов с корнем *мет-*, которому в данном случае необходимо приписать значение 'метить': сев.-двин. *надмётка* 'намек' [Там же. С. 239]; волог. *надмётток* [15. Т. 5. С. 34], волог., новг., пск., твер. *намётка* 'намек' [7. Т. 20. С. 36; 2], ряз. *намётки намётывать* 'намекать на что-л.' [Там же. С. 36].

▪ Ситуация намека, безусловно, включает и когнитивную, **интеллектуальную** составляющую, по логике которой *намекнуть* = «надоумить». Здесь следует привести как общенародное *намек*, так и диалектные слова с корнем *мек-*: пенз., влад. *мекать* и симб. *мекать* (удар.?) 'знать кое-что, намекаль' («Все испугались. Третий товарищ возьми да мекни: – Здеся, – гри, – убили одну женщину») [Там же. Т. 18. С. 94], амур. *надмёк* 'намек' [Там же. С. 238], сев.-двин., арх., ср.-урал. *надмекать* 'намекать' («Надмекал мне, да я не поняла») [Там же]; перм. *надомекать* 'намекать' («Ну, надомекают часто, что сын плохо держит») [Там же. С. 245]; смол. *помёкать* 'сделать намеки, намекнуть на что-л.' [Там же. Т. 29. С. 203]. Производящим является, очевидно, глагол *мекать* в значении 'думать, соображать', широко распространенный в русских говорах (ср.-урал., нижегор., твер., костр., новг., вят., перм., казан., сарат., пенз., ряз., тул., волог., влад., ворон.) [7. Т. 18. С. 94].

▪ Ситуация намека может изображаться как **перемещение в пространстве**. Намек предстает как «обходной маневр», при этом используются образы кругового движения, изгиба. Идея непрямого (кругового) движения проявлена в урал. *обаполом* (удар.?) 'не прямо, обиняком' («Да ты говори уж лучше прямо, а то подъезжать обаполом – зря только время терять»), образованного от урал. *обаполом* 'кругом, не прямо (ехать)' [Там же. Т. 21. С. 349]. Тот, кто намекает, не говорит прямо, а «колесит» вокруг содержания речи: б/у места *колесить* 'говорить намеками, обиняками' [Там же. Т. 14. С. 126], б/у места *околёсица* 'обиняк, намек', волог. (в знач. сущ.) *околёсная* 'уклончивый, с намеками разговор', волог. *околёсный* 'уклончивый, с намеками (о разговоре)' («Сперва начнет околесными разговорами речь доводить, да и доведет так, что и не рад, да дослушивай») [Там же. Т. 23. С. 138]. Корень *кол-* 'круг' представлен и в ворон. *окольность* 'речь, разговор стороной, обиняком, намеком' («Что ты, земляк, без дела несешь какую-то окольность непонятную, а настоящего дела не говоришь») [Там же. С. 147]. Мотиву кругового движения близок мотив отклонения, уклонения, который представлен общенародным словом *обиняк* 'намек, недомолвка', его диалектными deriva-

¹ О том, что слово *принцип* попадает в говоры в качестве вторичного заимствования, свидетельствует хотя бы орл. *ставить принцип* 'упорствовать, упрямиться' [7. Т. 31. С. 319].

тами и фразеологизмами с его участием: б/у места *обинячить* ‘говорить обиняками’ («Тут нечего маячить: не велят обинячить <пословица>») [7. Т. 22. С. 63], колым. *закидывать обиняка́ (обиняки́)*, заонеж., олон., колым. *обиняка́ми накидывать* ‘намекать на что-либо, говорить намеками’ (*Закинуть обиняка; Все обиняками накидывал*) [Там же], пск *говорить обоняко́м* ‘говорить обиняком’ [Там же. С. 171]. Слово *обиняк* родственно устар. *обинуясь* ‘колеблясь’, которое входит в гнездо глагола **obvinǫti* (к гл. **viti*), имеющего первоначальное значение ‘обвить, обвязать’, далее ‘уклониться’; сходная модель представлена в паре глаголов *крутить* и *выкрутиться* [25. С. 536].

В описываемый ряд можно поставить и лексемы, во внутренней форме которых образно воплощен признак изгиба – коленом или клюкой: арх. *колéно* ‘наме́к’ [7. Т. 14. С. 124], арх. *заклю́ка* ‘иронический наме́к на что-л.’, арх. *говорить с заклю́ками, заклю́ки заги́бать* («Он мне-ка все заклю́ки загибал, да я уж терпел»), волог. *закоклю́чина* ‘острое, едкое словцо; наме́к’ [Там же. Т. 10. С. 134, 140].

Другой поворот пространственной образности отражен в словах, в мотивировке которых заложена идея перемещения объекта (направленного или разнонаправленного) – кидания, махания: моск. *наки́дывать* ‘наме́кать’ [Там же. Т. 19. С. 318], твер., ворон. *закі́дки* ‘наме́ки’ («Сам бы он не заговорил: какие-нибудь закидки были и с ее стороны», «Наконец, разными закидками стал спрашивать, кто он и откуда») [Там же. Т. 10. С. 123]; костр. *пома́хнуть* ‘сказать о чем-л., наме́кнуть на что-л.’ («Я знаю, куды ты собираешься: по грибы – и не помахнет») [Там же. Т. 29. С. 201].

Итак, в рамках ситуации перемещения в пространстве намекающий субъект предстает движущимся к своей цели не прямо, а по кругу, уклоняясь, изгибами, а собственно наме́к изображается как некий перебрасываемый от говорящего к слушающему предмет. Отсюда можно сделать переход к следующей мотивационной группе, в рамках которой описывается воздействие наме́ка на слушателя.

Наме́к может трактоваться как своеобразное **физическое воздействие** – как правило, **деформирующего** или **раздражающего** свойства. Наме́к приравнивается к деформации поверхности – нанесению зазубрин, колупанию, ковырянию: арх. *зazúбра* ‘о язвительном наме́ке’ (*Что ни слово, то зазубра*) [Там же. Т. 10. С. 98]; твер., калин., смол. *подколу́пывать* ‘поддевать, колоть кого-л. в разговоре (насмешливым замечанием, наме́ком и т.п.), придира́ться к кому-л.’ [Там же. Т. 28. С. 42]; разг. *подковырка* ‘стремление поддеть, уколоть кого-либо в разговоре (насмешливым замечанием, наме́ком и т.п.)’, омск. *на подковы́р (говорить)* ‘с насмешливым наме́ком, с подковы́ркой’ («Ей люди-то все на подковы́р говорят, век глаза колют за сына-то») [Там же. Т. 28. С. 39], твер. *подковы́рить* ‘поддеть, уколоть кого-либо в разговоре (насмешливым замечанием, наме́ком и т.п.)’ [Там же], свердл. *подковы́рничать* ‘придира́ться, язвить, колоть кого-л. (насмешками, наме́ком и т.п.), подсмеиваться’ («Всё бы ты, подковырка, подковы́рничал») [Там же]. Наме́к сродни прокалыванию, «гвождению»: разг. *подкалывать* ‘уязвлять каким-либо колкими замечаниями, наме́ками’, влад. *забо́йка* ‘наме́к, ирония’

[Там же. Т. 9. С. 262], влад., перм. *загвóздка* 'язвительное слово, замечание, намек' [Там же. С. 359].

Действие прокалывания может быть жалящим, обжигающим: волог. *стрекáть* 'указывать на что-либо, делая намек' («Нечего стрекать-то, я сам не с двух по пятому, понимаю») [7. Т. 41. С. 309], смол. *настрýкать* 'сказать не прямо, а намеками; намекнуть' («Я не стерпела, в разговоре ей настрýкала») [Там же. Т. 20. С. 200], – от простореч., диал. *стрекать* 'колоть, обжигать чем-л. колющим, жгущим' [8. Т. 14. С. 1020–1021; 7. Т. 41. С. 308]¹.

Другого рода раздражающее действие – дерганье: новг., твер., перм. *поддёргивать* 'делать обидные намеки на чей-л. счет, высмеивать' («Худого я тебе, братец, не сделал: к чему же ты меня поддергиваешь?») [7. Т. 27. С. 388]. Возможно, сюда же рост. *смыкану́ть* 'намекнуть кому-л. на кого-, что-л.' [Там же. Т. 39. С. 72], если иметь в виду связь этого глагола с юж. *смыкну́ть* 'дернуть, щипнуть что-л.' [Там же. С. 73].

Очевидно, в группе обозначений намеков, производных от обозначений деформирующих действий, следует рассматривать и пск., твер. *попíчки* (мн.) 'колкости, упреки, намеки' («Попички в глаза») [Там же. Т. 29. С. 317]. Это слово родственно общенародному *пичкать*, которое является производным на *-kati* от гл. **pičati* / **pičiti*, связанного с **pikati* (блр. *пикаць* 'совать в лицо, в нос', болг. *пикнам* 'засунуть, запихнуть', макед. *пика* 'класть во что-н., набивать', словен. *pikati* 'жалить, колоть') [25. С. 646]. Данное гнездо широко представлено в говорах – и, возможно, слово *попички* продолжает значения вят., коми, сиб. *пíчка* 'тискать, мять, давить', костр. 'толкать' [7. Т. 27. С. 59]. От этих слов нельзя оторвать пск., твер. *спíчка* 'колкий намек' [Там же. Т. 40. С. 153]; пск., твер. *ставить, запустить спíчку, спíчки кому-либо* 'сделать обидный намек кому-либо' («Что ты мне спички ставишь, на себя посмотри») [Там же]. Очевидно, слово *спичка* 'намек' образовано в гнезде *пичк-*, но с возможным притяжением к общенародному *спичка*, которое производно от *спица* (с точки зрения семантики такое притяжение мотивировано остротой и «колкостью» этих орудий).

Выделенные мотивы, относящиеся к коммуникативной, интеллектуальной, пространственной сфере, а также сфере физического воздействия, рисуют сложный и многогранный сценарий намека. Намек предстает как целостное, но внутренне поляризованное действие: не случайно, к примеру, в пространственной образности совмещаются мотивы обходного, окольного движения и резкого «переброса» намека от говорящего к адресату; такая же диалектика наблюдается при изображении намека как акта коммуникации, где «недоречь», «полуречь» соседствует с императивно-сигнальным «маяченьем» с помощью намека-попрека. Воссозданный сценарий дополняет картину, полученную нами при анализе *наветки* как жанровой разновидности частушек.

¹ Здесь можно вспомнить и общенар. *подстрекать* 'побуждать к чему-либо (обычно плохому, неблагоприятному)'; о его происхождении из диал. *стрекать* 'колоть, жалить' см. [25. С. 675].

В заключение несколько слов о своеобразии представленного лексического и текстового материала, репрезентирующего семантику намека, в контексте той диалектной среды, в которой он функционирует.

Коммуникативная тактика намека представляет собой одну из своеобразных черт традиционной народной культуры. Это следует из особенностей концептуализации представлений о сущностной основе намека во внутренней форме диалектных слов, служащих его обозначением, а также из коммуникативного контекста, сопровождающего исполнение частушек, называемых *наветками*.

Частушечное состязание соперничающих в любви – феномен уникальный, характерный для крестьянской деревенской культуры в силу следующих причин:

– обстоятельств его организации: частушечный агон такого рода имеет смысл только в условиях малой общины, поскольку от собравшихся ожидается, что они знают исполнителей *наветок* и дела их сердечные, становясь участниками действия на правах общественных арбитров и свидетелей, фиксирующих акты сохранения либо перераспределения ролей влюбленных в своей возрастной группе;

– этнокультурных установок, лежащих в основе обращения к тактике намека: обнаружение любовных отношений опирается на «встроенное» в сознание диалектоносителя представление о неразрывности связи между личным и общинным и о норме вызывания к общественному суду, т.е. вовлечения общины в регулирование личных взаимосвязей.

Наветка как жанровая разновидность частушек реализует прагматические установки:

(1) на ментальное действие соотнесения содержания частушки, текст которой обычно не придумывается, а воспроизводится, с определенными лицами из числа присутствующих во время исполнения частушек, т.е. на ментальное действие догадки, отсюда использование в таких частушках лексем интеллектуальной сферы – *догадается*, *хиточка* ‘внимание, соображение, толк’: «Нам наветки напевают, Можно в хиточку не взять. Не в одной деревне жили, Где же кажду песню знать?» (Шар, Бухалкино). Концептуальная основа намека как указания на участников гуляний имеет решающее значение для оформления рассматриваемого феномена – частушечных агонов как коммуникативных акций, значимых для малого замкнутого коллектива;

(2) на не прямой характер межличностного взаимодействия между субъектами «любовного треугольника» («Не прямо говорит, а дает наветки, намеки, предупреждает, загадывает вперед (Ник, Байдарово)), т.е. на опосредованность коллективом, поскольку в личное разбирательство намеренно вовлекается община с ее правом знать положение дел и судить о нем, выражать порицание или одобрение.

Исполнить *наветку* означает переложить часть своих ожиданий и требований к поведению кого-либо на общину, которая должна принудить ответчика к «правильным, нравственным» отношениям. *Наветок* как коммуникативного феномена не было бы, если бы для этого не было прочного основа-

ния в виде социокультурной платформы, которая, в частности, включает в себя признание участниками коммуникации – жителями русской деревни – социорегулятивной роли общины.

«Пикировки» наедине друг с другом ощущаются носителем традиционной культуры как остро конфликтные ситуации, а потому нежелательные, не позволяющие сохранить достоинство: «Сошлись две женщины и одна другой наветки давала. Знает штё-то про тебя и дает наветки, штё знает, а в глаза не выскажёт» (Ник, Борок); «Свекровка ругает дочку, а снохе наветку дает, чтоб делала хорошо» (Шар, Берзиха); «Пришла и давай мне наветки давать, поругались мы с ей, как в грязи вымазала» (К-Г, Нижняя Ентала).

Приведенные контексты, обнаруживающие возможность употребления слова *наветка* вне традиций исполнительства, объективируют роль слова *наветка* в представлении не только особого символического любовного кода народной культуры, но и специфической социально-коммуникативной стратегии, характерной для деревенского сообщества. Эта стратегия отражена и в иных, нежели слово *наветка*, лексических репрезентациях идеи намека. Как говорилось выше, мотивационные модели, воплощенные в лексике намека, рисуют его как внутренне поляризованное действие, что согласуется с прагматическим своеобразием рассмотренного фольклорного жанра.

Список сокращений районов

Вохом – Вохомский район Костромской области
Гряз – Грязовецкий район Вологодской области
К-Г – Кичменгско-Городецкий район Вологодской области
Ник – Никольский район Вологодской области
Шар – Шарьинский район Костромской области
Шексн – Шекснинский район Вологодской области

Список сокращений

амур. – амурские говоры русского языка
арх. – архангельские говоры русского языка
болг. – болгарский язык
брян. – брянские говоры русского языка
б/у места – без указания места
влад. – владимирские говоры русского языка
волгогр. – волгоградские говоры русского языка
волог. – вологодские говоры русского языка
ворон. – воронежские говоры русского языка
вят. – вятские говоры русского языка
горьк. – горьковские говоры русского языка
диал. – диалектное
забайкал. – забайкальские говоры русского языка
зап.-брян. – западно-брянские говоры русского языка
заурал. – [записанное на территории] Зауралья
иркут. – иркутские говоры русского языка
казан. – казанские говоры русского языка
калин. – калининские говоры русского языка
колым. – колымские говоры русского языка
коми – коми-пермяцкие говоры русского языка
костр. – костромские говоры русского языка

краснодар. – краснодарские говоры русского языка
краснояр. – красноярские говоры русского языка
курган. – курганские говоры русского языка
латыш. – латышское: русские говоры на территории Латвии
ленингр. – ленинградские говоры русского языка
лит. – литературное
макед. – македонский язык
морд. – мордовское: русские говоры на территории Мордовии
моск. – московские говоры русского языка
мурман. – мурманские говоры русского языка
нижегор. – нижегородские говоры русского языка
новг. – новгородские говоры русского языка
общенар. – общенародное
олон. – олонечские говоры русского языка
омск. – омские говоры русского языка
орл. – орловские говоры русского языка
пенз. – пензенские говоры русского языка
перм. – пермские говоры русского языка
праслав. – праславянское
прибайк. – прибайкальские говоры русского языка
простореч. – просторечное
пск. – псковские говоры русского языка
р. Урал – русские говоры, записанные по реке Урал
разг. – разговорное
рост. – ростовские говоры русского языка
ряз. – рязанские говоры русского языка
сарат. – саратовские говоры русского языка
свердл. – свердловские говоры русского языка
сев.-двин. – северо-двинские говоры русского языка
сиб. – сибирские говоры русского языка
симб. – симбирские говоры русского языка
смол. – смоленские говоры русского языка
словен. – словенский язык
ср.-урал. – среднеуральские говоры русского языка
твер. – тверские говоры русского языка
терск. – терские говоры русского языка
тобол. – тобольские говоры русского языка
том. – томские говоры русского языка
тул. – тульские говоры русского языка
урал. – уральские говоры русского языка
фольк. – фольклорное
эст. – эстонское: латышское: русские говоры на территории Эстонии
юж. – южные говоры русского языка
яросл. – ярославские говоры русского языка

Литература

1. Баранов А.Н. Лингвистика намека // Язык как материя смысла: сб. ст. к 90-летию академика Н.Ю. Шведовой / отв. ред. М.В. Ляпон. М., 2007. С. 443–461.
2. *Картотека* Словаря говоров Русского Севера (Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б.Н. Ельцина, кафедра русского языка и общего языкознания).
3. *Лексическая картотека* топонимической экспедиции (Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б.Н. Ельцина, кафедра русского языка и общего языкознания).

4. Адоньева С.Б. Прагматика фольклора. СПб.: Изд-во С.-Петербург. ун-та: Амфора, 2004. 312 с.
5. Агапкина Т.А. Этнографические связи календарных песен : встреча весны в обрядах и фольклоре восточных славян. М.: Индрик, 2000. 334 с.
6. Эмер Ю.А. Частушка как народная рефлексия ценностной системы // Вестн. Том. гос. ун-та. 2008. № 313. С. 39–42.
7. Словарь русских народных говоров. М.; Л., 1965. Вып. 1.
8. Словарь современного русского литературного языка: в 17 т. М.: Наука; Л.: Изд-во АН СССР, 1948–1965. Т. 1–17.
9. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. 4-е изд. М.: Азбуковник, 1999. 944 с.
10. Кобозева И.М., Лауфер Н.И. Об одном способе косвенного информирования // Изв. АН СССР. Сер. лит. и яз. 1988. Т. 47, № 5. С. 462–470.
11. Этимологический словарь славянских языков: Праславянский лексический фонд. М., 1974. Вып. 1–.
12. Аникин А.Е. Русский этимологический словарь. М., 2007. Вып. 1.
13. Малеча Н. М. Словарь говоров уральских (яицких) казаков. Оренбург, 2002–2003. Т. 1–4.
14. Псковский областной словарь с историческими данными. Л., 1967. Вып. 1–.
15. Словарь вологодских говоров. Вологда, 1983–2007. Вып. 1–12.
16. Словарь донских говоров Волгоградской области. Волгоград, 2011.
17. Словарь русских говоров на территории Республики Мордовия. СПб., 2013. Ч. 1–2.
18. Словарь русских говоров Сибири. Новосибирск, 1999–2006. Т. 1–5.
19. Словарь русских говоров Среднего Урала. Свердловск, 1964–1987. Т. 1–7.
20. Словарь русского языка XI–XVII вв. М., 1975. Вып. 1.
21. Словарь русского языка XVIII века. Л., 1984. Вып. 1.
22. Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]. URL: <http://ruscorpora.ru/>
23. Словарь Академии Российской (1789–1794). М., 2001–2005. Т. 1–6.
24. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. 2-е изд. СПб.; М., 1880–1882 (1989). Т. 1–4.
25. Толковый словарь русского языка с включением сведений о происхождении слов / отв. ред. Н.Ю. Шведова. М., 2007.

HINT IN DIALECT LINGUOCULTURAL ENVIRONMENT: FOLKLORE GENRE AND LEXICAL REPRESENTATIONS OF THE NOTION

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology. 2017. 47. 5–27. DOI: 10.17223/19986645/47/1

Elena L. Berezovich, Ural Federal University named after the First President of Russia B.N. Yeltsin (Yekaterinburg, Russian Federation). E-mail: berezovich@yandex.ru

Tatyana V. Leontyeva, Russian State Vocational Pedagogical University (Yekaterinburg, Russian Federation). E-mail: leotany@mail.ru

Keywords: ethnolinguistics, hint, ditty, *navetka*.

The article discusses the pragmatic and semantic-motivational peculiarities of functioning of words that express the notion of hint in the linguistic and cultural environment of Russian folk dialects. Main attention is paid to the word *navetka* recorded by the members of the Toponymic Expedition of the Ural Federal University named after the First President of Russia B.N. Yeltsin in Kostroma and Vologda regions. On the one hand, the word *navetka* is a term of folk song culture: it denotes a folk genre: ditties “with a catch”. On the other hand, the word *navetka* is functioning out of the folk context as the designation of a hint. This word has an uncertain primary motivation, the clarification of which allows to reveal the specifics of people’s ideas about “indirect speech”. The article completes the following tasks: determines the linguopragmatic features of the genre *navetka* in Russian dialectal environment; identifies the primary motivation (etymology) of the word *navetka*; characterises the main motivational features of the other dialect words denoting hint. A new etymological solution is suggested: the word *navetka* ‘hint’ derives from the word *navet* rather than from the word *vedat* ‘to know’, and thereby it is included into the word family of *vet-* with speech meanings. The authors pay special attention to the facts of the language system which share the same meaning ‘hint’ as the word *navetka*.

The semantic and motivational analysis of Russian dialectal words with the meaning of hint showed a number of motivational models. For example, within the situation of moving in space the hinting subject appears to be moving towards its goal not directly, but in a circle, dodging, by curves, and hint actually is depicted as an object moving from the speaker to the listener. In addition, hint can be interpreted as a kind of a physical impact, typically with deforming or irritating properties. Ethno-cultural features of the studied vocabulary are commented, predetermined by the socio-regulative way of the village community. It is proved that the communicative tactics of hint is one of the fundamental features of traditional folk culture. This follows from the peculiarities of conceptualization of ideas of the ontological basis of hint in the inner form of dialect words that denote it, and from the communicative context, accompanying the performance of ditty called *navetka*. The ditty contest between rivals in love is a unique phenomenon, characteristic of peasant culture because of the circumstances of its organisation and ethno-cultural attitudes that underlie the appeals to the tactics of a hint. The performance of ditties of this kind makes sense only in a small community because the audience is expected to know the performers and their relations, to play the role of public arbitrators and witnesses, fixing the acts of preservation or redistribution of the roles of lovers in their age group. Disclosure of romantic relationships relies on the dialect speaker's ideas of the continuity of the connection between personal and communal and on the norm of calling to the public court, the involvement of the community in the regulation of personal relationships. To perform *navetka* means to shift some of expectations and requirements for behaviour of someone in the community, which is to force the defendant to the "right, moral" relations.

References

1. Baranov, A.N. (2007) Lingvistika nameka [Linguistics of a hint]. In: Lyapon, M.V. (ed.) *Yazyk kak materiya smysla: sbornik statey k 90-letiyu akademika N. Yu. Shvedovoy* [Language as a matter of meaning: a collection of articles for the 90th anniversary of Academician N.Yu. Shvedova]. Moscow: Azbukovnik.
2. Ural Federal University named after the first President of Russia B.N. Yeltsin, Department of the Russian language and general linguistics. (n.d.) *Kartoteka Slovaryay gorov Russkogo Severa* [The card file of the Dictionary of the dialects of the Russian North].
3. Ural Federal University named after the first President of Russia B.N. Yeltsin, Department of the Russian language and general linguistics. (n.d.) *Leksicheskaya kartoteka toponimicheskoy ekspeditsii* [Lexical card file of the toponymic expedition].
4. Adon'eva, S.B. (2004) *Pragmatika fol'klor* [The Pragmatics of Folklore]. St. Petersburg: St. Petersburg State University; Amfora.
5. Agapkina, T.A. (2000) *Etnograficheskie svyazi kalendarnykh pesen: vstrecha vesny v obryadakh i fol'klore vostochnykh slavyan* [Ethnographic links of calendar songs: greeting of spring in the rites and folklore of the Eastern Slavs]. Moscow: Indrik.
6. Emer, Yu.A. (2008) Chastushka kak narodnaya refleksiya tsennostnoy sistemy [The chastushka as folk reflection of the value system]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 313. pp. 39–42.
7. Filin, F.P. (1965) *Slovar' russkikh narodnykh govorov* [Dictionary of Russian folk dialects]. Vol. 1. Moscow; Leningrad: Nauka.
8. Chernyshev, V.I. (ed.) (1948–1965) *Slovar' sovremennogo russkogo literaturnogo yazyka: v 17 tomakh* [Dictionary of the modern Russian literary language: in 17 volumes]. Moscow: Nauka; Leningrad: USSR AS.
9. Ozhegov, S.I. & Shvedova, N. Yu. (1999) *Tolkovyy slovar' russkogo yazyka* [Explanatory Dictionary of the Russian Language]. 4th ed. Moscow: Azbukovnik.
10. Kobozeva, I.M. & Laufer, N.I. (1988) Ob odnom sposobe kosvennogo informirovaniya [On one method of indirect informing]. *Izvestiya AN SSSR. Seriya literatury i yazyka*. 47:5. pp. 462–470.
11. Trubachev, O.N. (ed.) (1974) *Etimologicheskiy slovar' slavyanskikh yazykov: Praslavyanskiy leksicheskiy fond* [Etymological dictionary of Slavic languages: The Proto-Slavic lexical fund]. Vol. 1. Moscow: Nauka.
12. Anikin, A.E. (2007) *Russkiy etimologicheskiy slovar'* [Russian etymological dictionary]. Vol. 1. Moscow: Rukopisnye pamyatniki Drevney Rusi.
13. Malecha, N.M. (2002–2003) *Slovar' govorov ural'skikh (yaytskikh) kazakov* [Dictionary of dialects of the Ural (Yaik) Cossacks]. Vols 1–4. Orenburg: Orenburgskoe knizhnoe izdatel'stvo.

14. Larin, B.I. et al. (ed.) (1967) *Pskovskiy oblastnoy slovar' s istoricheskimi dannymi* [Pskov regional dictionary with historical data]. Vol. 1. Leningrad: St. Petersburg State University.
15. Panikarovskaya, T.G. (ed.) (1983–2007) *Slovar' vologodskikh govorov* [Dictionary of the Vologda dialects]. Vols 1–12. Vologda: Vologda State Pedagogical University.
16. Kudryashova, R.I. (ed.) (2011) *Slovar' donskikh govorov Volgogradskoy oblasti* [Dictionary of Don dialects of the Volgograd region]. Volgograd: Izd-vo VGIPK RO.
17. Mikhaleva, T.V., Semenkova, R.V. & Chikina, L.K. (2013) *Slovar' russkikh govorov na territorii Respubliki Mordoviya* [Dictionary of Russian dialects on the territory of the Republic of Mordovia]. Vols 1–2. St. Petersburg: Nauka.
18. Fedorov, A.I. (ed.) (1999–2006) *Slovar' russkikh govorov Sibiri* [Dictionary of Russian dialects of Siberia]. Vols 1–5. Novosibirsk: Nauka.
19. Vovchok, P.A., Kostina, N.P. & Matveev, A.K. (ed.) (1964–1987) *Slovar' russkikh govorov Srednego Urala* [Dictionary of Russian dialects of the Middle Urals]. Vols 1–7. Sverdlovsk: Ural State University.
20. Barkhudarov, S.G. (ed.) (1975) *Slovar' russkogo yazyka XI–XVII vv.* [Dictionary of the Russian language of the 11th–17th centuries]. Vol. 1. Moscow: Nauka.
21. Sorokin, Yu.S. (ed.) (1984) *Slovar' russkogo yazyka XVIII veka* [Dictionary of the Russian language of the 18th century]. Vol. 1. Leningrad: Nauka.
22. The National Corpus of the Russian Language. [Online] Available from: <http://ruscorpora.ru/>.
23. Bogatova, G.A. (ed.) (2001–2005) *Slovar' Akademii Rossiyskoy (1789–1794)* [Dictionary of the Russian Academy (1789–1794)]. Vols 1–6. Moscow: MGI im. E. R. Dashkovoy.
24. Dahl, V.I. (1880–1882) *Tolkovyy slovar' zhivogo velikorusskogo yazyka* [Explanatory dictionary of the living Great Russian language]. 2nd ed. Vols. 1–4. St. Petersburg; Moscow: Tip. M.O. Vol'fa.
25. Shvedova, N.Yu. (ed.) (2007) *Tolkovyy slovar' russkogo yazyka s vkluycheniem svedeniy o proiskhozhdenii slov* [Explanatory dictionary of the Russian language with the inclusion of information on the origin of words]. Moscow: Azbukovnik.

УДК 81'42

DOI: 10.17223/19986645/47/2

С.В. Волошина

РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ КОНЦЕПТА «СИБИРЬ» В АВТОБИОГРАФИЧЕСКИХ РАССКАЗАХ ТОМСКИХ КРЕСТЬЯН¹

В статье рассматриваются представления томских крестьян о Сибири как о доме, месте ссылки или переселения на материале автобиографических рассказов. Тексты исследуются с позиции теории речевых жанров и лингвокультурной концептологии, выявляются понятийный, образный и ценностный слои концепта «Сибирь». Сибирь в анализируемых автобиографических рассказах – это не только уникальный географический регион с определенными климатическими условиями и историей, но и факт автобиографии людей.

Ключевые слова: автобиографический рассказ, речевой жанр, концепт, Сибирь.

Автобиографические тексты – один из популярных объектов современных гуманитарных исследований (исторических, психологических, антропологических, социологических, филологических: литературоведческих и лингвистических, философских и др.). Кроме определения жанрово-стилистических особенностей [1, 2], специфики автобиографической памяти [3, 4], они рассматриваются с целью выявления и получения сведений об отдельном человеке, группе людей, объединенных какими-либо интересами, профессией, территорией [5] и т.п. На материале личных историй изучается история региона, страны в целом [6]. Интересным представляется и обратное – влияние последних на жизненный путь отдельного человека, группы людей. В этом смысле значимым является исследование отражения пространства в эго-текстах. Такой вопрос рассматривается исследователями в основном на материале художественных автобиографических произведений [7–9]. Важным видится включение в автобиографические исследования регионального компонента. Можно отметить активно развивающуюся сибирскую лингвистическую мемуариистику. Это подтверждается увеличением числа написанных на сибирском материале статей [10–13] и мн. др., диссертационных [14, 15] и монографических работ [16, 17], докладов на конференциях [18, 19].

В данной работе на региональном материале анализируется пространство как концептуальная составляющая речевого жанра автобиографического рассказа. Исследуются 44 текста устных рассказов и записок автобиографического характера, опубликованные в книге «Как мы жили: воспоминания и устные свидетельства томских крестьян» [20], вышедшей в 2014 г. в Издательстве Томского государственного университета.

Авторы текстов – коренные сибиряки, а также люди, переселившиеся или сосланные в Сибирь (из Алтайского края, Саратовской области, с Украины и

¹ Работа выполнена при поддержке Российского научного фонда (проект № 16-18-02043 «Культура русского народа в диалектном языке и тексте: константы и трансформация»).

др.). Время рождения – первая половина XX в. (1911–1952 гг.). У некоторых информантов переселенцами (из Белоруссии и т.д.) были родители.

В текстах отражается не только жизнь их авторов, но и многие факты из истории страны, коснувшиеся их или их семей лично: коллективизация, репрессивная политика государства, период Великой Отечественной войны. В книге содержатся «живые, непосредственные свидетельства крестьян, чаще всего о повседневной жизни, об окружавшей действительности» [20. С. 7].

Выявление исторических фактов, достоверных сведений (в том числе о пространстве) в исследуемых автобиографических текстах – отдельная проблема. С одной стороны, как отмечает Р. Деккер, автобиография всегда субъективна и всегда имеет художественную сторону [21]. С другой стороны, составители книги указывают на то, что многие информанты сообщали искажённые данные о месте рождения или проживания (в связи с неоднократными изменениями административно-территориального устройства Западной Сибири) [20. С. 11]. В информационном сопровождении текстов отмечаются некоторые погрешности в рассказах авторов: возможная недостоверность некоторых сведений, умалчивание информации.

Исследуемые тексты мы относим к речевому жанру автобиографического рассказа. Речевой жанр рассматривается в работе как «относительно устойчивый композиционный, тематический и стилистический тип высказываний» [22. С. 428] и «поле реализации определенного спектра социальных ценностей и основанных на них лингвокультурных концептов» [23. С. 43].

Речевой жанр – это своеобразный способ отражения мира и его фрагментов. Как показывает материал, в фокусе внимания авторов исследуемых текстов оказываются не только базовые понятия, репрезентирующие речевой жанр автобиографического рассказа (жизнь, семья, работа), но и жизнь определенного пространства, социума.

Так, автобиографические рассказы томских крестьян являются полем реализации концепта «Сибирь» – одного из жанрообразующих для исследуемых текстов, считающегося лингвокультурным, представляющим для носителей русского языка особую ценность [24]. Однако этот концепт вписывается в более широкий контекст – в концепт «Пространство». Мы считаем данный концепт жанрообразующим на основании того, что он проявляется в любом тексте речевого жанра автобиографического рассказа, поскольку человек не может находиться вне пространства, он помещает в него свою жизнь, в его рамках «происходит осмысление авторами событий, себя, окружающего мира» [9. С. 3]. Представление жизненного пути человека от рождения до момента создания автобиографического рассказа сопровождается сообщениями о пространстве, в котором происходило или происходит то или иное событие, проходит этап жизни. Например, авторы дают информацию о месте рождения, обучения, проживания и т.д.: *«Родилась 6 июня 1924 года в деревне Мура Шегарского района»*; *«...моё босоное детство прошло в этой деревне»*; *«...потом отец вызвал нас, но там мы не прижились и вернулись опять в Сибирь, в Томскую область»*; *«Родители приехали в Сибирь из [Европейской] России еще до моего рождения»*; *«В 1934 году пошла в школу в деревне Тызырачево»* и т.д. Сибирь в текстах предстаёт как особое пространство, наде-

ленное определёнными характеристиками и оценками, факт автобиографии людей.

Как отмечает Ю.С. Степанов, концепты существуют в сознании (в ментальном мире) человека, и тот «пучок» представлений, понятий, знаний, ассоциаций и переживаний, которые сопровождают слово, и есть концепт [25. С. 43]. Таким образом, схожие представления о Сибири, переживания, ассоциации у разных информантов позволяют нам определить, как репрезентируется исследуемый концепт в автобиографических рассказах. Для этого мы выявляем понятийный, ценностный и образный слои концепта «Сибирь», но их выделение условно, поскольку, с одной стороны, они синкретичны и взаимосвязаны. С другой стороны, сложность выделения слоёв концепта обусловлена сферой его функционирования: в речевом жанре автобиографического рассказа в большей степени представлено повествование о жизни информантов, чем о Сибири. Это сказывается на репрезентации исследуемого концепта: преобладании понятийного и ценностного компонентов.

Понятийный слой концепта – это варианты его обозначения, описания, признаковая структура, дефиниция, сопоставительные характеристики по отношению к тому или иному концепту [26. С. 107]. Так, понятийный слой концепта «Сибирь» реконструируется нами на основе анализа репрезентирующих его лексем и данных контекста.

Среди единиц, вербализующих исследуемый концепт и определяющих его название, выделяется лексема *Сибирь*. План выражения концепта представлен также лексическими единицами, идентифицирующими сибирское пространство: *тайга, лес, мороз, снег, ссылка и др.*, топонимами: *Томская область, Подгорное, Чаинский район, Обь и др.*, словами, употребление которых характерно для Сибири: *тимы, стайка, обласок, забережник, колба и т.п.*

Многие из названных единиц, репрезентирующих концепт «Сибирь», приводятся и в Русском ассоциативном словаре в качестве реакций к слову-стимулу «Сибирь»: «тайга, холод, матушка, снег, холодная, далеко, лес, зима, каторга, мороз, большая, большая деревня, валенок, великая, восточная, высылать, гадость, ГУЛАГ, далекая, декабрист, декабристы, Есенин, жуть, как Родина, Колыма, Красноярск, крыша, лагерь, матушка Сибирь, мох, наказание, не хочу, необъятная, непокоренная, нефть, обширная, пейзажи, Пушкин, работа, родная, Россия, тайна, тоже русская земля, Тюмень, тюрьма, холодно, чукча» [27. С. 156]. В данных ассоциациях отражаются топонимический, этнокультурный, аксиологический, территориальный, климатический, ментально-психологический аспекты семантики лексемы «Сибирь».

Подобные реакции проявляются в представлении образа Сибири в разных типах дискурса. Так, при исследовании лексемы «сибиряк», реализуемой в диалектном дискурсе, выявлено, что «на первый план выдвигаются топонимический, этнокультурный, лингвистический аспекты её семантики. В художественной и публицистической литературе в зону осмысления попадают аксиологический и ментально-психологический компоненты» [10. С. 90]. Анализ стереотипных представлений о Сибири в медиапространстве Томска и Северска показал, что они в основном сводятся к следующим темам: природно-климатические особенности Сибири, географические размеры, геогра-

фическая отдаленность, экономическая и социальная неразвитость, природные ресурсы и богатства Сибири, Сибирь как культурное пространство, пространство науки, инноваций, новых идей [28].

Как показало наше исследование, многие из этих ассоциаций находят отражение и в нашем материале.

В анализируемых текстах Сибирь предстаёт:

– с одной стороны, как пространство дома: *Мое босоное детство прошло в этой деревне. Так как кругом был лес, болота, то летом было очень много комаров, мошек, одним словом, всяких кусачих насекомых. Зато везде – на улице, во дворе – летом зеленая трава, в лесу много ягод: малина, смородина, черемуха, клюква; Обычное питание это колобы – сваренная и замороженная картошка. Летом было легче, так как лес был и кормильцем, и домом. Варили крапиву, собирали ягоды и грибы. Так, отработала шесть зим.*

– с другой стороны, актуализируется административно-политическая составляющая концепта «Сибирь», представление её как места ссылки или переселения, чужого, неизвестного пространства, которое постепенно становится домом в результате освоения или его «присвоения»: *Так как жилья никакого не было, пришлось до лета жить у родственников, которые незадолго до нас приехали из Белоруссии. В начале лета семья переезжает в деревню Ново-Троицу Асиновского района. Здесь начинается строительство нового дома. Всё делали сами: заготавливали лес, покупали кирпич. В строительстве дома помогли и соседи. К осени дом был готов, небольшой, но тёплый; В Копыловке высадили всех на берег, и мы там жили месяц. Начались людские страдания: голод, болезни, смерть. Гнус не давал покоя; Как рассказывала моя покойная мать, в это время все стали переселяться в Сибирь целыми семьями. Ну и наши, не долго думая, тоже собрали вещи, детей и поехали; Во время, как мы шли в неизвестные края, придумали такое стихотворение...*

Можно отметить различное восприятие пространства местными и посланными в Сибирь людьми, оно окрашено разными коннотациями: это, в частности, проявляется в приведённых высказываниях о насекомых.

Разные места рождения информантов дают возможность увидеть речевую репрезентацию восприятия сибирского пространства изнутри и извне. Сибирь воспринимается и сибиряками, и переселенцами:

– как регион с суровыми климатическими условиями, в котором зима длится более полугода: *Один раз отправили на лесозаготовки в Чаинский район, еще за Подгорное – 38 километров. Это было 14 октября, везли на пароме. В ночь пошел сильный снег, потом пересадили на машину, везли до Подгорного, а там, на конях, до места. Снег так и не растаял. Начались морозы, и мы, нас было пятеро, 7 ноября сбежали. Восьмого числа шли через Обь, уже прошла шуга, холод стоял страшный; Ездил я на заготовки восемь зим, а весной лес сплавляли по Чулыму. Температура зимой доходила до 60 градусов мороза; Дорога предстояла очень длинная [из Белоруссии в Сибирь], да и погодные условия были не самые лучшие.*

– как зона рискованного земледелия: *В первый же месяц после начала войны, в июле 1941 года, ударил ранний мороз. Погибли посадки картофеля,*

картошку собрали – не крупнее грецкого ореха. Весь урожай оставили на семена.

В рассказах переселенцев отмечается, что это богатое природными ресурсами место: *Таким путём добрались до реки Чичка-Юл, здесь остановились, очень понравилось – была тайга, кедровый орех, разная ягода, много зверя, птицы, рыба...; В Первомайский район приехали уже весной, в 1941 году. А ехали мы на север, ища лучшей жизни, так как [знали]: там много ягод, пушнины.*

Для ссыльных место ссылки Сибирь – огромное пространство, тайга: *Одну баржу разгрузили, в том числе и нас, а остальных повезли дальше. Места по берегам реки Оби много, всем хватило; Сослали нас в тёмную тайгу, где не было ни хлеба, ни соли, не было где жить. Стали делать раскорчевку, вручную рубили лес, долго ставили колхозы. Его приходилось осваивать, в нём необходимо было обживаться, строить дома, деревни, адаптироваться к местным условиям: Гнусу было столько, что невозможно было открыть глаза, и, чтобы дети хоть немного поспали, матери пихтовыми лапами отмахивали гнус.*

Авторы рассказывают о Сибири как о многонациональном регионе: *У нас, в Галке, какой только нации не было: и грузины, и армяне, и цыгане, литовцы, эстонцы, азербайджанцы, и русские, и украинцы. В 1949 году в поселок стали привозить на ссылку литовцев, латышей...; К нам ссылали из Краснодара, из Ставропольского края, Ростовской области. Евреи были, привезли много семей как врагов народа. В 1937 г. взяли [т.е. арестовали] из двух семей трёх парней, латышей что ли.*

В этом смысле происходит постоянная актуализация оппозиции *свои / чужие*, которая в сибирском контексте проявляется в оппозициях *местные / ссыльные, местные / переселенцы, Сибирь / Россия*: *Их называли ссыльные. За что их ссылали, никто не знал, а они ничего не говорили; Большое спасибо коренным жителям, которые несмотря на все запреты властей, помогали нам все-таки и едой, и одежкой; Те колхозы, которые были из спецпереселенцев, они были более сильными, а колхозы местных жителей были намного слабее; Родители переехали в Сибирь из России еще до моего рождения.*

В рассказах репрезентируется и эмоциональное восприятие жизни ссыльных в Сибири, Сибирь как место смерти, горя: *Его [мужа] родители были сосланы в годы сталинских репрессий из Алтайского края. А в 1937 году забрали отца, мать осталась с тремя детьми. Несладко жилось в те годы семьям «врагов народа». Ссылка переживалась тяжело и физически, и морально: Те, у кого где-то были родственники, уезжали, они натерпелись столько горя, столько смертей насмотрелись; Посреди вековой тайги копали мы, оставшиеся в живых, землянки и остаток зимы доживали в них. Большое спасибо коренным жителям, которые, несмотря на все запреты властей помогали нам все-таки едой, и одежкой. **Тяжело мне всё это рассказывать, а еще тяжелей всё это было вынести.** Вместе с тем авторы отмечают и положительные моменты такой государственной политики: *А потом, когда всех сняли с комендатуры, с учета, часть уехала, но много осталось. Малая часть уехала. Не будь того времени, сейчас Сибирь была бы не освоена.**

В подобных контекстах находит отражение информация о физических качествах и социальных оценках сибиряков: *Был сильный дед, 60-килограммовый мешок сахара берет на плечо и 7 километров через болота, через тайгу несет на себе. Слабый мужичок не унесёт.* Такие оценки выражаются в высказываниях и с помощью повествований о жителях других регионов, оказавшихся в сибирских условиях: *Мать рассказывала: в то время в Тележинке (там поселок) много москвичей, ленинградцев, они не приспособлены были к работе. <...> Зимой морозы начались. Чего они? Сидят у костра. Утром смотрят: 2–3 человека мертвы.*

Сибирь репрезентируется авторами и через названия видов деятельности (лесозаготовка, лесосплав, лесоповал, лесоперевалка, торфоразработки и др.), промыслов, которыми занимались люди, через названия жилья, одежды, бытовых предметов: *В мае начинался лесосплав, и по месяцу, а то и больше жили на лесоповале. Не ездить на лесозаготовки было нельзя. За это судили; И занимался каждый, кто чем может: кто **рыбачил**, кто **охотился**, кто **ягоду** брал, кто **грибы**; До войны отец сам катал **валенки (пимы)**, а из шкур свиньи шил нам обувь; Я ходила в **чирках**, в починенных ботинках. Ноги мерзли. Придем в школу, садимся к печке-буржуйке и оттаиваем их, Наша деревня была за рекой, в 12 километрах от районного центра, в половодье можно только на лодке или **обласке** попасть.*

Автобиографические рассказы томских крестьян отражают историю сибирского края: *Затем нам сказали, что в другом месте лес тоньше и выкорчевывать его будет легче, и тогда нас перевезли туда. Там началось всё заново, опять стали делать землянки, а потом бараки. Так зародилась деревня Майск. В текстах содержится большое число сибирских топонимов, в том числе названий поселений, которых в настоящее время уже не существует: Я живу до сих пор в Новом Васюгане. <...> А моей деревни давным-давно нет.*

Образный слой концепта «Сибирь» слабо проявлен в располагаемых нами текстах речевого жанра автобиографического рассказа, поскольку метафорических моделей, репрезентирующих исследуемый концепт и включающих два компонента (единицу, называющую сферу-источник, и единицу, представляющую сферу-мишень: «Сибирь – это Х»), не представлено. Однако в исследуемом материале встречаются метафорические характеристики к единицам-репрезентантам концепта: *матушка Обь, страшный мороз*: *Нам, заречным, надо было в половодье ехать на лодке, а за рулевого была я, хотя управлять не умела, меня учили дети. Они гребли, а я рулила. Надо было переехать протоку, а затем **матушку Обь**.* Метафора родства *матушка Обь* появляется в рассказе информанта при повествовании о его жизни в Сибири спустя более десяти лет после ссылки. Это, скорее всего, свидетельствует об изменении восприятия этого пространства от чужого к родному, освоенному. Представление р. Оби в качестве матери, вписывание ее в систему «семейных отношений» подчёркивает ее высокую значимость в качестве источника питания, существования и т.п., восприятие Сибири как региона, богатого природными ресурсами. Метафорическое сочетание *страшный мороз* репрезентирует Сибирь как пространство, пугающее своими климатическими условиями. В этих образных определениях отражаются эмоциональное воспри-

ятие, чувства, возникшие у информантов при переселении, ссылке в Сибирь или во время жизни в этом регионе.

Ценностный слой концепта связан с понятийным и образным слоями, поскольку зависит от понимания Сибири как дома, места переселения или ссылки. Приведенные выше примеры показывают, что существуют полярные представления о Сибири, согласно которым она наделяется положительными и отрицательными характеристиками. Ценностный компонент исследуемого концепта включает утилитарные представления о Сибири как огромном пространстве со свободными землями, обладающем природными богатствами, которые можно использовать в качестве продуктов питания и материального источника: *Начали корчевать лес, пустили землю под сенокос, а потом и пахать стали, на полях сеять рожь, пшеницу, овес, просо, а это значит свой урожай, хлеб; Вот загружают все, что запасли, что добыли, что достали: орехи, грибы, ягоды, рыбу, мясо, глухарей. И это все везут в Томск. В Томске продают все, сдают в заготконторы, а оттуда везут все необходимое: мыло, соль, спички; Осень и зиму занимались охотой, сдавали пушнину купцам.* Ценностными характеристиками наделяется Сибирь в качестве дома, родины: *В 1937 году отец уехал в Кировский район, в поселок Сосновка, к себе на родину. Время было трудное. Потом отец вызвал нас, но мы там не прижились и вернулись опять в Сибирь, в Томскую область.* Переселенцы или сосланные в Сибирь среди ценностей отмечают положительные качества местных или оказавшихся в таких же условиях людей: *К зиме с помощью добрых людей мы слепили себе избушку, обмазали глиной и вошли в свой дом, В основном коренные жители – эвенки, раньше их называли остяки или тунгусы. Народ очень честный, гостеприимный, помогли в питании и научили, как надо добывать зверя, птицу, ловить рыбу.* Ценностный слой концепта «Сибирь» репрезентируется с помощью разнообразных оценочных лексем: *матушка Обь, невзгоды, добрые люди, гостеприимный, дружно и т.д.*

Таким образом, речевой жанр автобиографического рассказа влияет на репрезентацию концепта «Сибирь»: большую представленность его понятийного и ценностного компонентов. Концепт «Сибирь», в свою очередь, влияет на образование и воплощение речевого жанра, на реализацию коммуникативной стратегии самопрезентации: автобиографические рассказы томских крестьян отражают жизнь людей в ее постоянном пересечении с пространственными координатами. Пространство Сибири в этих текстах – это не только уникальный географический регион с определенными климатическими условиями и историей, но и факт автобиографии людей, проживающих здесь. В рассказах томских крестьян репрезентированы топонимический, географический, природно-климатический, исторический (административно-политический), этнокультурный, психологический компоненты концепта «Сибирь», в меньшей степени в отличие от других типов дискурса эксплицированы физические качества сибиряков, не представлены культурный и научный потенциал Сибири. В сопоставлении с дискурсом СМИ в большей степени проявляются представления о Сибири как о месте ссылки.

Литература

1. Савельева Е.Б. Образ автора в автобиографическом тексте // Учен. зап. Орлов. гос. ун-та. Сер.: Гуманит. и соц. науки. 2015. № 5. С. 169–172.
2. Голубева Т.И., Фирсова С.В. Повествование от первого лица как одна из основных лингвистических характеристик текстов автобиографий // Филологические науки: Вопр. теории и практики. 2015. № 6–2 (48). С. 65–68.
3. Нуркова В.В. Свершенное продолжается: Психология автобиографической памяти личности. М.: Изд-во УРАО, 2000. 320 с.
4. Ребрина Л.Н. Автобиографическая память как дискурсивный феномен (на материале немецкого языка) // Вестн. Ленингр. гос. ун-та им. А.С. Пушкина. 2014. Т. 1, № 4. С. 141–152.
5. Сабурова Т.А., Родигина Н.Н. «Первые люди в России»: сословная и профессиональная идентичность в мемуарно-автобиографической прозе русских литераторов XIX века // Вестн. Ом. гос. ун-та. 2015. № 1 (75). С. 152–155.
6. Шенк Ф.Б. «Я так устала быть перелетной птицей»: имперское пространство и имперское господство в автобиографии российской дворянки // Вестн. Южно-Урал. гос. ун-та. Сер.: Соц.-гуманит. науки. 2014. Т. 14, № 2. С. 40–50.
7. Рохлина Т.А. Вербальная репрезентация категории пространства в автобиографическом дискурсе (на материале романа Э. Хемингуэя «Праздник, который всегда с тобой») // Когнитивные исследования языка. 2015. № 21. С. 450–452.
8. Бибина И.В. Пространство и время в автобиографических романах В. Набокова [Электронный ресурс]: дис. ... канд. филол. наук М., 2003. 187 с.
9. Погодина Е.В. Специфика речевого функционирования категорий «пространство» и «время» в автобиографической прозе (на материале произведений М. Осоргина и И. Бунина): автореф. дис. ... канд. филол. наук. СПб., 2002. 16 с.
10. Демешкина Т.А. Славянский компонент в самоидентификации жителя Сибири // Русин. 2015. № 3 (41). С. 90–107.
11. Калиткина Г.В. «Стара, вот и рассказую всё...»: Дискурсивный корпус традиции и жанр «передача традиционной этики» // Вестн. Том. гос. ун-та. Филология. 2016. № 4 (42). С. 22–43.
12. Фельде О.В. Ангарский нарратив как объект исследования // Вестн. Том. гос. пед. ун-та. 2014. № 10 (151). С. 189–192.
13. Мамонова М.А., Веккесер М.В. Живая история в речевом жанре мемората // Человек и язык в коммуникативном пространстве: сб. науч. ст. 2015. Т. 6, № 6. С. 58–67.
14. Орлова Н.А. Речевой жанр «Мемуары» и его реализация в текстах носителей разных типов речевой культуры: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Омск, 2004. 18 с.
15. Волошина С.В. Речевой жанр автобиографического рассказа в диалектной коммуникации: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Томск, 2008. 26 с.
16. Лебедева Н.Б., Корюкина Е.А. Наивный автор как письменно-речевая личность: жанровый аспект. Кемерово: Изд-во КемГУ, 2013. 179 с.
17. Ностальгия по советскому. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2011. 514 с.
18. Бочмага М.Я. Сюжетно-композиционные особенности рассказов-воспоминаний труженников тыла и детей военных лет (на материале текстов рассказов-воспоминаний жителей Мотыгинского района Красноярского края) [Электронный ресурс] // Проспект Свободный-2016: Материалы Междунар. конф. студентов, аспирантов и молодых учёных, посвящ. Году образования в Содружестве Независимых Государств, 15–25 апреля 2016 г. Красноярск, 2016. URL: http://elib.sfu-kras.ru/bitstream/handle/2311/21572/russkiy_yazyk_v_raznyh_tipah_diskursa_tradicii_i_novacii.pdf?sequence=1 (дата обращения: 12.03.2017).
19. Смирнов Е.С. Способы и средства выражения оценки в рассказах о ссыльных и спецпоселенцах (на материале ангарских меморатов) [Электронный ресурс] // Проспект Свободный-2016: материалы Междунар. конф. студентов, аспирантов и молодых учёных, посвящ. Году образования в Содружестве Независимых Государств, 15–25 апреля 2016 г. Красноярск, 2016. URL: http://elib.sfu-kras.ru/bitstream/handle/2311/21572/russkiy_yazyk_v_raznyh_tipah_diskursa_tradicii_i_novacii.pdf?sequence=1 (дата обращения: 12.03.2017).
20. Как мы жили: воспоминания и устные свидетельства томских крестьян / публ. Н.М. Дмитриенко, Г.В. Шипилиной; науч. ред. Э.И. Черняк. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2014. 199 с.

21. Dekker R. Long-time developments in autobiographical writing in the Netherlands since 1500 // International Conference Autobiographical compositions in an international research field: People, texts, practices. Moscow, 2016.
22. Бахтин М.М. Проблема речевых жанров // М.М. Бахтин. Литературно-критические статьи. М., 1986. С. 428–473.
23. Слышкин Г.Г. Речевые жанры: перспективы концептологического анализа // Жанры речи: сб. науч. ст. Саратов, 2005. Вып. 4. Жанр и концепт. С. 34–50.
24. Литовкина А.М. Концепт «Сибирь» и его эволюция в русской языковой картине мира: от «Сибирских летописей» до публицистики В.Г. Распутина: автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2008. 20 с.
25. Степанов Ю.С. Константы: словарь русской культуры: 3-е изд., испр. и доп. М.: Академический Проспект, 2004. 992 с.
26. Карасик В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. Волгоград: Перемена, 2002. 477 с.
27. Русский ассоциативный словарь. Кн. 5: Прямой словарь: от стимула к реакции. Ассоциативный тезаурус современного русского языка. Ч. 3 / Ю.Н. Караулов, Ю.А. Сорокин, Е.Ф. Тарасов, Н.В. Уфимцева, Г.А. Черкасова. М.: ИРЯ РАН, 1998. 204 с.
28. Еришова В.Е. Образ жителя Сибири в медиапространстве Томска и Северска (на материале телевизионных выпусков и радиосообщений) // Вестн. Том. гос. ун-та. Филология. 2016. № 4 (42). С. 168–180.

REPRESENTATION OF THE CONCEPT “SIBERIA” IN AUTOBIOGRAPHICAL STORIES OF TOMSK PEASANTS

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology. 2017. 47. 28–38. DOI: 10.17223/19986645/47/2

Svetlana V. Voloshina, Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation).
E-mail: vsv1304@yandex.ru

Keywords: autobiographical story, speech genre, concept, Siberia.

The article describes the representation of the concept “Siberia” in autobiographical stories of Tomsk peasants. Material of the research are texts of oral stories and autobiographical notes published in the book *How We Lived: Memoirs and Oral Testimony of Tomsk Peasants*, published in 2014 in the publishing house of Tomsk State University.

The author refers the analyzed texts to the speech genre of autobiographical story and consider them in the context of the theory of speech genres and linguocultural conceptology. According to the latter, the speech genre is understood as a field of implementation of a certain variety of social values and linguoculturological concepts.

The concept “Siberia” is a concept that takes part in the formation of the speech genre. The concept is a multidimensional formation. The author identified the conceptual, figurative and axiological components of it. They are interrelated, and the complexity of their separation is determined by the sphere of the concept functioning: information about life is more represented in the speech genre of autobiographical story, than about Siberia. It is reflected in the representation of the concept and in the predominance of the conceptual and axiological components.

The authors of stories are native-born Siberians and people who moved or were exiled to Siberia. Therefore, Siberia is represented, on the one hand, as the space of the house. On the other hand, it is represented as a place of exile, migration, a strange vast space.

Siberia is perceived by Siberians and back settlers as a region with harsh climatic conditions, an area of risk farming, a multi-ethnic region. In the stories of back settlers Siberia is explicated as a resource-rich place.

The figurative component of the concept is poorly expressed, because there are no metaphorical models representing the concept and including both components: a unit for naming the sphere-source and a unit for the sphere-target “Siberia is X”. However, there are metaphorical characteristics of the concept representatives: *mother Ob (matushka Ob)*, *freezing cold* in the texts.

The axiological component of the concept includes a utilitarian idea of Siberia as a vast space, with free lands, with natural resources that can be used as a food and material source. Space of Siberia in the texts is not only a unique geographical region with a definite climate and history, but a fact of

autobiographies of people living here. Toponymical, geographical, natural-climatic, administrative, political, ethno-cultural and psychological components of the concept “Siberia” are represented in the stories of Tomsk peasants. Physical qualities of Siberians are less explicated in contrast to other types of discourse; cultural and scientific potential of Siberia is not represented in the texts. The conceptualization of Siberia as a place of exile is more represented in comparison with the mass media discourse.

References

1. Savel'eva, E.B. (2015) *Obraz avtora v avtobiograficheskom tekste* [The author's image in the autobiographical text]. *Uchenye zapiski Orlovskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye i sotsial'nye nauki*. 5. pp. 169–172.
2. Golubeva, T.I. & Firsova, S.V. (2015) *Povestvovanie ot pervogo litsa kak odna iz osnovnykh lingvisticheskikh kharakteristik tekstov avtobiografii* [First-person narrative as one of the main linguistic characteristics of autobiographical texts]. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki – Philological sciences. Questions of theory and practice*. 6–2 (48). pp. 65–68.
3. Nurkova, V.V. (2000) *Svershennoe prodolzhaetsya: Psikhologiya avtobiograficheskoy pamyati lichnosti* [The perfection continues: the psychology of the person's autobiographical memory]. Moscow: Izd-vo URAO.
4. Rebrina, L.N. (2014) *Avtobiograficheskaya pamyat' kak diskursivnyy fenomen (na materiale nemetskogo yazyka)* [Autobiographical memory as a discursive phenomenon (based on the German language)]. *Vestnik Leningradskogo gosudarstvennogo universiteta im. A.S. Pushkina*. 1:4. pp. 141–152.
5. Saburova, T.A. & Rodigina, N.N. (2015) “Pervye lyudi v Rossii”: soslovnaya i professional'naya identichnost' v memuarno-avtobiograficheskoy proze russkikh literatorov XIX veka [“The first people in Russia”: class and professional identity in the memoirs and autobiographical prose of Russian writers of the 19th century]. *Vestnik Omskogo universiteta – Omsk Scientific Bulletin*. 1 (75). pp. 152–155.
6. Schenk, F.B. (2014) “I am so tired of being a bird of passage”: imperial space and imperial rule in the autobiography of a Russian noblewoman. *Vestnik Yuzhno-Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Sotsial'no-gumanitarnye nauki – Bulletin of the South Ural State University. Social Sciences and the Humanities*. 14:2. pp. 40–50. (In Russian).
7. Rokhlina, T.A. (2015) *Verbal'naya reprezentatsiya kategorii prostranstva v avtobiograficheskom diskurse (na materiale romana E. Khemingueya “Prazdnik, kotoryy vsegda s toboy”)* [Verbal representation of the category of space in an autobiographical discourse (on the material of E. Hemingway's novel “A feast that is always with you”)]. *Kognitivnye issledovaniya yazyka*. 21. pp. 450–452.
8. Bibina, I.V. (2003) *Prostranstvo i vremya v avtobiograficheskikh romanakh V. Nabokova* [Space and time in the autobiographical novels of V. Nabokov]. Philology Cand. Diss. Moscow.
9. Pogodina, E.V. (2002) *Spetsifika rechevogo funktsionirovaniya kategoriy “prostranstvo” i “vremya” v avtobiograficheskoy proze (na materiale proizvedeniy M. Osorgina i I. Bunina)* [Specificity of the speech functioning of the categories “space” and “time” in autobiographical prose (based on the works of M. Osorgin and I. Bunin)]. Abstract of Philology Cand. Diss. St. Petersburg.
10. Demeshkina, T.A. (2015) Traits of the Slavic Identity in the Self-Identification of a Siberian Native. *Rusin*. 3 (41). pp. 90–107. (In Russian). DOI: 10.17223/18572685/41/7
11. Kalitkina, G.V. (2016) Old I am, so keep telling everything”: the discursive corpus of tradition and the genre “communication of traditional ethics”. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal of Philology*. 4 (42). pp. 22–43. (In Russian). DOI: 10.17223/19986645/42/3
12. Fel'de, O.V. (2014) *Angarskiy narrativ kak ob'ekt issledovaniya* [Angarsk narrative as an object of research]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta. – Bulletin of Tomsk State Pedagogical University*. 10 (151). pp. 189–192.
13. Mamonova, M.A. & Vekkesser, M.V. (2015) *Zhivaya istoriya v rechevom zhanre memorata* [A living history in the speech genre of the memorial]. In: *Chelovek i yazyk v kommunikativnom prostranstve* [Man and language in communicative space]. Vol 6:6.
14. Orlova, N.A. (2004) *Rechevoy zhanr “Memuary” i ego realizatsiya v tekstakh nositeley raznykh tipov rechevoy kul'tury* [The speech genre “Memoirs” and its realization in the texts of bearers of different types of speech culture]. Abstract of Philology Cand. Diss. Omsk.

15. Voloshina, S.V. (2008) *Rechevoy zhanr avtobiograficheskogo rasskaza v dialektnoy kommunikatsii* [The speech genre of an autobiographical story in dialect communication]. Abstract of Philology Cand. Diss. Tomsk.
16. Lebedeva, N.B. & Koryukina, E.A. (2013) *Naivnyy avtor kak pis'menno-rechevaya lichnost': zhanrovyy aspekt* [Naive author as a writing and speech personality: a genre aspect]. Kemerovo: Kemerovo State University.
17. Rezanova, Z.I. (ed.) (2011) *Nostal'giya po sovetskomu* [Nostalgia for the Soviet]. Tomsk: Tomsk State University.
18. Bochmaga, M.Ya. (2016) [The subject-composition features of stories-memories of workers in the rear and children of the war years (based on the texts of memories of the residents of Motygin-sky district of Krasnoyarsk Krai)]. *Prospekt Svobodnyy-2016* [Free Prospekt-2016]. Proceedings of the international conference. 15–25 April 2016. Krasnoyarsk: SFU. [Online] Available from: http://elib.sfu-kras.ru/bitstream/handle/2311/21572/russkiy_yazyk_v_raznyh_tipah_diskursa_tradicii_i_novacii.pdf?sequence=1. (Accessed: 12.03.2017). (In Russian).
19. Smirnov, E.S. (2016) [Methods and means of expressing evaluation in the stories about exiles and special settlers (on the material of the Angara memorials)]. *Prospekt Svobodnyy-2016* [Free Prospekt-2016]. Proceedings of the international conference. 15–25 April 2016. Krasnoyarsk: SFU. [Online] Available from: http://elib.sfu-kras.ru/bitstream/handle/2311/21572/russkiy_yazyk_v_raznyh_tipah_diskursa_tradicii_i_novacii.pdf?sequence=1. (Accessed: 12.03.2017). (In Russian).
20. Chernyak, E.I. (ed.) (2014) *Kak my zhili: vospominaniya i ustnye svidetel'stva tomskikh krest'yan* [How we lived: memories and oral testimonies of Tomsk peasants]. Tomsk: Tomsk State University.
21. Dekker, R. (2016) Long-time developments in autobiographical writing in the Netherlands since 1500. *International Conference Autobiographical compositions in an international research field: People, texts, practices*. Moscow: HSE.
22. Bakhtin, M.M. (1986) *Literaturno-kriticheskie stat'i* [Literary-critical articles]. Moscow: Khud. lit. pp. 428–473.
23. Slyshkin, G.G. (2005) Rechevye zhanry: perspektivy kontseptologicheskogo analiza [Speech genres: perspectives of conceptual analysis]. In: Dement'ev, V.V. et al. (eds) *Zhanry rechi* [Genres of Speech]. Vol. 4. Saratov: Kolledzh.
24. Litovkina, A.M. (2008) *Kontsept "Sibir'" i ego evolyutsiya v russkoy yazykovoy kartine mira: ot "Sibirskikh letopisey" do publitsistiki V.G. Rasputina* [The concept "Siberia" and its evolution in the Russian language picture of the world: from "Siberian chronicles" to the journalism of V.G. Rasputin]. Abstract of Philology Cand. Diss. Moscow.
25. Stepanov, Yu.S. (2004) *Konstanty: slovar' russkoy kul'tury* [Constants: Dictionary of Russian Culture]. 3rd ed. Moscow: Akademicheskii Prospekt.
26. Karasik, V.I. (2002) *Yazykovoy krug: lichnost', kontsepty, diskurs* [Language circle: personality, concepts, discourse]. Volgograd: Peremena.
27. Karaulov, Yu.N. et al. (1998) *Russkiy assotsiativnyy slovar'* [Russian Associative Dictionary]. Vol 5. Part 3. Moscow: IRL RAS.
28. Ershova, V.E. (2016) The image of Siberians in the media of Tomsk and Seversk (television and radio broadcasts). *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal of Philology*. 4 (42). pp. 168–180. (In Russian). DOI: 10.17223/19986645/42/13

УДК 81'42

DOI: 10.17223/19986645/47/3

Н.Н. Зильберман, Н.А. Мишанкина

«СОВЕТСКОЕ» В РЕФЛЕКСИИ ПОЛЬЗОВАТЕЛЕЙ ИНТЕРНЕТ-СООБЩЕСТВ

Статья посвящена сопоставительному анализу проявлений политической рефлексии в отношении «советского» периода пользователями интернет-сообществ (форумов и социальных сетей). Полученные из теоретических источников данные и результаты контент-анализа (на материале социальных сетей ВКонтакте, Одноклассники, Facebook) позволили выявить различия в понимании «советского»: тематические (социально-бытовые, культурные, политические) и аксиологические.

Ключевые слова: интернет-коммуникации, социальные сети, интернет-сообщества, политическая рефлексия, Советский Союз, советское.

Проблема исследования

Среда интернет-коммуникаций привлекает внимание исследователей как активно и бурно развивающееся социальное явление. Феномен «Интернет» занимает все большее место в жизни современного человека. Эта форма коммуникации возникла в 90-е гг. XX в. и быстро стала одной из наиболее востребованных: ежегодно численность пользователей «виртуального» пространства растет, а само пространство активно развивается и все больше областей «реальной» действительности вовлекаются в «виртуальность». Данные, представленные на портале «Интернет в России и в мире», показывают, что количество российских интернет-пользователей в 2016 г. составляло порядка 84 млн человек – 70,4% всего населения, а аудитория молодых пользователей достигает 97% [1]. Это говорит о том, что в настоящее время Интернет осмысливается как открытая коммуникативная среда, доступное и активно используемое социальное пространство со специфическими условиями общения. Соответственно, процессы, происходящие в современном обществе и жизни отдельного человека как представителя этого общества, находят отражение в новом коммуникативном формате, хотя при этом и подвергаются определенным трансформациям [2, 3]. Для ученых эта среда открывает новые возможности исследования социального (в том числе речевого) поведения в новых коммуникативных условиях [2–11]. Дискурсивные параметры интернет-коммуникации (виртуальный хронотоп, квазианонимность [10]) создают ощущение значительно большей социальной свободы, что способствует менее официальному поведению интернет-пользователей, в частности более открытому высказыванию своих взглядов.

В работе [4] все виртуальные интернет-топосы предлагается условно разделить на четыре класса: информационные, коммуникационные, развлекательные и инструментальные. Практически все исследователи отмечают, что наиболее ранними являются коммуникационные ресурсы – сеть Интернет возникла как первая коммуникационная среда, упростившая общение для

обитателей Силиконовой долины. Современные коммуникационные ресурсы Интернета разнообразны, к таковым относятся: почтовые сервисы, чаты и форумы, обслуживающие сферы общения разной степени официальности – от совершенно свободных площадок, до ресурсов, размещенных на сайтах официальных организаций. К этому же типу ресурсов можно отнести достаточно новое образование – социальные сети. Объединяет же все названные ресурсы такой параметр, как возможность свободного вхождения в коммуникацию. В этом случае выбор коммуникативного пространства и темы определяется личными предпочтениями пользователя, более того, пользователь сам имеет возможность задать топик и организовать коммуникацию. Именно поэтому можно говорить о стихийности этого типа коммуникации, а выявленные топики свидетельствуют о том, что интерес к определенной теме в этой коммуникативной среде не является навязанным внешними социальными структурами [10. С. 205–207].

Как уже говорилось выше, социальные сети, как форма интернет-коммуникации, достаточно позднее образование, хотя этот термин появился в 1954 г. в работе социолога Дж. Барнса для обозначения системы социальных коммуникаций, в которые включен каждый человек [12. Р. 43–44]. Спустя полвека эта метафора воплотилась в виде интернет-ресурсов онлайн-сервисов, предназначенных для неформального общения. От форумов и чатов социальные сети отличаются тем, что пользователь обязан пройти регистрацию и предоставить данные о себе. Как правило, пользователи социальных сетей, в отличие от участников чатов и форумов, представляются в рамках этого пространства своим настоящим именем, чтобы продолжить в виртуальном топосе свои реальные социальные контакты, но возможность квазианонимности сохраняется и в данном случае: пользователь имеет возможность создать ложный аккаунт. Кроме того, пользователь социальной сети может участвовать в различного рода сетевых сообществах – виртуальных группах по интересам. Исследование дискурса социальных сетей – одна из актуальных тенденций современной гуманитарной науки, в том числе лингвистики, о чем свидетельствует значительная исследовательская активность в изучении различных аспектов этого вида коммуникации [5, 13–17], в качестве примера можно назвать работы, посвященные анализу форм и особенностей политической коммуникации в сетях [7–8, 16–17].

В пестрой политической жизни современной России, в общественной и частной жизни россиян необычайно актуализирован феномен «советского». Интерес, возникший в начале нулевых как форма культурной иронии, как возможность включить семиотическую систему «советского» в новый культурный контекст, быстро приобрел характер массовой рефлексии, что, в свою очередь, получило отражение в рефлексии научной. Ученые-гуманитарии ответили на вызов общества серией междисциплинарных проектов, выполненных в рамках программы МИОН («Советская культура в современном социопространстве: трансформации и перспективы», «Ностальгия по советскому в социокультурном пространстве современной России»), они нашли отражение в монографических изданиях, объединивших исследователей из различных регионов [18–20]. Данные, представленные в монографиях, позволяют говорить о следующих причинах актуализации этой проблематики в

обществе: во-первых, национальное сообщество преодолело минимальную временную, историческую «дистанцию», когда раздражение и неприятие по отношению к предыдущему политическому строю сменилось любопытством и желанием рассмотреть этот уже далекий мир. Выросло поколение, родившееся и сформировавшееся в 90-е, в совершенно иной культурной среде и испытывающее естественный интерес к способам мироустройства, и в первую очередь к такому, в котором жили их родители. Русское общество оказалось в культурно-исторической ситуации, требующей рефлексии, необходимой для восстановления культурно-исторических связей, формирования культурно-исторической идентичности нового поколения русских. Поэтому интерес к феномену советского в историческом и культурном аспекте формируется совершенно естественным, стихийным образом как попытка культурно-исторической самоидентификации. Вторая причина – социально-политические изменения, происходящие в современной России и вызывающие недовольство современного россиянина, что заставляет его искать «лучшие» образцы жизни. И здесь, конечно, в качестве некоторого «золотого» времени, времени детства, юности, молодости, когда человек чувствовал себя защищенным от невзгод, когда «трава была зеленее», актуализируется память о советском периоде жизни общества и отдельного человека.

Процессы рефлексии «советского» в сфере интернет-дискурса также попали в фокус исследования и были рассмотрены на материале сообщений интернет-форумов [21]. В работе отмечается, что сообщения пользователей¹ группируются в две основные подтемы: «Совковый идиотизм» и «Ностальгия». Категории, обсуждаемые участниками: семья; быт; гастрономия; уход за собой; отношение социума к внешнему облику; социальные институты: детский сад, школа; политика, властные структуры; культура – осмысляются амбивалентно. В ходе дискуссии происходит ностальгическая переоценка тех качеств, которые ранее интерпретировались негативно: бедность осознается как рациональность использования ресурсов; устаревшие семейные ценности рассматриваются как семейные традиции; идеологизация в школе понимается как социализация; идеологизированная эстетика осмысляется как новаторская. При этом однозначно в категорию «Ностальгия» включается советская гастрономия, а в категорию «Идиотизм» – политика и власть. Материал форумов показывает, что «советское осмысляется через призму двух базовых категорий: частная жизнь, которая связана с феноменом ностальгии, и отношения «человек – государство», которые оцениваются негативно и маркируются как «совковый идиотизм» [21. С. 138].

Феномен «советское» как объект рефлексии пользователей социальных сетей не был исследован в сопоставительном аспекте. В настоящей работе мы обращаемся к анализу рефлексии «советского» в российских социальных сетях с целью выявить различия рефлексии пользователей форумов и сообществ социальных сетей.

¹ Форум Littleone, архив обсуждения топика «Ностальгия по советским временам. Давайте делиться?», 06.12.2006 – 12.12.2006, 400 сообщений, 83 участника в возрасте 35–45 лет.

Методология и метод

Наиболее эффективным при исследовании процессов общественно-политической рефлексии в социальных сетях Интернета считаем методологию социолингвистики, изучающей динамические процессы, происходящие в социуме на основе лингвистических данных, основополагающим методологическим принципом в этом случае является исследование речевого поведения¹ социальной личности или социальной группы [23]. Предметом нашего анализа стало речевое поведение пользователей социальных сетей в аспекте общественно-политической рефлексии – осмысления советского периода истории России.

Непосредственным материалом анализа послужили посты, размещенные в новостных лентах социальных сетей. В сферу нашего анализа попали социальные сети, которые чаще всего используют жители России: ВКонтакте (<https://vk.com>), Одноклассники (<https://ok.ru>) и Facebook (<https://www.facebook.com/>).

Портал BRAND ANALYTICS приводит следующие характеристики этих социальных сетей. Наиболее крупная сеть – «ВКонтакте», ее ежемесячная аудитория составляет 53,6 млн человек, возрастные параметры пользовательской аудитории – 18–24 года; гендерная структура: 41,9% – мужчины, 58,1% – женщины. Ежемесячная аудитория сети «Одноклассники» – 39 млн человек, средний возраст пользователей делят категории «25–34 года и 55 лет и старше, среди пользователей преобладают женщины (69,2% женщин и 20,8% мужчин). Facebook: ежемесячная аудитория – 24,5 млн чел., средний возраст от 25 до 34 лет, гендерная структура близка к равновесной – 56,3% женщин, 43,7% мужчин [24].

На первом этапе анализа было выявлено количество коммуникативных пространств (групп), репрезентирующих «советское» в рамках исследуемых социальных сетей. Далее при анализе данных, полученных из каждой социальной сети, была осуществлена выборка текстов постов наиболее крупных открытых групп, посвященных феномену советского, основной критерий отбора – количество участников.

В качестве основного исследовательского метода был выбран контент-анализ, позволяющий выявить посредством определения наиболее частотных семантических категорий значимые для пользователей социальных сетей параметры «советского» [25]. Количественный анализ вербальных единиц, репрезентирующих определенные семантические категории (темы), позволил сделать содержательный вывод об интересе пользователей к той или иной проблеме. Материалом контент-анализа послужили тексты обсуждения тем, заданных в рамках группы в период с 13.01.2011 по 14.03.2016².

¹ «Изучается социолингвистикой с точки зрения процесса выбора языка либо языкового варианта для построения социально корректного высказывания. Речевое поведение реализуется в конкретных видах или стратегиях (в зависимости от темы, обстановки, цели общения, ролевых отношений коммуникантов, их социального статуса и установки)» [22].

² В связи с тем, что выборки по различным социальным сетям оказались неравными, оптимальным решением было оперировать не абсолютной, а относительной частотой встречаемости семантических категорий, поэтому объем выборки по каждой группе был принят за 100%.

Предварительно в качестве исследуемых категорий были определены темы, выявленные при исследовании материала форумов [21], но впоследствии категориальная матрица была скорректирована в соответствии с эмпирическими данными. В качестве единицы анализа были выбраны лексические единицы и коллокации, репрезентирующие исследуемые категории.

При анализе отдельных текстов заголовков, девизов и описаний групп в социальных сетях, а также комментариев пользователей был использован текстологический и семиотический анализ, так как во многих случаях смысл сообщения был обусловлен не только вербальной составляющей, но и графическим контекстом. Сопоставительный анализ использовался на этапе соотнесения данных, полученных при анализе материала различных социальных сетей с результатами анализа форумов.

Результаты исследования

Первый этап анализа был связан с определением количества сообществ (групп), репрезентирующих «советское» в рамках исследуемых социальных сетей. Через поисковые системы были введены запросы, направленные на выявление тематических групп, связанных с понятием «советское»: «Советский Союз», «СССР». Результаты анализа представлены в табл. 1.

Таблица 1. Количество групп, репрезентирующих тему «советское» в социальных сетях

Форма поискового запроса	ВКонтакте	Одноклассники	Facebook
Советский Союз	563	113	12
СССР	13 762	41095	55
Всего	14325	41208	67

Как можно убедиться, по количеству ресурсов, связанных с памятью о советском, лидирует социальная сеть «Одноклассники», что вполне объяснимо с точки зрения возрастного состава пользователей сети. Однако и сеть «ВКонтакте» показывает существенное количество исследуемых тематических групп, что подтверждает предположение о поиске идентичности в молодежной среде.

Для проведения контент-анализа были выбраны группы с наибольшим количеством участников¹: 1) «Одноклассники» – «Эх... Вернуться бы в СССР» (<http://ok.ru/ok.sssr>) – 328 тыс. участников; 2) «ВКонтакте» – «СОВЕТСКИЙ СОЮЗ В НАШЕМ СЕРДЦЕ» (<https://vk.com/club14407777>) – 118,5 тыс. участников; 3) Facebook – «СССР. Прекрасная страна, в которой мы жили» (<https://www.facebook.com/ourUSSR/timeline>) – 101 тыс. участников.

¹ Отметим, что особенностью сообществ социальных сетей является их динамичность. Название сообщества, количество участников, количество обсуждаемых тем могут варьироваться, так как участники коммуникации вступают и покидают сообщества, размещают и удаляют посты. Тем не менее крупные сообщества являются относительно стабильными образованиями, идентификатором которых служит, как правило, сетевой адрес.

В анализируемых группах было заявлено следующее количество обсуждаемых тем: «Одноклассники» – 4 282; «ВКонтакте» – 1 139; группа Facebook не отражает информацию о количестве тем, но ручной подсчет позволяет говорить о том, что их не менее 900. Для анализа были выбраны темы, в которых количество реакций пользователей превышало 100, что свидетельствует об интересе участников. Общее количество проанализированных текстов в отобранных темах составило: «Одноклассники» – 10 615; «ВКонтакте» – 9 405; Facebook – 8 570.

Характеристика презентации исследуемых сообществ

Прежде чем приступить непосредственно к изложению результатов контент-анализа, представим характеристику презентации исследуемых сообществ в социальной сети, чтобы наглядно продемонстрировать целевую направленность сообществ и аксиологический модус в осмыслении «советского».

Как правило, презентация сообщества в социальной сети представляет собой комплекс, включающий эмблему (графический символ сообщества), название, девиз и краткое описание ключевой тематики сообщества. На рис. 1 представлен образец презентации группы. Форумы, посвященные «советскому», не оформлены каким-то специальным образом и представляют собой вербальное обозначение темы обсуждения.

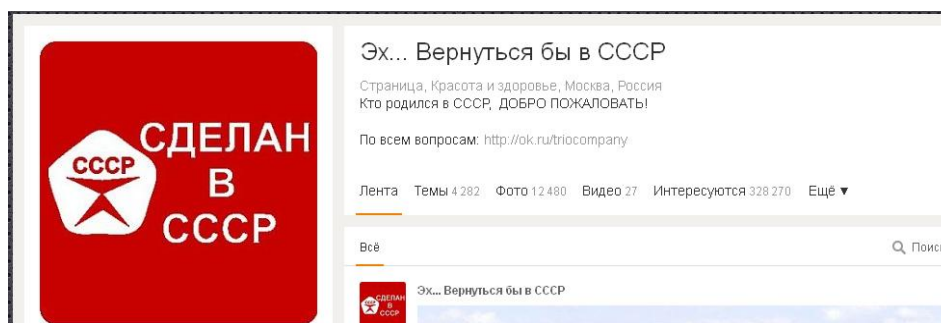

Рис. 1. Оформление страницы группы «Эх... Вернуться бы в СССР» (<http://ok.ru/ok.sssr>)

Название группы демонстрирует личностное, эмоциональное отношение к советскому строю, государству (ср. *СОВЕТСКИЙ СОЮЗ В НАШЕМ СЕРДЦЕ*, *СССР. Прекрасная страна, в которой мы жили, Рождены в Советском Союзе* и др.). Анализ презентационных текстов исследуемых групп показал, что обычно сообщество позиционируется как коммуникативное пространство для сторонников советского строя и противников существующего политического режима: «*В нашей группе Вы можете высказывать мнения, отличные от тех, которыми буржуи промывают мозги населению с помощью средств массовой дезинформации*» («СОВЕТСКИЙ СОЮЗ В НАШЕМ СЕРДЦЕ»). При этом, как можно убедиться, организаторы группы чужды практики политкорректности. В самом тексте дается последовательная позитивная оценка СССР как мирового лидера: *сыграл решающую роль в разгроме фашизма/ Его успешный исторический опыт (прим. построение*

социалистического государства) стал доступен многим народам («СОВЕТСКИЙ СОЮЗ В НАШЕМ СЕРДЦЕ»), СССР представлен как мировая держава, обладающая уникальными признаками: *Эта страница посвящена СССР – без преувеличения, самому уникальному государству XX века. ...Государству, которое сыграло важнейшую роль в судьбе и развитии всего мира! Государству, которое больше не существует, в которое мы уже никогда не вернемся, но которое было и навсегда останется нашей Родиной! («СССР. Прекрасная страна, в которой мы жили»).*

Текст позволяет сделать вывод, что в отличие от участников форумов, заявляющих дискуссионный аспект в осмыслении «советского», организаторы интернет-сообществ в социальных сетях изначально задают его позитивную оценку и позиционируют его как идеальный способ государственного устройства по отношению к существующему положению дел в социально-политической реальности.

В отличие форумов, где информация носит преимущественно текстовый характер, размещенные в ленте социальных сетей посты представляют собой, как правило, графические изображения: фотографии, демотиваторы и т.п. (см., например, рис. 2). Основная текстовая составляющая такого поста – сопроводительная реплика и комментарии участников обсуждения, хотя в некоторых случаях текст комментария может быть достаточно развернутым.

Таким образом, оформление коммуникативного пространства, посвященного «советскому» в социальных сетях и на форумах, различается в аспекте презентации, целеполагания, оценочного модуса и способов подачи информации.

Рис. 2. Пример поста в группе «Эх... Вернуться бы в СССР» (<http://ok.ru/ok.sssr>)

Описание результатов контент-анализа

Прежде чем приступить к проведению контент-анализа всего материала, мы провели пилотное исследование с целью коррекции списка исследуемых семантических категорий, это потребовалось в связи с тем, что предварительный анализ показал несоответствие репрезентантов (единиц анализа) изначально заданной категориальной матрице. Пилотное исследование показало, что некоторые категории (семья, отношение социума к внешнему облику)

в социальных сетях не представлены, что подтвердило и основное исследование. В то же время в материале была значительно более широко представлена категория «Политика». Кроме того, несмотря на изначальное позиционирование исследуемых сообществ как направленных на рефлекссию советского строя, оказалось, что значительная часть постов посвящена актуальным социальным и политическим проблемам современной России, поэтому потребовалось ввести дополнительную подкатегорию в рамках каждой категории, связанную с временной локализацией. Результаты анализа отражены в табл. 2.

Таблица 2. Количество репрезентантов выявленных категорий в исследуемых социальных сетях

Название семантической категории	ВКонтакте ед. в %	Одноклассники ед. в %	Facebook ед. в %
Быт, реалии, гастрономия	1	22	8
советское	1	22	8
современность	0	0	0
Уход за собой (реклама)	0	10	0
советское		0	
современность		10	
Социальные институты, социальные проблемы	27	34	4
советское	1	15	4
современность	26	19	0
Внешняя и внутренняя политика, экономика (персоналии)	71	13	29
советское	20	7	21
современность	51	6	8
Культура, наука	8	18	56
советское	2	18	56
современность	6	0	0
Религия	1	3	0
советское	0	0	
современность	1	3	
Спорт	0	0	11
советское			11
современность			0

Результаты проведенного контент-анализа показывают, что пользователи разных социальных сетей по-разному используют коммуникативное пространство сообществ, посвященных феномену «советское». В наибольшей степени к «советскому» обращаются пользователи Facebook, причем это позитивная оценка культурных ценностей, созданных в советский период.

Охарактеризуем более детально содержание категорий. Сообщество пользователей Facebook, посвященное феномену советского, осмысляет СССР в первую очередь как **культурное пространство (56%)** – 42% информации в новостных лентах посвящено культурному контенту – советскому кино, телевидению, искусству в целом. Например: *По волнам нашей памяти – самые кассовые **фильмы** Союза. Восьмое место. «Щит и меч» — со-*

ветский четырёхсерийный художественный **фильм** о Второй мировой войне, снятый в 1968 году по одноимённому роману Вадима Кожевникова **режиссёром** Владимиром Басовым (68,3 млн зрителей), 6 % информации связано с презентацией научных достижений советских ученых (в том числе покорение космоса). Информация о **персоналиях** (актерах, писателях, ученых и т.п., создавших репутацию советскому государству) составляет 8 % (из 56). Например: Владимир **Бортко**: «Сталин – это символ нашей страны». Лауреат премии Александра Солженицына (2004) **режиссер Владимир Бортко**, снявший фильмы «Собачье сердце» (1988) и «Мастер и Маргарита» (2005), выступил на пленарном заседании Госдумы с панегириком Иосифу Сталину. 11 марта 2014 года Бортко подписал обращение деятелей культуры Российской Федерации в поддержку политики президента РФ В.В. Путина на Украине и в Крыму.

21% постов содержат информацию о **значимых** для страны и всего мира исторических **событиях** и достижениях советского народа, о политиках, создавших СССР репутацию великой державы. Например: 4 ФЕВРАЛЯ 1945 ГОДА ОТКРЫЛАСЬ ЯЛТИНСКАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ ГЛАВ ТРЁХ ДЕРЖАВ, СССР, США И ВЕЛИКОБРИТАНИИ – В ХОДЕ КОНФЕРЕНЦИИ В ЦЕЛОМ РЕШЕНЫ ВОПРОСЫ ПОСЛЕВОЕННОГО УСТРОЙСТВА МИРА, БЫЛА СОЗДАНА **СИСТЕМА МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ, ОТ ЧАСТИ ДЕЙСТВУЮЩАЯ И ПОНЫНЕ**.

Отличает это сообщество и внимание к спортивным достижениям советских людей – 11% контента связано с презентацией советского спорта: хоккея, фигурного катания. Например: *Чтобы помнили... Светлая память! Сергей Гриньков, советский и российский **фигурист**, двукратный олимпийский чемпион.*

Вместе с тем непосредственно в ленте новостей размещаются сообщения о современных политических событиях (8%), связанных с действиями президента и правительства. Как правило, освещаются внешнеполитические события.

Нужно отметить, что в группах этой социальной сети реже встречаются посты, посвященные артефактному миру советского. Это по преимуществу пространство культурной рефлексии, однако все же можно говорить о том, что бытовые реалии присутствуют (8%) в виде графических изображений гастрономических объектов (лимонад, мороженое, хлеб и под.), как правило, сопровождаемых надписями «**Вкус детства**» или «**Знакомый вкус**».

Осмысление социальной реальности связано не с конкретными социальными институтами/учреждениями, а с общими принципами организации социальной сферы. Например, пост «СНИЖЕНИЕ ЦЕН В СТАЛИНСКОМ СССР»: *И.В. Сталин еще до 1933 года призывал к тому, чтобы товары в магазинах регулярно дешевели. И добился своего. В сотрудничестве с председателем Советского правительства Молотовым и другими большевиками Сталину удалось в период с 1933 по 1937 год реализовать **снижение цен**.* Сфера образования, здравоохранения зачастую осмысляются через призму персоналий – известных педагогов и врачей.

Таким образом, мы можем говорить о «культуроцентризме» как доминанте в рефлексии советского пользователями этой социальной сети. СССР

предстаёт как культурное, бесконфликтное и беспроblemное пространство, где живут счастливые, умные, улыбающиеся и доброжелательные люди, где каждое событие имеет позитивное мировое значение.

Пользователи социальной сети «Одноклассники», напротив, осмыслиют «советское» как **артефактный** мир. Наиболее актуальными по количеству репостов и комментариев можно считать темы, связанные с **советским бытом и миром артефактов (22%)**: *Кирзачи. Кирзовые сапоги – больше, чем обувь. Иван Плотников, который перед войной наладил их производство, получил Сталинскую премию... Они и сегодня в ходу. Потому что надежные...; За счастье было иметь в детстве пупсиков ... А если ещё и коляска есть у пупсика) То вооооооообщеее))))))... в том числе гастрономией: Молоко наших времен!; Вкус детства. Ириски...*

Рис. 3. Пример поста в группе «Эх... Вернуться бы в СССР» (<http://ok.ru/ok.ssr>)

Значительную часть в коммуникативном пространстве сообщества занимают посты, посвященные **социальным** проблемам (34%). Как отдельный феномен, особые социальные институты осмысляются советское детство и школа (15%) – *Советское детство. (Е.Майснер) * * * Вспоминаю часто детство. Дворик сердцу милый. Было всё тогда советским, но счастливым было...* Но при этом в данном коммуникативном пространстве наблюдается очевидное противопоставление современной России и СССР в аспекте социальных и этических норм (19%). Социальная структура советского общества и принципы организации, как правило, оцениваются положительно, настоящая же социальная реальность подвергается резкой критике: *15 причин вернуть наши 70-е.80-е! ... Вот 15 причин, чтобы вернуть те золотые годы. 1. Образование. Советское образование было совершенно бесплатным и доступным абсолютно всем...* Критическая позиция по отношению к социальной структуре современного общества выражается в особой форме подачи информации. Как правило, это пост, совмещающий контрастирующую информацию. Например: 1) графическое изображение сопровождается вербальным сообщением, содержащим противоположную информацию (изображение документа советского периода о снижении цен с комментарием: *Правительство РФ предлагает **поднять** населению **тарифы** на газ, свет и ЖКХ*); 2) сложный графический объект, совмещающий контрастирующие изображения, как на рис. 3. Критическая позиция также проявляется в текстах, представляющих собой произведения народного творчества: *Добрый дедушка Мороз, борода из ваты, Сделай всем в Кремле и в Думе Как у нас зарплаты!*

Культурное пространство советского представлено советским кино (15%): *Не Рембо был нашим кумиром, Штирлиц героем был...*

Обсуждение вопросов **политики** также играет значительную роль в рамках исследуемого сообщества (13%), при этом примерно в равной мере уделяется внимание политикам советского государства (И.В. Сталин, Л.И. Брежнев) и ключевым политическим фигурам современности (В.В. Путин): *Владимир Владимирович Путин. Лучший президент в мире! Это правда!!! Здоровья Вам!; Паразиты всегда ненавидят сильных руководителей, мешающих им устанавливать свои понятия в странах, выбранных для порабощения. Их не устраивают сильные личности, такие как Сталин или Путин. Но они благосклонны к ничтожествам...*

Вместе с тем в этой же ленте размещаются материалы очевидно рекламного характера, например реклама косметических средств (10%). Любопытно, что в ленте размещается примерно равное количество постов (3%), посвященных советской космонавтике и религиозным артефактам – изображениям икон с призывом сделать репост для улучшения жизни.

Однако при общей позитивной оценке советского строя в рамках обсуждений отдельных тем наблюдаются оживленные дискуссии, связанные с оценкой фактов советской жизни. Чаще всего это посты, посвященные гастрономии: *От мне нравится, когда выложат в сеть фотографию **кефира в стеклянной бутылке** или там отвратной **водяры** с пробкой «чебурашка» и томно так припишут внизу «а помнишь?». ...прекрасно **помню!** А многого вот не помню, хоть убей. **Помидорок свежих зимой** не помню.* Гастрономи-

ческие посты обычно вызывают оживленное обсуждение проблемы дефицита пищевых продуктов. Приведем один из комментариев: *OLGA (ОЛЕЙНИКОВА) ответила Tatjana 13:22: В нашем городе сыр появился только в 1986 году. Почему я должна говорить неправду, что он был?*

Обыкновенны случаи смены темы в процессе обсуждения. Например, тема национальных отношений, несмотря на позитивный зачин, сменяется обсуждением современных политических отношений между бывшими советскими республиками, центром которого становится Украина. Именно в обсуждениях вскрываются сложные проблемные моменты, связанные с осмыслением советского и как социального, и как политического строя. «Советская» тема для обсуждения, вводимая автором поста, порождает полилог, приводящий в итоге к обсуждению национальных, социальных проблем, проблем молодежи и т.п. Это позволяет сделать вывод, что для участников групп в «Одноклассниках» темы советского тесно связаны с современным состоянием России, они осмысляются через призму современных негативных событий.

Резюмируя наблюдения, можно сделать вывод, что пользователи этой социальной сети осмыляют «советское» в первую очередь как бытовую (в том числе материальную) и социальную реальность, противопоставленную современному состоянию по признакам «качественное/некачественное», «вкусное/невкусное», «гуманное/антигуманное» и под. Нужно отметить, что при преобладающей позитивной оценке «советского строя» наблюдаются и «опозиционные» высказывания. Еще одной особенностью данного сообщества является парадоксальное сочетание негативной оценки современного общества, социально-политической ситуации и безусловно позитивного отношения к лидеру современной России.

Участники сообщества «СОВЕТСКИЙ СОЮЗ В НАШЕМ СЕРДЦЕ» социальной сети «ВКонтакте» проявляют значительно больший интерес к современной политике, нежели к «советскому». Большая часть обсуждений посвящена **политической тематике** (около 71% постов). При этом только 20% информации связано с политикой и политическими деятелями Советского государства, а политическим связям современной России посвящено 51% постов. В поле зрения участников попали следующие страны и регионы, упоминаемые непосредственно в названии тем: РФ, Украина, Белоруссия, Германия, США, КНР, КНДР, Япония, Южная Корея, Ливия и Кавказ (общая номинация). Наиболее обсуждаемая страна – Украина (4%). В фокусе внимания находятся в первую очередь события, связанные с Донецком и Луганском, внешне- и внутривнутриполитические действия правительства Украины, которые, как правило, представляются в ироническом ключе: *Украина – флагман «европейской идентичности». Киев начинает учить Париж, Берлин и Варшаву уму-разуму...; Маршала Жукова разменяли на казака Бабуру. Официальный Киев радостно рапортует о шокирующих успехах декоммунизации.*

Отметим также, что обсуждение часто проходит в контексте военной проблематики: *Япония готова объявить войну России/ Война в Ливии/ Холодная война с Белоруссией.* В целом темы, так или иначе связанные с поня-

тием войны, содержащие лексемы *война, оружие, вооруженный, армия, битва и др.*, составляет около 10%.

В рамках внутривнутриполитической тематики обсуждаются идеология коммунизма и социализма, партии КПРФ и Единая Россия, выборы. Как и в случае с подобными обсуждениями в сообществе социальной сети «Одноклассники», наблюдается противопоставление двух периодов, двух политических систем (рис. 4).

Большое количество тем (31%) затрагивают личности политиков: В.В. Путина (13%), И.В. Сталина (11 %) и В.И. Ленина (3%), также есть отдельные темы о М.С. Горбачеве, Н.С. Хрущеве, Г.А. Зюганове, А.В. Колчаке.

Рис. 4. Пример поста в группе «СОВЕТСКИЙ_СОЮЗ_В_НАШЕМ_СЕРДЦЕ» (<https://vk.com/club14407777>)

Второй по частотности тематический блок – социальные проблемы (27%). В рамках этой проблематики аналогичным образом отмечается противопоставление социально-политических систем, причем реализуется оно через описание социальных проблем современной России. Например: *Погружение в нездоровье. В медицинском сообществе уже предупреждают, что сокращение объемов бесплатной медицинской помощи россиянам приведет к росту смертности и грозит массовыми протестами населения; Бездомный 90-летний ветеран ВОВ умер в сарае под Волгоградом. Уже после смерти солдата-победителя оказалось, что о кошмарных условиях его жизни власти не знали.*

Кроме политических тем, обсуждаются **культура и наука** (8%). В отличие от анализируемых ранее сообществ рефлексия культурного наследия не

так широка, только 2% отдельных тем посвящены советскому театру, кинематографу и мультипликации.

Как уже было сказано выше, в большинстве тем СССР противопоставляется современная Россия: **СССР И РОССИЯ/ СССР или РФ?** / *Какая зарплата больше – «российская» или «советская»?*

Участники рассматривают возможность возвращения советского политического строя, что отражается в соответствующих темах (10%): **КАК ВЕРНУТЬ СССР-2 ЗА 5 ЛЕТ ?/ Как возродить Советский Союз?/ Советский Союз: приказано возродить!** и др. Как правило, для возрождения этого режима участники видят путь революции: *правительство ведет наш народ к краху! Спасти нас может Революция!// чтобы добро в России победило, необходима социалистическая революция.* Интересно, что наряду с такими темами планирования в группе есть разделы, посвященные размышлениям о будущем, в основном они связаны с будущим России (1%): *Какое будущее у России? Новый союз или разруха.../ Прогноз развития России до 2030 года. По какому пути пойдет наша великая держава?* При этом личные аспекты жизни не обсуждаются, будущее пристраивается в масштабах страны или мира, но не индивида.

Итак, в рамках социальной сети «ВКонтакте» «советское» осмысливается, прежде всего, как социально-политическое пространство, противопоставленное современному как идеальное. Пользователи этого сообщества последовательно оценивают советский строй как лучший из возможных и демонстрируют готовность вернуться к этому варианту социально-политического устройства. Несмотря на заявленную тематику, участники обсуждения в половине случаев обращаются к осмыслению современной политической ситуации в мире.

Заключение

Итак, исследование рефлексии «советского» в интернет-сообществах показало, что осмысление в отношении прошлого политического строя выражается в форме активного обсуждения его различных аспектов.

Анализ материалов форумов и социальных сетей позволил выявить сходные и различительные черты в понимании «советского».

Анализ презентаций интернет-сообществ показал, что пользователи социальных сетей, в отличие от участников форумов, более целенаправленны и категоричны в оценке «советского», сразу представляя этот строй как идеальный способ государственного устройства. В подаче информации в рамках сообщества также наблюдаются различия: преимущественно текстовой информации форумов противопоставлен синтез графических и вербальных средств в социальных сетях.

Содержательное осмысление «советского» пользователями социальных сетей и форумов различается в первую очередь тематически. Если участники форумов обсуждали проблемы личности, семьи, бытовые и социальные аспекты жизни в Советском Союзе, оценивая различные их проявления амбивалентно, то спектр проблем, обсуждаемых в сообществах социальных сетей, значительно шире и затрагивает не только советский период, но и современную социально-политическую реальность. Пользователи социальных сетей,

как правило, однозначны в оценке советского периода, формируя представление о нем как об идеальном государственном устройстве.

Однако при этом были выявлены различия в рефлексии «советского» и среди пользователей разных социальных сетей «ВКонтакте», «Одноклассники» и Facebook. Количественный анализ сообществ показывает, что наибольшую активность в организации сообществ, посвященных «советскому», проявляют пользователи социальной сети «Одноклассники», наименьшую – Facebook.

Контент-анализ текстов постов, размещенных в наиболее востребованных (по числу пользователей) сообществах каждой из исследуемых социальных сетей показывает, что на репрезентацию и рефлексию собственно «советского» ориентирована в большей степени группа Facebook – «СССР. Прекрасная страна, в которой мы жили». В меньшей степени «советское» представлено в группе «ВКонтакте» – «СОВЕТСКИЙ СОЮЗ В НАШЕМ СЕРДЦЕ» (<https://vk.com/club14407777>).

Сообщества разных социальных сетей различаются и тематической доминантой в рефлексии. Полагаем, что можно говорить об очевидной «культуроцентричности» группы Facebook – «СССР. Прекрасная страна, в которой мы жили», направленности на рефлексию бытовой (в том числе артефактной) и социальной реальности участников группы «Эх... Вернуться бы в СССР» (<http://ok.ru/ok.sssr>) социальной сети «Одноклассники», политикоцентричности пользователей, входящих в сообщество «СОВЕТСКИЙ СОЮЗ В НАШЕМ СЕРДЦЕ» (<https://vk.com/club14407777>) «ВКонтакте». Пользователи социальных сетей «Одноклассники» и «ВКонтакте» последовательно проводят сопоставление социально-политического состояния дел в современной России и Советском Союзе, формируя идеальный образ «советского» по отношению к современности.

Таким образом, в аспекте тематического единства (советское) более близки к участникам форумов пользователи Facebook, в аспекте обсуждаемых проблем – пользователи сети «Одноклассники». И общее, что объединяет, пожалуй, все исследуемые сообщества, – это взгляд на «советское» через призму современного, позволяющий увидеть позитивные черты «советского» периода истории государства.

Литература

1. *Количество* пользователей интернета в России // Портал «Интернет в России и в мире» [Электронный ресурс]. URL: http://www.bizhit.ru/index/users_count/0-151
2. *Cybercultures*. Critical concepts in media and cultural studies / ed. By D. Bell. Vol. 3. New York; London: Routledge, 2008. 471 p.
3. Мишанкина Н.А. Социальные нормы в Интернет-коммуникации: социолингвистический аспект // Гуманитарная информатика. 2013. № 7. С. 72–78.
4. Трофимова Г.Н. Языковой вкус интернет-эпохи в России (функционирование русского языка в Интернете: концептуально-сущностные доминанты) / Гильдия лингвистов-экспертов по документационным и информационным спорам, Общество любителей российской словесности, Г.Н. Трофимова. 2-е изд., испр. и доп. М.: РУДН, 2009. 436 с.
5. Maximova O.B. Social aspects of internet communication: virtual community and communication personality // Вестн. Рос. ун-та дружбы народов. Сер.: Социология. 2011. № 1. С. 24–33.
6. Дягилева Н.С., Журавлева Л.А. Сущность социокультурной идентичности молодежи в среде интернет-коммуникации // Вестн. Челяб. гос. ун-та. 2009. № 42. С. 152–153.

7. Калимуллин Д.Д. Пространство интернет-коммуникаций как толерантная среда // Вестн. Казан. гос. ун-та культуры и искусств. 2009. № 1. С. 135–138.
8. Морозова О.Н. Политическая интернет-коммуникация: ее роль, функции и формы // Политическая лингвистика. 2011. № 1. С. 156–161.
9. Чепель (Флерчук) Ю.В. Вербальные средства самопрезентации личности в интернет-коммуникации // Изв. Рос. гос. пед. ун-та им. А.И. Герцена. 2008. № 85. С. 267–271.
10. Мишанкина Н.А. Дискурсивные картины интернет-коммуникации в восприятии адресатов // Картины русского мира: современный медиадискурс / З.И. Резанова, Л.И. Ермоленкина, Е.А. Костяшина и др.; ред. З.И. Резанова. Томск, 2011. С. 201–261.
11. Кочеткова М.О., Тубалова И.В. Динамика развития блога как жанра дискурса блогосферы: социолингвистический аспект // Вестн. Том. гос. ун-та. Филология. 2014. № 1 (27). С. 39–52.
12. Barnes J.A. Class and Committees in a Norwegian Island Parish // Human Relations. 1954. № 7. P. 39–58.
13. Алтухова Т.В. Социальная компьютерная сеть «ВКонтакте»: жанровая характеристика // Вестн. Кем. гос. ун-та, 2012. № 4–3. С. 21–25.
14. Евсюкова Т.В., Шилова Е.С. Проблема самоидентификации языковой личности в социальных сетях // Вестн. Моск. гос. обл. ун-та. Сер.: Русская филология. 2015. № 6. С. 8–15.
15. Сафонова Т.В. Особенности функционирования литературных прецедентов в социальных сетях (на примере поэтических сообществ социальной сети «ВКонтакте») // Изв. Регион. фин.-экон. ин-та. 2015. № 1 (7). С. 9.
16. Бродовская Е.В., Домбровская А.Ю., Синяков А.В. Политическая субъектность пользователей социальных сетей в России: результаты всероссийского социологического исследования // Локус: люди, общество, культура, смыслы. 2015. № 2. С. 80–87.
17. Крылова М.Н. Способы выражения эмоций в социальных сетях // Филология и литературоведение. 2016. № 1 (52). С. 12–18.
18. Советское прошлое и культура настоящего: в 2 т. / отв. ред. Н.А. Купина, О.А. Михайлова. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2009. Т. 1–2. (Труды Уральского МИОНа; вып. 21).
19. Ностальгия по советскому / отв. ред. З.И. Резанова. Томск: Изд-во Том. гос. ун-та, 2011. 514 с.
20. Советское как дискурсивный феномен: способы концептуализации прошлого: монография / под общ. ред. О.Л. Михалёвой. Иркутск: Изд-во Иркут. гос. ун-та, 2013. 249 с.
21. Мишанкина Н.А. Родина или Союз?: Рефлексия «советского» образа жизни в виртуальном дискурсе // Ностальгия по советскому / отв. ред. З.И. Резанова. Томск, 2011. С. 126–139.
22. Словарь социолингвистических терминов // отв. ред. В.Ю. Михальченко. М.: Рос. акад. наук. Ин-т языкознания. Рос. акад. лингв. наук. 2006.
23. Mirloy, L., Gordon M. Sociolinguistics Method and interpretation. Oxford: Blackwell Publishing, 2003. 261 p.
24. Социальные сети в России, весна 2015. Цифры, тренды, прогнозы // BRAND ANALYTICS: Система мониторинга и анализа бренда в социальных медиа и СМИ [Электронный ресурс]. URL: <http://br-analytics.ru/blog/socialnye-seti-v-rossii-vesna-2015-cifry-trendy-prognozy>
25. Broom L., Reece S. Political and Racial Interest: A Study in Content Analysis // The Public Opinion Quarterly. 1995. Vol. 19, № 1. P. 5–19.

THE “SOVIET” IN REFLECTION OF ONLINE COMMUNITY USERS

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology. 2017. 47. 39–56. DOI: 10.17223/19986645/47/3

Nadezhda N. Zilberman, Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: zilberman@ido.tsu.ru

Natalia A. Mishankina, Tomsk Polytechnic University (Tomsk, Russian Federation); Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: mna@tpu.ru

Keywords: online communication, social networks, online communities, political reflection, Soviet Union.

The present article presents the comparative analysis of political reflections by web communities' participants – users of forums and social networks Vkontakte (<https://vk.com>), Odnoklassniki (<https://ok.ru>) and Facebook (<https://www.facebook.com/>).

The content analysis and methods of linguistic analysis allowed revealing the significant difference of reflection principles of the Soviet. The difference displays itself both in quantitative and qualitative aspects. The study of reflection of the phenomenon “Soviet” has shown that reflection in regard to the past political order is expressed in the form of active discussion of various manifestations of the Soviet.

The analysis of web community representations has shown that social networks users unlike forum participants are more purposeful and categorical in their evaluations of the Soviet, presenting this regime as an ideal way of state structure. There are also differences in information representation within communities: the textual information of forums is contrasted with a synthesis of graphic means and verbal language in social networks.

The comprehension of the ‘Soviet’ content by forum and social network users differs thematically. If forum participants were discussing the problems of personalities, families, social and domestic aspects of life in the Soviet Union evaluating its different representations in an ambivalent manner, a set of problems discussed by social network communities was rather vast and shifted towards present-day political and social problems. As a rule, social network users are quite certain in their characterization of the Soviet period imagining it as an ideal state structure by contrast with the present-day social and political situation.

However, we may notice the differences in reflection of the Soviet among social network users too. The qualitative analysis has shown that the most active in organizing communities among them are the users of the social network ‘Odnoklassniki’ and less active of Facebook. The communities of various social networks differ in the dominating idea in reflection. We believe that we may talk of evident “cultural centrality” of Facebook users, commitment to the reflection of domestic (including artefact) and social reality of participants of the social network “Odnoklassniki”, political centrality of “Vkontakte” users. The users of social networks “Odnoklassniki” and “Vkontakte” sequentially compare the politico-social situation in present-day Russia and the Soviet Union, modeling an ideal image of “the Soviet” with respect to modern times.

Thus, in the context of thematic unity (the Soviet) Facebook users are closer to forum participants, in the context of problems discussed it is the users of “Odnoklassniki”. And we suppose the common ground between all the studied communities is a focus on the “Soviet” from the perspective of the present-day situation allowing to reveal positive features of the Soviet period of the history of the state.

References

1. Internet v Rossii i v mire. (2017) *Kolichestvo pol'zovateley interneta v Rossii* [The number of Internet users in Russia]. [Online] Available from: http://www.bizhit.ru/index/users_count/0-151.
2. Bell, D. (ed.) (2008) *Cybercultures. Critical concepts in media and cultural studies*. Vol. 3. New York, London: Routledge.
3. Mishankina, N.A. (2013) Social norms in the Internet-communication: sociolinguistic aspect. *Gumanitarnaya informatika – Humanitarian Informatics*. 7. pp. 72–78. (In Russian).
4. Trofimova, G.N. (2009) *Yazykovoy vkus internet-epokhi v Rossii (funktsionirovanie russkogo yazyka v Internete: kontseptual'no-sushchnostnye dominanty)* [The language taste of the Internet era in Russia (the functioning of the Russian language on the Internet: conceptual-essential dominants)]. 2nd ed. Moscow: RUDN.
5. Maximova, O.B. (2011) Social aspects of internet communication: virtual community and communication personality. *Vestnik Rossiyskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Sotsiologiya – Bulletin of the Russian University of Peoples' Friendship. Series: Sociology*. 1. pp. 24–33.
6. Dyagileva, N.S. & Zhuravleva, L.A. (2009) Sushchnost' sotsiokul'turnoy identichnosti molodezhi v srede internet-kommunikatsii [The essence of the socio-cultural identity of youth in the Internet communication environment]. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta – CSU Bulletin*. 42. pp. 152–153.
7. Kalimullin, D.D. (2009) Prostranstvo internet-kommunikatsiy kak tolerantnaya sreda [The space of internet communications as a tolerant environment]. *Vestnik Kazanskogo gosudarstvennogo universiteta kul'tury i iskusstv – Bulletin of Kazan State University of Culture and Arts*. 1. pp. 135–138.
8. Morozova, O.N. (2011) Politicheskaya internet-kommunikatsiya: ee rol', funktsii i formy [Political Internet communication: its role, functions and forms]. *Politicheskaya lingvistika – Political Linguistics*. 1. pp. 156–161.

9. Chepel' (Flerchuk), Yu.V. (2008) Verbal'nye sredstva samoprezentatsii lichnosti v internet-kommunikatsii [Verbal means of self-presentation of personality in Internet communication]. *Izvestiya Rossiyskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. A.I. Gertsena – Izvestia: Herzen University Journal of Humanities & Sciences*. 85. pp. 267–271.
10. Mishankina, N.A. (2011) Diskursivnye kartiny internet-kommunikatsii v vospriyatii adresatov [Discursive images of Internet communication in the perception of addressees]. In: Rezanova, Z.I. (ed.) *Kartiny russkogo mira: sovremennyy mediadiskurs* [Images of the Russian world: a modern media discourse]. Tomsk: ID SK-S.
11. Kochetkova, M.O. & Tubalova, I.V. (2014) Development of the blog as a genre of the blogosphere discourse: the sociolinguistic aspect. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal of Philology*. 1 (27). pp. 39–52. (In Russian).
12. Barnes, J.A. (1954) Class and Committees in a Norwegian Island Parish. *Human Relations*. 7. pp. 39–58.
13. Altukhova, T.V. (2012) Social computer network “Vkontakte”: genre characterisation. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta – Bulletin of the Kemerovo State University*. 4–3. pp. 21–25. (In Russian).
14. Evsyukova, T.V. & Shilova, E.S. (2015) Problema samoidentifikatsii yazykovoy lichnosti v sotsial'nykh setyakh [The problem of self-identification of the language personality in social networks]. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Russkaya filologiya*. 6. pp. 8–15.
15. Safonova, T.V. (2015) Osobennosti funktsionirovaniya literaturnykh pretsedentov v sotsial'nykh setyakh (na primere poeticheskikh soobshchestv sotsial'noy seti “Vkontakte”) [Features of the functioning of literary precedents in social networks (on the example of the poetic communities of the social network “Vkontakte”)]. *Izvestiya Regional'nogo finansovo-ekonomicheskogo instituta*. 1 (7). pp. 9.
16. Brodovskaya, E.V., Dombrovskaya, A.Yu. & Sinyakov, A.V. (2015) Politicheskaya sub'ektnost' pol'zovateley sotsial'nykh setey v Rossii: rezul'taty vserossiyskogo sotsiologicheskogo issledovaniya [Political subjectivity of social network users in Russia: the results of the all-Russian sociological research]. *Lokus: lyudi, obshchestvo, kul'tury, smysly*. 2. pp. 80–87.
17. Krylova, M.N. (2016) Sposoby vyrazheniya emotsiy v sotsial'nykh setyakh [Ways of expression of emotions in social networks]. *Filologiya i literaturovedenie*. 1 (52). pp. 12–18.
18. Kupina, N.A. & Mikhaylova, O.A. (ed.) *Sovetskoe proshloe i kul'tura nastoyashchego: v 2 t.* [Soviet past and culture of the present: in 2 vols]. Ekaterinburg: Ural State University.
19. Rezanova, Z.I. (ed.) (2011) *Nostal'giya po sovetskomu* [Nostalgia for the Soviet]. Tomsk: Tomsk State University.
20. Mikhaleva, O.L. (ed.) (2013.) *Sovetskoe kak diskursivnyy fenomen: sposoby kontseptualizatsii proshlogo* [Soviet as a discursive phenomenon: the ways of conceptualizing the past]. Irkutsk: Irkutsk State University.
21. Mishankina, N.A. (2011) Rodina ili Sovok? Refleksiya “sovetskogo” obraza zhizni v virtual'nom diskurse [Homeland or Sovok? Reflection of the “Soviet” way of life in virtual discourse]. In: Rezanova, Z.I. (ed.) *Nostal'giya po sovetskomu* [Nostalgia for the Soviet]. Tomsk: Tomsk State University.
22. Mikhail'chenko, V.Yu. (ed.) (2006) *Slovar' sotsiolingvisticheskikh terminov* [Dictionary of sociolinguistic terms]. Moscow: Russian Academy of Sciences, Institute of Linguistics; Russian Academy of Linguistic Sciences.
23. Mirlay, L. & Gordon, M. (2003) *Sociolinguistics Method and Interpretation*. Oxford: Blackwell Publishing.
24. BRAND ANALYTICS. (2015) *Sotsial'nye seti v Rossii, vesna 2015. Tsifry, trendy, prognozy* [Social networks in Russia, spring 2015. Figures, trends, forecasts]. [Online] Available from: <http://brand-analytics.ru/blog/socialnye-seti-v-rossii-vesna-2015-tsifry-trendy-prognozy>.
25. Broom, L. & Reece, S. (1995) Political and Racial Interest: A Study in Content Analysis. *The Public Opinion Quarterly*. 19:1. pp. 5–19.

УДК УДК 81'367+81'373
DOI: 10.17223/19986645/47/4

В.Ю. Меликян, О.В. Акбаева

ФРАЗЕОСИНТАКСИЧЕСКИЕ СХЕМЫ С ОПОРНЫМ КОМПОНЕНТОМ – НЕПОЛНОЗНАМЕНАТЕЛЬНЫМ СЛОВОМ В СОВРЕМЕННОМ РУССКОМ ЯЗЫКЕ

В статье исследуются фразеосхемы русского языка с опорным компонентом – неполнознаменательным словом как самостоятельная группа единиц данного класса. Фразеосхемы описываются с позиций теории синтаксической фразеологии: изучаются система, специфика и продуктивность значений; модели построения; обязательные неизменяемый и изменяемый компоненты, а также факультативные компоненты; степень актуальности внутренней формы; синтагматические свойства; фразеологическая природа фразеосхем данной группы.

Ключевые слова: синтаксическая фразеология, фразеосинтаксическая схема, модели построения, русский язык.

Фразеологический состав языка является источником неиссякаемых научных изысканий как лингвистической, так и других наук. Фразеологическая наука развивалась неравномерно. В большей степени изучены лексические фразеологические единицы. В этой связи синтаксические фразеологические единицы (далее – СФЕ) представляют особый интерес на современном этапе развития языка.

СФЕ отличаются особой динамичностью, что обусловлено одновременным воздействием на них двух взаимоисключающих принципов устройства языка – экономии и избыточности. Первое детерминировано совмещением в означаемом пропозиций двух видов (диктумной и модусной), второе – второстепенным (вспомогательным) характером фразеологических ресурсов языка, так как они дублируют языковые единицы основной подсистемы языка.

«Противоречивость» языковой природы СФЕ обусловлена также совмещением в одном языковом знаке двух взаимоисключающих параметров: «стереотипности» и эмоциональности [1. С. 5].

Всё это постоянно привлекает внимание учёных-лингвистов к СФЕ как объекту исследования. Их изучение всегда остается актуальной задачей современного языкознания [2. С. 223]. По мнению Н.В. Богдановой, инвентарь подобных языковых единиц является основой грамматики, в том числе грамматики речи [3. С. 190].

Объектом настоящего исследования является лишь один класс СФЕ, который Д.Н. Шмелёвым [4] был назван фразеосинтаксическими схемами (фразеосхемами). В качестве материала выступают фразеосхемы русского языка с опорным компонентом, репрезентированным неполнознаменательным словом. Материал для анализа извлечён методом сплошной выборки из Национального корпуса русского языка, фразеологических словарей, произведений

художественной литературы XIX–XXI вв., а также «Словаря экспрессивных устойчивых фраз: фразеосхемы и устойчивые модели» [5].

В качестве предмета избраны структурно-семантические, этимологические, синтагматические и фразеологические характеристики фразеосхем данной группы.

В настоящем исследовании впервые предлагается исследование фразеосхем с опорным компонентом-неполнозначительным словом в составе единой группы. Все фразеосхемы разделены на подгруппы на основании частеречной принадлежности опорного компонента (междометие, предлог, частица, союз). Это позволяет выявить интегральные характеристики единиц данной группы в целом, а также дифференциальные признаки, детерминированные характером опорного компонента.

Фразеологическая наука в России и за рубежом имеет различные традиции. Методологические основы фразеологии были сформированы в отечественном языкознании. Зарубежная фразеология развивалась преимущественно в рамках других разделов науки о языке: стилистики, риторики и некоторых других дисциплин. Именно поэтому теоретические основы настоящего исследования обусловлены преимущественно отечественным опытом изучения фразеосхем.

Методологическая база для исследования фразеосхем была заложена в работах В.Л. Архангельского, В.И. Кодухова, Л.И. Ройзензона, Н.Ю. Шведовой, Д.Н. Шмелева и некот. др. На современном этапе развития теории синтаксической фразеологии следует отметить труды С.В. Андреевой, В.В. Бабайцевой, А.В. Величко, М.В. Всеволодовой, Л.Б. Матевосян, А.В. Меликян, В.Ю. Меликяна, Л.А. Пиотровской и некот. др.

Под СФЕ Грамматика-80 понимает построения «с индивидуальными отношениями компонентов и с индивидуальной семантикой. В этих предложениях словоформы связываются друг с другом идиоматически, не по действующим синтаксическим правилам функционируют служебные и местоимённые слова, частицы и междометия» [6. С. 383]. Такие синтаксические конструкции «...строятся не по живым действующим в языке правилам, а представляют собою изолированные структуры – следы когда-то свободных и легко расчленимых построений» [7. С. 269]. В них «...связи и отношения компонентов с точки зрения живых грамматических правил оказываются необъяснимыми» [6. С. 217].

При этом в Грамматике-80 СФЕ рассматриваются и квалифицируются непоследовательно: в разделе «Простое предложение» и в разделе «Субъективно-модальные значения». Это обусловлено тем, что к их описанию применялся инструментарий преимущественно синтаксиса «свободного» (нефразеологизированного) предложения. Называются они в этих разделах также по-разному: «предложения фразеологизированной структуры» (однако у них фразеологизирована не только структура!) и «синтаксические фразеологизмы» соответственно. При этом отсутствует дифференциация СФЕ по классам, по степени структурно-семантической слитности компонентов, а также по характеру синтаксической структуры предложения (сложная или простая) и т.д.

«Фразеосинтаксическая схема – это коммуникативная предикативная единица синтаксиса, представляющая собой определяемую и воспроизводимую несвободную синтаксическую схему, характеризующаяся наличием диктумной и модусной пропозиций (значений), выражающая суждение или побуждение, обладающая грамматической и лексической частичной нечленимостью, ограниченной проницаемостью и распространяемостью и выполняющая в речи экспрессивную функцию» [8. С. 161–162].

По мнению Д.Н. Шмелёва, фразеосхемы «обладают фиксированной и неизменной схемой построения, включая сюда обязательный порядок слов и наличие строго определённых, сильно ограниченных в варьировании грамматических форм, а иногда и определённых служебных слов... Индивидуальность фразеологических конструкций проявляется в сфере синтаксиса, т.е. в пределах заданной схемы допускается в той или иной мере свободное лексическое наполнение» [9. С. 327].

Фразеосхемы всегда неоднородны [6. С. 383]. Структура фразеосхемы формируется двумя обязательными компонентами: неизменяемым (опорным) и изменяемым. Опорный компонент представлен лексемой (сочетанием лексем), означаемое которой полностью или частично деактуализировано: опорный компонент является «застывшей формой, оторвавшейся от парадигмы соответствующего слова и, в той или иной степени, утратившей свои лексические и категориальные значения» [10. С. 94]. Такую же интерпретацию получил опорный компонент фразеосхемы и в Грамматике-80: «К синтаксическим фразеологизмам относятся также построения с утраченными или ослабленными грамматическими или прямыми лексическими значениями тех компонентов, с которыми связано выражение тех или иных субъективно-модальных значений» [6. С. 217]. Таким образом, ведущая роль опорного компонента фразеосхемы при определении её типа обусловлена его разноаспектной неизменяемостью, а также более заметной ролью в формировании общего фразеосинтаксического значения подобных конструкций, что будет показано в ходе последующего анализа.

Обязательный изменяемый компонент фразеосхемы – это полнозначительная лексема, обладающая нулевой, частичной или полной лексикограмматической и морфологической парадигмой, а также, как правило, полной лексической парадигмой.

Между обязательными неизменяемым и изменяемым компонентами синтаксические отношения, как правило, также неактуальны (полностью или частично), поэтому «строение этих конструкций... не поддаётся традиционному анализу “по членам предложения”» [11. С. 12]. Фразеосхемы характеризуются наличием фиксированных грамматической формы; лексикосемантической стороны, обеспечивающей постоянство его значения; модели предложения [12. С. 11].

Наличие двух обязательных (неизменяемого и изменяемого) компонентов в структуре фразеосхемы позволяет квалифицировать ее значение как «синтаксическое», а сами модели – как «лексико-синтаксические» [13. С. 202]. «...Включая в себя и разные формы имён, и формы глаголов, эти построения имеют одно и то же синтаксическое значение» [11. С. 12]. Послед-

нее ещё раз указывает на ведущую («опорную») роль обязательного неизменяемого компонента в формировании специфики фразеосхемы.

Всё это является результатом действия процесса фразеологизации, который, в свою очередь, детерминирован особой коммуникативной интенцией говорящего, связанной со стремлением адресанта актуализировать передаваемую информацию: «Процесс фразеологизации очень часто теснейшим образом связан с явлением актуализации. Прежде свободные, неактуальные выражения могут стать актуальными и перейти в разряд фразеологизированных образований. Актуализация приводит к превращению свободных оборотов в несвободные (устойчивые, воспроизводящиеся в речевом акте языковые единицы)» [14. С. 113]. В результате у фразеосхем «...экспрессивно-оценочные компоненты значения заметно преобладают над информативной семантикой, употребление этих конструкций связано с определенными речевыми актами, поэтому ведущей для большинства из них является функция воздействия на адресата, проявление которой связано с выражением волеизъявления или эмоциональных оценок говорящего: «Нет чтобы помолчать!»; «Чем не жених!»; «Звери, а не люди!» [15. С. 52].

Фразеосхемы могут быть классифицированы по различным критериям. Ведущим из них является характер частеречной принадлежности опорного компонента, который может быть выражен: 1) союзом; 2) предлогом и предложными образованиями; 3) частицей; 4) междометием и 5) акцентирующим и местоименным словом [6. С. 382–383]. Данная классификация подчёркивает особый статус опорного компонента в составе фразеосхемы, так как именно его специфика детерминирует многие параметры отдельных фразеосхем. Исследования начала XXI в. позволяют уточнить данную типологию. Кроме того, термин «акцентирующее слово» не вписывается в данную классификацию, которая по своему характеру является частеречной. По нашему мнению, опорный компонент фразеосхемы может быть выражен: 1) *наречием (вопросительным или невопросительным)*; 2) *местоименным словом*; 3) *частицей*; 4) *междометием*; 5) *союзом*; 6) *предлогом*; 7) *полнозначительным словом* [8. С. 166–167].

Настоящее исследование строится на основе описания семи фразеосхем с опорным компонентом, выраженным неполнозначительным словом. Фразеосхемы с опорным компонентом, выраженным частицей или союзом, были описаны ранее В.В. Посиделовой [16] и Д.А. Вакуленко [17] соответственно, однако представленные в настоящем исследовании фразеосхемы ими описаны не были. Фразеосхемы же с опорным компонентом, выраженным междометием, а также предлогом, в составе отдельных групп ранее не исследовались. Кроме того, новизна настоящего исследования заключается и в том, что фразеосхемы с опорным компонентом, выраженным различными типами неполнозначительных слов, описываются в составе единой группы СФЕ данного класса, что позволяет установить их интегральные и дифференциальные признаки.

Рассматриваемые здесь фразеосхемы ранее попадали в поле зрения отдельных учёных, однако их описание носило фрагментарный и непоследовательный характер. В большей степени заслуга их изучения принадлежит Н.Ю. Шведовой, которая последовательно предлагала результаты своих ис-

следований данного объектного пространства сначала в монографии «Очерки по синтаксису разговорной речи» [7], а затем в Грамматике-70 и Грамматике-80. Рассмотрим их кратко в последнем, наиболее полном источнике – Грамматике-80.

Фразеосхемы с опорным компонентом *и, на то и* Н.Ю. Шведова называет «соединениями с союзами или союзными частицами», при этом не дифференцирует их, а также не определяет статус термина «соединение» [6. С. 220]. Их синтаксический статус определяется как свободный и несвободный, однако соответствующие доказательства отсутствуют. При описании фразеосхемы с опорным компонентом *и* даётся лишь её семантическая интерпретация: «1) значение обыкновенности, соответствия обычному: *У лешего наружность обыкновенная. Мужичок и мужичок. Вроде меня* (Пауст.); 2) значение согласия, принятия, допущения: *Бросил и бросил, ничего не поделаешь, в семье исчезла фигура отца* (Макар.)» [6. С. 220]. Опорный компонент *на то и* назван «фразеологическим единством» без описания его фразеологической природы и иных аспектов; причём данный опорный компонент рассматривается в структуре фразеосхемы, построенной по модели сложноподчинённого предложения; приведено одно значение данной фразеосхемы: «предназначенность, соответствие назначению: *Дети на то и дети, чтобы шуметь*» [6. С. 221].

Фразеосхемы с опорным компонентом, представленным частицей или междометием, в Грамматике-80 описаны также преимущественно в семантическом аспекте. Они квалифицированы как «построения с модальными частицами» и «построения с междометиями», при этом отсутствует квалификация языковой природы таких «построений».

Фразеосхемы с опорным компонентом, репрезентированным союзом *как* и сочетанием частицы с предлогом (*не в*), в Грамматике-80 названы «предложениями фразеологизированной структуры»; представлена их разноаспектная характеристика, однако в свёрнутом виде, в констатирующем аспекте и без аргументации [6. С. 383].

Итак, перейдём к системному описанию фразеосхем с опорным компонентом, выраженным неполнозначительным словом.

Анализ фразеосхем данной группы в семантическом аспекте показал, что они могут выражать различное количество значений: пять фразеосхем моносемичны, две фразеосхемы выражают по три значения. Характер значений различный. При этом доминируют оценочные значения: «оценка предмета речи как полностью соответствующего своему назначению»; «оценка предмета речи как не соответствующего традиционным представлениям о нём»; «положительной оценки»; «негативной оценки»; «интенсивности». Кроме того, они могут выражать значения «утверждения», «отрицания» и «констатации факта». Например:

1. «**N₁ + как + N₁**»:

«оценка предмета речи как соответствующего норме, традиционному представлению о нём» («предмет определяется как соответствующий обычному» [6. С. 383]), например:

– *До чего ж ты глупая!* – ужаснулась дочь. – *В море какая вода?* – **Вода как вода.** – Нина стукнула себя кулаком по лбу. – *Во!* – задохнулась она. (Р. Киреев. Год лебедей).

2. «Ну и + N₁!»:

1) «удивление, положительная оценка предмета речи в сочетании с восхищением, радостью и т.п.», например:

За столом шумно. – Ну, кума, и пирог! – кричит Чилибеев. – *Всем пирогам пирог!* (А. Аверченко. Рождественский день у Киндяковых);

2) «удивление, негативная оценка предмета речи в сочетании с неодобрением, порицанием, возмущением и т.п.», например:

– *Ну и житуха!* – вполне отчётливо, ясно, с безразличностью думал Яковлев. – *Всякой дешёвизне рады... Как была деревня, так и осталась...* (В. Шукшин. Вечно недовольный Яковлев);

3) «высокая степень проявления какого-л. признака в сочетании с различного рода эмоциями» (субъективно-модальное значение эмоционально окрашенного подчеркивания, усиления [6. С. 224], а также значение высокой степени признака [6. С. 225]), например:

[Шибанов:] *Упустил, ну и раззява я!*.. (Вс. Вишневский. Незабываемый 1919-й).

В этимологическом аспекте все фразеосхемы с опорным компонентом неполнозначительным словом производны. Чаще всего они строятся на основе «свободной» синтаксической конструкции. Например, фразеосхема «Да ну + N₁!» сформирована на базе простого предложения, включающего в свой состав неполнозначительную лексему с субъективно-модальным значением: междометие *ну* (иногда в сочетании с усилительной частицей *да*). Таким образом, главным компонентом в составе производящего предложения является междометие *ну*: «Ну, междом. Разг. 1. Выражает призыв или побуждение к действию. [Бальзаминов:] *Ну, давай плясать! Становись!* А. Островский, *За чем пойдёшь, то и найдёшь*» [18. Т. 2. С. 513]. Частица *да* выступает в качестве лишь модификатора (усилителя) значения междометия *ну* и всего высказывания.

В составе производящего предложения междометие *ну* выполняет функцию модального компонента, усиливающего значение всего высказывания (в данном случае значение побуждения). Вспомогательная роль междометия *ну* в составе производящего предложения подтверждается экспериментально. Так, при опущении данного компонента предложение сохраняет свой коммуникативно-синтаксический статус: *Не ворчи, пожалуйста!* Кроме того, возможна инверсия междометия и полнозначительной лексики, что не допускается в производной фразеосхеме, например: [Чугреев:] *сунул Фадейцеву устав. – Переписывай! Быстро, ну.* (Вс. Иванов. Долг). Опущение данного компонента в составе фразеосхемы приводит к утрате фразеологического статуса и категориального значения «отрицания», а в некоторых случаях к его разрушению как языковой единицы.

Обязательный неизменяемый компонент фразеосхем данной группы, как правило, составной (*ну и, да ну, не в, на то и, ну не*), что обусловлено неполнозначительной природой тех лексем, на основе которых он сформирован.

Лишь два опорных компонента, внутренняя форма которых связана с лексико-грамматическим статусом союза, являются простыми: *и, как*.

Специфика некоторых опорных компонентов, построенных на основе неполнозначительных лексем (в частности, *не в, и, как*), заключается в том, что они занимают интерпозицию по отношению к обязательному изменяемому компоненту. «Классическая» же модель фразеосхемы предполагает препозицию опорного компонента. Например, «**На то и + N₁!**»: *Всю жизнь считался мировым парнем. А глупости, маленькие подлости – кто ж их не делает? **На то и жизнь...*** (В. Рыбаков. Вода и кораблики).

Внутренняя форма опорного компонента в составе фразеосхем, как правило, деактуализирована в той или иной степени. Это обуславливает, в свою очередь, отсутствие у них парадигматических свойств лексико-грамматического, морфологического и лексического характера. Рассмотрим опорный компонент *да ну*. Например: – *Я ведь, свинья такая, ничего про тебя не знаю.* – **Да ну – свинья!** – хмыкнула Нелька (А. Берсенева. Полёт над разлукой). Этимологическое значение междометия *ну* связано с семантикой «побуждения». Фразеосхема же выражает значение «отрицания». Отсюда лексико-семантическое значение лексики *ну* в составе фразеосхемы деактуализировано. Сочетание *да ну* утратило синтаксические связи с полнозначительной лексемой в составе фразеосхемы, что проявляется в невозможности его постпозиции. Это свидетельствует об утрате и грамматического значения лексики *ну*. Таким образом, опорный компонент *да ну* в составе фразеосхемы полностью деактуализирован.

Обязательный изменяемый компонент фразеосхем данной группы может быть представлен одной полнозначительной лексемой (в четырёх фразеосхемах) или одной повторяющейся лексемой (в трёх фразеосхемах). Частеречная (лексико-грамматическая) парадигма может быть полной (у трёх фразеосхем), дефектной (у одной фразеосхемы) или нулевой (у трёх фразеосхем); морфологическая парадигма отсутствует полностью у четырёх фразеосхем, представлена частично у одной и является полной у двух фразеосхем. Лексическое варьирование данного структурного компонента, как правило, носит неограниченный характер.

Например, фразеосхема «**Ну не + N₁!**». Обязательный изменяемый компонент является простым, обладает дефектной лексико-грамматической парадигмой, так как представлен только именем существительным (N₁), именем прилагательным (Adj₁) и наречием (Adv): «**Ну не + N₁ [Adj₁, Adv] + <ли> (?)!**». Чаще всего в этой роли используется имя существительное. Например: 1) – *А что, бомбят уже? – спросил мужик.* – **Ну не дурак!** *Пойди проспись лучше* (В. Беляев. Старая крепость); 2) *У него в голове было своё царство цифр в образах: <...> все фигуры... рисовались то знакомыми людьми, то походили на разных животных.* – **Ну не пустой ли малый!** – воскликнул учитель (И. Гончаров. Обрыв).

Морфологическая парадигма обязательного изменяемого компонента нулевая: допускается лишь форма именительного падежа именных частей речи. Например: – *Бей его!* – *вдруг крикнул кто-то.* *И не успел Рыжик опомниться, как слетел с ног от удара, полученного в затылок.* – **Ну не подлец!** – *прошептал сосед Саньки и нагнулся к нему* (А. Свирский. Рыжик).

Обязательный изменяемый компонент лексически свободно варьируем. При этом доминируют лексемы с номинативно-характеризующим значением. Например: 1) *[Аграфена Кондратьевна:] Ишь ты! Не утомилась! **Ну не юла?!*** (А. Островский. Свои люди – сочтёмся); 2) – *А помнишь, Антип, как ты меня в город на ярмарку возил? – **Ну не дурак ты!*** (В. Шукшин. Рассказы); 3) – *А мой отец подвернулся под горячую руку. – Да почему? – Специально дождался меня у магазина. **Ну не подхалим!*** (В. Шукшин. Обида); 4) *Савелий недоверчиво поглядел на жену, потянулся губами к лампочке, но тотчас же спохватился и всплеснул руками. – **Ну не хитрость ли бесовская?** – воскликнул он. – А? Ну ли какая тварь хитрее бабьего роду?* (А. Чехов. Ведьма).

Фразеосхемы данной группы синтаксической парадигмой не обладают, так как порядок следования структурных компонентов является обязательным. Причина заключается в полной или частичной деактуализации синтаксических отношений между обязательными компонентами.

Все фразеосхемы данной группы обладают факультативными компонентами (от одного до трёх), которые используются с целью детализации диктумной или модификации модусной пропозиции фразеосхемы. Например, в составе фразеосхемы « $N_1 + \text{как} + N_1$ » выявлено несколько факультативных компонентов, которые составляют её специфику и заметно отличают её от других фразеосхем. Сразу следует отметить, что все факультативные компоненты используются в составе фразеосхемы достаточно редко. При этом чуть чаще применяются лексемы, имеющие модальное значение и способствующие модификации субъективно-модального компонента значения фразеосхемы: «<А [ну, вроде, в конце концов]> $N_1 + \text{как} + N_1$ ». Удалось выявить присоединительно-усилительный союз *а*; частицу *ну* в роли союза, «указывающего на вывод, заключение или вводное замечание» [18. Т. 2. С. 513]; частицу *вроде*; наречие *в конце концов* в роли вводного слова, употребляющегося «для выражения обобщения, заключения сказанного» [19. С. 42]. Например: 1) – *Эй, отцы! – Пекалов окликнул, и, поскольку слепые так явно были голодны и неприкаянны, Пекалов пообещал им пропитание и даже немного водки; **а работа как работа, рыть под землей.*** (В. Маканин. Утрата); 2) ***Ну, море, как море...** Ничего особенного. Темно, сыро, холодно. Ужасно много воды вокруг, и шумит она так, что Водиле и Лысому приходится даже кричать, чтобы расслышать друг друга.* (В. Кунин. Кыся); 3) – *Не разглядел. Несколько лет в одном институте проработали. Кто мог подумать, что у него на уме такое? **Вроде человек как человек:** кандидатскую защитил, докторскую готовил. Историей увлекался. Золото, одним словом.* (Е. Прошкин. Механика вечности); 4) *Все было странно иным и в какой-то мере непонятно зловещим: **в конце концов дома как дома,** земля как земля и люди тоже не с двумя головами, но почему же постоянно ощущается присутствие чего-то скрыто-зловещего, распостёртого во всём..?* (Ю. Мамлеев. Американские рассказы).

Представляется возможным использование и других лексем с субъективно-модальным значением, например: *Правда, город как город / Вероятно, дело как дело / Думаю, мужик как мужик* и т.д.

Второй факультативный компонент исследуемой фразеосхемы более заметно трансформирует её структуру и семантику: «<Pron₁ [N₁, V_{finite} (пр. вр.)]> + N₁ + как + N₁» и «N₁ + <V_{finite} (пр. вр.)> + как + N₁». В этой функции может появляться новое подлежащее в синтаксической модели предложения, которое переводит основной вариант фразеосхемы в разряд сказуемого. Это подлежащее может быть выражено личным местоимением (Pron₁) или именем существительным в именительном падеже (N₁) и занимает препозицию по отношению к основному варианту фразеосхемы. В этом случае морфологическое варьирование обязательного изменяемого компонента фразеосхемы (настоящее время – прошедшее время – будущее время) становится более лёгким и естественным. Например: 1) – *Вот, например, если бы мне надо было написать о товарище Сталине. Что же, я стал бы изображать его в треуголке Наполеона? А он человек как человек. Самый обыкновенный. В помятых штанах, рябой, ничем не примечательный...* (Б. Ефимов. Десять десятилетий); 2) *Кайахога была река как река. Тысячи лет текли в живописных лугах и лесах чистые воды.* (В. Песков, Б. Стрельников. Земля за океаном); 3) *Праздник будет как праздник!* (Из разг. речи).

Такое подлежащее может быть распространённым, например: *Уход за стариками – дело как дело... Что тяжело – не успеешь к кому-то привыкнуть, а он – брыки... Ну ничего, я отдохну.* (Д. Рубина. Монологи).

В качестве полнознаменательного факультативного компонента данной фразеосхемы может появляться глагольная лексема (V_{finite} пр. вр.), которая переводит логический статус обязательного изменяемого компонента в разряд объекта, а не субъекта действия. Данный факультативный компонент может занимать как препозицию, так и постпозицию к первой именной лексеме. Например: *В конце 70-х годов Михаил Козаков дождался первой большой книги о себе. Написала её Элеонора Тадэ в «актёрской» серии издательства «Искусство». Получилась книга как книга, журналистский очерк с элементами анализа творчества Козакова.* (А. Медведев. Территория кино); Ср.: *Книга получилась как книга!*

Экспериментальные трансформации структуры фразеосхемы показали, что основной её вариант может переходить и в статус придаточного предложения в составе сложноподчинённого предложения. Например: *Получается, что дело как дело; Он сказал, что это было дело как дело.*

Следует отметить, что второй факультативный компонент очень редко встречается в структуре данной фразеосхемы, так как способствует существенному снижению степени её фразеологизации, а потому и прагматического потенциала.

Кроме факультативных, фразеосхемы способны приобретать и распространяющие члены предложения. Однако анализ языкового материала показал, что фразеосхемы «неохотно» увеличивают протяжённость своей синтаксической структуры, так как это противоречит их фразеологической природе, которая проявляется в стремлении к экономии, деактуализации опорного компонента, частичной утрате синтаксических отношений и т.п. А, например, фразеосхема «<Ну>V_{finite} [N, Adj, Adv] + и + V_{finite} [N, Adj, Adv]!» вообще не допускает никакого распространения своей синтаксической структуры: *Помню, что пьяный был тогда, целую неделю пил. На душе было гадостно... А*

ч-чёрт, не всё ли равно! Пошёл и пошёл. Что я в этом копаюсь, как в дерьме прутиком! Боюсь я, что ли?.. Он вздрогнул (А. Стругацкий, Б. Стругацкий. Пикник на обочине). Это составляет её специфику в синтагматическом аспекте и обусловлено особенностями внутренней формы, в частности, опорного компонента. Союз *и* в производящем предложении используется для усиления выразительности в начале вопросительных и восклицательных предложений [18. Т. 1. С. 626], а потому является не основным союзным элементом, связывающим части сложного предложения, а лишь вспомогательным, что привело к утрате синтаксических отношений между обязательными компонентами структуры высказывания и образованию фразеосхемы, например: *Степан даже привскочил, с сердцем ответил: – И чего ты привязался?* (М. Шолохов. Тихий Дон).

Фразеосхемы с опорным компонентом-неполнозначительным словом характеризуются наличием таких фразеологических признаков, как воспроизводимость, структурно-семантическая устойчивость и целостность, идиоматичность, экспрессивность и разговорная стилистическая маркированность.

Рассмотрим наиболее специфический признак – идиоматичность, так как именно он является ключевым при определении природы языковой единицы. Например, фразеосхема « $N_1 + \text{не в} + N_2$ »: *Среди будничных дней, как награды за труды, – праздники, которые дальше в жизнь не сгущаются, подобно лесам, наоборот, делаются реже, потому что к старости больше потерь у человека, накатывает нездоровье, усталость, плоть не тревожит, не гонит на чей-то зов. И праздники уже не праздники, и радость не в радость, зато душе покойней* (В. Астафьев. Последний поклон).

Формально не репрезентированным (т.е. невыводимым, идиоматичным) у данной фразеосхемы является значение «оценки предмета речи как лишённого обычного положительного содержания, не соответствующего традиционным представлениям о нём», которое детерминировано не лексико-семантическим наполнением синтаксической конструкции, а её фразеосинтаксической организацией в целом: «*Радость не соответствует традиционному представлению о ней*». Идиоматично также наполнение модусной пропозиции: семы «сожаления, печали и т.п.»; семы «интенсивности» и «экспрессивности», детерминированные повтором лексемы, а также асимметрией плана выражения и плана содержания высказывания. Формально не выраженным является также грамматическое значение синтаксической конструкции: грамматическое значение предлога *в* не репрезентирует реальные отношения между денотатами и не отражает современных правил грамматики. Прямое толкование данной синтаксической конструкции невозможно в силу алогичности. Последнее служит причиной закрепления фразеосхемы за разговорной сферой употребления (сема «разговорности»).

Таким образом, в результате исследования фразеосхем с опорным компонентом, выраженным неполнозначительным словом, было установлено, что опорный компонент фразеосхем данной группы может быть репрезентирован междометием, предлогом, частицей или союзом.

Доказано, что специфика фразеосхем данной группы во многом детерминирована частеречной принадлежностью опорного компонента, так как осо-

бенности его внутренней формы определяют и другие ключевые характеристики фразеосхемы в целом. Однако проведённый анализ показал, что данный фактор не является исключительным. Уникальность природы каждой фразеосхемы обусловлена также спецификой модели её построения, которая, в свою очередь, определяется особенностями производящей синтаксической конструкции. Всё это детерминирует характер проявления фразеологических свойств фразеосхем данной группы.

Особенностью фразеосхем с опорным компонентом-неполнозначительным словом в семантическом аспекте является преобладание моносемичных синтаксических построений. При этом у них доминирует значение положительного типа («положительной оценки», «утверждения» и т.д.; восемь значений из одиннадцати), что резко контрастирует с результатами исследования фразеосхем других групп, у которых чаще встречается значение негативного типа. Последнее вообще коррелирует с преобладанием средств негативной оценки и отрицания, которое имеет место в системе языка. Ещё Б. Шоу утверждал, что «есть пятьдесят способов сказать *да* и пятьсот способов сказать *нет...*» [20. С. 11].

В этимологическом аспекте фразеосхемы данной группы соответствуют тем параметрам, которые были выявлены при исследовании подобных построений других групп: модели построений, количество этапов формирования, характер структурно-семантических трансформаций и т.п. В частности, все фразеосхемы данной группы производны. Они сформированы на основе простого предложения (повествовательного (две фразеосхемы) или вопросительного (одна фразеосхема)) или сложноподчинённого предложения с придаточным обстоятельственным (условия или цели). Одна фразеосхема построена на базе лексической фразеологической единицы. Ещё одна фразеосхема в качестве производящей основы использовала сразу две модели предложения: простое предложение со сравнительным оборотом и сложноподчинённое предложение с придаточным обстоятельственным (сравнительным). Построение фразеосхем с опорным компонентом-неполнозначительным словом осуществляется, как правило, в один этап. Однако формирование фразеосхемы с опорным компонентом *на то и* происходило в несколько этапов.

Обязательный неизменяемый компонент фразеосхем данной группы, как правило, составной. Опорные компоненты *не в*, *и*, *как* занимают интерпозицию по отношению к обязательному изменяемому компоненту, а не препозицию, что составляет их существенную специфику.

Степень деактуализации внутренней формы опорного компонента в составе фразеосхем может быть различной. Так, исходное значение компонентов *да ну*, *и* деактуализировано полностью, *как*, *ну и*, *на то и*, *не в* – частично, *ну не* – полностью актуально. Данное обстоятельство, а также неполнозначительный характер лексем, формирующих опорный компонент, обусловили практически полное отсутствие у них (за исключением *ну и*) парадигматических свойств (лексико-грамматической, морфологической и лексической парадигм). Этим они отличаются от фразеосхем других групп.

Обязательный изменяемый компонент описываемых фразеосхем может быть как простым (репрезентирован одной полнозначительной лексемой;

четыре фразеосхемы), так и составным (выражен повторяющейся лексемой; три фразеосхемы). Последнее составляет их специфику в данном аспекте в отличие от фразеосхем других групп. Лексико-грамматическая парадигма у обязательного изменяемого компонента может быть полной (три фразеосхемы), нулевой (три фразеосхемы), дефектной (одна фразеосхема); морфологическая парадигма – нулевой (четыре фразеосхемы), полной (две фразеосхемы), дефектной (одна фразеосхема). Лексическая парадигма, как правило, полная.

Синтаксическая парадигма у фразеосхем данной группы отсутствует в силу устойчивости порядка следования обязательных компонентов. Это обусловлено полной или частичной деактуализацией синтаксических отношений между ними.

Все фразеосхемы данной группы имеют факультативные компоненты структуры: один (три фразеосхемы), два (три фразеосхемы) или три (одна фразеосхема). Факультативные компоненты способствуют детализации диктумной или интенсификации модусной пропозиции фразеосхемы.

Фразеосхемы данной группы обладают потенциальной способностью к распространению с целью детализации своего коммуникативного смысла. Однако анализ речевого материала показал, что одна фразеосхема вообще не распространяется, а пять фразеосхем крайне редко используют данную возможность. Лишь фразеосхема с опорным компонентом *как* активна в данном аспекте. Таким образом, речевая синтагматика фразеосхем данной группы крайне ограничена.

Фразеосхемы с опорным компонентом-неполнознаменательным словом обладают всеми категориальными признаками фразеологизации, присущими и другим СФЕ данного класса.

К перспективам исследования фразеосхем данной и других групп следует отнести необходимость изучения когнитивных моделей, лежащих в основе их пропозитивного наполнения и фразеосинтаксического значения, а также комплекс проблематики, связанной с особенностями перевода подобных синтаксических построений на другие языки в силу их высокой и разноаспектной специфичности, а во многих случаях – и уникальности.

Литература

1. Бурвикова Н.Д., Костомаров В.Г., Прохоров Ю.Е. Национально-культурные единицы общения в современном культурном пространстве – лингвометодический аспект // Русский язык в Армении. 2003. № 3.
2. *Русская разговорная речь* / отв. ред. Е.А. Земская. М., 1973.
3. Богданова Н.В. О корпусе текстов живой речи: новые поступления и первые результаты исследования // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии. Вып. 9 (16). По материалам международной конференции «Диалог» (2010) / гл. ред. А.Е. Кибрик. М., 2010.
4. Шмелёв Д.Н. Синтаксически связанные конструкции-фразеосхемы // Синтаксическая членимость высказывания в современном русском языке. М., 1976.
5. Меликян В.Ю. Словарь экспрессивных устойчивых фраз: фразеосхемы и устойчивые модели. М.: Флинта: Наука, 2016.
6. *Русская грамматика*: в 2 т. / гл. ред. Н.Ю. Шведова. М., 1980. Т. 2.
7. Шведова Н.Ю. Очерки по синтаксису русской разговорной речи. М., 1960.
8. Меликян В.Ю. Современный русский язык: Синтаксическая фразеология: учеб. пособие для студентов. М., 2014.

9. Шмелёв Д.Н. Современный русский язык. Лексика. М., 1977.
10. Шведова Н.Ю. О некоторых типах фразеологизированных конструкций в строе русской разговорной речи // *Вопр. языкознания*. 1958. № 2.
11. Шмелёв Д.Н. О синтаксической членности предложения // *Русский язык в школе*. 1965. № 2.
12. Гаврин С.Г. Фразеологизация элементов речевого потока как лингвистическое явление: (В связи с проблемой развития фразеологического состава) // *Вопр. русского языка и методики его преподавания. Учен. записки Перм. гос. пед. ун-та*. 1966. Вып. 34.
13. Архангельский В.Л. Устойчивые фразы в современном русском языке. Ростов н/Д, 1964.
14. Ройзензон Л.И. Фразеологизация как лингвистическое явление // *Тр. Самарканд. гос. ун-та*. Нов. серия. 1961. № 119.
15. Николина Н.А. Современный русский синтаксис: предложение и его членность. Владимир, 1994.
16. Посиделова В.В. Системно-речевые характеристики фразеосинтаксических схем с опорным компонентом-частицей: дис. ... канд. филол. наук. Ростов н/Д, 2008.
17. Вакуленко Д.А. Фразеосинтаксические схемы с опорным компонентом-союзом: язык и речь (на материале русского языка): дис. ... канд. филол. наук. Майкоп, 2014.
18. *Словарь русского языка*: в 4 т. / под ред. А.П. Евгеньевой. М., 1981–1985.
19. Рогожникова Р.П. Словарь эквивалентов слова: наречные, служебные, модальные единства. М., 1991.
20. Шоу Б. Избранное. М., 1946.

Список условных сокращений

- пр. вр. – прошедшее время
 разг. – разговорное
 Ср. – Сравни
 СРЯ – Словарь русского языка: в 4 т. / под ред. А.П. Евгеньевой. М., 1981–1985
 СФЕ – синтаксическая фразеологическая единица
 Adj – прилагательное во всех падежных формах
 Adj₁ – прилагательное в именительном падеже
 Adv – наречие
 N₁ – имя существительное в именительном падеже
 N₄ – имя существительное в винительном падеже
 Pron₁ – личное местоимение в именительном падеже
 V_{fin} – глагол в личной форме

FIXED PHRASE SCHEMES WITH A COMPULSORY COMPONENT – A SYNCATEGOREMATIC WORD – IN THE MODERN RUSSIAN LANGUAGE

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology. 2017. 47. 57–71. DOI: 10.17223/19986645/47/4

Vadim Yu. Melikyan, Southern Federal University (Rostov-on-Don, Russian Federation).
E-mail: melikyanv@mail.ru

Olga V. Akbaeva, Donskoy State Technical University (Rostov-on-Don, Russian Federation).
E-mail: o.akbaeva@yandex.ru

Keywords: Syntactical phraseology, fixed phrase scheme, structuring models, the Russian language.

Fixed phrase schemes (phraseoschemes) of the Russian language with a compulsory component represented by a syncategorematic word are analyzed in the article as an independent group of units of this class. The aim is the description of structural, semantic, etymological, syntagmatic and phraseological characteristics of fixed phrase schemes from the point of view of phraseology theory using the investigative method created in syntax of the “undivided” (phraseologized) sentence. In this study we used the descriptive and transformational methods, the methods of the component analysis of the propositional sentence structure, syntactic modeling, phraseographic portraying, the method of phraseological, etymological, contextual and discourse analysis.

All described fixed phrase schemes are divided into subgroups on the basis of belonging to a certain part of speech of a compulsory component: interjection, preposition, particle, conjunction. This approach allows singling out the integral features of units of this group as a whole, and also the differentiating characteristics determined by the language nature of the compulsory component.

The material for the research is fixed phrase schemes extracted with the continuous sampling method from the Russian National Corpus, phraseological and definition dictionaries, fiction works of the 19th–21st centuries and colloquial speech records.

The fixed phrase schemes of this group are mostly monosemic, and the evaluative meaning type prevails. All fixed phrase schemes are derivative: they are formed on the basis of the simple sentence (narrative and interrogative) or the complex sentence.

The fixed phrase scheme structure is formed by two required components: the unchangeable (compulsory) and changeable ones. The compulsory unchangeable component can be compound (*da nu, nu i, na to i, ne v, nu ne*) or simple (*i, kak*). The compulsory component, as a rule, is deactualized; it determines a practically complete absence of paradigmatic qualities (lexico-grammatical, morphological, and lexical paradigm). The syntactic relations between the compulsory components are also deactualized, which leads to the irreversibility of their word-order.

All fixed phrase schemes of this group have optional structural components (from one to three) that contribute to the specification of the dictum proposition or the intensification of the modus proposition of the fixed phrase scheme. They enable to extend other utterances and construe with them; however, their syntagmatic potential is not frequently realized in speech, because it “destroys” their phraseological nature.

Fixed phrase schemes possess all categorial phraseologization features, the specific character of which is mostly determined by the peculiarities of the inner form of their compulsory component. However, the analysis has shown that not everything is determined by this factor. Many linguistic and speech parameters of fixed phrase schemes are connected with the uniqueness of their producing base, the functioning sphere, and also the global and multispectral phraseologization process which is implemented based on the key rules of language units organization.

References

1. Burvikova, N.D., Kostomarov, V.G. & Prokhorov, Yu.E. (2003) *Natsional'no-kul'turnye edinye obshcheniya v sovremennom kul'turnom prostranstve – lingvometodicheskiy aspekt* [National-cultural units of communication in contemporary cultural space: a linguomethodological aspect]. *Russkiy yazyk v Armenii*. 3.
2. Zemskaya, E.A. (ed.) (1973) *Russkaya razgovornaya rech'* [Russian colloquial speech]. Moscow: Nauka.
3. Bogdanova, N.V. (2010) O korpuse tekstov zhivoy rechi: novye postupleniya i pervye rezultaty issledovaniya [On the corpus of texts of living speech: new acquisitions and the first results of the research]. In: Kibrik, A.E. (ed.) *Komp'yuternaya lingvistika i intellektual'nye tekhnologii* [Computer linguistics and intellectual technologies]. Vol. 9 (16). Moscow: RSUH.
4. Shmelev, D.N. (1976) *Sintaksicheskaya chlenimost' vyskazyvaniya v sovremennom russkom yazyke* [Syntactic divisibility of utterances in modern Russian]. Moscow: Nauka.
5. Melikyan, V.Yu. (2016) *Slovar' ekspressivnykh ustoychivyykh fraz: frazeoskhemy i ustoychivye modeli* [Dictionary of expressive fixed phrases: phraseoschemes and sustainable models]. Moscow: Flinta: Nauka.
6. Shvedova, N.Yu. (ed.) (1980) *Russkaya grammatika: v 2 t.* [Russian grammar: in 2 vols]. Vol. 2. Moscow: Nauka.
7. Shvedova, N.Yu. (1960) *Ocherki po sintaksisu russkoy razgovornoj rechi* [Essays on the syntax of Russian colloquial speech]. Moscow: USSR As.
8. Melikyan, V.Yu. (2014) *Sovremennyy russkiy yazyk. Sintaksicheskaya frazeologiya* [Contemporary Russian language. Syntactic phraseology]. Moscow: FLINTA.
9. Shmelev, D.N. (1977) *Sovremennyy russkiy yazyk. Leksika*. Moscow: Prosveshchenie.
10. Shvedova, N.Yu. (1958) O nekotorykh tipakh frazeologizirovannykh konstruktsey v stroe russkoy razgovornoj rechi [On some types of phraseological constructions in the structure of Russian colloquial speech]. *Voprosy yazykoznanija*. 2.
11. Shmelev, D.N. (1965) O sintaksicheskoy chlenimosti predlozheniya [On the syntactic divisibility of the sentence]. *Russkiy yazyk v shkole*. 2.

12. Gavrin, S.G. (1966) Frazеologizatsiya elementov rechevogo potoka kak lingvisticheskoe yavlenie (V svyazi s problemoy razvitiya frazeologicheskogo sostava) [Phraseologization of elements of the speech stream as a linguistic phenomenon (In connection with the problem of the development of phraseological composition)]. *Voprosy russkogo yazyka i metodiki ego prepodavaniya. Uchenye zapiski Permskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta*. 34.
13. Arkhangel'skiy, V.L. (1964) *Ustoychivye frazy v sovremennom russkom yazyke* [Fixed phrases in the modern Russian language]. Rostov-on-Don: RSU.
14. Royzenzon, L.I. (1961) Frazеologizatsiya kak lingvisticheskoe yavlenie [Phraseologization as a linguistic phenomenon]. *Trudy Samarkandskogo gosudarstvennogo universiteta. Novaya seriya*. 119
15. Nikolina, N.A. (1994) *Sovremennyy russkiy sintaksis: predlozhenie i ego chlenimost'* [Contemporary Russian syntax: a sentence and its divisibility]. Vladimir.
16. Posidelova, V.V. (2008) *Sistemno-rechevye kharakteristiki frazeosintaksicheskikh skhem s opornym komponentom-chastitsey* [System-speech characteristics of phraseosyntactic schemes with a particle as a reference component]. Philology Cand. Diss. Rostov-on-Don.
17. Vakulenko, D. A. (2014) *Frazеosintaksicheskie skhemy s opornym komponentom-soyuzom: yazyk i rech' (na materiale russkogo yazyka)* [Phraseosyntactic schemes with a conjunction as a supporting component: language and speech (on the material of the Russian language)]. Philology Cand. Diss. Maykop.
18. Evgen'eva, A.P. (ed.) (1981–1985) *Slovar' russkogo yazyka. V 4 t.* [Dictionary of the Russian language. In 4 vols]. Moscow: Russkiy yazyk.
19. Rogozhnikova, R.P. (1991) *Slovar' ekvivalentov slova: narechnye, sluzhebnye, modal'nye edinstva* [Dictionary of word equivalents: adverbial, functional, modal unities]. Moscow: Russkiy yazyk.
20. Shaw, B. (1946) *Izbrannoe* [Selected works]. Translated from English. Moscow: Gosudarstvennoe izdatel'stvo khudozhestvennoy literatury.

УДК81.373.2

DOI: 10.17223/19986645/47/5

Г.Н. Старикова, Хоанг Тхи Хонг Чанг

ТРОФОНИМЫ (РЕСТОРОНИМЫ) КАК ОСОБЫЙ ТИП ЭРГОНИМОВ (НА МАТЕРИАЛЕ ИМЕН ЗАВЕДЕНИЙ ОБЩЕСТВЕННОГО ПИТАНИЯ МОСКВЫ)

В статье дается обоснование введения термина трофоним и его номинативного варианта рестороним для обозначения имен собственных, называющих заведения общественного питания. Выявлены современная система номенклатурных наименований подобных предприятий, продуктивные модели их образования, языковые маркеры специализации заведений – по типу кухни, форме обслуживания и др. Исследованием доказана зависимость трофонимов от видов предприятий ресторанного бизнеса.

Ключевые слова: ономастика (ономатология), эргонимы, трофонимы (ресторонимы), номенклатурная специализация, структура эргонима.

Введение в проблему

Одним из наиболее активно развивающихся в настоящее время разделов ономастики (ономатологии) – комплексной науки о наименованиях – является направление, призванное изучать имена деловых объединений людей (фирм, торговых предприятий, учреждений, союзов, обществ и др.), получившие в лингвистических трудах специальное обозначение *эргонимы* (от греч. ἔργον – дело, труд; деятельность, функция). В научной литературе их также называют *коммерсонимы*, *урбанонимы*, *фирмонимы*, *эргоурбонимы*, *эргорекламонимы* и др. Именно с ними связан «номинационный бум» конца XX – начала XXI в. в России, вызванный кардинальными изменениями в социально-экономической жизни страны указанного периода, что дает право отнести эту лексику к наиболее изучаемому в современный момент классу онимов русской культуры.

Столь пристальное внимание лингвистов к данному типу имен обеспечило эргонимике как особому разделу науки о проприальной лексике интереснейший по многим параметрам материал исследования, разноаспектность его описания, а также выявило необходимость разработки этого сегмента ономастической терминологии. В частности, настоятельно требуются гиперонимы для названий отдельных видов деловых объединений: магазинов, банков, медицинских учреждений (диагностических центров, клиник, аптек), заведений сферы услуг (парикмахерских, различных клубов, турагентств) и проч., поскольку набор имен для каждого из них во многом определяется спецификой конкретной деятельности и потому является уникальным. При этом из устоявшихся терминов отмеченной сферы можно указать лишь *эмпоронимы* – названия заведений торговли, специализация которых (гастрономы, цветочные, винно-водочные, мебельные и другие магазины) требует дальнейшего терминирования этого понятия. Показательно в этом отношении появление

терминологизированного сочетания *автомобильные урбанонимы* [1. С. 32], которым автор обозначает названия автосалонов и заведений автосервиса.

Не имеют к сегодняшнему дню специального обозначения и названия заведений питания (ЗП) («заведений еды» [2. С. 123]), являющиеся объектом нашего исследования, информация о которых была найдена в Интернете на различных справочных сайтах Москвы (около 5000 наименований¹). В ономастических работах их обычно именуют описательно как *эргоурбанонимы* (*эргонимы*) *сферы общественного питания* [3. С. 10], (*коммерческие*) *имена предприятий ресторанного бизнеса* [4. С. 77; 5. С. 197], *ресторанные онимы* [2. С. 125]. В восполнение терминологического дефицита предлагаем называть их *трофонимами* (от греч. τροφή – питание, кормление; пища, корм <τρέφω – кормить, питать>), что соответствует функциональной модели номинации (ср. *эмпоронимы*: от греч. ἔμποριον – торговля <ἐμπορεύομαι – вести торговлю, торговать>). Как другой вариант термина на суд научной общест-венности выносятся *рестороним*, отражающий современное понимание этой сферы деятельности именно как *ресторанного* бизнеса и практику использо-вания слова *ресторан* в роли родового наименования для различных типов ЗП². Так, А.К. Матвеев, указывая на очевидную «необходимость совершенст-вования ономастической терминологии», предлагал путь решения проблемы именно через демократическую соревновательность терминов и их обсужде-ние научным сообществом [6. С. 9].

Общая характеристика материала

ЗП – общее родовое обозначение для специфических торгово-коммерческих предприятий, занимающихся производством и продажей гото-вой пищи и полуфабрикатов населению. В недавнем советском прошлом сфера общепита была представлена исключительно государственными заве-дениями следующих типов: рестораны, кафе, бары, закусочные, столовые и кулинарии (домовые кухни). В основу такой классификации были положены объективно-материальные критерии: форма и качество обслуживания посе-тителей, уровень комфортности зала и сложности приготовления блюд, ас-сортимент последних и др. Сегодня это практически полностью частный производственный сектор деятельности с обширным спектром предоставляе-мых помимо питания услуг (караоке, кальян, спортивный тотализатор, кино-зал и др.), во многом с «размытыми» границами видов ЗП. Их список сущест-венно расширился не только за счет иностранных форм предприятий ресто-ранного бизнеса (джелатерия, кантина, ланчерия, пастичерия, таверна, трат-тория), но и посредством «реанимации» архаичных типов (духан, трактир, харчевня).

В московских материалах обнаружены следующие частотные типы заве-дений: *банкетный зал/банкет-холл* («Бельэтаж», «RollHall»), *бар* («Пивноff», «Don't Tell Mama»), *бистро* («Бифтро», «Чугунный мост»), *блинная* («Круже-

¹ В написании эргонимов следуем за орфографией источников.

² Эта мысль подтверждается большим количеством материалов. Например, кафе & бар «Гранд Фэмили» на своем сайте в обращении к посетителям поместил: «Добро пожаловать в ресторан «Гранд Фэмили!»» (<http://грандфэмили.рф/>), а хачапурная «Пиромани» подана как ресторан кавказской кух-ни (<https://ru.foursquare.com>).

ва», «Вкусняша»), *бассерия* («Мост», «Lambic»), *бургерная* («The Burger Brothers», «Meating»), *бутербродная* («Багеттерия», «Бутербро»), *вареничная* («Победа», «Вареничная № 1»), *буфет* («Винный буфет», «Урожай»), *дай-нер* («Романовф», «Поварёшка»), *донер / дёнер* («Mr. Донер», «Дядя Дёнер»), *духан* («Тифлисъ», «Чито-Ра»), *закусочная* («Буровъ и Сова», «Воронеж»), *кафе* («Али-Баба и 40 разбойников», «Баклажан»), *кафетерий* («Дружба», «Movenpick»), *кондитерская* («Аленка», «Люксторт»), *корчма* («Кочерга», «Смачна хата»), *котлетная* («Парад котлет», «Горячие котлеты по-киевски»), *кофейня / кофейная* («Альдебаранъ», «Арабика»), *кулинария* («По рецептам любимой жены», «Смаковка»), *лапшичная* («Lucky Noodles», «Дом Удон»), *остерия* («Montiroli», «У Джузеппе»), *паб* («Сова и Топор», «Овсянка, сэр!»), *пастичерия* («Don Giulio», «Роберто»), *пекарня* («Пирог на порог», «Русьпай»), *пельменная* («Эники-беники», «Лепим и варим»), *пивная* («Афоня», «Хмель и солод»), *пирожковая / пироговая* («Pie OK», «Штолле»), *пиццерия / пинцерия* («Не просто пицца», «La Cipolla»), *пончиковая* («Пончики from USSR», «La Pon Pon»), *ресторан* («Райский уголок», «Шантиль»), *рюмочная* («Второе дыхание», «Под Мухой»), *сосисочная* («Sos.cafe», «Сосиска ру»), *спагеттерия* («Информация», «Спагеттерия»), *стейк-хаус* («Луизиана», «Rodeo»), *столовая* («Винегрет», «Вкуснее нет»), *таверна* («Вечная пятница», «Ла Манча»), *трактир* («Щедрый барин», «Щи да каша»), *траттория* («Венеция», «DI MOSCA»), *хачапурная / хачапурня* («Пиросмани», «Хачапурия»), *харчевня* («Мандариновый гусь», «Харчевня Хаус»), *хинкальная* («Чё? Харчо!», «Хинкалофф»), *чайная* («Самоварыч» «ProstoTa») / *чайхана* («Дюшес», «Хурма»), *чебуречная* («Советские времена» «Семен Семеныч»), *шашлычная* («Mr. Шашлыкофф», «АнтиСоветская»).

При выявленном номенклатурном многообразии самыми распространенными ЗП в Москве являются кафе, рестораны и бары, единично представлены *ланчерия* «Лафлафель», *севичерия* «Latinos», *сидрерия* «El Asador», *фалафельная* «Mr. Falafel», *эклерная* («L'Eclairde Génie», «Клер») и некот. др. Утрачивают свою популярность столовые, нечасто выносятся на вывески *закусочная*, а традиционно представляемые в советские времена в последнем разряде вареничные, пельменные, хачапурные, чебуречные и др. подаются обычно как кафе или рестораны¹. При том что материалы форумов, содержащие отзывы потребителей о заведениях, позволяют говорить о восприятии обществом ресторана как элитного типа ЗП с высоким уровнем обслуживания², эта лексема, как уже отмечалось выше, все чаще выступает родовым обозначением для большинства заведений сферы питания. О неустойчивости семантики также свидетельствуют еще во многом экзотические для русской культуры недавние заимствования. Так, стейк-хаус позиционируется то как заведение (обычно американское, мексиканское) с мясной гриль-кухней («Бизон»), то

¹«Хинкальная «Колхида» – это идеальное место для проведения семейных обедов, деловых встреч, романтических свиданий или праздников в кругу друзей <...> Время, проведенное в грузинском ресторане «Колхида», – это приятные воспоминания и положительные эмоции» (<http://kolhida-cafe.ru/1>).

²О «Шале» см.: Заведение кардинально изменилось из пошарпанного кафе в полноценный ресторан с шикарным дизайном и вкусной кухней (https://yandex.ru/maps/org/restoran_shale/1060804632?source=wizbiz_new_text_single).

обязательно дополненное пабом, пивным баром («Steeple Chase»). В обзоре ресторанного критика читаем: «В рецензиях на открывшуюся недавно в Москве пастичерию «Don Giulio» авторы не устают хвалить местное ризотто в глубокой тарелке, минестроне, мясные закуски и прочие итальянские яства. Есть только одно «но»: в традиционной итальянской пастичерии ризотто, мясо и супы подавать не должны»¹. Услуги, предоставляемые сегодня предприятиями общепита, настолько разнообразны, что *слова-сопроводители* [7. С. 7], по-другому: *родовые* [8. С. 52], *номенклатурные* [9. С. 6], *эргонимические* [4. С. 76] *термины* – не отражают всего их спектра².

Способы конкретизации типов ЗП

Данная ситуация в ресторанном бизнесе породила тенденцию к специализации эргонимических терминов, характеризующую деловую сферу в целом [4. С. 77]. Согласно мнению исследовательницы они могут состоять из *идентификатора* (в данном случае – *паб, кафе*) и *классификатора* (*крафт-бар, лобби-кафе, пивной ресторан, американский дайнер*), наличие последних многократно расширяет список типов ЗП. На наш взгляд, в современных условиях в ресторанном деле при конкретизации статуса заведений проявляются противоположные тенденции: с одной стороны, наблюдается явное стремление его расширить, с другой – максимально сузить. Если во втором случае в терминах легко усматриваются отношения *идентификатор – классификатор*, то в первом ситуация сложнее, поскольку это могут быть когипонимы (иначе: соидентификаторы) или же идентификаторы, отражающие родовидовые отношения, в которых гипоним можно принять за классификатор при гиперониме.

Так, равноправными признаются отношения между компонентами в терминах *кафе-бар* «Листья лайт», *bistropub* «Кэш Флоу», *кафе-пекарня* «Райский пирожок», *пекарня-кондитерская* «Волконский», *пиццерия-спагеттерия* «Don Perignoncino», *кафе-столовая* «Пельмешка», *бар-трактир* «У Симоновской заставы», *клуб-ресторан* «Онегин», *ресторан-отель* «LANGUST», *ресторан-музей* «Линия фронта», *ресторан-банкетный зал* «Antrehall», *пивная-рюмочная* «Килька», *restaurant&bar* «Светлый», CLUB & BAR «WHISKY ROOMS», RESTAURANT & DANCING «Home Cozon», RESTAURANT & CULINARY «ROTISSERIE», Steakhouse & Bar «Chicago Prime» и многие другие. С большей долей очевидности можно выявить иерархические отношения подчинения в наименовании таких предприятий, как *ресторан-пиццерия* «Il Gusto», *ресторан-чайхона* «Tamerlan», *кафе-остерия* «Il Massimo», *кафе-кондитерская* «Плюшка & Ватрушка», *ресторан-кондитерская* «Террин», *лапшичная-бар* «Хон Гиль Дон», *кафе-лапшичная* «Воккер» и подобных им.

¹ <http://trip-point.ru/2016/02/18/>

² Например, в списке предложений ресторана «Есауль» указаны «крытая веранда, зелёная поляна, водные развлечения (водные мотоциклы, лыжи, катера), открытая спортивная площадка, танцпол, барная стойка, мангал, автостоянка, причал для стоянки любых типов теплоходов, проведение тимбилдингов и корпоративов, шоу-программы, блюда русско-донской кухни» (<http://www.orgpage.ru/moskva/esaul-restoran-1719826.html>).

Классифицирующие элементы при идентификаторах бывают по структуре двух типов: адъективные (согласовательные) (*семейный* ресторан «Винный сад», *домашнее* кафе «Пюре», *клубный* бар «Вагонъ», *городские* рестораны «Колбасофф», *пластилинное* кафе «Диду», *винный* бар «Виносыр», *пивной* ресторан «Зер Гут!», *мясной* ресторан «Max's Beef for Money», *гастрономический* паб «Лига Пап», *сибирский* ресторан «Омүлёвая Бочка», *кипрская* таверна «Старый пафоΣ», *австрийская* сосисочная «Ess-Thetik», *ristorante italiano* «Viaggio» и др.) и субстантивные (именные): *караоке*-ресторан «Dorffman», *спорт*-бар «Торнадо», кафе-*боулинг* «КБ-27», *арт*-кафе «Ни-Шали», кафе-*музей* «Берегись автомобиля», *пати*-паб «Boston», *burger-diner* «Домино» и др. Как легко заметить, это два разных в аспекте происхождения вида атрибутов – русские и заимствованные. Подобные классификаторы могут быть и при сложных идентификаторах: ресторан-*ночной клуб* «Night Flight», *джаз-клуб*-ресторан «Академический», *DJ-BAR-CAFE* «Семь Пятниц», *винный бар*-ресторан «Образ жизни», возможно их сочетание: *ирландский спорт*-паб «Roy Castle». Первый тип распространителей стоит при любых наименованиях ЗП, второй тяготеет к словам короткой формы. Представляется, не случайно активнее других «обрастает» ими такая лексема, как *бар*: *буррито*-бар «Мучачос», *биф*-бар «Джуниор», *салат*-бар «Fresh & Ко», *фреш*-бар «Маори Микс», *крафт-бургер*-бар «Lucky Luciano», *коктейль*-бар «Fruit & milky», *гриль*-бар «Батчери», *суши*-бар «Kill Bill», *sake*-бар «Fumisawa Sushi», *rollbar* «Forest», *пиано*-бар «Квартира 44», *кино*-бар «МАРТ», *диско*-бар «Стой!ка», *танц*-бар «Crazy Daisy», *шоу*-бар «Тема», *Party Bar* «Кич Кок», *караоке*-бар «Утесофф», *кальян*-бар «Вавилон», *мобил*-бар «СН.М», *Bar & Lounge* «City Space» и др.

В русле этой тенденции в языке образовалось значительное количество новых номенклатурных названий для ЗП, пока еще с неустойчивым правописанием. В их числе *рестобар* / *resto & bar* («...НИЧЕГО ЛИЧНОГО», «Shooga»), *RESTO PUB* «Terra & Mare Rome-Barcelona», *рестомаркет* «Обед Буфет», *гастротека* «Простые вещи», *винотека* («Tinto Fino», «Grand Cru»), *киноресторация* «Пивчинский», *гастробар* / *ГастроБар* («Никуда Не Едем», «Москва»), *Gastro Pub* / *gastropub* / *гастропаб* («CHELSEA», «Moments», «Queen V»), *гастробистро* «Black Code», *автобистро* «Pit Stop», *автокофейня* («FOOD & BEVERAGES» «TAP & BARREL PUB»), *суши-авто* «Сенсей», *мотобар* / *мото-бар* («Дом 39», «СВАО»), «Мотто Паб на 1905-го», *гастромаркет-кафе* «Федя, дичь!», *фуд-маркет* (*фудкорт* / *фуд-корт*) «The 21», *ресторан-энотека* «СЕМИФРЕДДО», *кино-кафе* / *кинокафе* («Орленок», «Звезда»), *рестокино* «О`Кино». Вне сомнений, создаются они по аналогии друг с другом, что, например, можно проиллюстрировать такими названиями ЗП, как *антипаб* («WOODEN DOOR») и *антибар* («Вкусное пиво»), возникшими по модели распространенных в Москве *антикафе* – заведений, в которых оплачивается вход, время пребывания, а не заказ. Другой пример – *фиш-хаус* («Филимонова и Янкель»), *суши-хаус*, *нудл-хаус* (Суши и Нудл Хаус «Дайкон»), *ГРИЛЬ ХАУС* («Фани Кабани»), *PASTA HOUSE* («VESUVIO») – по аналогии со *стейк-хаус* (steak and fish house «Meat & Fish») и, возможно, *roadhouse* (bar & roadhouse «FlatIron»). Русским эквивалентом этой модели служит структура с опорным словом *дом*, ср.: *хинкаль*-

ный дом «Арагви» и хинкальная «Хинкали Хаус», шашлычный дом «Дока Пицца» и шашлычные «Шашлык Хауз», «Дом шашлыков».

О продуктивности данного типа номинации свидетельствуют эрготермины *пивной дом* («Brauhaus G & M»), *ресторанный дом* («Flash Royal»), *грузинский дом-ресторан* («Gotinaza»), *гастрономический дом-винотека-кафе* («Hediard»), но особенно явно – трофонимы: «Кебаб Хауз» / «Kebab House», «Wafel House», «Beerhouse Moscow», «POTATO HOUSE», «BEEF HOUSE», «Ramen House», «JAPAN HOUSE», «Вьет Хаус», «Ливан Хаус», «Джин хаус», «Тандыр Хаус» и даже «Харчевня хаус», «Восточный хаус», «Пирог хаус», «ХЛЕБ ХАУС», «БУЛКИН-ХАУЗ», как ни парадоксально это звучит. Названий со словом *дом* меньше: «Дом макарон», «Дом Пирога», «Дом пиццы», «Дом хинкали», «Итальянский дом», «Дом оранжевой коровы», «Дом белого журавля», «Дом Карло», «Дом охотника», «Дом Ньюши», «Йога ДОМ», «Дом Удон», а также «Кофе Тун»¹, «Суши Тун» и некот. др.

Поиски владельцами бизнеса номенклатурных названий ЗП, адекватных содержанию предлагаемых там услуг, приводят к разным вариантам решения проблемы. Так, фантазия номинаторов активно работает в сегменте «локативных» наименований, поскольку предприятие питания предполагает *помещение, размещение в пространстве*. Результатом номинации может стать необычный идентификатор, связываемый с данной сферой деятельности классификатором: *кулинарное бюро* «KITCHEN ON YOUR WAY», *вегетарианская мастерская* «Москва-Дели», *гастрономический театр* Олега Меньшикова «Чемодан», *гастрономический салон* «Rico», *магазин деликатесов* «Океан Суши», *пивная келья* «Манкс & Нанс» («Монахи и Монашки»), что также находит отклик в ресторонимах: «Чайных дел мастерская», «Фабрика домашней еды», «Casino», «Шоколадное ателье», «Булошная», «Бюро находок», «Типография», «Офис-клуб» и др. В связи с отмеченным показателем рекламный текст: «Добро пожаловать в ресторан «Груша», работающий в формате *гастрономического ателье* и предлагающий гостям окунуться в мир по-настоящему индивидуальной кухни. Это значит, что каждое блюдо создается по особым рецептам с учетом личных пожеланий клиента»².

Вполне объяснима современными условиями идентификация заведений через указание на многоаспектный характер бизнеса: ресторанный / гостинично-ресторанный / банкетный *комплекс* («Жизнь прекрасна», «НЭП2» / «Dreamtime», «Петровский дворик» / «Суриковъ Холл»), ресторанный *синдикат* («GIARDINO ITALIANO» / «Итальянский сад»). Обращает на себя внимание нередкое употребление в презентационных текстах слова *пространство*: «SOHO ROOMS – комплекс с эксклюзивной концепцией. В одном здании расположены пять независимых *пространств*, которые могут работать в автономном режиме или легко становиться единым целым: POOL TERRACE – терраса с бассейном GARDEN ROOM – летний сад DISCO ROOM – ночной клуб DINING ROOM – ресторан, BAR ROOM – DJ-бар»³. Или: «*Пространство* «Души не чаю» совмещает в себе интернет-магазин китайского чая,

¹ По-армянски – 'дом кофе'.

² http://zoon.ru/msk/restaurants/gastronomicheskoe_atele_grusha_na_metro_prospekt_vernadskogo/

³ http://obanket.ru/banketnye_zaly/Soho-Rums-SOHO-ROOMS

творческую мастерскую и чайный клуб. Здесь можно отдохнуть и расслабиться за чашкой изысканного чая, заказать настоящую чайную церемонию, посмотреть кино и даже выучить китайский язык»¹. В отличие от обозначений больших комплексов, разного рода закусовые, бистро, называются *точками* быстрого питания. В именах собственных это «размерное» противопоставление выдерживается не всегда, ср. пироговая «Pie Point», пончиковая «Puff Point», grill & rolls and wiches «Meat Point» и BAR & MEAT AREA «Meat Puppets», рестораны «Точка Кипения», «Точка встречи», кафе-клуб «Точка отрыва», антикафе «CHECKPOINT».

Еще один возможный путь – эргонимические термины убираются с вывесок, заменяясь на прямые указатели содержания меню или особенностей обслуживания клиентов: КОФЕ-СЕНДВИЧ-СУП-ДЕСЕРТ «7 сэндвичей», ЕДА & ЛАПША «Китай Чи», noodles rice & more «Yamkee», Black Coffee & Food «Americano», GUILT-FREE FOOD & SWEETS «Ah! Beatrice», food & drink «BIGRIB», DOUGHNUTS (донаты) «Krispy Kreme», Pizza Pie «Zotman», good-moodfood «Laffa Laffa», а также пицца & паста & гриль «Пиццбург», FUN & GRILL «F. Chicken», DINNER «Beverly Hills», завтраки 24 часа «Cook'kareku» и мн. др. Наиболее последовательно указание на наличие кухни, возможность полноценного питания происходит в обозначении питейных заведений, статус которых не предполагает подобных услуг (Sea food & Bar «BOSTON», ДОМАШНЯЯ КУХНЯ БАР «Crazy Hunter», bar & kitchen «Friendly», english pub kitchen «Croydon», Pub & Kitchen «Greene King»), или же заведений с неинформативными либо дезориентирующими названиями (BREAKFAST-LUNCH-DINNER «Coffee Room», бар и еда «Китайская Грамота», food & chillout «КОЛЛЕКЦИЯ», еда-вино-кофе «Лейка», Wine & Table «OPEN»)². В случаях, подобных *территория лапши* «Menza», видится совмещение двух последних решений в идентификации ЗП.

Результаты исследования

Как показал анализ, в номинации типов ЗП актуален ряд характеристик, в числе которых:

1. Тип кухни – мононациональный или смешанный. Эта информация передается классификаторами (чаще атрибутивного вида): *русский* ресторан «Дурдинъ», *грузинская* закусовая «ВайМэ!», *немецкий* ресторан «Старина Мюллер», *irishbar* «Cork», *индийское* кафе «Аромасс», *болгарский* ресторан «Баба Марта», *бельгийская* пивная «0.33» / *паназиатский* ресторан «AURA», *ориентальный* ресторан «Томбо», *кухня с кавказским акцентом* «Кеци», *фьюжн*-ресторан «Хуанхэ», *мультибрендовый* ресторан «FOOOD BAZAR», *MultiBar* «LovaLova» и др. Этим же целям служит и ряд идентификаторов: *корчма* – украинская (южнорусская), *трактир*, *харчевня* – русская, *духан* – грузинская, *таверна* – греческая, *траттория* – итальянская, *севичерия* – перуанская кухня). Двойное информирование, как в случаях с *узбекская чайхана* «Сандык», *чешская пивница* «Budweiser Budvar», *englishpub* «Union Jack»,

¹ <https://kudago.com/msk/list/chajnye-mesta-v-moskve/>

² Т.А. Новожилова называет последние эргонимами с высокой степенью необходимости слова-сопроводителя [7. С. 7].

BRITISH PUB «Файво'клок», выглядит проявлением речевой избыточности. Так, по нашим данным, чайхана – только узбекская («Айва», «Павлин-Мавлин», «Пахлава»), чайная же может быть русской («Братья Кипятковы», «Самоварыч»), паназиатской («Тибет Гималаи»), китайской («Дом Белого Журавля», «Зеленый чай», «Красный дракон»), японской («Пэко»), парагвайской («Матэ»), индийской («Чайная студия»), а «TEA & COCKTAILS» – американский бар-чайная, «Чайная высота» – микс чайных традиций).

2. Специализация меню – речь идет о так называемых заведениях одного (или преимущественно одного) блюда (типа блюд) или напитка. Например: рыбное кафе «#FishBazaar», мясной ресторан «RibsBurger», ресторан мяса «Мясо», молочное кафе «Pardes», СТЕЙК-КАФЕ «GOODBEEF», текила-бар «CasaAgave», кафе-супница «Первое», вегетарианские («Латук», «Море внутри», «Люди как люди»), веганские и сыроедческие («Ganga», «Джаганнат») кафе и др. В этой же группе многочисленны пиццерии, пельменные, чебуречные, хачапурные, пироговые, пончиковые, котлетные и проч. Список последних постоянно расширяется за счет пока экзотических *porketteria* («ZIZO»), *шампанерия* («Sparkling Dog»), *ростерная* («Local Band»), *хумусия* («Mitzva»)¹ и др. Концепция подобных заведений часто выражена названиями типа «Суп-культура», «Пекинская Утка», «Пирог, Вино и Гусь», «ПельмешкинЪ», «Хачапурия» и т.п.

3. Отдельно можно выделить указание на здоровое питание в ЗП: помимо отмеченных выше вег-кафе, которые позиционируются таковыми, маркерами этого модного ныне направления служат *эко-* (эко-кафе «Путь к себе», «Теплица», «Сельдерей», «Гратен»², *эко-арт-кафе* «Д'иван», *эко-лавка* и кафе «Свои Люди»), *лаб[оратория]* – («GROOT»³, «Cofeelab»), *фреш-* (фреш-бар «Juicy Lab»), *органик-* (органик-кафе «FRESH», «Have a niceday» («H.A.N.D.»), *фермафуд*⁴ («Клевер & со», «Ферма Фуд», фермерское кафе «Lavka Lavka»), а также прямые указатели на полезность еды: сеть кафе *здорового* питания «Рецептор», ресторан *здоровой* кухни «Алтай», кафе *натурального* питания «Ляферм», доставка *здоровой* еды «Just for you» и подобные. Здоровую кухню заведений подчеркивают названия «Healthyfood», «Чайная лаборатория», «White Rabbit Lab», «Organica», «Organiclab», «Organic Religion», «Флей» («Фермерская Лавка друзЕЙ»), «Шанти-Грин» (сыроедческое кафе), «Био-Кафе» и др.

¹ «В основе концепции и меню – израильская кухня, так что владельцы называют заведение местом нового формата – «хумусией». В меню действительно много хумуса: его можно заказать в пите и добавить туда любые топпинги: оливки, соленые огурцы, лук, а также, за доплату, израильский салат или, например, курицу в соусе амба» (<http://www.the-village.ru/village/food/novoe-v-moskve/246625-otkrytiya-mesyatsa>).

² «Живая еда для всей семьи. Эко-кафе «Гратен» специально создано для тех, кто любит питаться вкусно и с пользой для здоровья. Мы готовим непосредственно в кафе, «из-под ножа повара», из свежих фермерских продуктов, мы не используем замороженные полуфабрикаты, усилители вкуса и консерванты». (<http://gratencafe.ru>).

³ «Стиль заведения определяется как кафе-лаборатория, что означает осознанный подход к питанию и функциональность кухни. Концепция разработки меню – это не просто миксология, а нутрициология, то есть сочетание продуктов не только по вкусу, но и по нутриентам и полезным свойствам». (<http://www.timeout.ru/msk/feature/462215>).

⁴ «Фермафуд на смену фастфуду. Полезно и недорого» (<https://kudago.com/msk/place/kafe-ferma-fud>).

4. Уровень заведения и/или степень комфортности. Статусность ЗП маркирована такими номинациями, как *гранд-кафе* «Dr. Живаго», «Прованс», *VIP кафе* «Монте-Карло», *Vip караоке-кафе* «Whois Who», *ресторань-салонь* «ГрандЪИмперіаль», *люкс-ресторан* «Лилия», *стейк-хаус класса delux* «El Gauchо», *элитный ресторан* «Проспект Бар», причем элитность заведения может предполагать как его предназначенность для статусной публики, супервысокий уровень обслуживания и соответствующие этому цены¹, так и его особенную атмосферу, особого рода демократизм². На комфортность зала указывают классификаторы *релакс* (кафе-бар-релакс «Эко Ланч», релакс-бар «TeslaLounge») и *лаундж* (*лаунж, лондж*) – от англ. *Lounge* 'праздное времяпрепровождение', что предполагает наличие зоны отдыха, мягких диванов в помещении: *lounge&bar* «Kabuki», *Lounge Bar* «Shishas», *restaurant&lounge* «Улей», *лаунж-кафе* «Kalyanoff», *Tealounge* «Шанти», *котакафе-лаунж* «Kotomania Club» и др. Такие определители, как *ресторан по-домашнему* «Мари Vanna», *душевный трактир* «Повозка», *народная пивнушечка* «Хомяк», *пивной кабачок* «Пьяный дятел», *ресторанчик* «Барбарис», *кафешка* «Ями Ями», *столовая* «Плюшка», выражают демократический характер ЗП, по отношению к которым на различных сайтах звучат слова *забегаловка, едашня* – причем без каких-либо особых отрицательных коннотаций. Данный аспект характеристики заведений представляют названия «PERFECT» (элит-ресторан-клуб-бар), «The Apartment» (банкетный ресторан), «Урюк-Гранд»³ и «Генацвале VIP» (рестораны), «Виктория-Люкс», «Аква & Люкс», «Кофе де Люкс» (кафе), «Грильная Lounge» и «Вареник & Драник» (ресторан домашней кухни), «Бабулина вкуснятина» (кулинарная лавка), «Амбарчик», «Дом. Кафе» (кафе), «Лихоборка» (столовая).

5. Место размещения: *ресторан-теплоход* «RIVER PALACE» /*теплоход-ресторан* «Ласточка», *ресторан-клуб-пляж* «RiverSide», *яхт-клуб-ресторан* «SHORE HOUSE», *ресторан-яхта* «Чайка», *ресторан на воде* (*плавающий ресторан*) «БЕЗ ПОНТОFF», *кафе-терраса* «Островок», *ресторан & терраса* «Zafferano», *TERRACE* «SORENTO», *кафе-веранда* «Тетя Мотя». К этой же группе нами отнесены *стрип-кафе* «Lucky Souvlaki», *городское*⁴ кафе «Одесса-Мама», *countrysafe* «Florentini», *pondcafe* «Павильон» (у водоема, пруда – в данном случае у Патриарших прудов), а также ЗП с классификаторами *lobby*, расположенный в фойе отеля, напротив стойки регистрации (бар & лобби лондж «Ритц-Карлтон», лобби-кафе «7 sisters») и *loft*, расположенный в бывшем производственном помещении, оформленный в стиле *лофт* (*loftbar* «Архив», *лофт-кафе* «Д'Иван», *кафе-бар (лофт)* «TEN»). Эргонимические термины с *хаус, дом* должны указывать на размещение ЗП в отдельно стоящем здании, а англ. *foodcourt* (*фуд-корт, фудкорт*) – называть зону питания в торговом центре, аэропорту, где посетителям предлагают услуги сразу не-

¹ См.: <http://restlook.ru/articles/restorany-i-bary/elitnye-restorany-moskvy/>

² См., например: <http://myplace.cafe/>

³ «Соединив все наши лучшие качества воедино, мы открыли новый премиальный проект в Москва Сити – Урюк Гранд. Да, здесь дорого. И красиво. И барная карта от лучших барменеров города» (<https://uryuk.me/restaurants/uruk-grand-v-moskva-siti/#>).

⁴ Данный формат предполагает разные стили обслуживания, но классический стандарт – это демократичные недорогие кафе для «перекуса» занятых горожан (близкие к формату фастфуда).

сколько предприятий, имеющих общий зал для клиентов («The 21», «Food Market»), что не всегда соответствует реальности. На значимость этой характеристики указывают ресторонимы «Мануфактура» (кафе в историческом месте), «Шале» (в «московских Альпах»), «Баркас» (на барже), «ВЕРАНДА У ДАЧИ» (арт-ресторан), а также ресторан-бар «Крыша», сеть быстрого питания «Вок-Стрит», кафе «Лофт», «Вокзалъ», «Urban Cafe», «Парк-кафе».

6. Сопутствующие услуги: кинокафе «Charisma», бард-кафе «Синий троллейбус», ресторан-музей «Авиатор», боулинг-кафе «Bowl & Diner», спорт-бар «Старина Йохан», кафе-читальня «Не Последние Деньги», арт-трактир «Рукав», дансинг-, караоке-ресторан «Карамель», кальян-бар «Shishas», bar & boom «Tequila», арт-ресторан «Стёпа Лиходеев», джаз & гриль «Фулл Фри», шоу-бар «Тема», коворкинг-кафе¹ «Les», пати-бар «Звёзды», игровое кафе «Библиотека» и др. Значительное место среди них занимают торговые: котлетная лавка «ФаршМаг», рыбное кафе-магазин «Моремания», мясная лавка-бургерная «#FARШ», гастрономическая лавка «БУЛЬОН КРУТОН», ресторан-бутик «Katusha», кафе-бутик «Кузнецкий мост», бар-бутик «Apple», restaurant wineshop «NoyanTun», Shop & Bar «ВиноЛавка», бар-винотека «Why Not Wine», кафе-магазин «3-е ухо» и др. Подобное совмещение услуг отражается в названиях «Читалкафе», «Шантан», «Cinema», «Киноплов», «Casino», «Muzeu», «Comedy Cafe», «Кальян», «Коворкафе», «БУБЛИКШОП», «Хлебная лавка».

7. Особенности, стиль обслуживания: selfserviscafe «OBED-BUFET», кафе самообслуживания «Деловая колбаса», топлес-бар «Dos Pilas», стрип-топлес-клуб-бар «Matreshka», ночной клуб-бар «Dirty Blonde», ресторан-бар-лондж «В темноте?!» (в темном зале, обслуживают слепые официанты), conceptcafe «БАНКА» (все блюда подают в банках), круглосуточный ресторан «Eat & Talk», кафе 24 часа «Семейный очаг», ланч-кафе «Гурмания», фудтрак (foodtruck – ресторан на колесах) «Якусака», автокофейня «Buy The Way», кафе-автобус «Vegan Kitchen», сеть кофеен на колесах «Кофеляно», мобил-бар «Flair Mix», «Bar-Street», передвижное кафе «Дары природы», выездной ресторан «А ля Фуршет», кейтеринговая компания «MINISTERSTVO», вкусная доставка «Две палочки». Чаще всего подчеркивается скорость подачи блюд: бистро «Старый Егерь», кафе-бистро «Вкуснота», экспресс-кафе «Grillmac`s», королевский фастфуд «Роллс Рейс», причем быстрота обслуживания позиционируется как отличная от быстроты питания характеристика, ср. кафе быстрого питания «Chicken», быстрое питание «Ватрушка домой» и ресторан быстрого обслуживания «Мама Раша». Трофонимы, соответствующие данному аспекту заведений: «Пирог на порог» (доставка), «Повар по вызову» (кейтеринг), «Алло! Пицца», «От заката до заката», «С утра» (время работы), «Бифтро», «Минутка» (время питания/обслуживания) и др.

8. Адресную специализацию ЗП отражают классификаторы: *семейный* ресторан «LaFamilia», *семейное* кафе «Mizandari», *детский* ресторан «Ribambelle», *детское* кафе «Kitchen», особенно очевидные при клубном статусе заведений: *гей*-кафе «Наше кафе», *мото*бар «Alcatraz», *байк*-кафе «NIGHT TRAIN», *фан*-кафе «Красти Краб», *кото*кафе «ЛяМур» («для влюб-

¹ Англ. coworking – 'сотрудничество': неформальное место совместной работы.

ленных в кошек»). Так, одним из ярких выразителей идеи «для своих» стали в последние годы бары-спикизи / спик-узи (speakeasy – 'говори потише', т.е. 'не болтай') – закрытые заведения с антуражем Америки времен сухого закона, авторскими коктейлями, которые больше нигде нельзя попробовать: «Help Secret», «Деликатессен», «Chainaya. Tea & Cocktails». Именами-фильтрами можно назвать не только «Хардрок», «Speakeasy» (лаунж-кафе-клуб), «BikerZone» (мото-рок-бар), «Очаг гурманов» (ресторан авторской кухни), «Mercedesme» (для поклонников механики из Штутгарта), «MadManPub» (клуб-кафе фанатов мадридского «Реала» и «Манчестер Юнайтед»), «Папа Вейдер» (кафе-клуб для ценителей научной фантастики), но и «Babysafe», «СушиЕд», «Свой круг» (мото-кафе-клуб), «Офицерское собрание», «Котики и люди», «Андерсон для пап» и др. Заметим также, что многие из отмеченных выше характеристик ЗП косвенным образом указывают и на основных клиентов последних: фалафель-ресторан «The Hummus», рок-бар «StayTrue», джаз-кафе «Эссе», blues club-bar «Bourbon Street», ретро-кафе «Патефон», ретро-клуб-ресторан «Фа-соль», ретро-кофейня «Ландринь», спорт-бар «ШАЙБА», эко-кафе «Зелень».

9. Преимущественный способ приготовления пищи: гриль-кафе «Meatless», гриль-ресторан «SanDiego», ресторан-барбекю «Брискет», BBQ Restaurant «Adri», josperbistro «Cheapside» (хоспер – закрытая печь-гриль на древесном или растительном угле), возможно – ROUGH FOOD «UGOLEK». В пивных заведениях подчеркивается наличие собственной пивоварни или крафтового¹ напитка (Craft Beer Pub «НорHead», крафт-бургер-бар «Lucky Luciano», CRAFT & SINGLE «Pasternak Bar», ДРАФТ-КРАФТ-СОСИСКИ «PIVBAR», КРАФТ «Линдерхоф», крафт-кафе «Cheers!»), в кафе и ресторанах – своих пищевых производств (кафе-пекарня «Хлеб Насущный», кафе-кондитерская «Oui, mon Général», ресторан-сыроварня «Cheese Connection», кафе-коптильня «Chalet», мобильное кафе-коптильня «Таежный Стан», мясной ресторан-коптильня «Antrecote & Co»). Наиболее последовательно данная характеристика отражается в названиях типа «Сварня», «Варка», «Сыроварня», «Щепка», «Гриль Холл», «Гриль Хаус», «Тандыр Хаус», «Казан-Мангал», «ВОК и КРАФТ», «OnePot»², «S ДЫМ.КОМ», «У мангала», «ВокВок» и т.п.

10. Система оплаты (ценовая политика) в ЗОП. Это, прежде всего, «анти-заведения», в которых клиентам предоставляются различные услуги: развлечения, компьютеры, залы для работы и творческих мероприятий, горячие и/или горячительные напитки с закусками, при этом плата взимается за время пребывания в них, почему они могут иметь другой классификатор – тайм: антибары «ЖУЙ!», «Территория Общения», антикафе&коворкинг «Хорошая республика», клуб-антикафе «Зеленая дверь», антипаб «WOODEN DOOR», таймкофейня (антикафе) «Комнаты», тайм-кафе «Кругозор» и др. В эту же группу следует отнести дискаунт-бары, предоставляющие скидки по ряду

¹ От англ. craft – 'ремесло, профессия' – произведенное в небольших объемах на частных пивоварнях по оригинальным рецептам из натуральных продуктов (<https://drinkhacker.ru/2014/11/06/craft-beer-explained>).

² Onepot – это все, что варится, тушится, запекается вместе, «в одном горшке» (<http://www.vashdosug.ru/msk/restaurant/article/2434019>).

позиций (в частности, за расширение клиентской базы заведения), – «KILL-FISH», «Stopka», а также отраженные в названиях системы фиксированных цен («Cofix») и «тру кост» (bar & grill «True Cost»), при которой гости, заплатив требуемую сумму за вход в кафе, получают возможность заказывать блюда и напитки по их себестоимости. Значимость этой характеристики подчеркнута именами «Восемь с половиной долларов», «Рубль», «1 копейка» (деньги), «Время есть», «Циферблат», «Time Terria» (время).

Как в любой другой классификации, имеются ЗП, которые не укладываются однозначно в те или иные рамки. Так, строганина-бар («Экспедиция») – это специализация не только по типу еды, но и способу ее приготовления, кухни в целом (северной), городские кафе – это демократичная атмосфера, экспресс-обслуживание, локализация в пространстве, а, скажем, shelterbar («KotlShpëdінгера») – это лофт (бывшее бомбоубежище), обращенность к любителям смелых экспериментов: вместо меню таинственные коробки с едой, авторские коктейли с затейливыми названиями – все непонятного для гостей содержания. Активные динамические процессы, обусловленные конкуренцией в данном секторе услуг, постоянно вызывают появление новых многочленных (шоу-бар-мороженое «ЛЁД'н'ROLL», бар-кафе-кино-лаунж «DOME») и однословных эрготерминов (севичерия «Latinos», сидрерия «Ciderella», фалафельная «Saj & Falafel», корнер «Ladurée», дели «Семь сорók»), по-прежнему не отражающих всех характеристик заведений¹.

Обращающее на себя внимание эргономенклатурное разнообразие по сравнению с другими типами имен, употребление наименований видов деятельности с большой буквы и в кавычках в официальных источниках² служат основанием для включения исследователями последних в структуру эргонима (эргоубонима, эргоурбанонима) [3. С. 21; 10. С. 43]. Так, в статье, посвященной названиям предприятий Минска и Ханоя, авторы говорят о трехчастной структуре онима, включающей организационно-правовой (ОАО, ООО), номенклатурный (ателье, магазин, клуб) и собственно ономастический компоненты («Седьмое небо») [11. С. 226]. Т.В. Ларина считает, что эргонимическое концептуальное поле составляют три типа имен: эрготемонимы (фирменные, узаконенные кадастровыми списками наименования), доменные онимы, под которыми предприятия размещаются в сети Интернет, и эргоурбонимы (городские наименования, представленные на вывесках: арт-кафе Белая ворона) [10. С. 42]. Признавая справедливость выделения указанных элементов структуры и видов наименований предприятий, все же собственно

¹ См.: «На Кутузовском проспекте открылась севичерияLatinos. Основная идея ресторана – объединить в одном заведении бар с большой коллекцией текилы и рома и перуанскую гастрономию. Особое внимание уделено классическому перуанскому блюду севиче – мелко нарезанной сырой рыбе различных сортов, маринованной в соке лайма». (<http://www.the-village.ru/village/food/opening/253009-otkrytiya>). Или: «Добро пожаловать в антикафе«ComeIn» – первое антикафе, созданное специально для Предпринимателей. <...> Почему мы позиционируем себя не как обычное антикафе, а антикафе для Предпринимателей? У нас есть все условия для продуктивной работы, а еженедельно в специально оборудованной конференц-зоне проводятся бесплатные семинары с приглашенными спикерами и круглые столы для обмена мнениями». (http://zoon.ru/msk/restaurants/antikafe_comein_na_metro_belorusskaya).

² «Предприятие «Кафе-ресторан АПШЕРОН», расположенное по адресу: ул. Парковая 15-я, 50, занимается деятельностью, связанной с категорией «Закусочные»http://moscow.tvoyaspravka.ru/company/kafe-restoran_apsheron_v_g_moskva).

эргонимом считаем исключительно название, как это принято в случаях с другими типами онимов, при которых тоже имеются номенклатурные определения (река Томь, планета Марс, отчество Иванович), которые, как и в нашем случае (трофоним, рестороним/эргоним), определяют разряд имен (потамоним/гидроним, астроним/космоним, патроним/антропоним), но не входят в их структуру. При этом данная лексика может путем онимизации участвовать в образовании наименований различных ЗП («Кантина», «Пивнушка», «Сидрерия», «Столовка», «Чайная», «La Taverna»)¹, наблюдаются активные языковые игры номинаторов на эту тему: «Золотой Бар Хан», «PubLoPicasso», «БуФФет» и др.

Анализ материала позволил сделать ряд **выводов**.

1. Современная система номенклатурных определений ЗП представлена широким списком имен, в числе которых бывшие историзмы (*харчевня*), недавние экзотизмы (*таверна*), получившие в новых экономических условиях вторую жизнь в языке, и собственно неологизмы последних лет (*шампанерия*, *дели*), которые отражают реальную сложность структуры ресторанного бизнеса в стране. Часть из них является прямым заимствованием (лексическим или семантическим) из английского (*корнер*) или итальянского (*пастичерия*), часть возникла на российской почве по принципу аналогии. Наибольшей продуктивностью отличаются деривационные модели типа *комлеттАЯ, поркеттЕРИЯ*, а также образованные сложением слов: паста-ХАУС, рестобар, ланч-буфет, пиано-бар, автобистро и др., вызванные тенденцией к номенклатурной специализации предприятий общепита. Развивающаяся система эрготерминов многоаспектно репрезентирует заведения питания, указывая на их тип кухни, уровень комфортности, сопутствующие услуги, основную клиентуру и др., что свидетельствует о высокой степени социальной обусловленности заведений данного профиля.

2. Наблюдается явная зависимость между типом ЗП и его названием, ср., например, имена банкетных залов («Боярский», «Княжеский», «Царский») и столовых («Народная», «Хлеб да соль», «Плющиха»), грузинских («Сулико», «Хачапури», «Казбек») и японских («ТАНУКИ», «Цветение сакуры», «Ю-МЭ») ресторанов. Несоответствие квалификатора содержанию и/или форме имени способствует выполнению последним аттрактивной функции²: рестораны «Larti», «Булошная», гранд-банкетный зал-ресторан «Хижина» и др. Эргонимы «Грильная», «Лагманная», «Хмельная», «Трапезная», «ГАС-ТРОКЛУБ», «Ланчхолл», «Бутер Хаус», «Чебурек Хауз», «Плов Хаус Халяль», «Йогуртница», «Mantubar», «Sandwichbar», «Винный буфетъ», «Московская кухмистерская», «Шинок», «Полибуфет», «Мульти-кафе», «Бранч-кафе», «Вкуснотека», «Багеттерия», «Фишерия», «Zupperia», «Бистория», «BISTRONOMIA», «Сварня» и подобные свидетельствуют о номинативном резерве языка для обозначения новых типов ЗП.

3. Неустойчивость номенклатурной системы данной сферы, проявляющаяся в неоднозначности семантики ряда терминов, их повсеместных взаимозаменах, отсутствии строгих норм правописания, говорит о незавершенности

¹ Аналогично: река Черная речка, город Новгород, собака Пес и др.

² Функции привлечения внимания (от англ. attract – 'привлекать; прельщать').

сти ее формирования на настоящий момент. «Размытость» содержания номенклаторов ведет к отказу от их размещения на вывесках заведений, к замене их на общие *еда* (*food*), *кухня* (*kitchen*) или вполне конкретные (*блины*, *SWEETS*) указатели. Однотипные ЗП, а нередко одни и те же, называются то *пироговая*, то *пирожковая* (аналогично: *хумусия* – *хумусная*, *кофейня* – *кофейная*, *кафе-пекарня* – *кафе-кондитерская*, *кафе-мороженое* – *джелатобар* – *джелатерия*, *бар-клуб* – *клубный бар*, *банкетный зал* – *банкет-холл* и др.), практически отсутствует семантическая граница между *кафе* и *рестораном*, причем последнее все чаще выступает родовым наименованием по отношению к названиям других видов заведений. Одинаковыми по уровню услуг и типу еды являются *остерия* и *харчевня*, *бассерия* и *пивная*, *нудл-хаус* и *лапшичная*, но иноязычные названия несут информацию о национальном характере кухни предприятия, а также могут повышать их статусность в глазах потребителей услуг.

Ярким показателем «номенклатурной недооформленности» является также отсутствие единых орфографических норм при обозначении типов заведений (ср.: лондж-кафе – лаунж кафе, суши-бар, суши кафе, сендвич-бар – сэндвич-бар), в чем усматривается отражение этапов освоения заимствований, а также столкновение правил правописания разных языков: чайхана (русский) – чайхона (узбекский), хаус (английский) – хауз, хаусс (немецкий). То же можно заметить и в отношении названий ЗП, в состав которых входят подобные элементы, ср.: «Пирог хаус» – «Шашлык Хауз» – «Булкин-хауз» – «BEEFHOUSE» – «BurgHaus». Использование деривационного потенциала русского языка, привлечение варваризмов, осваиваемых со временем, служат в этой лексической группе основой синонимии, в том числе стилистической: фудкорт – ресторанный дворик – итерия (от англ. eat) – едальня, закусочная – корнер (англ. corner – 'угол, уголок') – забегаловка.

Все сказанное позволяет считать данный тип названий особой онимической группой – одной из динамично развивающихся и самых представительных по составу, обладающих рядом особенностей как в плане номенклатурного разнообразия типов ЗОП, так и своеобразия собственно названий, отражающих специфику данного типа производственно-коммерческой деятельности. Для их обозначения предлагаются термины *трофоним* и *рестороним*. В пользу первого говорит его соответствие именовательной модели гиперониму *эргоним* и когипониму *эмпороним*, второго – прозрачность и понятность внутренней формы, поддерживающей утверждающуюся в языке модель названия этого вида бизнеса.

Литература

1. Михайлюкова Н.В. «Автомобильные урбанонимы» в языковом облике г. Владивостока // Сб. докл. 59-й Междунар. молодежной науч.-техн. конф. «Молодежь – Наука – Инновации». Владивосток, 2012. С. 32–35.
2. Шмелева Т.В. Ономастика: учеб. пособие. Славянск-на-Кубани: Изд. центр филиала ФГБОУ ВПО «КубГУ» в г. Славянске-на-Кубани, 2013. 161 с.
3. Тихоненко Е.В. Названия внутригородских объектов Минска: мотивация, структура, функционирование: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Минск, 2015. 28 с.
4. Романова Т.П. Эволюционные процессы в области современной российской эргонимической терминологии // Вопр. ономастики. 2006. №3. С. 76–83.

5. Федотовских Т.Г. Коммерческие имена предприятий ресторанного бизнеса г. Екатеринбурга: содержательно-прагматический аспект // Русская речевая культура и текст: материалы IX Междунар. науч. конф., 15–16 апреля 2016 г. / под ред. Н.С. Болотновой. Томск, 2016. С. 197–201.
6. Матвеев А.К. Ономастика и ономатология: терминологический этюд // Вопр. ономастики. 2005. № 2. С. 5–10.
7. Новожилова Т.А. Номинация современных коммерческих предприятий (на материале русского, английского и немецкого языков): автореф. дис. ... канд. филол. наук. Ростов на/Д, 2005. 16 с.
8. Крюкова И.В. Рекламное имя: от изобретения до прецедентности. Волгоград: Перемена, 2004. 288 с.
9. Стародубцева В.В. Номинация внутригородских предприятий и учреждений в современном русском языке (на материале ойкодомонимов г. Ульяновска): автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2003. 21 с.
10. Ларина Т.В. О концептуализации в области эргонимии // Вестн. Сургут. гос. пед. ун-та. 2006. Вып. 3. С. 41–45.
11. Ратникова И.Э., ХоангТхи Бен. Эргонимы в ономастическом пространстве языка (на материале названий предприятий Минска и Ханоя) // Карповские научные чтения: сб. науч. ст. Вып. 9: в 2 ч. Ч. 1 / редкол.: А.И. Головня (отв. ред.) [и др.]. Минск, 2015. С. 224–228.

TROPHONYMS (RESTAURONYMS) AS A SPECIAL TYPE OF ERGONYMS (ON THE MATERIAL OF MOSCOW EATING PLACE NAMES)

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology. 2017. 47. 72–87. DOI: 10.17223/19986645/47/5

Galina N. Starikova, Hoang Thi Hong Trang, Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: gstarikova@yandex.ru / hongtrang791@gmail.com

Keywords: onomastic (onomatology), ergonyms, troponyms (restauronyms), nomenclature specialization, structure of ergonym.

This paper aims to introduce into scientific use the terms for denoting names of restaurant business enterprises, to show their nomenclature diversity and the unique features of this onomastic group including the dependence between restaurant names and their types.

The material is the names of restaurant business enterprises including the actual name (“Public”, “Fish Day”) and the indication of eating facilities type (café, bar), there are about 5 000 titles. **Sources of material** are various sites and forums of Moscow. **The method of linguistic description** applied in the study includes collecting, comparison and system-semantic interpretation of language units.

The results of the study. 1. The modern nomenclature system of restaurant business enterprises is represented by a long list of terms including former historic names (inn, pub), exotic ones (tavern, trattoria) that begin their second language life in the new economic conditions and original neologisms of the present (porketteria, brasserie). One part of them is direct borrowings from English (corner) or Italian (pasticceria), another appeared in Russian by analog. The nomenclature specialization tendency in this business resulted in complex terms: fish-house, restobar, autobistro, lunch-buffet, etc., characterizing eating places in many aspects.

2. The formation of the indicated term system should not be considered completed because of the semantic unclearness of many words (steak-house, deli), the instability of the spelling: *khaus* – *khauss* – *khausz*, etc., nominative variety (*pirogovaya* – *pirozhkovaya*, *khumusiya* – *khumusnaya*). Thus, “*osteriya*” and tavern, “*brasseriya*” and beer-house, “*lapshichnaya*” and noodle-house are identical on the service level, but foreign names contain information about the national peculiarities of restaurant cuisine, and can also improve their status for consumers.

3. There is an obvious dependence between the type of the restaurant and its name, compare, for example, the names of banquet-halls (“Boyar”, “Princely”, “Tsar’s”) and canteens (“Folk”, “Bread and Salt”), Georgian (“Suliko”, “Khachapury”, “Kazbek”) and Japanese (“Tanuky”, “Oriental Cherry Blossoming”) restaurants. The discrepancy between the nomenclature term and the name content and/or its form contributes to the implementation of the attractive function of the latter: restaurants “Lapti”, “Buloshnaya”, grand-banquet hall-restaurant “Cabin”, etc. Ergonyms “Grill”, “Lagman”, “Refectory”, “GastroClub”, “Lunchhall”, “ButerHouse”, “Yogurnitsa”, “Mantubar”, “Sandwichbar”, “Polybuffet”, “Multi-café”, “Branch-café”, “Vkusnoteka”, “Baguetteria”, “Fisheria”, “Zupperia”, “Bistoria”, “Bis-

tronomia”, “Svarnya” and similar ones indicate the language nominative reserve for the new types naming of eating places.

Conclusion. Everything said allows to consider this type of names as a special onym group – the most dynamic and representative one with some peculiarities both in the nomenclature diversity of restaurants and the uniqueness of names reflecting the manufacturing and commercial activity specifics. The terms “troponym” and “restauronym” are offered for their designation. The compliance of the first term with the naming hyperonym model of an ergonym and the co-hyponym model of an emporonym testifies in its favor, the transparency and clarity of the inner form supporting the leading language model of this business naming in favor of the second one.

References

1. Mikhaylyukova, N.V. (2012) [“Automobile urbanonyms” in the language image of Vladivostok]. *Molodezh' – Nauka – Innovatsii* [Youth – Science – Innovation]. Proceedings of the conference. Vladivostok: Maritime State University. pp. 32–35. (In Russian).
2. Shmeleva, T.V. (2013) *Onomastika* [Onomastics]. Slavyansk-na-Kubani: Izdatel'skiy tsentr filiala FGBOU VPO “KubGU” v g. Slavyanske-na-Kubani.
3. Tikhonenko, E.V. (2015) *Nazvaniya vnutrigorodskikh ob'ektov Minska: motivatsiya, struktura, funktsionirovanie* [Names of intracity objects in Minsk: motivation, structure, functioning]. Abstract of Philology Cand. Diss. Minsk.
4. Romanova, T.P. (2006) Evolyutsionnye protsessy v oblasti sovremennoy rossiyskoy ergonomicheskoy terminologii [Evolutionary processes in the field of modern Russian ergonomic terminology]. *Voprosy onomastiki*. 3. pp. 76–83.
5. Fedotovskikh, T.G. (2016) [Commercial names of restaurant business enterprises in Ekaterinburg: a content and pragmatic aspect]. *Russkaya rechevaya kul'tura i tekst* [Russian speech culture and text]. Proceedings of the IX international conference. 15–16 April 2016. Tomsk: TsNTI. pp. 197–201. (In Russian).
6. Matveev, A.K. (2005) *Onomastika i onomatologiya: terminologicheskii etyud* [Onomastics and Onomatology: a terminological etude]. *Voprosy onomastiki*. 2. pp. 5–10.
7. Novozhilova, T.A. (2005) *Nominatsiya sovremennykh kommercheskikh predpriyatii (na materiale russkogo, angliyskogo i nemetskogo yazykov)* [Nomination of modern commercial enterprises (on the basis of Russian, English and German languages)]. Abstract of Philology Cand. Diss. Rostov-on-Don.
8. Kryukova, I.V. (2004) *Reklamnoe imya: ot izobreteniya do pretседentnosti* [Advertising name: from invention to precedence]. Volgograd: Peremena.
9. Starodubtseva, V.V. (2003) *Nominatsiya vnutrigorodskikh predpriyatii i uchrezhdenii v sovremennoy russkoy yazyke (na materiale oikodonomimov g. Ul'yanovska)* [Nomination of intracity enterprises and institutions in modern Russian (on the basis of the oikodonyms of Ulyanovsk)]. Abstract of Philology Cand. Diss. Moscow.
10. Larina, T.V. (2006) O kontseptualizatsii v oblasti ergonomii [On conceptualization in the field of ergonomics]. *Vestnik Surgutskogo gos. ped. un-ta*. 3. pp. 41–45.
11. Ratnikova, I.E. & KhoangTkh Ben. (2015) Ergonimy v onomasticheskom prostranstve yazyka (na materiale nazvaniy predpriyatii Minska i Khanoya) [Ergonyms in the onomastic space of the language (based on the names of enterprises in Minsk and Hanoi)]. In: Golovnya, A.I. et al. (eds) *Karpovskie nauchnye chteniya* [Karpov Scientific Readings]. Vol. 9. Part 2. Minsk: Belorusskiy Dom pechati.

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

УДК 821.161.1(1-87)

DOI: 10.17223/19986645/47/6

Е.Г. Белоусова

О КИНЕМАТОГРАФИЧНОСТИ РОМАНА В. НАБОКОВА «МАШЕНЬКА»

На материале романа В. Набокова «Машенька» в статье рассматривается феномен литературной кинематографичности. Выявляются кинематографические средства и способы моделирования берлинской и русской реальностей. Раскрывается смысловая и структурообразующая роль кино в романе. Делается вывод о том, что кинематографичность текста Набокова есть результат совпадения общей устремленности литературы начала XX в. к синтезу выразительных средств и персональных творческих стратегий автора.

Ключевые слова: русская литература, творчество В. Набокова, литература и кино, кинематографичность литературы.

Отказ от классической картины мира и поиск новых выразительных возможностей приводит литературу в начале XX в. к активному взаимодействию со смежными видами искусств, в том числе с кинематографом – самым молодым не только по времени возникновения, но и по духу. Динамичность и экспрессивность кино оказываются удивительно созвучными исканиям эстетической и художественной мысли тех лет, а его язык максимально удобен для ее описания. Это объясняет глубокий интерес к кинематографу и теоретиков литературы, в частности русских формалистов (В. Шкловского, Ю. Тынянова, Б. Эйхенбаума), в аналитических построениях которых «кино играло ту же инспирирующую роль», что и искусство авангарда [1], и самих художников. Поэты и писатели активно эксплуатируют тему кинематографа, включают в свои произведения сцены в синема или похода в кино, осваивают жанровую систему и формальные приемы киноискусства¹.

Означенный эстетический феномен, явившийся результатом сложного взаимодействия литературы и кино, вызывает сегодня пристальный интерес исследователей, которые используют для его описания различные понятия: «чувство фильма» и «кинематографический код» [1], «киностилистика» или «кинопоэтика» [2, 3], «кинематографическая проза» или «кинематографическое письмо» [4]. Однако большинство из них не имеют четкого определения (в лучшем случае раскрываются через ряд признаков или составляющих элементов) и нередко употребляются как синонимы. На этом фоне более ясным и продуктивным выглядит термин «литературная кинематографичность»,

¹ О. Мандельштам «Кинематограф», В. Брюсов «Мировой кинематограф», Г. Иванов «Кинематограф», Г. Газданов «Возвращение Будды», И. Одоевцева «Зеркало», Н. Берберова «Курсив мой» и др.

предложенный И. Мартьяновой. Он означает «характеристику текста с монтажной техникой композиции, в котором различными, но прежде всего композиционно-синтаксическими средствами изображается динамическая ситуация наблюдения». К числу вторичных признаков литературной кинематографичности исследовательница относит «слова лексико-семантической группы кино, кино-цитаты, фреймы киновосприятия, образы и аллюзии кинематографа, функционирующие в тексте» [5. С. 9]. При этом в основе литературной кинематографичности И. Мартьянова и Т. Можаяева, существенно уточнившая исходное понятие, видят не просто вербальные описания кинематографических приемов и штампов, а «функционально-смысловой принцип, обусловленный стремлением автора динамизировать изображение наблюдаемого и руководить восприятием читателя». В таком случае кинематографичность текста является особенностью мировидения и как следствие – идиостиля¹ художника.

Прямым доказательством сказанному является творчество В. Набокова, кинематографический характер которого, помимо внешних, социокультурных обстоятельств², обусловлен особенностями набоковского восприятия действительности. Прежде всего – способностью «двойного» (по определению самого писателя) зрения, открывающего предмет сразу в нескольких его гранях и послойно обнажающего сокровенную сущность увиденного. Именно она задает основной вектор художественной мысли Набокова – стремление «извлечь», «прояснить», т.е. открыть самую главную, хотя и неявную сторону бытия (здесь и далее, в том числе в цитатах, курсивом выделено нами. – Е.Б.), и сообщает творческому сознанию писателя свойства оптического инструмента. С таким инструментом в лекциях по литературе Набоков сравнивает, например, высоко ценимого им М. Пруста³: «Пруст – призма. Его или её единственная задача – преломлять и, преломляя, воссоздавать мир, какой видишь, обернувшись назад» [8. С. 276]. Более подробно суть проведенной аналогии, а также оптического (преломляюще-проявляющего) сознания художника автор объясняет несколько позже: «Величие подлинного искусства <...> в том, чтобы вновь найти, поймать и показать нам ту реальность, вдали от которой мы живем и от которой все дальше отходим по мере того, как плотнее и непроницаемее становится то привычное сознание, которым мы заменяем реальность – ту самую, так и не узнав которой мы рискуем умереть и которая просто-напросто и есть наша жизнь. Жизнь настоящая, жизнь наконец-то раскрытая и проясненная...» [8. С. 320].

Конечно, вопрос о кинематографичности прозы В. Набокова неоднократно поднимался исследователями, но чаще всего в связи с изучением романа «Камера обскура» (1933), который по праву считается «самым кинематогра-

¹ Кинематографичность художественного текста рассматривается Т. Можаяевой как «доминанта идиостилистического развития современной прозы, которая позволяет автору максимально приблизить описываемые события к глазам читателя и руководить его восприятием» [6].

² Значимую роль в формировании кинематографического характера прозы Набокова сыграли обстоятельства жизни писателя – его проживание в 1920–1930-х гг. в Берлине, признанном одной из кинематографических столиц Европы.

³ Во вступительной статье к «Лекциям по русской литературе» В. Набокова И. Толстой справедливо замечает, что автор «ценит в чужом литературном наследии лишь то, что пестует в собственном <...>» [7. С. 9].

фическим» произведением писателя. Н. Букс, размышляя о роли кино в «Камере обскура», приходит к выводу, что «кинематограф является в нем не темой, а пародийной, скрытой социально-художественной моделью, приобретающей в структуре произведения организующую роль» [9. С. 152]. М. Гришакова, несмотря на кажущуюся несерьезность выбранного жанра («Две заметки о Набокове»), выделяет ключевые свойства и приемы кинопоэтики Набокова («сдвиг», прием уменьшения/увеличения вещей, эксперименты с пространством и временем, фотогения – съемка с движущегося объекта), связывая их с особенностями художественного сознания и эстетических воззрений писателя [10]. М. Немцев существенно расширяет перечень элементов набоковской киностилистики, а самое главное вписывает стиливые поиски писателя в социокультурный контекст 1920–1930-х гг. [2].

Гораздо реже в поле зрения набоковедов попадают романы «Другие берега» [11], «Лолита» [12], сборник рассказов «Возвращение Чорба» [13]. Первый же роман Набокова «Машенька» (1926) если и упоминается, то в общем ряду или в качестве дополнительного материала, хотя известно, что «Машенька» послужила моделью последующих романов писателя, именно в ней «предзаданы» главнейшие особенности сюжетики и поэтики Набокова» [14. С. 267], включая кинопоэтику.

Так, инвариантная для набоковских романов оппозиция мира реального и вымышленного¹ реализуется в «Машеньке» как противопоставление берлинской жизни героя, его гнетущего настоящего, и воспоминаний о жизни в России, ностальгически окрашенного прошлого. Но каждая из названных реальностей конструируется автором в соответствии с эстетическими законами киноискусства, посредством его выразительных средств и возможностей, т.е. как специфический вариант киномира. Это не только усложняет характер их взаимоотношений, но и придает им более глубокий смысл, переводя основной конфликт романа из социально-политической сферы (Европа / Россия, эмиграция / Родина) в сферу аксиологии: подлинное / неподлинное бытие².

Отождествлению эмигрантского существования Льва Ганина с кинофильмом способствуют два ключевых эпизода: воспоминание о съемках, в которых герой участвовал в качестве статиста, и сеанс в кинотеатре, во время которого он узнает себя на экране. Отражая друг друга, как два зеркала³, они создают бесконечную перспективу⁴, благодаря чему случайное сравнение воспринимается как метафора и модель всей жизни героя: «...вся жизнь ему

¹ Впервые мысль о биспациальности (двумирности) как инварианте поэтического мира Набокова раскрывается в работе Ю. Левина [15. С. 325].

² Теоретическое обоснование сказанному находим в работе Ю. Лотмана и Ю. Цивьяна «Диалог с экраном»: «...самое реальное из искусств оказывается и самым иллюзорным. Это противоречие <...> составляет одну из глубинных сущностей искусства кино» [16. С. 10].

³ Сравнение с зеркалом обусловлено природой кинематографа, которая, как пишут Ю. Лотман и Ю. Цивьян, отвечает древнейшим представлениям об искусстве как удвоении жизни [16. С. 8].

⁴ Символический образ двух зеркал неоднократно встречается в зрелой набоковской прозе, например, в «Защите Лужина»: «Лужин за шахматной доской, и опять Лужин за шахматной доской, и опять Лужин за шахматной доской, только поменьше, и потом еще меньше, и так далее, бесконечное число раз» [17. Т. 2. С. 78]. В определенном смысле он является моделью художественной реальности Набокова – сложной и неоднозначной.

представилась той же съемкой, во время которой равнодушный статист не ведает, в какой картине он участвует» [17. Т. 1. С. 50].

Аналогию с фильмом поддерживают в тексте «Машеньки» мотивы тьмы и тени. Первый в свете интересующей нас проблемы решает техническую задачу – создает необходимые условия для просмотра киноленты. Как следствие в концентрированном виде он представлен в начале романа, когда Ганин впервые сталкивается с Алферовым в застрявшем лифте. Более важная роль отводится автором мотиву тени, который непосредственно связан с темой кино. Не случайно он вводится в текст в эпизоде киносъемки: «Не брезговал он ничем: не раз даже продавал свою тень подобно многим из нас. Иначе говоря, ездил в качестве статиста на съемку за город <...>» [17. Т. 1. С. 40].

Дальнейшее развитие мотива тени в тексте романа идет по пути последовательного расширения и одновременно углубления его семантики. Набоков целенаправленно множит количество «теневых» объектов в жизни героя. Помимо Ганина в числе людей-силуэтов, фантомов действительной жизни оказываются старик Подтягин («большая седая тень в кресле»), другие обитатели пансиона («дом, где жило семь русских унылых теней»), даже незнакомые жители Берлина («черная нарядная тень» в освещенном окне напротив). Все это усугубляет ощущение иллюзорности, призрачности берлинской жизни Ганина, ее незначительности.

Таким образом, мотив тени приобретает в «Машеньке» символическое звучание – становится *символом ничтожной, пустой жизни, т.е. фактически небытия*: «И этот случайный запах помог Ганину вспомнить еще живее тот русский, дождливый август, тот поток счастья, который *тени его берлинской жизни* все утро так настойчиво прерывали» [17. Т. 1. С. 81].

Подобное прочтение темы кинематографа В. Набоковым соответствует культурно-историческим обстоятельствам 1920-х гг., когда тема мертвецов (кукол, сомнамбул), функционирующих как живые существа, становится метатемой кино. На этом фоне сам Великий Немой с его черно-белой гаммой, сумрачной атмосферой и загадочной техникой тоже нередко осознается как загробный мир [18. С. 22]. Прямое подтверждение сказанному находим в суждениях о кинематографе одного из самых заметных критиков русской эмиграции Ю. Айхенвальда: «Его (кино. – Е.Б.) *тени*, его призраки, игра его пустоты – все это ему к лицу, к *отсутствующему лицу* его, потому что кинематограф – это именно, если можно так выразиться, воплощенное отсутствие, *явленное ничто, олицетворенное небытие*»¹.

Наиболее зримо семантика смерти, как справедливо замечает М. Гришакова [10], проявляется в «Машеньке» в сцене киносъемки: «...в балагане сарае, с мистическим писком закипали светом чудовищные facets фонарей, *наведенных, как пушки*, на *мертвенно-яркую толпу статистов, палили в упор белым убийственным блеском*, озаряя *крашеный воск застывших лиц* <...>» [17. Т. 1. С. 40].

¹ Цит. по: Проскурина Е.Н. Кинематографичность и театральность романа И. Одоевцевой «Зеркало» [3].

По мере развития сюжета семантика смерти заостряется с помощью кинематографических средств, например использованием черно-белой гаммы немого кино.

Исследователи неоднократно отмечали отсутствие красок и цвета при описании берлинской жизни героя. Добавим, что стойкое ощущение ее невыразительности и блеклости создают фиксируемая автором недовоплощенность цветового признака («тускло-оливковые вагоны поезда», «синеватый туман рассвета», «лиловатый блеск стола» и т.д.), а также многократный повтор определения «бледный» в значении «тусклый» и «безжизненный». Оно становится лейттоном¹ берлинской части романа, отмечая «маркером» небытия буквально все: пейзаж («бледная заманчивая даль», «бледные апрельские улицы», небо, подернувшееся к вечеру «обморочной бледнотой»), людей («бледно-голубые глаза» Алферова, лица танцоров – «два бледных пятна»), предметы (чемодан Ганина «с бледными следами наклеек») и даже саму жизнь: «Он только помнил их первую осень, – все остальное – казалось таким *неважным, бледным* <...>» [17. Т. 1. С. 96].

На этом блеклом фоне, как на экране, мелькают пятна света и тьмы: «полногрудая, вся в *черном* шелку» Клара, «*черная*, меланхолически-чопорная фигура» г-жи Дорн, расположившаяся в конце стола меж обращенных друг к другу «профилей *напудренных*» танцоров, ласковая *черная* такса с бородавкой на *седой* мордочке, «*густые, очень темные брови*» Ганина, «составлявшие, когда он хмурился или внимательно слушал, одну *сплошную черную черту*» [17. Т. 1. С. 43] и т.д.

С особой отчетливостью черно-белая палитра набоковского кинополотна проявляется и в пейзажных зарисовках романа: «...грозда *дыма* вздымалась перед окном, заслоняя *белый берлинский день*, медленно расплывалась, и тогда виден был опять веер полотна, суживающийся вдаль, между *черных задних стен*, словно срезанных домов, и над всем этим небо, *бледное, как миндальное молоко*» [17. Т. 1. С. 41]. Или: «Гремели *черные поезда*, потрясая окна дома; волнующие *горы дыма* <...> поднимались с размаху, скрывая ночное засиневшее небо <...> гулкая *черная тень* пробуждалась под железным мостом, когда по нему гремел *черный поезд*, продольно скользя *частоколом света*» [17. Т. 1. С. 99].

Вместе с тем берлинские страницы романа насыщены желтым и лиловым цветом, которые исследователи справедливо связывают с темой пошлости и искусственности эмигрантской жизни [20]. Кричащие, плохо сочетающиеся друг с другом, они явно выбиваются из основного тона изображаемой реальности, позволяя взглянуть на нее с другой стороны: кино как мир иллюзий – это не только *нереальный, несуществующий мир*, но также мир *неестественный, фальшивый*, где все *ненастоящее*.

По этой причине желтый и лиловый тона явно доминируют в тексте при описании статистов на киносъемках («лица дам в лиловых и желтых разводах грима») и портрете Людмилы, которая является одной из самых ярких представительниц русской эмиграции: «...желтые лохмы, по моде стриженные»,

¹ Используя термин «лейттон», вслед за Л. Силард мы имеем в виду явное доминирование цветовой характеристики в тексте, а также ее развитие по лейтмотивному принципу [19. С. 174].

«губы, покрашенные до лилового лоску». Напомним, подражая экранным героиням, она «изображала обиженную девочку, капризную маркизу» [17. Т. 1. С. 41].

Так, мотив наигранности и фальши закрепляет семантику желтого и лилового, а вместе с тем открывает принципиальную устремленность Набокова к *иной, неявной и в то же время самой сущностной стороне бытия*. На это указывает спиральное развитие мотива фальши в романе. Сначала авторское слово акцентирует неестественность внешнего облика и поведения Людмилы: «Она бродила острыми, словно фальшивыми ногтями по его груди и выпучивала губы, моргала угольными ресницами...». Затем – несоответствие внешнего облика и внутреннего состояния героини: в запахе ее духов чувствуется что-то «пожилое», хотя героине всего двадцать пять лет. Наконец, в характеристике Людмилы возникает ключевое слово «ложь» («ложь детских словечек, изысканных чувств»), проявляющее ее подлинную сущность. Финальной точкой проведенного Набоковым разоблачения («послойного» обнажения) героини становится трансформация исходной, составляющей смысловое ядро анализируемого мотива фразы: «принималась опять притворяться то бедной девочкой, то изысканной куртизанкой» [17. Т. 1. С. 42]. Нетрудно заметить, что благодаря эпитетам, заостряющим семантику определяемого слова, наречию, повторяющемуся союзу и несовершенному виду глагола, сообщающим действию характер бесконечного процесса, а значит, превращающим притворство в образ жизни, эта фраза звучит в романе как окончательный приговор.

Таким образом, мир, в котором живут русские эмигранты в Берлине, не просто включает в себя кино, он сам создан по законам кино, является аналогом киномира, что позволяет Набокову показать мнимость реальной жизни героя – ее бессмысленность, бесцельность, неестественность, иными словами, представить берлинское существование Ганина как *анти-жизнь*.

Воспоминания Льва Ганина о прошлом, как справедливо отмечают исследователи романа, являются абсолютной противоположностью его настоящему, поскольку воспринимаются как подлинная реальность. Но, как и в предыдущем случае, она обнаруживает несомненное сходство с кинофильмом, и это не случайно, ведь настоящим «ключом к воссозданию прошлого» для Набокова «оказывается *ключ искусства*» [8. С. 277].

Такому сближению способствует установка писателя на динамическое изображение действительности, обусловленная процессуальным характером его памяти. Как справедливо пишет Б. Аверин, Набокову важен «не воплощенный и законченный результат воспоминаний, а извилистый, непоследовательный и пунктирный *ход памяти*, который трактуется как *самое точное свидетельство* о предмете воспоминания» [14. С. 32], как *процесс воссоздания бытия*. Начинается он с «*визуализации*» прошлого – восстановления и актуального, идущего в ходе повествования просматривания тех зрительных картин, что сохранила память человека» [21. С. 97].

Динамическая ситуация наблюдения, сообщающая повествованию о русской жизни Ганина особую достоверность, а вместе с тем определяющее ка-

чество кинематографичности¹, создается в тексте «Машеньки» традиционными для кинематографа приемами – монтажной игрой различных планов, точек зрения, ракурсов, которые способствуют «регистрации не только видимого, но и видящего» [9. С. 190].

Подтверждением может служить фрагмент, в котором автор описывает выздоровление Ганина после тифа. Чередование крупного (портрет сиделки), сверхкрупного (узор на обоях, по которым в полубреду «странствует» герой) и общих планов (панорамное движение камеры, детально воссоздающее интерьер комнаты) помогает Набокову, с одной стороны, передать нестабильность сознания выздоравливающего, с другой – его стремление расширить зону своего существования, долгое время ограниченную кроватью. Подобная организация текста вызывает у читателя эмоциональную веру в подлинность изображаемого, ведь «подача пространства “изнутри”» превращает его из зрителя в актера [22], действующее лицо.

Характерный для кинематографа эффект присутствия, включение читателя в пространство текста и переживание происходящего в нем как настоящего, явственно ощущается и в другом эпизоде романа, когда поздно вечером Ганин едет на велосипеде на свидание с Машенькой. Общий план и внешняя точка зрения в описании вдруг неожиданно сменяются здесь внутренней точкой зрения героя и целым рядом крупных деталей, обусловленных особенностями его ракурса восприятия: «Он выходил из светлой усадьбы в черный, журчащий сумрак, зажигал нежный огонь в фонарике велосипеда, – и теперь, когда он случайно вдохнул карбид, ему все вспомнилось сразу: *мокрая трава*, хлещущая по *движущейся икре*, по *спицам колес*, *круг молочного света*, впивающий и растворяющий тьму, из которой возникали: *то морщинистая лужа, то блестящий камешек, то навозом обитые доски моста, то, наконец, вертящаяся калитка* <...>» [17. Т. 1. С. 81].

Ощущение жизненной полноты и подлинности мира воспоминаний Набоков поддерживает, окрашивая его в различные цвета (в отличие от берлинского мира, естественные и гармоничные), о чем уже тоже не раз писалось: «огненно-румяные полосы» вечернего солнца, густые ольхи, отражающиеся в пруду «черными павлиньими глазами», «розовато-млеющее небо», «смуглое золото заката» и др.

Следует отметить, что ценность (не только экзистенциальная, но и эстетическая) воссоздаваемого в воспоминаниях мира неоднократно вербально подчеркивается автором: «Казалось, что эта прошлая, *доведенная до совершенства* жизнь, проходит *ровным узором* через берлинские будни» [17. Т. 1. С. 73]. «Это было не просто воспоминанье, а жизнь, *гораздо действительнее, гораздо «интенсивнее»* – как пишут в газетах, – чем жизнь его берлинской тени. Это был удивительный *роман* <...>» [17. Т. 1. С. 73]. Последнее дает основание рассматривать приемы кино моделирования в ряду других набоковских приемов (окрашивание, озвучивание, наименование...), реализующих в зрелых романах писателя близкую ему идею художественного творчества как «воскрешения слова». Вот как об этом пишет И. Паперно в связи с итоговым романом русскоязычного творчества Набокова «Дар»: «”Слово”»,

¹ См. работы И. Мартыановой [5] и Т. Можасвой [6].

послужившее материалом для автора, “начинает оживать”, приобретает реальные очертания; “теневого” мир черно-белой типографской страницы предстает “с особой театральной яркостью восставших из мертвых” (формулировки Набокова). В конечном счете *искусство оказывается более живым, чем жизнь; «слово» – более реальным, чем «вещь», т.е. мир идеального оказывается более реальным, чем мир реального*» [23. С. 504].

Мысль о том, что подлинная реальность для Набокова – это мир искусства, т.е. реальность сотворенная, проявляют и метаморфозы образа Ганина, точнее изменение его статуса и роли в тексте. В повествовании о берлинской жизни он предстает в роли статиста или зрителя. Пассивность Ганина целенаправленно подчеркивается автором посредством мотивов физической слабости и безволия (герой не в состоянии не только разорвать связь с Людмилой, но и «принудить себя протянуть руку к лампе, чтобы включить свет»), а также образа тени, который становится двойником героя: «Тень его жила в пансионе госпожи Дорн, – он же сам был в России, переживая воспоминание свое, как действительность» [17. Т. 1. С. 73]. При этом тема двойничества, воспринятая литературой начала XX в. сквозь оптическую призму кинематографа, как справедливо замечает М. Гришакова, существенно обновляется и начинает звучать как «тема подобия и его иллюзорности», т.е. двойник – это «Я» и «не-Я» [10]. В тексте «Машеньки» на это указывают детали, например, проживание Ганина по подложному паспорту и под чужой фамилией. Но более всего – эпизод в кинотеатре: «Он напряг зрение и с пронзительным содроганьем стыда узнал себя самого среди этих людей, хлопавших по заказу <...>. Двойник Ганина тоже стоял и хлопал рядом с чернобородым, очень эффектным господином, с лентой поперек белой груди» [17. Т. 1. С. 49, 50]. Во-первых, наметившееся тождество здесь разрушают ситуация наблюдения и полотно экрана, отграничивающее вымышленную реальность фильма от действительной жизни героя. Во-вторых, несоответствие экранного образа и реального человека, на котором Набоков акцентирует внимание далее: «эффектный господин» – и невзрачный наборщик типографии в убогом пальто, живущий в отдаленной части Берлина.

В повествовании о русском прошлом образ Ганина тоже сохраняет свою неоднозначность. В частности, воспоминания героя начинаются с появлением некоего «нежного и трепетного спутника». Последний не просто «сопровождает» Ганина, но «разлегся у его ног сероватой весенней тенью» [17. Т. 1. С. 56], что позволяет причислить его к разряду двойников. Однако в отличие от первого второй двойник гораздо ближе герою и в физическом плане (не отделен экраном, находится в том же месте и том же времени), и в духовном (например, обладает вербальной («заговорил») и творческой активностью: «Он был богом, воссоздающим погибший мир. Он постепенно воскрешал этот мир, в угоду женщине, которую он еще не смел в него поместить, пока он весь не будет закончен» [17. Т. 1. С. 58]).

Эти способности сближают Ганина с автором, делают его, в свою очередь, двойником Набокова¹, хотя и не отождествляют с ним. Традиционно в

¹ Автобиографический характер романа подтверждает сам автор. См. предисловие Набокова к английскому переводу романа «Машенька» [24. С. 61].

набоковских текстах автор занимает двойственную позицию: одновременно находится внутри текста, смотрит на происходящее «глазами» героя, и вне его. В последнем случае автор выступает как носитель потустороннего «божественного сознания» или «субъект обнаженной литературной конструкции» [25. С. 457]. Художественная конструкция «Машеньки», как показывает прочтение романа сквозь кинематографическую призму, предполагает не только противопоставление двух миров, но и соотнесенность – наложение одного на другой. Переслаивая прошлое и настоящее, Набоков выделяет значимые моменты в жизни героя и собирает их воедино, подготавливая тем самым духовное воскрешение Льва Ганина. Пережив и исчерпав свои воспоминания, герой обретает свободу, а читатель – понимание подлинной сути авторской картины бытия – *его бесконечной сложности и многомерности*, ибо никакая очевидность в мире Набокова не является абсолютной достоверностью. Не случайно моделью собственной жизни художник считает образ «цветной спирали в стеклянном шарике», где «...завои следуют один за другим и каждый синтез представляет собой тезис следующей тройственной серии» [17. Т. 4. С. 283].

То, что роль ключа в постижении художественной логики романа, не разводящей крайности, а встраивающей их одна в другую, играет кино, его эстетические принципы и приемы, тоже не случайно. Только на «свет искусства», по Набокову, можно различить тайный «неповторимый водяной знак», отпечатавшийся в самом начале человеческой жизни [17. Т. 4. С. 140]. Тем более искусства, столь неоднозначного по своей природе.

Все вышесказанное позволяет сделать вывод, что кинематографичность «Машеньки» есть результат не заимствования, а совпадения общей устремленности литературы начала XX в. к синтезу выразительных средств и персональных творческих стратегий В. Набокова, тяготеющего к воспроизведению мира динамичного, сложного и непостижимого, несмотря на узнаваемость.

Литература

1. Янгиров. Р.М. Специфика кинематографического контекста в русской литературе 1910-х – 1920-х годов: автореф. дис. ... канд. филол. наук. М. 2000. 25 с. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.dissercat.com/content/spetsifika-kinematograficheskogo-konteksta-v-russkoi-literature-1910-kh-1920-kh-godov> (дата обращения: 05.11.2016).
2. Немцев М.В. Стилиевые приметы кинематографа в литературе русского зарубежья первой волны: дис. ... канд. филол. наук. М., 2004. 162 с.
3. Проскурина Е.Н. Кинематографичность и театральность романа И. Одоевцевой «Зеркало» // Ежегодник Дома русского зарубежья им. А.И. Солженицына. Вып. 2. М., 2011. С. 265–279.
4. Сладкова В.С. Особенности кинематографического письма в современных французских новеллистических текстах [Электронный ресурс]. URL: http://www.pglu.ru/upload/iblock/d41/uch_2009_v_00069.pdf (дата обращения: 05.11.2016).
5. Мартынова И.А. Киновек русского текста: парадокс литературной кинематографичности. СПб.: САГА, 2002. 240 с.
6. Можяева Т.Г. Языковые средства реализации кинематографичности в художественном тексте: на материале произведений Г. Грина, Э. Хемингуэя, М. Этвуд: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Барнаул. 2006. 21 с. [Электронный ресурс]. URL: <http://dlib.rsl.ru/viewer/01003291405#?page=5> (дата обращения: 05.11.2016).
7. Набоков В. Лекции по русской литературе. М.: Независимая Газета, 1998. 440 с.

8. Набоков В. Лекции по зарубежной литературе. М.: Независимая Газета, 1998. 512 с.
9. Букс Н. Эшафот в хрустальном дворце: о русских романах В. Набокова. М.: Новое литературное обозрение, 1998. 208 с.
10. Гришакова М. Две заметки о Набокове // Труды по русской и славянской филологии. Литературоведение IV (Новая серия). Тарту. 2001. С. 247–259 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.ruthenia.ru/document/519897.html> (дата обращения: 05.11.2016).
11. Вострикова А.В. Взаимодействие искусств в творческом осмыслении В.В. Набокова: русскоязычная проза крупных жанров: автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2007. 22 с. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.disscat.com/content/vzaimodeistvie-iskusstv-v-tvorcheskom-osmyslenii-vv-nabokova-russkoyazychnaya-proza-kрупnykh> (дата обращения: 05.11.2016).
12. Трошин А.С. Кинематограф на страницах «Лолиты» // Киноведческие записки. 1993/94. № 20. С. 203–230.
13. Сверчкова А.В. Элементы «кинопоэтики» в рассказах В. Набокова 1920-х годов // Изв. высших учебных заведений. Уральский регион. 2011. № 3. С. 60–65.
14. Аверин Б. Дар Мнемозины: Романы Набокова в контексте русской автобиографической традиции. СПб.: Амфора, 2003. 399 с.
15. Левин Ю. Заметки о «Машеньке» Набокова // В.В. Набоков: pro et contra. СПб., 1997. С. 359–369.
16. Лотман Ю., Цивьян Ю. Диалог с экраном. Таллин: Александра, 1994. 216 с.
17. Набоков В.В. Собрание сочинений: в 4 т. М.: Правда, 1990.
18. Цивьян Ю. Историческая рецепция кино: Кинематограф в России 1896–1930. Рига: Зинатне, 1991. 246 с.
19. Силард Л. Андрей Белый // Русская литература рубежа веков (1890-е – начало 1920-х гг.). Кн. 2. М., 2001. С. 144–189.
20. Яновский А. О романе Набокова «Машенька» // В.В. Набоков: pro et contra. СПб., 1997. С. 837–845.
21. Созина Е.К. Визуальный дискурс сознания в автобиографической книге В. Набокова // Набоковский сборник: Мастерство писателя / под ред. М.А. Дмитриховской. Калининград, 2001. С. 95–114.
22. Мукаржовский Я. К вопросу об эстетике кино [Электронный ресурс]. URL: <http://philologos.narod.ru/texts/mukar1.htm> (дата обращения: 05.11.2016).
23. Паперно И. Как сделан «Дар» Набокова // В.В. Набоков: pro et contra. СПб., 1997. С. 485–507.
24. Набоков В.В. Предисловие Набокова к английскому переводу романа «Машенька» // В.В. Набоков: pro et contra. С. 61–63.
25. Медарич М. Владимир Набоков и роман XX столетия // В.В. Набоков: pro et contra. СПб., 1997. С. 448–469.

ON THE FILM LOOKING NATURE OF THE NOVEL *MARY* BY VLADIMIR NABOKOV

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology. 2017. 47. 88–99. DOI: 10.17223/19986645/47/6

Elena G. Belousova, Chelyabinsk State University (Chelyabinsk, Russian Federation).
E-mail: belouelena@gmail.com

Keywords: Russian literature, V. Nabokov's oeuvre, literature and cinematography, film looking nature of literature.

The article studies the film looking nature of the novel *Mary* in terms of the historical and literary process of the beginning of the 20th century and Nabokov's authorial style strategy. Due to the specific features of his artistic view and perception, a reader can notice the film looking nature through a constant tendency to show a key feature of a thing depicted although it is implicit. The chosen approach opens a prospect for a deeper insight into the work, serving as a pattern for his later novels and possessing the most important features of Nabokov's poetics and his poetics of cinema, in particular.

The constant opposition between the real world and the fictional one is typical of Nabokov's texts, and the novel *Mary* depicts it as a contrast between the main character's life in Berlin and his flashbacks about Russia. However, Nabokov features each of these two worlds as a specific variant of a cinematic reality. In the Berlin parts of the novel he achieves it by the episodes of filming and film show, mirroring each other, the motives of darkness and reflection as well as the color palette of the

novel, namely the black and white scale, inspired by silent movies, and unnaturally bright lilac and yellow flashes. As a result, cinematography turns into a metaphor of the blank and factitious existence of Russian emigrants; that is, anti-existence, not-being.

In the parts about Russia, Nabokov creates an analogy between the character's reminiscences and the cinema by aiming at the dynamic representation of reality, resulting from the processual character of his memory, and the visualization of the past.

The dynamic situation of watching and observation gives maximum authenticity and genuineness to the narration about the Russian life of the main character.

The author plays on cutting with shots, angles, "external" and "internal" viewpoints, which creates a cinematographic presence effect in the novel when a reader gets involved in the text and experiences current events on the screen as real.

Moreover, Nabokov continually emphasizes the aesthetic value of the world constructed in reminiscences. Therefore, he sees the genuine reality as a created reality, that is, the world of art including cinematography. Being developed by the motive of duplicity, the metamorphoses of Ganin (underpart, shadow – Demiurge, author's double) prove it.

The research results in the understanding of the structural and conceptual function of cinematography in the novel. The modeling of *Mary's* imaginative world according to the principles of cinematography makes the main conflict more profound, turning it into an axiological issue (real / unreal being), expresses the artistic logic of the novel, not isolating extremes but integrating them, and reveals the essence of the author's world view – an infinite complexity and multiple dimensions, which is a key to his novel and poetics. It allows stating that *Mary's* film looking nature is not the consequence of borrowing but the result of coincidence when literature of the beginning of the 20th century was generally determined to combine expressive means and authorial style strategy, in particular, of Nabokov.

References

1. Yangirov, R.M. (200) *Spetsifika kinematograficheskogo konteksta v russkoy literature 1910-kh 1920-kh godov* [Specificity of the cinematographic context in the Russian literature of the 1910s–1920s]. Abstract of Philology Cand. Diss. Moscow. [Online] Available from: <http://www.dissercat.com/content/spetsifika-kinematograficheskogo-konteksta-v-russkoi-literature-1910-kh-1920-kh-godov>. (Accessed: 05.11.2016).
2. Nemtsev, M.V. (2004) *Stilevye primety kinematografa v literature russkogo zarubezh'ya pervoy volny* [Style signs of cinematography in the literature of the Russian abroad of the first wave]. Philology Cand. Diss. Moscow.
3. Proskurina, E.N. (2011) Kinematografichnost' i teatral'nost' romana I. Odoevtsevoy "Zerkalo" [Cinematography nature and theatricality of I. Odoevtseva's novel "The Mirror"]. In: Gritsenko, N.F. (ed.) *Ezhegodnik Doma russkogo zarubezh'ya im. A. I. Solzhenitsyna* [Yearbook of the House of Russian Abroad n.a. A.I. Solzhenitsyn]. Vol. 2. Moscow: Dom russkogo zarubezh'ya im. Aleksandra Solzhenitsyna.
4. Sladkova, V.S. (2009) *Osobennosti kinematograficheskogo pis'ma v sovremennykh frantsuzskikh novellisticheskikh tekstakh* [Features of cinematic writing in modern French novellistic texts]. [Online] Available from: http://www.pglu.ru/upload/iblock/d41/uch_2009_v_00069.pdf. (Accessed: 05.11.2016).
5. Mart'yanova, I.A. (2002) *Kinovek russkogo teksta: paradoks literaturnoy kinematografichnosti* [Cinema age of the Russian text: a paradox of literary cinematography]. St. Petersburg: SAGA.
6. Mozhaeva, T.G. (2006) *Yazykovye sredstva realizatsii kinematografichnosti v khudozhestvennom tekste: na materiale proizvedeniy G. Grina, E. Khemingueya, M. Etvud* [Language means of realization of cinematography nature in the artistic text: on the basis of the works of G. Green, E. Hemingway, M. Atwood]. Abstract of Philology Cand. Diss. Barnaul. [Online] Available from: <http://dlib.rsl.ru/viewer/01003291405#?page=5>. (Accessed: 05.11.2016).
7. Nabokov, V. (1998) *Leksii po russkoy literature* [Lectures on Russian Literature]. Moscow: Nezavisimaya Gazeta.
8. Nabokov, V. (1998) *Leksii po zarubezhnoy literature* [Lectures on foreign literature]. Moscow: Nezavisimaya Gazeta.
9. Bux, N. (1998) *Eshafot v khrustal'nom dvortse: o russkikh romanakh V. Nabokova* [Scaffold in the Crystal Palace: about Russian novels by V. Nabokov]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie.

10. Grishakova, M. (2001) Dve zametki o Nabokove [Two notes on Nabokov]. *Trudy po russkoy i slavyanskoy filologii. Literaturovedenie* IV (Novaya seriya). pp. 247–259. [Online] Available from: <http://www.ruthenia.ru/document/519897.html>. (Accessed: 05.11.2016).
11. Vostrikova, A.V. (2007) *Vzaimodeystvie iskusstv v tvorchestvom osmyslenii V.V. Nabokova: russkoyazychnaya proza krupnykh zhanrov* [The interaction of the arts in creative comprehension of Nabokov: Russian-language prose of major genres]. Abstract of Philology Cand. Diss. Moscow. [Online] Available from: <http://www.disscat.com/content/vzaimodeystvie-iskusstv-v-tvorchestvom-osmyslenii-vv-nabokova-russkoyazychnaya-proza-krupnykh>. (Accessed: 05.11.2016).
12. Troshin, A.S. (1993–1994) Kinematograf na stranitsakh “Lolity” [Cinematography on the pages of “Lolita”]. *Kinovedcheskie zapiski*. 20. pp. 203–230.
13. Sverchkova, A.V. (2011) Elementy “kinopoetiki” v rasskazakh V. Nabokova 1920-kh godov [Elements of “cinemapoetics” in the stories of V. Nabokov of the 1920s]. *Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedeniy. Ural'skiy region*. 3. pp. 60–65.
14. Averin, B. (2003) *Dar Mnemoziny: Romany Nabokova v kontekste russkoy avtobiograficheskoy traditsii* [The Gift of Mnemosyne: The novels of Nabokov in the context of the Russian autobiographical tradition]. St. Petersburg: Amfora.
15. Levin, Yu. (1997) Zametki o “Mashen'ke” Nabokova [Notes on “Mary” by Nabokov]. In: *V.V. Nabokov: pro et contra*. St. Petersburg: Russian Christian Humanitarian Institute.
16. Lotman, Yu. & Tsiv'yan, Yu. (1994) *Dialog s ekranom* [Dialogue with the screen]. Tallinn: “Aleksandra”.
17. Nabokov, V.V. (1990) *Sobranie sochineniy: v 4t.* [Works: in 4 vols]. Moscow: Pravda.
18. Tsiv'yan, Yu. (1991) *Istoricheskaya retseptsiya kino: Kinematograf v Rossii 1896–1930* [Historical reception of the cinema: Cinematography in Russia, 1896–1930]. Riga: Zinatne.
19. Silard, L. (2001) Andrey Belyy. In: Keldysh, V.A. (ed.) *Russkaya literatura rubezha vekov (1890- e – nachalo 1920-kh godov)* [Russian literature of the turn of the century (1890s – early 1920s)]. Vol. 2. Moscow: IWL RAS, “Nasledie”.
20. Yanovskiy, A. (1997) O romane Nabokova “Mashen'ka” [On Nabokov's novel “Mary”]. In: *V.V. Nabokov: pro et contra*. St. Petersburg: Russian Christian Humanitarian Institute.
21. Sozina, E.K. (2001) Vizual'nyy diskurs soznaniya v avtobiograficheskoy knige V. Nabokova [Visual Discourse of Consciousness in the Autobiographical Book of V. Nabokov]. In: Dmitrovskaya, M.A. (ed.) *Nabokovskiy sbornik: Masterstvo pisatelya* [Nabokov's collection: Mastery of the writer]. Kaliningrad: Kaliningrad State University.
22. Mukařovský, J. (1994) *K voprosu ob estetike kino* [On the issue of the aesthetics of cinema]. [Online] Available from: <http://philologos.narod.ru/texts/mukar1.htm>. (Accessed: 05.11.2016).
23. Paperno, I. (1997) Kak sdelan “Dar” Nabokova [How the “Gift” of Nabokov was made]. In: *V.V. Nabokov: pro et contra*. St. Petersburg: Russian Christian Humanitarian Institute.
24. Nabokov, V.V. (1997) Predislovie Nabokova k angliyskomu perevodu romana “Mashen'ka” [Preface by Nabokov for the English translation of the novel “Mary”]. In: *V.V. Nabokov: pro et contra*. St. Petersburg: Russian Christian Humanitarian Institute.
25. Medarich, M. (1977) Vladimir Nabokov i roman XX stoletiya [Vladimir Nabokov and the novel of the twentieth century]. In: *V.V. Nabokov: pro et contra*. St. Petersburg: Russian Christian Humanitarian Institute.

УДК 821.112.2

DOI: 10.17223/19986645/47/7

А.В. Елисеева

ВЗАИМОСВЯЗЬ НАЦИОНАЛЬНОГО И ГЕНДЕРНОГО КОДОВ В РОМАНЕ АЛЬФРЕДА ДЁБЛИНА «БЕРЛИН АЛЕКСАНДЕРПЛАЦ»¹

В статье рассмотрена взаимосвязь гендерных и национальных кодов в романе Альфреда Дёблина «Берлин Александерплац». Используются методы нарратологического анализа, особенно гендерной нарратологии, а также гендерный и постколониальный дискурс-анализ. Сделаны выводы о тесной взаимосвязи гендерных и национальных конструктов, которая реализуется как в речи персонажей романа, так и в повествовательных стратегиях текста. Выявлены общие механизмы национального и гендерного конструирования.

Ключевые слова: Альфред Дёблин, немецкая литература первой половины XX в., гендерные исследования, постколониальные исследования, гендерная нарратология.

Роман «Берлин Александерплац» («Berlin Alexanderplatz») Альфреда Дёблина (Alfred Döblin, 1878–1957) с момента своего появления в 1929 г. почти неизменно находится в фокусе интереса исследователей. Произведение, считающееся образцом европейского модернизма, рассматривалось в аспектах интертекстуальности, интермедиальности, новаторства нарративных стратегий, дискурса большого города и т.д. [1. С. 111–117]. При этом некоторые измерения романа на протяжении многих лет оставались незамеченными. Так исследовательница Мария Татар отмечает, что в секундарной литературе долго игнорировали мизогинный характер наррации в романе, проявляющийся в сухом и деловитом перечислении многочисленных изнасилований, убийств, избиений женщин [2]. Вслед за Эриком Ренчлером [3. Р. 200] Татар небезосновательно полагает, что ряд гендерных аспектов романа, в том числе настойчиво присутствующая в нём тематика насилия по отношению к женщинам, стали явными во многом благодаря его экранизации, выполненной в 1980 г. Райнером Вернером Фасбиндером. Помимо гендерной проблематики, роман, созданный незадолго до прихода Гитлера к власти автором-евреем, которому в 1933 г. пришлось покинуть Германию, содержит и фрагменты националистического, шовинистического дискурсов, ставшие элементами многоголосия большого города, смоделированного в тексте. Стоит сказать, что отношение Дёблина к национальному, в том числе к еврейскому, вопросу и его выражение в творчестве писателя до сих пор является предметом дискуссии, некоторые участники которой упрекают автора «Берлин Александерплац» в проявлениях расизма и антисемитизма [4].

В произведении Дёблина присутствуют различные высказывания на гендерную и национальную тему, а также суждения, объединяющие оба этих начала. В данной статье материалом рассмотрения стали именно элементы

¹ Статья написана при поддержке немецкого научного фонда имени Александра фон Гумбольдта, которому я хочу выразить здесь свою благодарность.

нарративной структуры, комбинирующие гендерные и национальные конструкторы. Поскольку такая взаимосвязь на материале романа Дёблина анализируется впервые, можно говорить о новизне данного исследования. Интенсивно развивающееся в последнее время сотрудничество гендерных и постколониальных исследований, особенно тех, которые основаны на конструктивистском подходе к феномену гендера и нации, делает данный анализ особенно актуальным. Методология исследования связана со спецификой рассматриваемого предмета: применяется нарратологический анализ, особенно подход нового направления – гендерной нарратологии [5], а также дискурс-анализ с позиций гендерной и постколониальной критики. Следует отметить, что исследователи уже не раз обращались к взаимодействию национальных и гендерных конструкторов на материале текстов различных национальных литератур [6, 7].

В романе «Берлин, Александерплац» наблюдаются две стратегии комбинирования национальных и гендерных конструкторов: одна заключается в том, что соответствующие суждения вложены в уста различных героев, как главных, так и второстепенных. Другая стратегия приводит к соположению в тексте романа национально и гендерно коннотированных эпизодов, обнаруживающих таким образом свой параллелизм и семантическое родство.

Носительницей представлений, комбинирующих гендерные и национальные конструкторы, является в романе один из центральных персонажей – Мицци (Эмилия Парзунке, Соня). То, что она взяла себе имя 'Соня', героиня объясняет тем, что у неё находят черты внешности русской женщины: *Зовут её Эмилия – Эмилия Парзунке, но она попросила, чтобы Франц звал её Соней. Так Ева её назвала: скулы, говорит, у неё русские* [8. С. 301]. Следует заметить, что имя 'Соня', данное автором героине, занимающейся проституцией, возможно, позаимствовано им из романа «Преступление и наказание» (1866) Ф.М. Достоевского и создаёт интертекстуальную связь с творчеством русского писателя, на которую уже указывали в исследовательской литературе [9. С. 213], это может послужить материалом отдельного исследования. За этой, скорее позитивной (связанной с присвоением) оценкой инационального начала следует, однако, со стороны Эмилии-Сони-Мицци негативное восприятие гендерного порядка в России. Узнав о том, что её возлюбленный Франц некогда вступал в связь с женщинами, надоевшими Рейнхольду, Мицци отвергает эту информацию, говоря о том, что практика обмена женщинами характерна для России, а не для Германии: *Это вы расскажите своей бабушке про обмен женщинами и тому подобное. Кто-то мне говорил, что это теперь в России так заведено. Вы часом, не оттуда? А у нас этого не бывает* [8. С. 380]. В высказывании персонажа явно различимы отголоски распространённых в 1920–1930-х гг. слухов об обобществлении («национализации») женщин в Советской России. Эмилия-Соня-Мицци несколько позже возвращается к этому представлению об обмене женщинами в России: *Но нет, этого мой Франц не сделает, он же не русский, чтобы меняться женщинами, враки всё это!* [8. С. 382]. Примечательно, что отрицательное отношение к определённому гендерному порядку соединяется у персонажа с другой страной, в данном случае с Россией. Аналогичное соединение делает и Рейнхольд: отвергая возможность одновременно состоять в отношениях с двумя

женщинами, он из-за многожёнства, принятого в мусульманских странах, приписывает такое поведение туркам и говорит Францу: *Не могу же я требовать от человека, чтобы он с двумя бабами путался! Ты ж не турок.* [8. С. 211]. Характерно при этом, что в обоих случаях персонажи ссылаются на некие националистические мифы, поскольку в Советской России никогда не проводилась «национализация женщин», а многожёнство в Турции было запрещено указом Мустафы Кемала Ататюрка к 1920-м гг., когда происходит действие романа «Берлин Александерплац». Один из многочисленных второстепенных персонажей романа, с которым Биберкопф знакомится в пивной, рассказывает о гендерном порядке в Америке, также обладающем, по его описанию, налётом причудливости и экзотизма: *Ну вот, женился тот человек в Америке и в ус не дует. А жена возьми да окажется негритянка. «Что? – говорит он, – ты негритянка?» И трах! – вышвырнул её вон. Потом ей пришлось раздеваться перед судом. Осталась в одних трусиках. Сперва, конечно, не хотела, стеснялась, ну, а потом всё равно пришлось. Большая важность, подумаете? А кожа у неё была совсем белая. Потому как она метиска. А муж своё – негритянка и всё тут. Почему? Да потому что на ногтях у неё не белые, а коричневатые лунки. Стало быть – метиска. Несмотря на то, что рассказчик затем упоминает требование женщины возместить моральный ущерб, он и его слушатели с пониманием относятся к дискриминации как по расовому, так и по гендерному признаку, к тому, что мужчина не хотел жениться на негритянке, к тому, что, выйдя замуж, женщина потеряла работу и к тому, что на разведённой не всякий женится [8. С. 207]. Осуждая размышления, содержащиеся во фрагменте романа Габриэля Д'Аннунцио «Сладострастие», о том, что одна женщина может заменить другую, Франц Биберкопф непосредственно связывает такой «извращённый», с его точки зрения, образ мысли с происхождением автора: *Обрати внимание, эту свинью зовут д'Аннунцио; небось испанец или итальянец, а то и американец...* [8. С. 72]. Примечательно, что для персонажа разница между «американцем», «испанцем» и «итальянцем» не играет роли, чуждые и неприемлемые для него гендерные представления он коннотирует как иностранные: *И такую чушь он, испанец этаким, даёт печатать? Да будь я наборщиком – не стал бы набирать* [8. С. 72].*

Другим странам, нациям с их сомнительным, с точки зрения персонажей, гендерным порядком противопоставлен в их высказываниях «немецкий мужчина» с его правильным поведением. Рекламирующий держатели для галстуков Франц заявляет, что «немецкий мужчина» (*Ein deutscher Mann* [10. S. 70]) покупает только первосортный товар. Цитата на немецком языке здесь и далее приводится, потому что в переводе произошла утрата гендерной характеристики субъекта ('мужчина'). «Настоящих немецких мужчин» превозносит и инвалид, с которым Франц Биберкопф знакомится в парке Хазенхайде (*Bist du ein deutscher Mann? Bist du kerndeutsch?* [10. S. 81]). Тем, что он «немецкий мужчина» (*ein deutscher Mann* [10. S. 129]), преданный до гроба, над которым «гордо реет стяг наш, чёрно-бело-красный» [8. С. 152], гордится Франц. Речь идёт о чёрно-бело-красном флаге Германского государства с 1871 до 1919 г., на некоторое время возрождённом впоследствии при Гитлере. В этом же фрагменте Биберкопф в своём внутреннем монологе высказывает убежде-

ние, что настоящие немецкие мужчины не должны быть обманщиками. Интересно, что в немецком тексте протагонист использует слово „Affe“ (обезьяна) как ругательное по отношению к евреям [10. S. 25], женщинам [10. S. 382] и политическому противнику, которого он, что характерно, также обзывает «мулатом» [10. S. 85]

Не только персонажи высказывают суждения, соединяющие национальные и гендерные коды, они возникают и в интекстах, которые включает в повествование нарратор. Немецкой женщине отводится роль матери во фрагменте смоделированного нарратором дискурса, соединяющего националистические призывы к росту самосознания немецкой нации после поражения в Первой мировой войне, характеристику плохого экономического положения в Германии и рекламу: *Роды – ответственный момент в жизни каждой женщины. Готовиться к этому испытанию – долг будущей матери. Все помыслы и чувства её обращены к не рождённому ещё ребёнку. Поэтому правильный выбор напитков для будущей матери приобретает особое значение. Настоящее карамельно-солодовое пиво Энгельгардта полезно беременным* [8. С. 146]. Другое упоминание немецкой женщины возникает также в рекламном тексте: *Ах, как чудно пахнет! Запах чайной розы – эти духи во вкусе интеллигентной немки: их аромат нежен, но устойчив* [8. С. 326]. В оригинале фигурирует словосочетание *eine kultivierte deutsche Frau* [10. S. 278]. Таким образом, как в речах персонажей, так и в обезличенных дискурсивных фрагментах, вмонтированных в роман, проявляется широко распространённое в 1920-х гг. возвеличение «немецкого мужчины», наделяемого в тексте практичностью, высокой самооценкой, порядочностью, преданностью. Немецкой женщине отводится хороший вкус, привлекательность (в том числе благодаря изысканному запаху), основной ролью объявляется материнская, что, впрочем, любопытно контрастирует с репертуаром женских персонажей романа, которые все без исключения являются бездетными. Другим народам и странам героини «Берлин Александерплац» приписывают элементы поведения, в том числе сексуального, которое они полагают отклоняющимся от нормы, при том что норма связывается ими с Германией. Прослеживается также объединение гендерного и расового угнетения.

Не только персонажи романа соединяют в своих суждениях гендерные и национальные представления. Сходство гендерных и национальных конструктов раскрывает также нарратор произведения. Данное исследование методологически опирается на теорию Вольфа Шмида, различающего конкретного автора с его биографией, мировоззрением и т.п. (т.е. в данном случае Альфреда Дёблина), абстрактного автора, воплощением которого является весь текст в целом, а также нарраторов разных уровней [11. С. 39–95]. Соединение гендерных и национальных конструктов в романе «Берлин Александерплац» осуществляет эксплицитно присутствующая в тексте фигура нарратора. Представление о взаимосвязи гендерного и национального порядков возможно также соотнести с инстанцией абстрактного автора, которая порождает все смыслы текста. При этом нарративной стратегией обнаружения национального и гендерного порядков являются соположение и параллелизм эпизодов, созданные повествовательной инстанцией.

Благодаря нарративным стратегиям романа возникает аналогия между поведением протагониста по отношению к различным дискриминируемым группам (женщинам, евреям, гомосексуалам). В первую очередь интересен в этом отношении нарративный параллелизм эпизодов после выхода Биберкопфа из тюрьмы в начале романа и после выхода из запоя, к которому привело первое большое поражение героя – коварство Людерса. И в первом, и во втором случае восстановление сил и душевного равновесия протагониста начинается с посещения евреев. В первой ситуации еврей Нахум сам находит во дворах блуждающего там, потерянного Франца, приводит его в дом и рассказывает ему историю Цанновича. Во втором эпизоде, выйдя из запоя, протагонист сам навещает евреев и слушает их рассказы. Примечательно, что после визита к евреям персонаж отправляется к женщинам. В первом случае он сначала делает попытку сексуального контакта с проституткой, когда эта попытка не удаётся, Биберкопф идёт и насилует Минну, сестру убитой им Иды. Во второй ситуации он также отправляется после посещения евреев к Минне, но не застаёт её дома и получает отпор от мужа женщины. Примечательна взаимосвязь: для того чтобы восстановить силы и самооценку, персонажу в двух случаях оказываются нужны представители другой национальности, евреи, а также женщины. Важно, что и те и другие относятся в Германии этого периода к дискриминируемым группам, их социальный статус существенно ниже, чем статус немецкого мужчины. Параллелизм обнаруживает и отношение Биберкопфа к евреям и к женщинам. Не испытывая агрессии ни к тем, ни к другим, он полагает себя человеком, занимающим более высокую ступень в социальной иерархии. Так протагонист становится продавцом антисемитской газеты «Фолькишер беобахтер» и ходит с нацистской повязкой: *Он ничего не имеет против евреев, но стоит за порядок* [8. С. 97]. В другом эпизоде Биберкопфу представляется забавной идея продать «Фолькишер беобахтер» знакомым евреям: *А ведь евреи мои где-то поблизости живут, как же помню – тогда это со мной в первый раз приключилось. Надо бы как-нибудь к ним заглянуть, могут разок купить у меня «Фолькишер беобахтер». Почему бы и нет? Только купили бы, а там пусть что хотят, то и делают с газеткой. При этой мысли Франц ухмыляется*. Характерно при этом чувство национального превосходства протагониста, побуждающее его подшучивать над представителями другой национальности, а также нечувствительность к унижению чужого национального достоинства. Аналогично отзывается протагонист и о женщинах. Не испытывая по отношению к ним, как и к евреям, враждебности, он полагает женщину существом более низкого порядка. Так проблемы Рейнхольда с женщинами сначала вызывают у него смех: *Франц хохотал до упаду: смотри, пожалуйста, он баб всерьёз воспринимает! Вот бы не подумал про него; значит, у него тоже винтика не хватает* [8. С. 208]. В другом эпизоде персонаж, однако, призывает к определённому гуманизму по отношению к женщинам, снисходительный характер его суждений напоминает при этом размышления об евреях: *Баба – тоже человек, нельзя с ней так* [8. С. 220]. Такая взаимосвязь и параллелизм восприятия женщин и евреев в сознании Биберкопфа напоминает дискурс известного трактата Отто Вейнингера «Пол и характер» („Geschlecht und Charakter“, 1902), где автор сравнивает женщин и евреев, отказывая тем и другим в способности руко-

водствоваться моральными принципами, обвиняя в чувственности, объявляя тех и других существами низшего порядка [12]. Подобная гендерная и национальная модель присутствует также в сознании Биберкопфа.

Примечательно, что национальную и гендерную иерархию персонажи связывают с понятием 'порядка' (Ordnung), некоей структуры, нуждающейся в сохранении. Как показывает процитированный выше отрывок, «порядок» определяет отношение Биберкопфа к евреям, к «порядку» апеллирует и Рейнхольд, пренебрежительно относящийся к женщинам. Поскольку слово «порядок» было утрачено в русском переводе, здесь дана цитата на немецком языке: *Bist die fünfhundertste oder tausendste Frau, die ick habe, ging alles gut und in Ordnung bisher, wird auch jetzt in Ordnung gehen* [10. S. 344].

Стоит отметить также, что снисходительно-пренебрежительное отношение Биберкопф демонстрирует не только к евреям и женщинам, но также к гомосексуальным людям. Так на собрании гомосексуалов протагонист, с одной стороны, испытывает определённое сочувствие к людям, дискриминируемым за их образ жизни (*Конечно, жаль таких, тоже ведь люди, только что мне до них?* [8. С. 88]), с другой стороны, на собрании, где обсуждается притеснение гомосексуальных людей, его обуревают смех: *«...» то и дело прыскал со смеху, прикрывая шляпой лицо. В одиннадцатом часу ему стало уже невмоготу; пора смываться, экий народ странный, и много же их здесь собралось, педерастов этих, – ему здесь делать нечего; пулей вылетел он на улицу и смеялся до самого Алекса* [8. С. 88].

Обращает на себя внимание удивительное сходство реакции протагониста на женщин, евреев и гомосексуалов. Как показывают приведённые примеры, Биберкопф относится к этим группам со смехом (*ухмыляется; хохотал до упаду; прыскал со смеху; смеялся до самого Алекса*). Сходство в восприятии протагонистом евреев, женщин и гомосексуалов, моделируемое нарратором романа, соответствует концепции Ханса Майера, который в своей книге «Аутсайдеры» («Außenseiter», 1975) констатирует присутствие в европейской культуре трёх основных групп аутсайдеров: женщин, евреев и гомосексуалов. Данные маргинализированные группы учёный называет «экзистенциальными аутсайдерами» и противопоставляет их аутсайдерам интенциональным, т.е. тем, которые сами выбирают оппозицию господствующему порядку [13]. Таким образом, в романе «Берлин Александерплац» при помощи нарративных стратегий соположения эпизодов (за визитами персонажа к евреям следуют визиты к женщинам), а также повествовательно создаваемого семантического параллелизма (сходство реакции протагониста на евреев, женщин, гомосексуалов, заключающейся в пренебрежении и смехе) моделируется взаимосвязь гендерного и национального конструирования: доминирующая группа (гетеросексуальные мужчины преобладающей в стране этнической принадлежности) маргинализирует иные национальные и гендерные группы. Исходя из анализа текста, можно говорить о критической дистанции абстрактного автора романа по отношению к гендерному и национальному конструированию, поскольку оно всегда оказывается связанным в романе с дискриминацией, насилием и чувством превосходства одной группы над другой.

Высказывания персонажей романа, фиксирующие гендерные роли и суждения о национальностях, а также создаваемая нарратором аналогия поведе-

ния героев по отношению к представителям различных дискриминируемых групп соотносимы также, с одной стороны, с концепцией перформативного гендера, созданной Джудит Батлер в работе «Гендерное беспокойство» (“Gender Trouble”, 1990), с другой стороны, с теорией английского учёного Бенедикта Андерсона, указавшего в своей книге «Воображаемые сообщества» («Imagined communities», 1983) на дискурсивные способы создания национальных идентичностей. Батлер доказывает отсутствие определённых критериев как пола, так и гендера, показывая, что субъект «есть следствие определённых дискурсов, управляемых по правилам, которые регулируют интеллигибельное обращение индивидуальности» [14. С. 168]. Формирование гендерной идентичности происходит, по Д. Батлер, именно в результате многократного повторения перформативных конструкций и соответствующим закреплением их содержания в сознании. Такими перформативами власть, по теории Д. Батлер, создаёт иллюзию некоей изначально данной, природной субъектности. Аналогичные механизмы конституирования национальной идентичности рассматривает Андерсон, отвергающий эссенциалистский субстрат данного феномена и показывающий, как он формируется в речевом поле [15].

Данное исследование также обнаруживает общность механизмов создания национальных и гендерных конструкторов, проявляющуюся как в высказываниях персонажей, так и в повествовательных стратегиях текста. В патриархатном государстве, мыслимом как национальное, женщины и представители иных национальностей являются дискриминируемыми людьми. Лучшие качества приписываются мужским представителям господствующего этноса. Роман «Берлин Александерплац» подхватывает также практику дискурсивного соотнесения женщин и евреев. Гендерные практики, считающиеся носителями господствующего дискурса девиантными, приписываются жителям других стран, представителям других народов. Таким образом происходит формирование национальных и гендерных конструкторов, порождённых существующим порядком и направленных на его поддержание.

Литература

1. *Bekes P.* Alfred Döblin Berlin Alexanderplatz. Oldenbourg Interpretationen mit Unterrichtshilfen. München: Oldenbourg Verlag, 1995. 158 S.
2. *Tatar Maria* „Wie süß ist es, sich zu opfern“ Gender, Violence and Agency in Döblin’s *Berlin Alexanderplatz* // Deutsche Vierteljahrsschrift für Literaturwissenschaft und Geistesgeschichte. Jg. 1992. Heft 3. S. 491–518.
3. *Rentschler Eric* Terms of Dismemberment: The Body in /and /of Fassbinder’s Berlin Alexanderplatz // New German Critique. 1985. 34. P. 194–208.
4. *Nünning Vera, Nünning Ansgar (Hrsg.)*. Erzähltextanalyse und Gender studies. Stuttgart; Weimar: J.B. Metzler, 2004. 218 S.
5. *Müller-Salget K.* Alfred Döblin und das Judentum. Aus Anlass seines 125. Geburtstags // Literaturkritik.de Rezensionenforum. http://www.literaturkritik.de/public/rezension.php?rez_id=6305&ausgabe=200308 (дата обращения: 12.11.2015)
6. *Бодрова А.Г.* «Одинокие путешествия» Альмы Карлин: Проблема гибридности культурного контекста // Русская германистика: Ежегодник Российского союза германистов. Спецвыпуск 6. Нальчик, 2013. С. 211–218.
7. *Krobb F.* Die schöne Jüdin. Jüdische Frauengestalten in der deutschsprachigen Erzählliteratur vom 17. Jahrhundert bis zum Ersten Weltkrieg. Tübingen: Niemeyer, 1993. 294 S.

8. Дёблин А. Берлин Александерплац / пер. Г.А. Зуккау. М.: Гос изд-во худож. лит., 1961. 535 с.
9. Mayer M. Der erste Weltkrieg und die literarische Ethik. Historische und systematische Perspektiven. München: Wilhelm Fink, 2010. 282 S.
10. Döblin A. Berlin Alexanderplatz. 47. Auflage. München: Deutscher Taschenbuch Verlag, 2008. 455 S.
11. Шмид В. Нарратология. М.: Языки славянской культуры, 2003. 312 с.
12. Weininger O. Geschlecht und Charakter. Eine prinzipielle Untersuchung. Berlin: Matthes & Seitz, 1980. 667 S.
13. Mayer H. Außenseiter. Frankfurt a.M.: Suhrkamp, 1975.
14. Батлер Дж. От пародии к политике // Введение в гендерные исследования / ред. С. Жеребкин; пер. С. Пчелиной. Харьков; Санкт-Петербург: Алетейя, 2001. С. 164–173.
15. Андерсон Б. Воображаемые сообщества. М.: Канон-пресс-Ц, 2001. 288 с.

THE RELATIONSHIP OF THE NATIONAL AND GENDER CODES IN ALFRED DÖBLIN'S NOVEL *BERLIN ALEXANDERPLATZ*

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology. 2017. 47. 100–108. DOI: 10.17223/19986645/47/7

Aleksandra V. Eliseeva, Saint Petersburg State University (Saint Petersburg, Russian Federation). E-mail: eliseeva_alexan@mail.ru

Keywords: Alfred Döblin, German prose of 20th century, gender studies, postcolonial studies, gender narratology.

The research is aimed at studying the relation between the national and gender codes in Alfred Döblin's novel *Berlin Alexanderplatz* (1929). This subject is new and has never been viewed in the abundant corpus of research about Döblin's novel. The primary method used is the narratological analysis, with gender-conscious and postcolonial approaches being employed. As a result, the author has detected close links of the national and gender-specific constructs in the novel. The constructs are evident in both the characters' speech and the included intexts (advertisement), as well as in the narrative text strategies and in the text structure. The paper explores the connection (made by Mieke, Franz Biberkopf, Reinhold and others) between the ethnicity (for example Turkish or Russian) of the persons and the sexual behavior that the characters consider deviant (polygamy, exchanging females and so on). By contrast, the German people are endowed both by characters and by advertising slogans with positive connotations: they display common sense, reliability, sense of dignity and beauty. These aspects have gender connotations: common sense, reliability, sense of dignity are attributed to German men, beauty to German women.

The attitudes of the main character, Biberkopf, to Jews, women and homosexuals are remarkably similar: all the three groups provoke his laugh and are not to be taken seriously as from his viewpoint they are subordinate elements to the patriarchal and nationalist community.

The narrator position expresses itself in the text strategies repeatedly linking passages depicting Biberkopf's attitude to Jews and women: after his crisis, the character both goes to the Jewish people, whom he treats disdainfully, and visits and rapes Minna, whose sister he has killed. Taking into account such passages correlation and semantic parallelism one may talk about the narrator critical position to the gender and nationalist discrimination.

The nationalist and gender constructs are viewed here in terms of Judith Butler's gender performativity concept (*Gender Trouble: Feminism and the Subversion of Identity*, 1990) and Benedict Anderson's nation theory (*Imagined Communities: Reflections on the Origin and Spread of Nationalism*, 1991). The study also elaborates on the results of Hans Mayer's research (*Outsider*, 1981) stating the three main outsider groups in the European culture, namely Jews, women and homosexuals.

The paper highlights the common mechanism of the nationalist and gender code production. The codes appear as a construct that the dominating group (heterosexual men of the prevailing ethnicity) uses as a tool to oppress and marginalize other groups and thus to ensure its power in the society.

References

1. Bekes, P. (1995) *Alfred Döblin Berlin Alexanderplatz. Oldenbourg Interpretationen mit Unterrichtshilfen* [Alfred Döblin's Berlin Alexanderplatz. Oldenbourg interpretations with teaching aids]. München: Oldenbourg Verlag.
2. Tatar, M. (1992) "Wie süß ist es, sich zu opfern" Gender, Violence and Agency in Döblin's Berlin Alexanderplatz. *Deutsche Vierteljahrsschrift für Literaturwissenschaft und Geistesgeschichte*. 3. pp. 491–518.
3. Rentschler, E. (1985) Terms of Dismemberment: The Body in /and /of Fassbinder's Berlin Alexanderplatz. *New German Critique*. 34. pp. 194–208.
4. Nünning, V. & Nünning, A. (eds) (2004) *Erzähltextanalyse und Gender studies* [Narrative analysis and gender studies]. Stuttgart, Weimar: J.B. Metzler.
5. Müller-Salget, K. (2003) *Alfred Döblin und das Judentum. Aus Anlass seines 125. Geburtstags* [Alfred Döblin and Judaism. On the occasion of his 125th birthday]. [Online] Available from: http://www.literaturkritik.de/public/rezension.php?rez_id=6305&ausgabe=200308. (Accessed: 12.11.2015).
6. Bodrova, A.G. (2013) "Odinokie puteshestviya" Al'my Karlin. Problema gibridnosti kul'turnogo konteksta [The Alone Travels by Alma Carlin. The Problem of the Hybridity of the Cultural Context]. In: Alikae, R.S. (ed.) *Russkaya germanistika: Ezhegodnik Rossiyskogo soyuza germanistov* [Russian Germanic Studies: Yearbook of the Russian Union of Germanists]. Is. 6. Nalchik: Kabardino-Balkaria State University.
7. Krobb, F. (1993) *Die schöne Jüdin. Jüdische Frauengestalten in der deutschsprachigen Erzählliteratur vom 17. Jahrhundert bis zum Ersten Weltkrieg* [The beautiful Jewess. Jewish women's formations in German-speaking literature from the 17th century to the First World War]. Tübingen: Niemeyer.
8. Döblin, A. (1961) *Berlin Aleksanderplatz* [Berlin Alexanderplatz]. Translated from German by G.A. Zukkau. Moscow: Gosudarstvennoe izdatel'stvo khudozhestvennoy literatury.
9. Mayer, M. (2010) *Der erste Weltkrieg und die literarische Ethik. Historische und systematische Perspektiven* [The First World War and Literary Ethics. Historical and systematic perspectives]. Munich: Wilhelm Fink.
10. Döblin, A. (2008) *Berlin Alexanderplatz. 47. Auflage*. Munich: Deutscher Taschenbuch Verlag. (In German).
11. Schmid, V. (2003) *Narratologiya* [Narratology]. Moscow: Yazyki slavyanskoy kul'tury.
12. Weininger, O. (1980) *Geschlecht und Charakter. Eine prinzipielle Untersuchung* [Sex and character. A principal investigation]. Berlin: Matthes & Seitz.
13. Mayer, H. (1975) *Außenseiter* [Outsider]. Frankfurt; Moscow: Suhrkamp.
14. Butler, J. (2001) Ot parodii k politike [From parody to politics]. Translated from English by S. Pchelina. In: Zhrebkin, S. (ed.) *Vvvedenie v gendernye issledovaniya* [Introduction to Gender Studies]. Kharkov, St. Petersburg: Aletyya.
15. Anderson, B. (2001) *Voobrazhaemye soobshchestva* [Imaginary communities]. Moscow: Kanon-press-Ts.

УДК: 82.091

DOI: 10.17223/19986645/47/8

А.В. Жучкова

ЗАГАДКА МАНДЕЛЬШТАМОВСКОЙ «ОДЫ»

При осуществлении эмпирического анализа языковой структуры «Оды» Сталину в статье используются как традиционные лингвистические подходы, так и психолингвистические средства. В результате делается вывод, что Мандельштам создает произведение, текст которого двупланов. Ода написана эзоповым языком. На первом плане – восхваление вождя, но пародийное, гротескное, злое. Второй план, одический, прославляет то, что действительно дорого Мандельштаму, – силу народа и непрерывное движение истории.

Ключевые слова: Мандельштам, ода, Сталин, сатира, кумир, карикатура, гротеск, анаграмма.

«Ода» («Когда б я уголь взял для высшей похвалы...») занимает особое место в мандельштамоведении. Сложно вписать это произведение в систему этических координат поэта, который в 1933 г. написал самоубийственное¹ стихотворение «Мы живем, под собою не чуя страны...» и читал его окружающим, превыше всего ценя чувство «внутренней правоты»².

Первый полемический вопрос, связанный с мандельштамовской «Одой», звучит так: искренний или неискренний порыв привёл к ее созданию, верил ли Мандельштам в то, что писал, или это было осознанным насилием над собой? С.С. Аверинцев, в частности, уверен, что Мандельштам написал похвалу Сталину, моля о милости и «причиняя себе при работе над «Одой» немалое насилие»³. М.Л. Гаспаров убежден, напротив, в искреннем гражданском пафосе «Оды».

Дискуссия вокруг «Оды» имеет свою точку отсчета – небольшую главу с одноименным названием в книге воспоминаний Надежды Мандельштам. Насилием над собой, совершенным в целях спасения, считает Надежда Яковлевна это стихотворение и предполагает, что данный шаг был учтен, поскольку после гибели мужа ее не тронули⁴. К мнению вдовы поэта примкнули Э. Герштейн, И. Кондаков, А. Кушнер. С. Аверинцев и др., объясняя поли-

¹ «То, что вы мне прочли, не имеет никакого отношения к литературе, поэзии. Это не литературный факт, но акт самоубийства, которого я не одобряю и в котором не хочу принимать участия. Вы мне ничего не читали, я ничего не слышал, и прошу вас не читать их никому другому», – сказал Пастернак, услышав данное стихотворение [1].

² *В нем росли и переливались // Волны внутренней правоты* [2. С. 476].

³ «Поэт проходит через свое последнее искушение: попросить милостыню у тени, поддаться иллюзорному соблазну, использовать свой дар, чтобы вернуться в жизнь. Так возникает «Ода Сталину». Вполне очевидно, что Мандельштам... должен был причинить себе при работе над «Одой» немалое насилие» [3. С. 264].

⁴ При огромном уважении к личности Н. Мандельштам мы не будем подробно останавливаться на ее трактовке «Оды» ввиду общей необъективности «Воспоминаний», что неоднократно констатировалось в научной литературе и поэтому не позволяет считать данный источник основанием убедительной аргументации.

тическое «отступничество» Мандельштама попыткой сохранить жизнь: свою и жены. «Это была конъюнктурная вещь, не заслуживающая внимания исследователя», – пишет Э. Герштейн [4. С. 388]. А.С. Кушнер сопоставляет «грандиозную и жуткую «Оду» с «нестерпимо льстивой державинской одой «Изображение Фелицы» (1789)», написанной под угрозой судебного расследования. «Что это, только лесть? Только стремление выжить? Или только свидетельство советизации сознания (“Я должен жить, дыша и большевея”)? Нет, это еще и желание отблагодарить Сталина за неслыханно мягкий приговор: “Изолировать, но сохранить”. Другие получали высшую меру за одно неосторожное слово, за случайную обмолвку, вообще ни за что, а тут “тараканьи усища”, “широкая грудь осетина”, “он играет услугами полулюдей”, “его толстые пальцы, как черви, жирны” – и всего лишь Чердын, вскоре замененная вполне “приличным” и “сносным” Воронежем» [5].

Оппозиционная партия, во главе с М.Л. Гаспаровым, высказывает мнение, что «Ода» является следствием душевного потрясения, приведшего поэта к искреннему и восторженному принятию сталинизма: «Мандельштам своих последних лет принимает советскую действительность» [6. С. 66].

Главным аргументом представителей первой группы исследователей, отстаивающих политическую честь поэта и незыблемость его антисталинских убеждений (но жертвующих его честью человеческой, предполагая в нем желание «выслужиться»), является тезис о вымученности Оды, несоответствии ее остальному творчеству Мандельштама. Б. Сарнов, споря с М. Гаспаровым, говорит о насильственном характере Оды и этим оправдывает поэта, продолжая линию «защиты» Надежды Мандельштам. По воспоминаниям жены, при работе над Одой Мандельштаму впервые в жизни понадобился письменный стол и карандаш... каждые полчаса он вспоминал Н. Асеева (поскольку, поясняет Б. Сарнов, писать по заданию, как Асеев, не умел): «Вот Асеев – мастер! Он бы не задумался и сразу написал» [7. С. 244]. В. Гандельсман пишет: «Мне кажется, что если читать в упор, то концы с концами не сходятся и нет ни гармонически единого строя речи, ни положительной определенности взгляда, ни связи со стихами вокруг (за исключением тех двух-трех, где мелькает Сталин)... в “Оде” нет того, что не определить никакими подсчетами. Нет искренне интимной интонации» [8. С. 311–320].

Приверженцы же противоположной точки зрения, считающие «Оду» вкупе с соседними большевистскими стихами выражением искреннего сталинизма, настаивают на одухотворенности текста, часто ссылаясь на высказывание И. Бродского о грандиозности этих стихов: «На мой взгляд, это, может быть, самые грандиозные стихи, которые когда-либо написал Мандельштам. Более того, это стихотворение, быть может, одно из самых значительных событий во всей русской литературе XX века» [9].

Воспринимать «Оду» буквально, как восхваление Сталину, легко, что и делает Чеслав Милош в «Комментарии к оде Сталину О. Мандельштама», отмечая ее «отвратительный византизм, не знающий в лести ни стыда, ни меры» [10], легко, но недальновидно.

Потому что произведение это многомерное, – и именно таким и задумывалось.

Текст «Оды», цепляющий вызывающей политической семантикой, на самом деле глубоко уходит корнями в духовную и национальную метафорику: В.В. Мусатов, исследуя фольклорные мотивы «Оды Сталину», приходит к выводу, что Мандельштам, как некий фольклорный герой, в подтексте и фольклорных аллюзиях оды противопоставляет себя окостеневшему, мертвому идолу – «кумиру-Кашею» Сталину: «Мандельштам, смотревший на фигуру вождя через призму фольклорных мотивов и ассоциаций, хорошо сознавал всю меру риска, связанного с прямым обращением к «кумиру». Знал он, безусловно, и другое: фольклорный герой лишь тогда не погибает при контакте с нечистой силой, когда владеет правилами поведения в волшебном мире и грамматикой языка, на котором с этой силой можно общаться» [11. С. 158].

В. Гандельсман обнаруживает в «Оде» «что-то жутковатое от смеси зурлявого и гениального <...> гремучую смесь поэзии и неправды» [8].

Есть и более далекие от научных, но в некотором плане интересные наблюдения. А. Чернов расценивает текст «Оды» как магическое проклятие: «Перед нами поэтический шифр. Уже четвертая строка «Оды» включает анаграмму имени ИОС-И-/Ф/... В пятой, шестой, седьмой, восьмой и десятой строках вновь: ОСЬ – И-ОС-И – И-ОСЬ – СТА...Л ИН. Слово «черт» в «Оде» зашифровано шестикратно (и значит, тоже сознательно): расЧЕРТил – ЧЕР-Тах – оТца РеЧЕй упрямых – завТра из вЧЕРа – ЧЕРез Тайгу – ЧЕМ искРен-носТЬ» [12].

В. Григорьев находит в «Оде» противопоставление образов В. Хлебникова – И. Сталина. «Портрету Сталина отведена беспрецедентная роль – послужить "планом выражения" для иного содержательного, но непортретного образа... Поражает искусство Мандельштама, сумевшего на протяжении семи строф, в тяжелейших условиях официальной задачи ("прославить Сталина") <...> сказать так много о "сталинском конкуренте", прославив "Его" <Хлебникова> и сделав это так, что тайна "двойного плана" сохраняется на протяжении семи строф в продолжение 60 лет» [13. С. 125–149].

Дискуссии и споры вокруг «Оды» Сталину не затихают. Например, на декабрьском собрании 2015 г. лаборатории мандельштамоведения Института филологии РГГУ (Москва) с докладом о жанровых особенностях оды Сталину выступила С. Артемова, актуализировав вопрос жанровой идентификации этого произведения.

В истории русской литературы понимание жанра оды подвергалось трансформации. В древнегреческой и римской поэзии (Пиндар, Гораций), как известно, ода представляла собой похвальную песнь, славящую какое-либо государственное событие или достижения человеческого разума (но не восхваление частного лица, эту сферу обслуживал скорее дифирамб). Пиндар превозносил победы на спортивных состязаниях Гораций – Мecenата, но в целях идеологического воздействия на него. Так и оды М.В. Ломоносова посвящены событиям гражданского значения: «Ода на день восшествия на Всероссийский престол... императрицы Елисаветы Петровны», «Ода... на взятие Хотина 1739 года», «Ода на день брачного сочетания... Петра Феодоровича и... Екатерины Алексеевны», «Ода... Елисавете Петровне... на торжественный праздник тезоименитства...». К концу XVIII в. жанровые признаки оды рас-

шатываются. Державин отходит от традиции отражать в оде только события общегражданского характера и некоторые стихотворения с тем же жанровым обозначением посвящает конкретному лицу («Фелица») или личному переживанию («Истинное счастье», «Буря», «Молитва»).

Стихотворение Мандельштама 1937 г. называется просто «Ода», таким образом акцентируется его жанровая специфика. Полагаясь на изначальное понимание жанра, можно сделать вывод, что это произведение не адресно, оно не восхваляет Сталина, а освещает сталинскую эпоху в жизни народа. Учитывая же постепенную историческую персонализацию оды, можно обнаружить еще более рискованные аллюзии: в истории русской литературы оды создавались, во-первых, с посвящением царям; во-вторых, с целью дать урок царям. Уже в названии и жанровой принадлежности оды заложена игра со смыслами.

Обращался ли поэт ранее к жанру оды? В поэзии Мандельштама до 1937 г. мы дважды встречаемся с одическим жанром, обозначенным в заглавии: в 1914 г. он пишет «Оду Бетховену» и в 1923 г. «Грифельную оду». Остановимся на «Грифельной оде», одном из ключевых произведений поэта, посвященном эпохальному сдвигу в судьбе народа. «Двадцатые годы, может быть, самое трудное время в жизни О. Мандельштама, – вспоминала жена поэта. – Никогда ни раньше, ни впоследствии, хотя жизнь потом стала гораздо страшнее, Мандельштам с такой горечью не говорил о своем положении в мире» [7. С. 203].

Долгом поэта Мандельштам считает «флейтою связать» «узловатых дней колена», склеить позвонки разорванного времени, но в косматой, звериной действительности двадцатых годов ему это не удастся. Нет слушателей, стремящихся вслед за орфеевой флейтой поднять «до членораздельного порыва растительные краски бытия» [14. С. 193]. Послереволюционную Советскую Россию Мандельштам ощущает как эпоху, повернувшую вспять, исполненной глыбой вставшую на пути общего хода времени и личностного развития.

*Распряженный огромный воз
Поперек вселенной торчит.
<...>
Не своей чеишей ищущим,
Против шерсти мира поем...
«Я по лесенке приставной...», 1922*

О том же говорится и в «Грифельной оде»:

Здесь пишет страх, здесь пишет сдвиг...

Но «Грифельная ода» не рядовое стихотворение периода. Это именно ода, жанр, описывающий события общегражданского масштаба. В теоретических работах 1920–1921 гг. Мандельштам обосновывает героическую миссию поэзии, видя ее в утверждении культурных ценностей и гуманистических идеалов. Называя стихотворение одой, поэт предпринимает попытку не просто осмыслить современность, но и принять ее, «восславить», осознать целе-

сообразность, проникнуться «целокупностью» происходящего. А для этого необходимо соединить бездуховность и жестокость эпохи с верой в культуру и человека. Этой задаче и посвящена «Грифельная ода».

Сотканная из противоречий материя стихотворения сопрягает несоединимое: кремь и воздух, кремь и воду. Смысловая и структурная ось «Грифельной оды» – образ «стыка». Само это слово упоминается трижды: в первой, шестой и последней строфе. Стык – соединение катастрофического переживания исторического перелома, сдвига, повернувшего ход истории вспять («обратно в крепь родник журчит») с поэзией и незабываемыми ценностями гуманистической культуры: «кремнистый путь» и «звезда с звездой» Лермонтова, «прозрачный лес» Пушкина, вложение перстов в язвы Христа и образ-символ грифеля.

В финале «Грифельной оды» Мандельштам преодолевает разорванность бытия через себя, через слух, голос и сердце поэта и через его дело: «Мы только с голоса пойдем, // Что там царапалось, боролось, // И черствый грифель поведем // Туда, куда укажет голос»:

*И я хочу вложить персты
В кремнистый путь из старой песни
Как в язву, заключая встык –
Кремь с водой, с подковой перстень.*

«Грифельная ода» – ода грифелю, орудию поэтического творчества. Грифель получают из графита, который является наиболее устойчивой при обычных условиях аллотропной модификацией углерода, вторая же модификация его – алмаз. Внутренний образ кристаллической структуры алмаза – одна из онтологических метафор мандельштамовского мира («кристаллическая нота, что от рождения чиста», «соборы кристаллов сверхжизненных»). Поэзия – грифель и алмаз одновременно – только она может скрепить распадающиеся временные пласты, сберегая духовность.

Сопоставление «Грифельной оды» и «Оды» Сталину выявляет множество интересных соответствий.

«Грифельная ода» посвящена гибельному, с точки зрения Мандельштама, времени в истории России, времени *сдвига*. В «Оде» 1937 г. поэт тоже указывает, что Сталин «сдвинул ось»:

*Здесь пишет страх, здесь пишет сдвиг («Грифельная ода»)
Я б рассказал о том, кто сдвинул ось («Ода»)*

Ведущий порыв «Грифельной оды» – стремление преодолеть разрыв, связать пласты времен. В «Оде» та же мысль:

*Но в книгах ласковых и в играх детворы
воскресну я сказать, что солнце светит.*

Но если в «Грифельной оде» поэт надеется на поэзию, на свой пророческий дар, то в «Оде» 1937 г. он опирается на народные силы. Хотя Сталин «сдвинул ось», но поэт верит в сохранность внутренней правды народа, в его

«счастье стержневое». Стержень народной души – тот же грифель. Надежда Мандельштам рассказывает, что в последнем цикле стихов, не дошедших до нас, был представлен «взгляд на Россию, которая продолжает жить медлительной жизнью, вопреки всему и ничего не замечая. В погибших стихах страна противостоит губительным силам – своим молчанием и тишиной, своим пассивным сопротивлением, укладом, жертвенной готовностью к любым испытаниям» [15. С. 492].

Изображение Сталина в первой части «Оды» окаменело, окостенело и идолоподобно (выпячивается мотив горы и кости, что позволяет В. Мусатову сравнить его образ с фольклорным Кашеем [11. С. 155–162]):

*И я хочу благодарить холмы,
Что эту кость и эту кисть развили:
Он родился в горах и горечь знал тюрьмы...
Он свесился с трибуны, как с горы...
Глазами Сталина раздвинута гора...*

Но жизнь противопоставлена фигуре кумира-горы, она движется: «ворочается», «свидетель медленный труда, борьбы и жатвы». Жизнь как таковая, в ее вечном движении, и жизнь народа как единого организма существует вопреки сталинскому омертвлению:

*И каждое гумно, и каждая копна
сильна, убориста, умна – добро живое –
чудо народное! Да будет жизнь крупна!
Ворочается счастье стержневое.*

По линии «движения-омертвления», продолжающей мотив кремня и воздуха, кремня и воды из «Грифельной оды», народ противопоставляется Сталину: народ живой, его жизнь непрерывна, образ Сталина – застывший, окаменевший, мертвый.

Первая часть «Оды» написана от лица лирического «я» и выдержана в условном наклонении: «Когда б я уголь взял...». Здесь нет действия, а есть лишь вероятностное будущее, которое так и не наступает. Грифель из «Грифельной оды», синоним поэтического творчества, обретает две противоположные ипостаси: уголь и стержень. В соответствии с этим понимание поэтического творчества тоже двойственно: первое, ассоциирующееся с углем, рисованием и чтением, т.е. официальное, которое делается на заказ, собственно и не творчество, а второе – настоящее, стержневое, понимается как ось мира, столь важная для Мандельштама: ворочается счастье стержневое. Сталина лирический герой, по его собственному признанию, собирается именно рисовать, и уголь, атрибут уже не поэтического, а скорее рисовального процесса, который он все равно искрошит, свидетельствует о чуждости этой задачи внутреннему миру поэта. Поэзия для Мандельштама – пение; говоря о поэтическом, он всегда использует слова с семантикой «петь», «певец»: «Мандельштам – прирожденный певец» [16. С. 212]. А в «Оде» употреблен глагол «рисую» (вместо «петь») и трижды – «художник». Предпринимая весьма странные попытки *нарисовать* Сталина («Я б воздух расчертил на

хитрые углы...») и понимая их безуспешность («Гляди, Эсхил, как я, рисуя, плачу!»), поэт делегирует задачу художнику.

Слова «рисование» и «художник» несвойственны поэтическому словарю Мандельштама, как и визуальные эпитеты [17. С. 155–168]. Естественной для Мандельштама является кинестетическая репрезентативная система, доля кинестетических предикатов в основном корпусе его стихотворений составляет 75 % [18. С. 47]. Визуальных образов в его творчестве, напротив, совсем немного, и даже те на 50 % нагружены дополнительным кинестетической образностью [17. С. 155–168]: *зловещий деготь, в беременной глубокой сини, сухое золото* и пр.

Подсчет визуальных, аудиальных и кинестетических предикатов (К – 50, V – 49, А – 10) показывает нам, что «Ода» стоит особняком среди прочих произведений Мандельштама, поскольку доля визуальных предикатов здесь непомерно велика. Но если мы обратимся к более детальному ВАК-анализу (т.е. анализу визуальной, аудиальной и кинестетической образности), то окажется, что в первой и последней частях стихотворения, где поэт говорит от имени лирического «я», количество кинестетических предикатов значительно преобладает над количеством визуальных, что соответствует ведущей репрезентативной системе Мандельштама – кинестетической. Эта ситуация кардинальным образом меняется, когда поэт обращается к изображению вождя: образ Сталина, нарочито, искусственно, рисуется в несвойственной Мандельштаму визуальной системе. И вот что «вырисовывается»: «Могучие глаза мучительно добры, // Густая бровь кому-то светит близко. // ...стрелкой указать на твердость рта... // Лепное, сложное, крутое веко // бегут, играя, хмурые морщинки». Абсурдный портрет не только вполне уродлив, но и полон угрожающими каламбурами («густая бровь кому-то *светит*», хмурые морщинки бегут «на всех, *готовых жить и умереть*»), восходя к образу «*высшей похвалы*» как высшей меры.

И это в то время, когда облик Сталина, как облик бога, даже просто воспроизводить простым смертным было запрещено, поскольку неумелые художники могли вольно или невольно исказить великие черты. В одном из музеев Торжка хранится вытканное мастерицей золотошвейного цеха полотно с вдохновенным изображением вождя, которое она прятала всю жизнь, опасаясь ареста.

После визуализации Сталина, вдоволь поиздевавшись над отцом народов, Мандельштам меняет интонацию, опять обращаясь к угольку, но здесь уже как к новому воплощению грифеля, символу поэтического творчества (хотя на первый взгляд может показаться, что речь идет о Сталине, при более внимательном прочтении видно – об уголке):

*Сжимая уголек, в котором все сошлось,
Рукою жадною одно лишь сходство клича,
Рукою хищною – ловить лишь сходства осьь, –
Я уголь искрошу, ища его обличья.
Я у него учусь – не для себя учась,
Я у него учусь – к себе не зная пощады.
Несчастья скроют ли большого плана часть?
Я разыщу его в случайностях их чада...*

Эзопов язык¹ этой строфы строится на подмене грамматического значения – контекстуальным. Местоимение третьего лица мужского рода *воспринимается* адресованным Сталину (по аналогии с темой стихотворения и по привычке использовать фигуру умолчания в разговоре о *нем*), но на самом деле Сталин в этой строфе даже не упоминается, речь идет об угольке: Я уголь искрошу, ища его обличья, я у него учусь... В зависимости от атрибуции местоимения текст получает различное значение. И если мы прочитаем его в соответствии с грамматической структурой строфы, держа в уме семантику уголька как символа поэтической правоты, подсказанную «Грифельной одой», то получится совсем иной текст – о сущности времени, о сути и обличье поэзии, о роли и ответственности поэта.

Далее, после многоточия, Мандельштам реверсивно персонифицирует местоимение «его» сталинскими чертами: «в шинели, в картузе», надежно пряча двойной смысл этих строк.

Тот же прием «размывания» значения личных местоимений использован и далее, но теперь комплементарным субъектом выступает народ. Прочитаем следующую строфу как адресованную народу:

*И каждое гумно, и каждая копна
Сильна, убориста, умна – добро живое –
Чудо народное! Да будет жизнь крупна!
Ворочается счастье стержневое.*

*И шестикратно я в сознаньи берегу –
Свидетель медленный труда, борьбы и жатвы –
Его огромный путь – через тайгу
И ленинский октябрь – до выполненной клятвы.*

Образ Сталина истончается, и сквозь него проступает то, что тирану неподвластно: ворочается счастье стержневое, воскресает поэтическая правота.

По сути, все громоздкие метафоры, связанные с образом Сталина, выполняют ту же функцию: раздвигают реальное его восприятие до гротескного и иллюзорного. Фигура Сталина отступает, растворяется... Он «чудится» лирическому герою, он «улыбается улыбкою жнеца // рукопожатий в разговоре» (троекратная метонимическая цепочка), его имя есть для губ чтеца, но его самого уже нет.

Ломается композиция застывшего парадного портрета, и место Сталина занимают образы поэта и народа, которые начинают движение каждый по своей траектории: поэт ищет смысл происходящего и готовится к смерти и воскресению; народ медленно ворочается, продолжая не останавливающееся никогда поступательное движение жизни. Центральный образ «Оды», как и центральный мотив «Стихов о неизвестном солдате» и всей гражданской лирики 1937 г., – это образ поэта, образ народа и их единство, а вовсе не признание сталинизма. И заканчивается «Ода» утверждением этого единения в повторении местоимения «мы»:

¹ Применительно к поэтике Мандельштама данное выражение было введено в научный обиход И. Месс-Бейер сначала в журнальной статье (1991), а затем в монографии [19].

*Есть имя славное для сильных губ чтеца.
Его мы слышали, и мы его застали.*

Последняя строка стихотворения – отдельное предложение. Синтаксически и интонационно такое деление не детерминировано, уместнее была бы запятая. Однако поэт ставит точку, отделяя последнюю строку. Что же в ней, кроме сильного МЫ?

В ней нарочитая упрощенность и небрежная разговорная инверсия (*его мы... и мы его*), а главное – уничижительное звучание (относительно предмета речи) глаголов *слышали*, *застали*, употребленных в прошедшем времени. Мол, было дело. Застали Сталина (частичная анаграмма *Сталин* – *застали*), но пошли дальше. Какова семантика слова «застать»? – «случайно встретить на своем пути». То есть наличие пути воспринимается как смысловая доминанта, а отрезок этого пути, связанный с правлением Сталина, – как некоторая случайность.

В «Оде» Мандельштам снова, как и в стихотворении «Мы живем, под собою не чуя страны...», развенчивает ореол страха и власти, окружающий «кремлевского временщика». Л. Кацис говорит о «Стихах о неизвестном солдате», что они о «преодолении языческого сталинско-зевсового морока» [20]. То же происходит и в «Оде», но в двух жанровых планах: сатирическом, по отношению к фигуре Сталина, и одическом – в утверждении целокупности бытия. «Это стихотворение Мандельштама – одновременно и ода, и сатира. И из комбинации этих двух противоположных жанров возникает совершенно новое качество», – считал Бродский [9]. Одическое начало в стихотворении – провозглашение народной силы и славы, высокой миссии поэта и единства поэта и народа. Сатирическое начало – нарочито уродливое, гротескное изображение Сталина.

Мертворожденные «немандельштамовские» строки «Оды» мы считаем свидетельством не наступания на горло собственной песне, а сознательным художественным приемом, призванным создать сатирический, пародийный пласт произведения.

Сравним, например, зачин «Оды» («Когда б я уголь взял для высшей похвалы...») с сатирическим стихотворением того же 1937 г.:

*Когда б женился я на египтянке
И обратился в пирамид закон,
Я б для моей жены, для иностранки,
Для донны покупал пирамидон....*

То, что в «Оде» объявляется выморочным, тягостным и объясняется политическим давлением, на самом деле – сатирический слог. На сатирических приёмах – отсутствие мелодии, пародийность, каламбур, карикатура, алогизм, анаграммы и пр. – и построено изображение Сталина:

Глазами Сталина раздвинута гора

Искажение фразеологизма «сдвинуть горы» приводит к абсурдному образу раздвинутой, т.е. разрушенной, горы.

Я б рассказал о том, кто сдвинул ось...

В контексте художественного мира Мандельштама сдвинуть ось равнозначно нарушению гармонии мироздания; поэтому фраза приобретает коннотацию «ябедничества»: «я б рассказал о том, кто это сделал...»

Он улыбается улыбкою жнеца...

Страшноватая улыбка, если сопоставить фольклорную метафору жатвы как кровавого боя и количество жертв сталинских репрессий. «В жатве — завершение прошлого, в Сталине, улыбающемся "улыбкою жнеца", история умирает» [21].

*И я хочу благодарить холмы,
Что эту кость и эту кисть развили.*

Странно благодарить неодушевленные и невеликие холмы, тем более развившие лишь костяное, кашеевское начало в вожде, анаграмматически связанные — кость и кисть. Далее продолжается мотив каменного истукана, отмеченный В. Мусатовым:

Он родился в горах и горечь знал тюрьмы.

Согласно В.Я. Проппу удвоение — один из вариантов насмешливой комичности [22. С. 44–47]. Так и с образом Сталина связаны ряды анаграмматического удвоения: кость — кисть, горы — горечь, трибуна — бугры, горы — голов.

И даже восклицание оборачивается ироническим обесцениванием:

Хочу его назвать — не Сталин, — Джугашвили!

Замаскированное обесценивание мы видим и в предпоследней строке:

Есть имя славное для сильных губ чтеца.

В поэтическом лексиконе Мандельштама много певцов, скальдов, собеседников, есть те, кто рассказывает, кричит, шумит и т.п., но нет тех, кто читает, потому что чтец — ненавистный Мандельштаму «пересказчик», «переводчик готового смысла». В стихах Мандельштама нам только один раз встретился «чтец» — и с отрицательным значением: в стихотворении «Мы напряженного молчанья не выносим...» появление чтеца метафорически отражает несовершенство душ: «И в замешательстве уж объявился чтец», от которого исходят «суета» и «шум».

И вот перед нами еще один чтец, да еще с сильными губами. Причем в ранней редакции губы чтеца были «сжатые», что усиливало абсурд ситуации.

Весь – откровенность, весь – признанья медь...

Признанья в чем? В совершенных преступлениях? Семантически непросвоенные фразы и слова с отсутствием референтных индексов рожают двойственность толкования.

вдруг узнаешь отца // и задыхаешься, почуяв мира близость – предикат «задыхаешься» контекстуально окружен глаголами *взял, связал, свесился*, что в корне меняет смысл строки.

*Художник, береги и охраняй бойца:
В рост окружи его сырым и синим бором...*

Если под бойцом подразумевать Сталина, поскольку до этого речь шла о нем, то вторая строка прочитывается так: «упрячь его подальше». И этот мотив повторяется:

*Художник, береги и охраняй бойца -
Лес человечества за ним идет, густея,
Само грядущее - дружина мудреца
И слушает его всё чаще, всё смелее.*

Словосочетание «*дружина мудреца*» основано на фонетической аллюзии: мудреца – мертвеца. Образ мертвых воинов и их мертвого предводителя закреплён в фольклоре. А вот образа мудреца, который водил бы за собой дружину, не существует. В результате фраза приобретает чуть ли не заклинательный смысл: *само грядущее – дружина мертвеца*.

В стихотворениях, написанных около «Оды», Сталин также трактуется как «мертвое», «неживое». К образу окаменевшего кумира-идола из стихотворения «Внутри горы бездействует кумир» восходит, вероятно, строка «Оды» «*глазами Сталина раздвинута гора...*». В «Стихах о неизвестном солдате» Сталин изображен как «*пасмурный, оспенный // И приниженный гений могил*». У него нет губ, которыми автор (поэт) способен «нести в темноте», он лишь «медлит и мглист».

Эпитеты, атрибутирующие Сталина, обладают ярко выраженной отрицательной коннотацией: *хитрые, тревожно, гремучие, жадный, хищный, хмурый, мучительно*.

Именно «Ода», в которой Мандельштам откровенно иронизирует над «вождем народов», ироничная, издевательская, презрительная, – вызвала страшный ответ. Бродский говорил: «Вы знаете, будь я Иосифом Виссарионовичем, я бы на то, сатирическое стихотворение, никак не осерчал бы. Но после "Оды", будь я Сталин, я бы Мандельштама тотчас зарезал» [9].

Мы считаем, что никаких внутренних противоречий в «Оде» нет. Не предавал поэт поэтической правоты. Он написал сатиру на Сталина и оду жизни. Сталинский морок насилия и страха преодолевается здесь дважды: через сатирическое развенчание Сталина и одическое прославление жизненной силы народа и миссии поэта. Гений могил, окаменевший внутри горы, безусловно, пугает. Но его власть – иллюзия. Живая душа народа и поэтический дар поэта

ей неподвластны. Когда поэт обращается к теме непрерывности народной жизни или к теме поэта, косноязычие уходит, перед нами и мандельштамовские интонации, и кинестетическая образность:

*И каждое гумно и каждая копна
Сильна, убориста, умна – добро живое –
Чудо народное! Да будет жизнь крупна!
Ворочается счастье стержневое.
...
Но в книгах ласковых и в играх детворы
Воскресну я сказать, как солнце светит.*

Это произведение о Сталине и народе, об эпохе и вечности, о жизни и смерти, о роли поэта и поэзии. Завершить разговор об Оде мы хотели бы словами И. Бродского: «я повторяю и настаиваю: стихотворение о Сталине гениально. Быть может, эта ода Иосифу Виссарионовичу – самые потрясающие стихи, которые Мандельштамом написаны. <...> Мандельштам использует тот факт, что они со Сталиным все-таки тезки. <...> Я думаю, что Сталин сообразил, в чем дело <...> что это не Мандельштам – его тезка, а он, Сталин, – тезка Мандельштама» [9].

Литература

1. Нерлер П. Слово и «Дело» Мандельштама // Новая газета. 2009. 17 февр.
2. Мандельштам О.Э. Полное собрание сочинений и писем: в 3 т. Т. 1. М.: Прогресс-Плеяда, 2009. 810 с.
3. Аверинцев С.С. Судьба и весть Осипа Мандельштама // Поэты. М., 1996.
4. Герштейн Э.Г. Мемуары. СПб.: Инапресс, 1998.
5. Кушнер А.С. Это не литературный факт, а самоубийство // Новый мир. 2005. № 7. URL: http://magazines.russ.ru/novyi_mi/2005/7/ku9.html
6. Гаспаров М.Л. О. Мандельштам: Гражданская лирика 1937 г. М.: РГГУ, 1996.
7. Мандельштам Н.Я. Воспоминания. М.: Согласие, 1999. 555 с.
8. Гандельсман В. Сталинская Ода Мандельштама // Новый журнал. 1999. № 133. С. 311–320.
9. Волков С. Диалоги с Иосифом Бродским. М.: Независимая Газета, 1998. 128 с. URL: <http://lib.ru/BRODSKIJ/wolkow.txt>
10. Грузинская-Гросс И. Россия и Америка – две империи. Глава из книги «Милош и Бродский: магнитное поле» / пер. с пол. М. Алексеевой // Иностран. лит., 2011. № 7.
11. Мусатов В.В. О фольклорном подтексте сталинской темы в воронежских стихах Мандельштама // Смерть и бессмертие поэта: материалы Междунар. науч. конф., посвящ. 60-летию со дня гибели О.Э. Мандельштама. М., 2001. С. 155–162.
12. Чернов А. Ода рябому черту: Тайнопись в «покаянных» стихах О. Мандельштама. URL: chernov-trezin.narod.ru
13. Григорьев В.П. Поздний Мандельштам: хитрые углы: («Ода» Сталину или/и Хлебникову?) // Europa Orientalis. Salerno, 1998. Vol. 17, № 2. С. 125–149.
14. Мандельштам О. Разговор о Данте // Полн. собр. соч. и писем: в 3 т. Т. 2. М.: Прогресс-Плеяда, 2010. 763 с.
15. Мандельштам Н.Я. Вторая книга. М.: Согласие, 1990. 750 с.
16. Волошин В. Лики творчества. Л.: Наука, 1988. 287 с.
17. Жучкова А.В. Гипнотический язык поэзии О. Мандельштама // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 9: Филология. 2014. № 2. С. 155–168.
18. Хлыстова А.В. Магия поэтики О. Мандельштама. М.: РУДН, 2009. 209 с.
19. Месс-Бейер И. Мандельштам и сталинская эпоха: эзопов язык в поэзии Мандельштама 30-х годов. Helsinki, 1997.

20. Кацис Л. Отражение Апокалипсиса. URL: <http://gordon0030.narod.ru/archive/11619/index.html>
21. Кен О. Нелогичный третий раздел. «Стихи о неизвестном солдате» и ожидания эпохи URL: <http://lv.in.ru/documents/ken/neizv-soldat.doc>
22. Пронн В.Я. Проблемы комизма и смеха. М.: Лабиринт, 2007. 256 с.

ENIGMA OF OSIP MANDELSTAM'S *THE ODE*

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology. 2017. 47. 109–122. DOI: 10.17223/19986645/47/8

Anna V. Zhuchkova, Peoples' Friendship University of Russia (Moscow, Russian Federation).

E-mail: capra@mail.ru

Keywords: Osip Mandelstam, Ode, Stalin, satiric style, idol, caricature, grotesque, odic style.

The aim of this article is to present a consistent conception based on linguistic facts. The author does not discuss any arguments related to its creation. The problem of the hermeneutic analysis of Mandelstam's Ode lies in the debates about Mandelstam's reasons and aims of writing the poem. There are two basic concepts that explain the emergence and importance of *The Ode*, 1937. N. Mandelstam, E. Gerstein, A. Kushner, S. Averintsev, B. Sarnov consider that this poem was written with a disregard for the feeling of inner poetic righteousness, in order to protect his life. They explain the absurd and ridiculous images of the poem (such as "with Stalin's eyes a mountain is pushed apart", "the thick eyebrow at someone nearby flashing") by the fact that it was written under compulsion. The second group of scholars led by M.L. Gasparov believe in the sincere pro-Stalin sentiments of the poet. The stylistic awkwardness of *The Ode* is not considered by this group of researchers.

The author makes an evidence-based, empirical analysis of the language structure of the poem, relying on the traditional grammar and literary analysis as well as on the tools of psycholinguistic analysis based on works of N. Chomsky, A. Korzybski, J. Grinder, R. Bandler.

The author concludes that *The Ode* is written in the Aesopian language, it is an ambiguous text, a two-planned discourse. In the foreground the reader can see a eulogy to the Vozhd. However, it is a mock eulogy, a grotesque and sinister caricature. *The Ode* begins in the same way as a 1937 humorous poem by Mandelstam ("If I married an Egyptian woman . . ."), and every epithet, every speech structure describing peoples' Vozhd continues the same satirical line. For example, a number of adjectives have a pronounced negative connotation: *sly, anxiously, rattlesnakes, greedy, rapacious, gloomy, painfully*. Another proof is that Stalin is portrayed in a visual modality which is untypical for the poet. Mandelstam's lyrical hero is always a kinesthetic and a poet. But here the situation is reversed: *the artist draws*. The second meaning of the poem comes to what is really important to Mandelstam, like people's strength, people's happiness or the continuous movement of history and the role of the poet in this movement. In these lines he returns to his primary kinesthetic modality. And that is the ode. The lines dedicated to "pivotal happiness", "kids' games", "affectionate books", sound deep, poetic, musical in Mandelstam's way.

Hence, the author believes that the poet neither betrays the sense of inner poetic righteousness for the sake of political expediency, nor becomes an ideologue of Stalinism. In *The Ode* Mandelstam combines two genres: the ode and the satire. Satire dispels the image of Stalin, it dispels fear and darkness enveloping his figure, and through the broken Stalin's grand portrait emerges an odic, lofty story: the life of people, the mission of the poet and their unity.

References

1. Nerler, P. (2009) Slovo i "Delo" Mandel'shtama [Word and "The Case" of Mandelstam]. *Novaya gazeta*. 17 February.
2. Mandelstam, O.E. (2009) *Polnoe sobranie sochineniy i pisem v 3 tt.* [Complete works and letters in 3 vols]. Vol. 1. Moscow: Progress-Pleyada.
3. Averintsev, S.S. (1996) Sud'ba i vest' Osipa Mandel'shtama [The fate and message of Osip Mandelstam]. In: Averintsev, S.S. *Poety* [Poets]. Moscow: Yazyki russkoy kul'tury.
4. Gershteyn, E.G. (1998) *Memuary* [Memoirs]. St. Petersburg: Inapress.
5. Kushner, A.S. (2005) Eto ne literaturnyy fakt, a samoubiystvo [This is not a literary fact, but suicide]. *Novyy mir*. 7. [Online] Available from: http://magazines.russ.ru/novyi_mi/2005/7/ku9.html

6. Gasparov, M.L. (1996) *O. Mandel'shtam: Grazhdanskaya lirika 1937 g.* [O. Mandelstam: Civil Lyrics of 1937]. Moscow: RSUH.
7. Mandelstam, N.Ya. (1999) *Vospominaniya* [Memories]. Moscow: Soglasie.
8. Gandel'sman, V. (1999) *Stalinskaya Oda Mandel'shtama* [The Stalin Ode of Mandelstam]. *Novyy zhurnal*. 133. pp. 311–320.
9. Volkov, S. (1998) *Dialogi s Iosifom Brodskim* [Dialogues with Joseph Brodsky]. Moscow: Izd-vo Nezavisimaya gazeta. [Online] Available from: <http://lib.ru/BRODSKIJ/wolkow.txt>.
10. Grudzinskaya-Gross, I. (2011) *Rossiia i Amerika – dve imperii*. Glava iz knigi “Milosh i Brodskiy: magnitnoe pole” [Russia and America are two empires. Chapter from the book “Milos and Brodsky: a magnetic field”]. Translated from Polish by M. Alekseeva. *Inostrannaya literatura*. 7.
11. Musatov, V.V. (2001) [On the folklore subtext of the Stalinist theme in Voronezh verses by Mandelstam]. *Smert' i bessmertie poeta* [Death and Immortality of the Poet]. Proceedings of the international conference dedicated to the 60th anniversary of the death of O.E. Mandelstam. Moscow: RSUH. pp. 155–162. (In Russian).
12. Chernov, A. (2003–2005) *Oda ryabomu chertu. Taynopolis' v “pokayannykh” stikhakh O. Mandel'shtama* [Ode to the spotted devil. Cryptography in “repentant” poems by O. Mandelstam]. [Online] Available from: <http://chernov-trezn.narod.ru/Mandel.htm>.
13. Grigor'ev, V.P. (1998) *Pozdnyy Mandel'shtam: khitrye ugly: (“Oda” Stalinu ili/i Khlebnikovu?)* [Late Mandelstam: tricky angles: (“Ode” to Stalin and/or Khlebnikov?)]. *Europa Orientalis*. 17: 2. pp. 125–149.
14. Mandelstam, O. (2010) *Polnoe sobranie sochineniy i pisem v 3 tomakh* [Complete works and letters in 3 volumes]. Vol. 2. Moscow: Progress-pleyada.
15. Mandelstam, N.Ya. (1999) *Vtoraya kniga* [Book Two]. Moscow: Soglasie.
16. Voloshin, V. (1988) *Liki tvorchestva* [Faces of creativity]. Leningrad: Nauka.
17. Zhuchkova, A.V. (2014) *Gipnoticheskiy yazyk poezii O. Mandel'shtama* [The Hypnotic Language of Poetry by O. Mandelstam]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 9: Filologiya – Bulletin of Moscow University. Series 9: Philology*. 2. pp. 155–168.
18. Khlystova, A.V. (2009) *Magiya poetiki O. Mandel'shtama* [The magic of the poetics of O. Mandelstam]. Moscow: RUDN.
19. Mess-Beyer, I. (1997) *Mandel'shtam i stalinskaya epokha: ezopov yazyk v poezii Mandel'shtama 30-kh godov* [Mandelstam and the Stalin era: the Aesopian language in Mandelstam's poetry of the '30s]. Helsinki.
20. Katsis, L. (2003) *Otazhenie Apokalipsisa* [Reflection of the Apocalypse]. [Online] Available from: <http://gordon0030.narod.ru/archive/11619/index.html>
21. Ken, O.N. (1998) *Nelogichnyy tretiy razdel. “Stikhi o neizvestnom soldate” i ozhidaniya epokhi* [The illogical third section. “Poems about the Unknown Soldier” and the expectations of the era]. [Online] Available from: <http://lvn.ru/documents/ken/neizv-soldat.doc>
22. Propp, V.Ya. (2007) *Problemy komizma i smekha* [The problems of the comic and laughter]. Moscow: Labirint.

УДК 821.161.1 + 82–92 + 82–43
DOI: 10.17223/19986645/47/9

Е.В. Костецкая

ПОЭТИКА БИОГРАФИЧЕСКОГО ОЧЕРКА В «ТОБОЛЬСКИХ ГУБЕРНСКИХ ВЕДОМОСТЯХ» (1850–1860-е гг.)

В статье рассматривается роль биографических очерков «Тобольских губернских ведомостей» в литературном освоении темы Сибири. Данный вид очерка воспринимается редакцией и читателями газеты как идеальный материал для иллюстрации местной жизни. Моделируя образ края, авторы биографических очерков воссоздают на страницах газеты фигуру сибирского деятеля XIX в. В литературных биографиях знаменитых земляков звучит мотив осознанного служения Сибири, формируется образ просветителя-подвижника.

Ключевые слова: литература Сибири, «Тобольские губернские ведомости», образ региона, биографический очерк, П.А. Слоцов, Н.А. Абрамов, А.И. Сулоцкий.

Середина XIX в. обычно рассматривается как переходный этап в истории литературы. В это время происходят изменения в литературе, критике, журналистике. В литературном контексте середины XIX в. периодические издания приобретают исключительное значение. В 1838 г. по предписанию правительства газеты появляются в губернских городах и становятся «духовной пищей» для образованных жителей провинции: «Губернские города стали крупными издательскими центрами и обеспечивали определенного рода литературой и периодикой свои губернии» [1. С. 36]. В 1860-х гг. происходит становление системы сибирской периодической печати. В Тобольске начинает работу местный печатный орган – газета «Тобольские губернские ведомости». Наряду с официальными материалами губернские ведомости дают сведения о культурной жизни провинции, помещают на своих страницах исторические и биографические очерки. Неофициальная часть «Губернских ведомостей» становится «центром консолидации литературных и журналистских сил Сибири» [2. С. 24], своеобразной «площадкой», «где был представлен художественный опыт провинциальных авторов, не попавших в «большую» литературу» [3. С. 112] в силу локального значения и спорного литературно-документального статуса их произведений.

В 50–60-е гг. XIX в. с появлением «Тобольских губернских ведомостей» начинается освоение местными очеркистами общерусских художественных достижений, «возникают документальные повествования с художественными элементами» [4. С. 230]. Очерковость становится доминирующим свойством литературы и журналистики. Традиционно по тематическому принципу выделяют исторические, этнографические, бытовые, статистические, биографические очерки [5. С. 199]. В публикациях «Тобольских губернских ведомостей» 1850–1860-х гг. можно обнаружить черты различных видов очерка. Газетные очерки провинциальных ведомостей отличаются от столичной публицистики, но между собой обнаруживают черты сходства. Например, некото-

рые характерные признаки очерков, отмеченные Г.А. Казариной на материале «Томских губернских ведомостей», проявляют себя и в текстах «Тобольских ведомостей»: «минимум внимания к психологическим вопросам, проблемам нравственности; отсутствие типизации; незначительное количество лирических отступлений, развернутых диалогов; слабая представленность авторской мысли (не означающая отсутствие авторской субъективности); свободная манера изложения (как в хроникальной последовательности, так и в свободной ассоциативной форме); создание полной картины описываемой действительности» [6. С. 26].

В центре внимания авторов газеты находится родной край с его природой, историей, людьми. Очерки содержат богатый этнографический материал. В реалистическом, документальном изображении местной жизни развиваются основные принципы натуральной школы. В очерках Н.А. Абрамова и А.И. Сулоцкого наиболее ярко представлено панорамное изображение сибирской действительности, когда читателю даются точные описания исторической, экономической, социальной, духовной жизни губернии.

Несмотря на доминирующий документальный характер очерков газеты «Тобольские губернские ведомости», художественное начало проявляется в них в образном осмыслении фактов, в способах актуализации авторской индивидуальности, в характере отбора художественных приемов, в поэтике документального письма. К большинству очерков газеты применимо суждение современного исследователя: «Мир, отраженный в публицистике, принципиально отличается от мира реального. Жизненные впечатления в субъективном авторском восприятии претерпевают художественную трансформацию» [7. С. 94].

Документальное отражение и художественное моделирование действительности являются характерными особенностями очеркового произведения, которые заметно проявляют себя в биографическом очерке. Данный вид очерка естественным образом вписывается в программу местной газеты. Изучение истории места и человека в нем становилось частью редакционной политики, которую можно определить словами краеведа 1920-х гг. А.А. Мансурова: «Исследование местной культуры и есть исследование деятельности местных людей, если не всецело, то в значительной степени они освещают местную культуру, сами светятся ее тонами. Они дополняют и венчают «ландшафт» края <...>. Крепко сросшиеся с краем, хотя не всегда видимо, они наиболее удачные питомцы его, бесконечно ему дорогие <...>. Они не похожи на других, их никем нельзя подменить...» [8. С. 17–18]. «Тобольские губернские ведомости» создавали биографии исторических личностей, сибирских писателей и общественных деятелей.

В биографических очерках можно найти немало материалов для описания жизни и деятельности творческих личностей в провинции. Сегодня все чаще предметом исследования становится эмоциональный мир художников и исторических личностей, который реконструируется по текстам произведений и источникам. Так, предметом исследования А.И. Разуваловой становится выявление специфики культурного самоопределения писателей-«деревенщиков» в аспекте индивидуальных и коллективных эмоций [9. С. 33]. Отдаленность от центра и замкнутость в «локальном» пространстве

развивают в творческой личности одиночество, чувство оторванности от образованного мира, самоуглубленность, самоотверженность. Эти переживания творческой личности в условиях героических испытаний становятся одним из центральных мотивов в литературе Сибири.

Публицисты-областники Н.М. Ядринцев и Г.Н. Потанин подчеркивали, что литература Сибири начинается с открытия героя – образованного патриота Сибири [10. С. 34]. В сознании сибирской интеллигенции исторически значимой личностью был Петр Андреевич Словцов, который тридцать пять лет служил в Сибири и посвятил свою жизнь «прилежному изучению» края. Таким героем изображает П.А. Словцова Н.А. Абрамов в очерке «Петр Андреевич Словцов» (1858). Словцов показан как человек, «отличенный судьбой от людей обыкновенных» [11. С. 548]. Очеркист фокусирует внимание на тех моментах биографии, которые наиболее ярко высвечивают фигуру просветителя. По мнению автора, образ Словцова зримо вырисовывается через мотив сибирской ссылки, которая, став личной трагедией, связала его с делом просвещения Сибири: «Но несчастье его добавило пользу этой отдаленной стране». Жизнь П.А. Словцова в Тобольске принесла пользу Сибири, но стала «глубокой раной для чувствительного сердца» – этот мотив настойчиво повторяется в тексте очерка: в оценке фактов биографии, в описании душевных переживаний Словцова, в цитировании выдержек из писем его друзей. Судьба героя очерка показана в связи с образом Сибири, которая традиционно воспринимается, с одной стороны, как место свободы [12. С. 125] (в том числе творческой), а с другой – как место безысходности, смерти [13. С. 27–35].

В целом сюжет очерка строится хронологически, вслед за биографией Словцова, что придает повествованию ярко выраженный документальный характер. События привязываются к датам: от изложения родословной до описания подробностей смерти читатель следит за судьбой героя. Художественный принцип достоверности, который был взят на вооружение Н.А. Абрамовым, последовательное изложение фактов как жанровая доминанта очерка, функциональное назначение газетного материала обуславливают научно-документальный стиль повествования. Приметами документальности стиля являются традиционные для творчества Н.А. Абрамова ссылки на архивные источники, цитирование научных и литературных трудов.

В качестве документальных текстов Абрамов привлекает и письма М.М. Сперанского П.А. Словцову. Читатель находит в них много примет эпохи, без которой не понять судьбы сибирского историка, переписка отражает подробности его служебной, творческой, социальной деятельности. При этом письма играют существенную роль в формировании художественной условности центрального образа, именно чужое слово дает автору очерка ту идеологическую почву, на которой основывается целостность изображенного героя: «Ваш путь особенный и провидение ведет вас совершенно по своему. С сей точки зрения вы непрестанно должны смотреть на все происшествия вашей жизни, ничего не ожидать положительного и на все быть готовым» [11. С. 549]. Опираясь на суждение М.М. Сперанского, Абрамов представляет Словцова человеком, обреченным на гонения судьбы и преодолевающим все ее трудности героическим духовным усилием. В тексте очерка варьируются

мотивы «превратностей судьбы», достижения успехов «несмотря на превратности <...> жизни».

В очерк включены личные письма П.А. Словцова к Н.А. Абрамову, которые указывают на духовную связь ученика и учителя: «...он писал в Березов к одному из любимых и уважаемых им лиц, четыре года при нем каждодневно находившемуся в Тобольске, для чтения ему книг и умного собеседования: “Н.А., желаю вам пользоваться долголетним здоровьем и благополучием. Что касается до меня, секира уже лежит при корени”» [11. С. 553]. Более того, судьба Словцова проецируется на жизнь самого автора, который так же, как его учитель, в силу обстоятельств оказался в Сибири и посвятил свою жизнь изучению ее истории.

Отбор документального материала полностью подчиняется художественной концепции очерка и высвечивает тенденциозность оценки личности Словцова. Все прямые высказывания автора о герое носят патетический характер: «...службою и учеными трудами <он> был полезен человечеству <...> умными и нравоучительными советами укрепил благородные чувства во многих, особенно в сердцах, ему преданных» [11. С. 556]; «Он был строгий и вместе с тем добрый начальник» [11. С. 552]; «Словцов был честен, смел, враг притеснений и несправедливости»; «...одушевлялся силою религии, был строг в образе жизни и чуждался всех светских удовольствий» [11. С. 553]. Опираясь на личные воспоминания, Н.А. Абрамов создает литературный портрет Словцова, полностью соответствующий заданной риторике образа: «Надо было видеть семидесятилетнего автора, сидящего сгорбившись над горами книг и рукописей, и нередко ночью при свете огня. Надо было подивиться примерному трудолюбию и терпению» [11. С. 554]. Сравним этот портрет с описанием Словцова в очерке К.М. Голодникова (1876) «К биографии П.А. Словцова»: «Костюм П.А. обыкновенно состоял из длиннополого серого цвета сюртука, застегнутого на все пуговицы; вследствие же слабости своего старческого зрения он постоянно носил над глазами зеленый тафтяной зонтик» [14. С. 203]. Бытовые обстоятельства, столь значимые для Голодникова, практически исключены из возвышенного повествования Н.А. Абрамова.

Законами риторики обусловлен характер высказываний самого Словцова, будь то процитированные в очерке отрывки из его писем и произведений или смоделированная повествователем устная речь историка: «Ты видишь, – говорил он о себе в годах преклонных одному из уважаемых им лиц, – потухший вулкан и думаешь, что он всегда был покрыт льдом! В этом сердце перегорело много чувствований, много перекипело страстей: судьба одним разом их погасила, как мы гасим отгоревшую свечу» [11. С. 553]. Патетический и архаизированный стиль повествователя подчинен тем же риторическим законам, что и стиль сочинений и высказываний героя очерка.

Задаче формирования целостного образа Словцова подчинена композиция статьи. Н.А. Абрамов использует трехчастную структуру: рассказ о гражданской биографии Словцова – история его творческой деятельности – «частная жизнь». «В сочинениях Словцова повторилась вся жизнь его. В них видно блестящее остроумие, образцовый взгляд, смелость говорить правду», – пишет Н.А. Абрамов и подчеркивает, что восприятие этих сочинений

было далеко не однозначным: «...чтобы вполне оценить слог и выражения Петра Андреевича, их должно рассматривать и применять не к настоящему, но к тому времени, в которое он жил в молодости и под влиянием которого был воспитан и образован...» [11. С. 554]. Доказывая исключительную значимость произведений Словцова для Сибири, Абрамов объясняет особенности их стиля складом личности автора и обстоятельствами его жизни.

Документальные данные помещаются автором в особый контекст, в котором они приобретают эстетический смысл. Так, в повествование о научных трудах, «которые доставили ему неоспоримое право на почетное место в Истории русской литературы», включаются поэтические цитаты из произведений Словцова («Сибирь, тебя мне любо вспоминать!»), эмоциональные оценки П.А. Словцовым собственного творчества: «Признаюсь, у меня нет счастливого дара оживлять обыкновенные житейские хлопоты простого быта, ни выдумывать лучшую историю, как поэму» [11. С. 554].

Читатель очерка вовлекается в эстетическое переживание судьбы П.А. Словцова, для которого изучение истории Сибири было потребностью души, а «Историческое обозрение Сибири» стало трудом и финалом жизни: «...ничто не связывает меня с землею, книга о Сибири кончена...» [11. С. 554]. Таким образом, рассказывая провинциальному читателю о судьбе исторической личности, автор реализует эстетические и просветительские цели. В сознании очеркиста складывается образ читателя – благодарного потомка, увлеченного историей родного края и гордящегося прославленными земляками. Взаимодействие с читательской аудиторией проявляется в уточнении значимых фактов, на которых акцентируется внимание, и в умолчании, использованном как повествовательный прием: «Но зависть, избирающая себе жертвою отличных людей, захотела воспрепятствовать дальнейшему возвышению Словцова... Он неожиданно увидел сети, расставленные ему от мнимых приятелей» [11. С. 548]. О том, что среди этих «приятелей» был и М.М. Сперанский, может догадаться только человек, действительно близкий Словцову и знакомый с обстоятельствами его жизни в Сибири.

Как видим, художественное, фикциональное начало в очерке Н.А. Абрамова «Петр Андреевич Словцов» предопределено риторикой образа заглавного персонажа, авторской интерпретацией документального материала, мифологизацией личности сибирского историка.

Не являясь литературно-критическим органом, газета «Тобольские губернские ведомости» с первых лет существования участвовала в создании литературных биографий знаменитых земляков. В биографических очерках, опубликованных в разные годы, можно наблюдать преемственность культурной традиции. Литературные биографии создают талантливые современники: об учителе П.А. Словцове пишет благодарный ученик Н.А. Абрамов, биографию Н.А. Абрамова расскажет читателям А.И. Сулоцкий, литературные заслуги А.И. Сулоцкого отметит анонимный автор некролога в «Тобольских губернских ведомостях».

Очерк А.И. Сулоцкого о жизни и творчестве Н.А. Абрамова помещен в шести номерах «Тобольских губернских ведомостей» за 1870 г. под псевдонимом Ф. Петухов. А.И. Сулоцкий относит Н.А. Абрамова к «людям с биографией», так как его заслуги дают «некоторое право на известность, право –

быть оглашенным в печати» [15. С. 211]. В изложении биографии Н.А. Абрамова звучит мотив осознанного служения Сибири: отказавшись от учебы в Петербургской духовной академии в силу семейных обстоятельств, Н.А. Абрамов связывает свою жизнь с «родной Тобольской губернией». Заметим, что данный мотив относится к «общим местам» повествования биографических очерков «Тобольских губернских ведомостей», так как просветитель-подвижник оценивается губернской культурой как идеальный тип исторического деятеля, достойного памяти потомков.

Настоящей причиной публикации биографии Н.А. Абрамова А.И. Сулоцкий называет «особенную специальность его знаний и его сочинений» [15. С. 211]. Литературная деятельность Абрамова была связана с изучением сибирской истории. Рассказ о творчестве преобладает над повествованием о жизни, что привносит в статью жанровые черты литературного портрета. В стиле статьи сочетаются документализм и орнаментальность речи. В основе сюжета очерка лежит литературная биография, связывающая в единый текст фрагменты, напечатанные в нескольких номерах и снабженные подробными ссылками на архивные и эпистолярные материалы. Выдвижение в центр сибирской культуры фигуры историка Сибири, а не практического деятеля соответствует задаче формирования самосознания сибиряков.

«Тобольский период» жизни и творчества Н.А. Абрамова А.И. Сулоцким мыслится как знаковый. В это время происходят два события, сыгравшие решающую роль в судьбе героя очерка. Первым знаменательным эпизодом биографии стало знакомство с П.А. Словцовым, которого Н.А. Абрамов считал своим учителем и наставником. Вторым фактом, определившим жизненный выбор писателя, стало покровительство дирекции Тобольских училищ, что способствовало развитию исследовательской деятельности Н.А. Абрамова, его сотрудничеству с известными научными обществами и столичными журналами.

В Тобольске происходит формирование гражданской позиции Абрамова, начинается его литературная деятельность. Следующие периоды жизни и творчества рассматриваются в соотношении с первым этапом. Исполнение обязанностей смотрителя Березовских, Ялуторовских, Тюменских училищ, тяготившее Абрамова, трактуется как подвижничество, при этом подвижничество, не уводящее от основного занятия историей Сибири. Литературную деятельность ослабила служба в Омске, требующая усилий в новой социальной карьере. Однако в Семипалатинске творческая работа возобновляется. А.И. Сулоцкий подчеркивает, что оживлению литературной деятельности способствует сотрудничество с «Тобольскими губернскими ведомостями». Так, на последнем этапе Тобольск вновь играет значимую роль в творческой судьбе Н.А. Абрамова.

В исторических очерках, опубликованных в губернских ведомостях, Н.А. Абрамов создает литературный образ Тобольской губернии. Описания местной жизни и истории губернских городов, станиц, укреплений, монастырей, рек, гор и т.д. привносят в образ Сибири историческое измерение, формируют мифологию края. Создавая образы исторических деятелей в биографических статьях о тобольских архиереях (Иоанн Максимович, Макарий, Нектарий), сибирских губернаторах (Чичерин, Гагарин), исторических лич-

ностях, сыгравших свою роль в сибирской истории (Ермак, Меньшиков, Долгорукий, Остерман), Н.А. Абрамов сам стал героем литературной биографии.

В биографических очерках, посвященных современной истории края, формируется этический идеал историка и краеведа как человека, который преодолевает свою провинциальность постоянным самообразованием. Так, многие достоинства личности Н.А. Абрамова А.И. Сулоцкий объясняет его любознательностью, привычкой к чтению, плодотворным общением с незаурядными людьми. Учитель Н.А. Абрамова П.А. Словцов характеризует ученика как «толкового чтеца» старинных рукописей, нравственного человека. Сам А.И. Сулоцкий в описании бытовой стороны жизни Н.А. Абрамова отмечает, что он «был обыкновенно тих, приветлив и безобидно для других шутив» [15. С. 236]. Гармония внутренних и внешних физических качеств героя очерка проявляется в портретной характеристике, которой завершается биография: «Николай Алексеевич был довольно высокого роста; имел, доколе был молод, русые, а под старость уже седые волосы; лицом же был бел и в молодости красив» [15. С. 236].

«Ведомости» поддерживают в сознании читателя представление о Н.А. Абрамове как заметной фигуре сибирской культуры. Не забывая своего сотрудника, в двадцатипятилетие со дня смерти публикуют биографическую заметку «Памяти Н.А. Абрамова» [16. С. 614–617], в которой подчеркивается значение Тобольска как родной земли, дающей жизненные и творческие силы.

Таким образом, на протяжении всей истории издания газеты на страницах «Тобольских губернских ведомостей» формируется определенный тип местного просветителя. Сохраняя преемственность изображения этих образов, газета мифологизирует и популяризирует личность литературного деятеля Сибири. Литературные биографии создают талантливые современники: об учителе П.А. Словцове пишет благодарный ученик Н.А. Абрамов, биографию Н.А. Абрамова расскажет читателям А.И. Сулоцкий, литературные заслуги А.И. Сулоцкого отметит анонимный автор некролога в «Тобольских губернских ведомостях». В изложении биографий знаменитых земляков повторяется мотив осознанного служения Сибири, так как просветитель-подвижник оценивается губернской культурой как идеальный тип исторического деятеля, достойного памяти потомков. Выдвижение в центр сибирской культуры фигуры историка Сибири, а не практического деятеля соответствует задаче формирования самосознания сибиряков.

Литература

1. Бердинских В.А. Уездные историки. Русская провинциальная историография М.: Новое лит. обозрение, 2003. 522 с.
2. Жилыкова Н.В. Журналистика города Томска (XIX – начало XX века) становление и развитие. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2011. 446 с.
3. Шевцов В.В. «Губернские ведомости» в советской и постсоветской историографии: основные направления изучения // Вестн. Перм. гос. ун-та. 2013. Вып. 3. С. 105–123.
4. Литературная история Сибири / Н.В. Серебrenников, А.П. Казаркин // Сибиреведение: книга для учителя / под ред. А.П. Казаркина. Томск, 2008. С. 218–266.
5. Ким М.Н. Жанры современной журналистики. СПб.: Изд-во В.А. Михайлова, 2004. 336 с.

6. Казарина Г.А. Жанр очерка на страницах «Томских губернских ведомостей» / Г.А. Казарина // 150 лет периодической печати в Сибири: материалы регион. науч. конф., посвящ. 150-летию издания в Сибири «Губернских ведомостей», Томск, 19–20 апреля 2007 г. Томск, 2007. С. 25–30.
7. Стюфляева М.И. Образные ресурсы публицистики. М.: Мысль, 1982. 176 с.
8. Мансуров А.А. Об изучении материалов о местных деятелях и уроженцах // Краеведение. 1928. Т. 5. С. 17–18.
9. Разувалова А.И. Писатели-«деревенщики». Литература и консервативная идеология 1970-х годов. М.: Новое лит. обозрение, 2015. 612 с.
10. Казаркин А.П. Литературная классика Сибири: подход и дефиниции / А.П. Казаркин // Сибирский текст в русской культуре: сб. ст. / под ред. А.П. Казаркина, Н.В. Серебренникова. Томск, 2007. Вып. 2. С. 32–43.
11. Абрамов Н.А. Петр Андреевич Словцов // Тобольские губернские ведомости. 1858. № 34. С. 547–556.
12. Желякова Н.В. Дорожные мотивы в «Сибирской газете» // Сибирь: Литература. Критика. Журналистика: памяти Ю.С. Постнова. Новосибирск, 2002. С. 125–138.
13. Тюпа В.И. Мифологема Сибири: к вопросу о «сибирском тексте» русской литературы // Сиб. филол. журн. Барнаул; Кемерово; Новосибирск; Томск. 2002. № 1. С. 27–35.
14. Голодников К. К биографии П.А. Словцова // Словцов П.А. Письма из Сибири / сост. Ю.Л. Мандрика; под ред. С.Г. Пархимовича. Тюмень, 1999. С. 196–204.
15. Петухов Ф. [Сулоцкий А.И.]. Биография Николая Алексеевича Абрамова // Тобольские губернские ведомости. 1870. № 39. С. 196–197; № 40. С. 203–204; № 41. С. 210–211; № 42. С. 217–218; № 43. С. 223–224; № 44. С. 230–231; № 45. С. 236.
16. Памяти Н.А. Абрамова // Тобольские губернские ведомости. 1895. № 35. С. 614–617.

POETICS OF BIOGRAPHICAL ESSAYS IN *TOBOL'SKIE GUBERNSKIE VEDOMOSTI* (1850S–1860S)

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology. 2017. 47. 123–131. DOI: 10.17223/19986645/47/9

Ekaterina V. Kostetskaya, Tyumen State University (Tyumen, Russian Federation).
E-mail: katerinavb@yandex.ru

Keywords: Siberian literature; *Tobol'skie gubernskie vedomosti*; regional image; biographical essay; P.A. Slovtsov; N.A. Abramov; A.I. Sulotskiy.

The article deals with the poetics of biographical essays in *Tobol'skie gubernskie vedomosti* [Tobolsk Province Journal]. This essay type was a natural fit for the unofficial part of the journal and was considered perfect for illustrating the life of the locals by the editors, authors, and readers. The authors of biographical essays recreated the image of a Siberian worker in the 19th century.

P.A. Slovtsov, having worked in Siberia for thirty-five years and having dedicated his life to a “proper exploration” of the region, was considered a historically significant person by the Siberian intellectuals. N.A. Abramov depicts him as a heroic patriot in his essay “Pyotr Andreevich Slovtsov” (1858). Slovtsov is depicted as a person “distinguished from the ordinary people by destiny”. The artistic rule of validity adopted by Abramov, the consistent account of the facts as the dominant feature of essays, the functional purpose of the information stipulate scientific style of the narrative. Nevertheless, the documented data are put in a special context by the author, hence its artistic meaning. Poetic quotes from Slovtsov’s works and his emotional assessments of his own artwork are included in the narrative about his research. The reader is involved in aesthetic living through Slovtsov’s destiny, for whom researching the history of Siberia was the demand of his soul and whose most important creation of lifetime as well as its end was the *Istoricheskoe obozrenie Sibiri* [Historical Review of Siberia: “nothing connects me with the earth anymore, the book about Siberia is finished”].

Tobol'skie gubernskie vedomosti, not actually being an institution of literary criticism, took part in creating literary biographies of the famous fellow countrymen from the first years of existence. One can observe the succession of cultural traditions in the essays published in different years. The literary biographies are created by talented contemporaries: the grateful apprentice Abramov writes about his teacher Slovtsov; Sulotskiy’s accomplishments in literature are noted in a memoir by an anonymous author, published in *Tobol'skie gubernskie vedomosti*.

The motif of deliberate service to Siberia is present in the famous contemporaries' biographical narrative. This motif is one of the general features of biographical essay narrative as the provincial culture considers an enlightener and a devotee a perfect type of a historical personality worthy of the descendants' memory. Bringing forward a historian of Siberia rather than a practitioner matches the task of forming self-consciousness of the Siberian people.

References

1. Berdinskikh, V.A. (2003) *Uezdnye istoriki. Russkaya provintsial'naya istoriografiya* [County Historians. Russian Provincial Historiography]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie.
2. Zhilyakova, N.V. (2011) *Zhurnalistska goroda Tomska (XIX – nachalo XX veka): stanovlenie i razvitiye* [Journalism of Tomsk (19th – early 20th centuries): formation and development]. Tomsk: Tomsk State University.
3. Shevtsov, V.V. (2013) "Gubernskie vedomosti" v sovetskoy i postsovetskoy istoriografii: osnovnye napravleniya izucheniya ["Gubernskie vedomosti" in Soviet and post-Soviet historiography: the main areas of study]. *Vestnik Permskogo universiteta – Bulletin of Perm University*. 3. pp. 105–123.
4. Serebrennikov, N.V. & Kazarkin, A.P. (2008) *Literaturnaya istoriya Sibiri* [Literary History of Siberia]. In: Kazarkin, A.P. (ed.) *Sibirevedenie: kniga dlya uchitelya* [Siberian Studies: A Book for Teachers]. Tomsk: Tomsk State University.
5. Kim, M.N. (2004) *Zhanry sovremennoy zhurnalistiki* [Genres of modern journalism]. St. Petersburg: Izd-vo Mikhaylova V.A.
6. Kazarina, G.A. (2007) [Genre of the essay on the pages of the "Tomskie gubernskie vedomosti"]. *150 let periodicheskoy pechati v Sibiri* [150 years of periodicals in Siberia]. Proceedings of a regional scientific conference dedicated to the 150th anniversary of the publication of "Gubernskie vedomosti" in Siberia. Tomsk. 19–20 April 2007. Tomsk: TML-Press. pp. 25–30. (In Russian).
7. Styuflyayeva, M.I. (1982) *Obraznye resursy publitsistiki* [The imagery resources of journalism]. Moscow: Mysl'.
8. Mansurov, A.A. (1928) Ob izuchenii materialov o mestnykh deyatel'yakh i urozhentsakh [On the study of materials on local figures and natives]. *Kraevedenie*. 5:1. pp. 17–18.
9. Razuvalova, A.I. (2015) *Pisateli-"derevenshchiki". Literatura i konservativnaya ideologiya 1970-kh godov* [Village writers. Literature and conservative ideology of the 1970s]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie.
10. Kazarkin, A.P. (2007) *Literaturnaya klassika Sibiri: podkhod i definitsii* [Literary Classics of Siberia: Approach and Definitions]. In: Kazarkin, A.P. & Serebrennikov, N.V. (ed.) *Sibirskiy tekst v russkoy kul'ture* [The Siberian text in Russian culture]. Vol. 2. Tomsk State University.
11. Abramov, N.A. (1858) Petr Andreevich Slovtsov. *Tobol'skie gubernskie vedomosti*. 34. pp. 547–556. (In Russian).
12. Zhilyakova, N.V. (2002) Dorozhnye motivy v "Sibirskoy gazete" [Road motives in "Sibirskaya gazeta"]. In: Yakimova, L.P. (ed.) *Sibir'. Literatura. Kritika. Zhurnalistika: pamyati Yu.S. Postnova* [Siberia. Literature. Criticism. Journalism: in memory of Yu.S. Postnov]. Novosibirsk: SB RAS.
13. Tyupa, V.I. (2002) Mifologema Sibiri: k voprosu o "sibirskom tekste" russkoy literatury [The mythologeme of Siberia: on Siberian text in Russian literature]. *Sibirskiy filologicheskiy zhurnal – Siberian Journal of Philology*. 1. pp. 27–35.
14. Golodnikov, K.K. (1999) K biografii P.A. Slovtsova [To the biography of P.A. Slovtsov]. In: Slovtsov, P.A. *Pis'ma iz Sibiri* [Letters from Siberia] Tyumen: Izd-vo Yu. Mandriki.
15. Petukhov, F. [Sulotskiy, A.I.] (1870) Biografiya Nikolaya Alekseevicha Abramova [Biography of Nikolai Alekseevich Abramov]. *Tobol'skie gubernskie vedomosti*. 39. pp. 196–197; 40. pp. 203–204; 41. pp. 210–211; 42. pp. 217–218; 43. pp. 223–224; 44. pp. 230–231; 45. pp. 236.
16. Tobol'skie gubernskie vedomosti. (1895) Pamyati N.A. Abramova [In memory of N.A. Abramov]. *Tobol'skie gubernskie vedomosti*. 35. pp. 614–617.

УДК 882.091

DOI: 10.17223/19986645/47/10

В.Н. Крылов

ЛИТЕРАТУРНО-КРИТИЧЕСКАЯ ПРОЗА М. ЦВЕТАЕВОЙ: ПОЭТИКА НА ФОНЕ ТРАДИЦИИ

В статье рассматриваются вопросы поэтики литературно-критической эссеистики Марины Цветаевой. Цель исследования – выявление связей литературно-критических приемов Цветаевой с традициями русской модернистской критики начала XX в. Для достижения поставленной цели используются структурно-семиотический и биографический методы, привлекаются элементы лингвистического анализа литературно-критического текста. В качестве источников используются не только эссеистика Цветаевой, но и ставшие известными после 2001 г. материалы ее переписки. В статье выявлены некоторые специфические особенности поэтики ее литературно-критической прозы: поэтика отступлений на эстетические темы, активное проявление авторского начала (проявление «голоса» критика), поэтическая полицитатность, принцип антиномичности, активизация параллели как приема и жанра.
Ключевые слова: Марина Цветаева, модернизм, литературная критика, эссе, авторское начало, цитатность, риторика противопоставлений, параллель.

Проза Марины Цветаевой неоднократно анализировалась в трудах ученых разных исследовательских направлений и школ [1–6]. Можно говорить об особой отрасли цветаеведения в области изучения ее прозы. Однако опыты Цветаевой в области литературной критики изучены менее всего. Если они и становятся предметом исследования, то, как правило, критика Цветаевой привлекается как дополнительный рефлексивный источник для реконструкции ее идейно-эстетических взглядов, взаимоотношений с литературным окружением, как дополнительный материал для построения истории критики русской эмиграции и т.д.

Нас же интересуют критические тексты Цветаевой не как источник объяснения ее эстетических взглядов, не содержательные характеристики русских поэтов в ее эссе, а углубленный анализ текстовой реальности критического дискурса, т.е. исследование *поэтики* литературной критики Цветаевой. Возможны две системы отсчета в подходе к критике: с точки зрения самой литературы, постигаемой и оцениваемой критикой, и с точки зрения собственно критики «в многообразии ее задач и подходов к искусству и жизни» [7. С. 62]. Нам ближе вторая система отсчета, позволяющая исследовать специфические особенности поэтики критики. К сожалению, такого подхода к литературно-критической прозе мы не обнаружили в цветаеведении. Поэтика критики определяется нами как раздел теории критики о принципах и приемах интерпретации и оценки художественного произведения и сопряженной с ним действительности, о соотношении и взаимодействии логико-аналитических и художественных элементов критического произведения, о совокупности приемов воздействия на читателя, о жанрово-композиционной структуре литературно-критических текстов.

Предлагаемая статья имеет целью выявление связей структуры и литературно-критических приемов Цветаевой с традициями русской модернистской (символистской) критики начала XX в. Вместе с тем мы учитываем важные наблюдения и выводы о ее литературно-критической эссеистике, носящие фрагментарный характер, в исследованиях прозы Цветаевой. Особенного внимания заслуживает монография Ирины Шевеленко «Литературный путь Цветаевой: Идеология – поэтика – идентичность автора в контексте эпохи» (2002, 2015), хотя проблемы поэтики цветаевской критической прозы не являются непосредственным предметом исследования в названной книге. Привлекая литературно-критические тексты для объяснения специфического типа литературного поведения Цветаевой в 1910–1920-е гг., И. Шевеленко обращает внимание и на то, как своими критическими опытами М. Цветаева, реформируя критический дискурс, вырывалась из рамок литературной культуры модернизма, ее «стиль на глазах читателя разрушал дискурсивные конвенции критической эссеистики» [8. С. 201].

Не отвергая выводов И. Шевеленко о реформировании критического дискурса Цветаевой, мы все же видим в цветаевской критической эссеистике несомненную связь с предшествующей критической традицией – прежде всего с традициями символистской критики.

Литературно-критическое кредо Цветаевой полнее всего выражено в статье «Поэт о критике», свидетельствующей о том, что она знала русскую и западноевропейскую критику своего времени и XIX в. Перед нами рассуждение о взаимоотношениях критика и поэта, глубокое размышление о природе и задачах критики.

Для Цветаевой это была выстраданная статья, о чем свидетельствует ее переписка с Д. А. Шаховским. В письмах 1926 г. о корректуре статьи Цветаева отстаивает буквально каждую строку, каждое слово, сноску, подчеркнутое слово и т.п. [9. С. 301–303]. Здесь она декларирует свою приверженность критике писательской (критике поэта)¹, но не всякого, а того, кто не пишет «плохих стихов». Цветаева рассуждает не столько о критике вообще как виде литературно-публицистической деятельности, а именно о критике *поэзии*. Она выдвигает важное условие легитимности критического суждения: «Для того, чтобы иметь суждение о вещи, надо в этой вещи жить и ее любить» [10. С. 278]. Для иллюстрации этой мысли она обращается к примеру с сапогами и искусством (возможно, это аллюзия на известное в русской критике выражение «сапоги выше Шекспира», восходящее к статье Ф.М. Достоевского «Господин Щедрин, или Раскол в нигилистах»):

Возьмем грубейший, то есть наинагляднейший пример. Вы покупаете себе пару сапог. Что вы о них знаете? Что они вам подходят – или не подходят, нравятся – или не нравятся. <...>. Можете ли вы судить о их прочности? Носкости? Качественности их? Нет. Почему? Потому что вы не сапожник и не кожевник. Судить о качественности, сущности, о всем, что не видимость

¹ Следует заметить, что и в своей практике в основном она писала о поэтах, за исключением отсыла на книгу кн. С. Волконского «Родина» – статью «Кедр». Это также было продолжением символистской критики, реабилитировавшей прежде всего поэтическую критику. Символисты уже в начале 1890-х гг. начинают возрождать именно рецензии на поэтические произведения.

вещи, может только в этой области живущий и работающий. Отношение – ваше, оценка вам не принадлежит. То же, господа, и точно то же – с искусством. Вот вам мой стих. Он вам нравится или не нравится, доходит или не доходит, «красив» (для вас) или некрасив. Но хорош он, как стих, или плох, могут сказать только знаток, любящий и... мастер¹ [10. С. 278–279].

Ратуя за легитимность суждения поэта (мастера), Цветаева продолжила традиции Серебряного века: «...оттеснение профессиональной критики и преобладание критики писательской»² [13. С. 179]. Как известно, критика символистов расширила представления о писательской критике. Их выступления были продиктованы стремлением самостоятельно определять основные тенденции развития литературы, т.е. решать задачи профессиональной критики, не сумевшей стать организатором литературного процесса. Цветаева идет радикальнее: она как бы выводит литературно-критический дискурс из рамок сложившихся институциональных условий и предлагает весьма утопический проект: «...критик – абсолютный читатель, взявшийся за перо» [10. С. 280], а профессиональная критика лишается привычного статуса в литературе. В такой критике непременно проявляется личностное начало («виден – он»). Идеальным примером «такого любовного самодовления» выступает для Цветаевой Бальмонт-критик в книге «Горные вершины» [10. С. 281].

Довольно едко пишет Цветаева о профессиональной критике, выстраивая при этом собственную классификацию критиков (раздел статьи «Разновидности критиков»). Здесь достается и критике, равнодушной к современности, и критике, копающейся лишь в «грязном белье», и критике формальной. К критику-черни она относит всякого, кто о Бальмонте знает, что «пьет, многоженствует и блаженствует, Есенин тоже пьет, женится на старухе, потом на внучке старика, затем вешается», «Белый расходится с женой (Асей) и тоже пьет», «Ахматова влюбляется в Блока, расходится с Гумилевым и выходит замуж за – целый ряд вариантов», «Блок не живет со своей женой, а Маяковский живет с чужой», «Вячеслав – то-то. Сологуб – то-то», «а такой-то – знаете?» [10. С. 290–291].

Показательна предпоследняя главка статьи – «Автор и вещь», где затрагивается извечный вопрос о соотношении авторского задания и того, что вычитывает «формальная критика». Цветаева, по существу, выступает не только против формального подхода, распространившегося в советской России в 20-е гг., но и историко-генетического («рассказывать мне (и зачастую весьма неправильно) мои же черновики – нелепость» [10. С. 296]. Она находит емкую формулу перехода от истока творчества – через само творение – к крити-

¹ Цветаева заостряет вопрос, поставленный еще в начале XIX в. одним из «персонажей» статьи В.А. Жуковского «О критике»: «Кому лучше живописца судить о живописи, и лучше поэта о стихотворстве?» [11. С. 221]. Хотя для Жуковского критика – это «органическая часть искусства слова» [12. С. 23], тем не менее, он считал, что «медлительность в работе *разбирающего* вкуса едва ли сообразна с быстротою *творческого* духа; и мы не всегда находим их соединенными в одном и том же человеке» [11. С. 222].

² Можно увидеть сходство в рассуждениях о «критической поэзии» Д. Мережковского и М. Цветаевой. Например, Мережковский говорил, что субъективно-художественный критик их (книги) «любит и ненавидит, ими живет и от них умирает, ими наслаждается и страдает» [14. С. 157]. Ср: «Критика большого поэта, в большей части, критика страсти: родства и чуждости» [10. С. 280].

ке: «Народ, в сказке, истолковал сон стихии, поэт, в поэме, истолковал сон народа, критик (в новой поэме!) истолковал сон поэта» [10. С. 296]. Обозначение критического истолкования как *поэмы* еще раз подтверждает взгляд Цветаевой на художественную сторону критического высказывания. А в самой последней и самой лаконичной главке (8-й) «Чем должен быть критик» Цветаева называет критика Сивиллой над колыбелью, вспомнив греческий миф о Сивилле.

В отвержении филологического взгляда на текст и противопоставлении ему взгляда философского Цветаева, по словам И. Шевеленко, «оказывается прямой продолжательницей символистской эстетической традиции, для которой центральным был вопрос о взаимоотношениях текста с внетекстовой реальностью, и противницей постсимволистских тенденций в эстетике, перенесших внимание на внутренние механизмы поэтики» [8. С. 290]. Уточняя это положение, заметим, что Цветаева подхватывает *одну* из тенденций символистской критики¹. Хотя поводом для написания эссе стали статьи о поэтах в эмигрантской периодике (в первую очередь Г. Адамовича), но в подтексте, не называя имени одного из основателей символизма в России Валерия Брюсова ни разу, она имела в виду, по-видимому, и его, и свой опыт общения с его критикой². Одновременно Цветаева продолжает идущую еще от Белинского традицию негативного отношения к чисто филологическому подходу к поэтическому произведению. У В.Г. Белинского в статье-рецензии «Стихотворения Баратынского» звучит ирония по поводу «филологических, грамматических и просодических замечаний», которыми была наполнена «старая» критика (т.е. критика XVIII – начала XIX в.) [16. С. 422].

Для Цветаевой критика – дело ответственное. В письме, отправленном Г.П. Федотову в период работы над статьей «Эпос и лирика современной России (Владимир Маяковский и Борис Пастернак)» она, осознавая, что не может написать о других советских поэтах ввиду отсутствия их книг в эмиграции, признается: «Все равно ничего исчерпывающего об остальных не могу дать, их много, книг мало, ненавижу безответственность» [17. С. 568]. А в письме к неизвестному адресату³, отправленному в период завершения работы над статьей, Цветаева еще раз поднимает эту тему, не отделяя интенсивности и самоотдачи в труде над поэтическим творчеством и критической статьей: «...я должна сдать статью о двух больших русских поэтах: Борисе Пастернаке и Владимире Маяковском <...> Работаю две недели, а получу хорошо если 100 франков. Но работаю я не за сто франков <написано поверх строки: сто франков не имеют никакого отношения>, а просто из добросове-

¹ Мы выделяем в символистской критике такие внутренние течения, как филологическое, философско-публицистическое, импрессионистское, психологическое.

² Если рассмотреть отношения Цветаевой и Брюсова в свете проблем диалога критика и писателя и возникающих при этом аспектов (рецепция критики поэтом, формы этой рецепции с учетом эстетических взглядов поэта и т.д.), то диалог Цветаевой с мэтром Брюсовым показывает, что сам тип критики Брюсова был Цветаевой неприемлем. Первые опыты Цветаевой в области критики демонстрируют, что она продолжает в большей мере традиции символистской критики (не в ее формалистической тенденции, представленной Брюсовым, а в импрессионистско-субъективной) [15].

³ Составители тома переписки Цветаевой не установили, о ком идет речь.

стности по отношению ко всему великому <...> Я работаю так, как если бы завтра Страшный Суд»¹ [17. С. 573].

Нет никаких сомнений в том, что Цветаева и в своей не столь богатой практике критика придерживалась выдвинутых принципов, что дает нам возможность опираться на них при изучении ее поэтики.

Критика М. Цветаевой, если следовать типологии писательской критики, – это критика «художника по преимуществу». Его литературно-критическая мысль «в решающей степени подчинена эстетическим критериям собственного художественного мира писателя» [19. С. 18].

Несмотря на свое декларативное отторжение от профессиональной критики, Цветаева тем не менее не могла не опираться на выработанные традицией риторические правила критического дискурса. Риторическое в критике проявляется в том, как она стремится убедить читателей в своем мнении и своем авторитете, вырабатывая совокупность убеждающих и аргументативных суждений. Теория критики тесно связана с категорией *убеждения*. В процессе убеждения, начиная с классической античной риторики, особая роль принадлежит эмоционально-психологическим факторам. С точки зрения современных представлений об аргументации «понятие убеждения шире понятия аргументации, так как оно включает в свой состав не только логические, но и психологические, нравственные, стилистические, эстетические и т.п. элементы. К тому же подчеркивания роли логики явно недостаточно, чтобы говорить об аргументации в современном значении этого термина» [20. С. 110].

Принимая во внимание диалогическую природу критики, необходимо учитывать такие моменты риторического канона, как *dispositio*, *elocutio* и их проявление в специфике сюжета и композиции критической статьи, в использовании тропов, риторических фигур, ораторских приемов, цитатности и т.д. «Постоянно «живущая» в статье читательская аудитория, в общении с которой автор строит все развитие сюжета и всю систему доказательств, создает особое мышление критика, определяющее поэтику статьи: диалогичность при монологическом способе высказывания» [21. С. 30].

Даже если изначально статья Цветаевой вырастает из отклика на поэтическую книгу (как, например, «Поэты с историей и поэты без истории» – отклик на выход в 1933 г. собрания стихотворений Б. Пастернака в одной книге), она вырастает в философско-эстетическое эссе, посвященное проблеме развития поэта, поэтического «я». В связи с этим в центре статьи оказывается своеобразная концепция «поэтов с развитием» и «поэтов без развития».

Для поэтики ее статей характерны частые отступления на эстетические темы². Как отмечала Ирма Кудрова, это «размышления о поэте и поэзии, об

¹ Иосиф Бродский говорил о «почти кальвинистском духе личной ответственности» Цветаевой [18. С. 70].

² И в этом она продолжает русскую национальную традицию критики «по поводу», подхватывая скорее не публицистические приемы шестидесятников, а так называемую «эстетическую» публицистику символистов. Критики-символисты не проверяли соответствие художественной системы фактов и событий в произведении фактам и событиям существующей реальности. Но в реальной практике как критики они не могли замкнуться в пределах только художественного произведения. Выход в «жизнь», к «злобе дня» осуществлялся в отстаивании своей позиции, в спорах, полемиках, в разнообраз-

особенностях процесса творчества, о читателе, о «породах поэтов», о подражательности и влияниях, о нелепостях смерти поэтов» [22. С. 109].

Самостоятельное значение приобретают, например, ее размышления о пути Блока, потенциально вырастающие в отдельную тему:

О Блоке можно сказать, что он от одного себя пытался уйти к какому-то другому себе. От одного, который его мучил, к другому, который мучил его еще больше. Что характерно, Блок тем самым надеялся уйти от самого себя. Так смертельно раненный человек в страхе бежит от раны, так больной мечется из страны в страну, потом из комнаты в комнату и, наконец, с одного бока на другой. Если Блок нам видится как поэт с историей, то эта история – лично его, Блока, история лирического поэта, лирика страдания. Если Блок нам видится поэтом, имевшим путь, то этот путь – лишь бегство по кругу от самого себя [10. С. 409–410].

В блоковедении до сих пор упоминается цветаевская интерпретация «пути» поэта, но она глубоко личностна. Композиционно анализ поэзии Пастернака за два десятилетия открывает и завершает статью, обрамляя теоретические размышления о типах поэтического мышления и развития.

А в статье «Эпос и лирика современной России» (1932), посвященной соотношению В. Маяковского и Б. Пастернака, «за историко-литературными наблюдениями и освещением проблемы отношений художника и времени таится потенциал глубоких теоретических выводов, сопряженных с оригинальным осмыслением оппозиции понятий эпоса и лирики, значимой... не только на уровне организации самого произведения, но и в связи с внутренним складом творческой личности, особенностями ее обращенности к миру и т.д.» [23].

Поводом для статьи-рецензии «Световой ливень» стала подаренная Пастернаком книга «Сестра моя – жизнь». Но она отличается от привычного представления о жанре рецензии введением автобиографически-интимных моментов¹ и особенной дифирамбической направленностью:

С самим Пастернаком я знакома почти что шапочно: три-четыре беглых встречи. – И почти безмолвных, ибо никогда ничего нового не хочу. – Слышала его раз, с другими поэтами, в Политехническом Музее. Говорил он глухо и почти все стихи забывал. Отчужденностью на эстраде явно напоминал Блока. Было впечатление мучительной сосредоточенности, хотелось – как вагон, который не идет – подтолкнуть..., «Да ну же...», и так как ни одного слова так и не дошло (какие-то бормотá, точно медведь просыпается), нетерпеливая мысль: «Господи, зачем так мучить себя и других!» [10. С. 232].

О том, что отзыв Цветаевой нарушает дискурсивные правила жанра, она пишет в конце статьи:

разных формах обращенности к современнику – читателю и писателю. И здесь символисты были порой не менее публицистичны, чем их предшественники.

¹ Нужно только учесть, что такое введение интимно-личностного начала характерно уже для символистов-критиков. См.: изображение детских впечатлений от чтения стихов Лермонтова в статье Д.С. Мережковского «Лермонтов. Поэт сверхчеловечества».

Это не отзыв: попытка выхода, чтобы не захлебнуться. Единственный современник, на которого мне не хватило грудной клетки. Так о современниках не пишут. Каюсь [10. С. 245].

О непривычности жанровых ожиданий читателей этой рецензии писала И. Шевеленко:

Статья Цветаевой не соответствовала той функции, которую *отзыв на книгу* призван был выполнять в литературной жизни. Но и ни с каким иным родом письма, кроме критической эссеистики, «Световой ливень» у его читателей тоже не ассоциировался: статья о недавно вышедшей книге *должна* была вписываться в эти дискурсивные рамки [8. С. 199–200].

Говоря о поэтике критической прозы Цветаевой, нельзя пройти мимо активного проявления авторского начала в ее статьях. На рубеже XIX–XX вв. происходят важные изменения в субъектной сфере, развивается неклассический тип субъектных структур. «Речевая доминанта переносится в чужую речь», «объективность связывается не с прямым словом повествователя, а с его умением *говорить языком героев*» [24. С. 292, 297]. Эти процессы не обошли стороной и литературную критику, проявились в способах подачи материала (усиление функциональной роли «чужого» слова), в форме выражения авторского «я».

Критика Серебряного века (особенно модернистская) обращена к личности автора, к его мировоззрению, к интерпретации загадок судьбы и глубинных основ творчества. Разные формы выражения авторского сознания в критике становятся проявлением диалогичности литературно-критического текста, его обращенности к читателю, произведению и к автору-художнику (последняя направленность диалога активизируется в критике начала XX в.). Эти тенденции критики Серебряного века нашли продолжение и у Цветаевой. Нужно подчеркнуть, что введение в текст статей воспоминаний, литературных впечатлений, непосредственного переживания искусства сближает критику «с автором лирического произведения, при этом сохраняя биографическое единство с самим собою, живым человеком» [21. С. 28].

Сказанное имеет особенное значение для критики поэта. С этой точки зрения авторское «я» Цветаевой, ее «голос» – это голос человека, уверенного в том, что является ее выстраданным убеждением, вместе с тем замечен наступательный тон, тон непререкаемой и неотразимой уверенности – но не по отношению к интерпретируемому материалу, к писателю (это в практике Цветаевой проявляется редко), а в обращенности к публике, в том, как автор реализует свою волю, доказывает правоту своей позиции. Не случайно свою первую большую статью «Световой ливень» Цветаева назвала «боевой» [10. С. 679].

Сначала Цветаева как бы обрушивает на читателя сконцентрированное поэтическое свидетельство отношения Пастернака к быту, подкрепленное множеством цитат, а затем пытается осмыслить то, что она поэтически про-

демонстрировала. Неоднократное проявление уверенного «голоса» критика находит выражение в частых обращениях к читателю¹:

Господа, вы теперь знаете про Пастернака и дождь. Так же у Пастернака: с росой, с листвою, с зарей, с землей, с травой...» [10. С. 243]

Но вернемся к траве, верней шагнем за поэтом:

...во мрак, за калитку

В степь, в запах сонных лекарств...

(мяты, ромашки, шалфея)

Шалфей? Да, господа, шалфей. Поэт: как Бог, как ребенок, как нищий, не брезгает ничем» [10. С. 243].

И почти настойчивые указания-советы:

Господа, эта книга – для всех. И надо, чтоб ее все знали, эта книга для душ то, что Маяковский для тел: разряжение в действии. Не только целебна – как те его сонные травы – чудотворна [10. С. 245].

В статье «Поэт о критике» обращают на себя внимание названия глав с использованием модальных форм волеизъявления: «Не *может быть* критиком...», «Не *смеет быть* критиком...», «Чем *должен быть* критик» (курсив наш. – К.В.).

Чеканные афористичные формулировки в этой же статье похожи на отповедь противников (связанную, очевидно, с отчужденностью Цветаевой в эмигрантской среде):

Не вправе судить поэта тот, кто не читал каждой его строки [10. С. 276].

Вот вам мой стих. Он вам нравится или не нравится, доходит или не доходит, «красив» (для вас) или некрасив. Но хорош он, как стих, или плох, могут сказать только знаток, любящий и... мастер [10. С. 280].

Чем рассказывать мне, что в данной вещи хотела дать – я, лучше покажи мне, что сумел от нее взять – ты [10. С. 296].

Или в статье «Мой ответ Осипу Мандельштаму»:

Это не шум Времени. Время шумит в прекрасной канунной поэме Маяковского «Мир и Война», в «Рабочем» Гумилева, в российских пожарах Блока. <...> Шум времени Мандельштама – оглядка, ослышка труса [10. С. 315].

В статье «Эпос и лирика современной России» тон непререкаемой уверенности задан начальной фразой:

¹ В литературно-критическом эссе выделяют целую систему речевых средств формирования и программирования читательской реакции, к которым относят «цепной ряд вопросов, призывающих адресата остановиться, задуматься над истинностью, правомерностью общепринятой точки зрения», создание «эффекта присутствия» читателя в характеризуемой ситуации, «предъявление непосредственного плана действий, следуя которому читатель сам получит запрограммированное автором умозаключение» [25. С. 32–33]

Если я, говоря о современной поэзии России, ставлю эти два имени рядом, то потому, что они рядом стоят [10. С. 375].

Цветаева внедряет свою позицию и через такие лексические формы, которые призваны обратить внимание читателя:

Напоминаю, что губка Пастернака – сильно окрашивающая [10. С. 382].

Маяковскому в России только один – ровня. (Не говорю: в мире, не говорю: в слове, говорю: в России.) Если тот был «хлеба», этот был «зрелищ», то есть первым шагом души из хлеба, первой новой российской душою. Маяковский первый новый человек нового мира, *первый грядущий*. Кто этого не понял, не понял в нем ничего [10. С. 391].

Теперь прошу о предельном внимании [10. С. 392].

В общем объеме информации литературно-критического текста, согласно лингвистическим исследованиям, важная роль принадлежит как внутритекстовой информации, так и информации, привносимой из других текстов, т.е. гипертекстовой [26. С. 107]. Но поскольку основным средством привнесения гипертекстовой информации выступают художественные цитаты, то введение художественной цитаты в подменяющей функции (т.е. мысли об объекте анализа формулируются за счет «чужого слова») приводит к росту содержательно-концептуальной информации литературно-критического текста¹ [26. С. 111]. Таким образом увеличивается художественность литературно-критического текста.

С актуализированного на рубеже XIX–XX вв. символистами понимания критики как творчества связано усиление смысловой и структурной значимости художественного элемента (особая роль цитатности, синтетическая жанрово-стилевая структура критического текста, свободно включающего элементы дневника, мемуаров, философского эссе и т.д.). В их статьях усиливаются образность, ассоциативный характер доказательств, пропуск объяснительных звеньев, уменьшается дистанция между языком литературы и мета-языком ее описания, как следствие – недоговоренность и многозначность самих критических статей. В интерпретациях преобладает художественно-авторское (трансформирующее) начало, свидетельствующее не столько о предмете истолкования, сколько о воззрениях и субъективных взглядах *автора-критика*. При этом открытое выражение авторского «я» (в форме 1-го лица единственного числа) не становится единственной и определяющей формой.

Критик-художник обнаруживает себя и в уменьшении доли интерпретирующе-оценивающего авторского пласта и увеличении «чужого» слова в тексте статей. Критик при этом выступает своеобразным стилизатором, говорящим на языке рассматриваемого произведения. Типичные критики-художники – К. Бальмонт, А. Блок, М. Волошин, И. Анненский; в отдельные периоды творчества и в разных жанрах в этой роли могли выступать Д. Мережковский, А. Белый, З. Гиппиус. В перечисленном ряду для Цветаевой как

¹ Содержательно-концептуальная информация (СКИ) – термин И.Р. Гальперина [27. С. 28].

критика особым авторитетом обладали Бальмонт и Волошин¹. Их тексты должны рассматриваться наравне с поэзией и прозой.

Критические статьи Цветаевой также полны «чужих» слов, реминисценций, аллюзий. И этой особенностью она продолжала традиции Серебряного века. Щедро используя в любой статье поэтический материал, Цветаева хотела быть доказательной, с другой стороны, это работало на повышение художественности, размывало строгие дискурсивные рамки и делало ее критическую эссеистику своеобразной лирической эссеистикой. Принцип количественно большего включения стихотворного материала в статью даже однажды был сформулирован ею в письме к Г.П. Федотову от 26 (?) ноября 1932 г.:

В Тургеневской библиотеке я не записана. Так что обращаюсь к Вам с просьбой: достать что можете. Чем больше достанете – тем живее будет вещь (о стихах можно писать только на примерах, т.е. возможно меньше говоря, возможно больше давая говорить) [17. С. 566].

Такой принцип восходил не только к символистам, но и к Белинскому. «В статьях Белинского о поэзии (на всех этапах его бурной эволюции) стихотворный текст не только занимает большое место, но и пользуется правом безоговорочной «неприкосновенности», что связано с осознанием специфики поэтической мысли и непереводаемости ее в иной способ выражения» [21. С. 85].

Наиболее значительные статьи завершаются именно стихотворными цитатами. Вот концовка статьи «Эпос и лирика современной России»:

Для песни нужен тот, кто наверное уже в России родился и где-нибудь, под великий российский шумок, растет. Будем жить.

...Ты спал, постлав постель на сплетне,
Спал и, оттрепетав, был тих.
Красивый, двадцатидвухлетний,
Как предсказал твой тетраптих.
Ты спал, прижав к подушке щеку,
Спал со всех ног, со всех лодыг,
Врезаясь вновь и вновь с наскоку
В разряд преданий молодых.
Ты в них врезался тем заметней,
Что их одним прыжком достиг.
Твой выстрел был подобен Этне
В предгорье трусов и трусих.
Пастернак – Маяковскому» [10. С. 396]

А вот финал статьи «Поэты с историей и поэты без истории»:

Что оставил от поэта пятнадцатилетний молот?

¹ Книгу критической прозы Бальмонта «Горные вершины», как уже отмечалось, она особенно высоко оценивала. См. также о связи эссеистики Цветаевой с реформированием жанровой структуры критического дискурса М. Волошина [28].

Льет дождь. Мне снится, из ребят
Я взят в науку к исполину
И сплю под шум, месящий глину...

Итак, под шум серпа и молота, что рушит и строит, под звук собственных утверждений «близкой дали социализма» Пастернак спит детским, волшебным, лирическим сном.

...Как только в раннем детстве спят [10. С. 428].

Концовка статьи «Световой ливень», занимая «сильную» позицию в композиции текста, как бы подхватывает поэтическую тему, оставляя ощущение некоторой недосказанности, побуждая читателя к сотворчеству.

И никто не захочет стреляться, и никто не захочет расстреливать...
... И вдруг пахнуло выпиской
Из тысячи больниц! [10. С. 245].

Основной *принцип* поэтики литературно-критической прозы Цветаевой – принцип антиномичности. Для стилистики Цветаевой (это и свойство ее поэтического стиля) характерно постоянное со/противопоставление, охватывающее нередко весь текст. Тяготение к риторике противопоставления и сравнения в критике Цветаевой прослеживается как на уровне фрагментов отдельных работ, так и воплощается в таком редком и трудном жанре критики, как параллель¹. Обращение к этому жанру также возникло в ее творчестве не без влияния критики Серебряного века.

Критическая параллель – это статья, основанная на сравнении двух и более писателей, произведений, литературных героев, особенностей художественного мира и т.д. Основным *жанрообразующим* принципом параллели становится сравнительный анализ. Только в том случае, если сравнение охватывает весь текст, является его доминантой, определяет композицию статьи от начала до конца, обеспечивая связи между различными сопоставляемыми явлениями, можно говорить о параллели как *жанре*. Частное «вкрапление» (на микроуровне) сопоставления образует *прием* параллели. Параллель основана на одном из ведущих риторических средств – противопоставлении (антитезе). Как известно, именно антитеза позволяет ярче оттенить противоположные качества явлений; сопоставляя контрасты, мы лучше воспринимаем присутствие качеств в одном предмете и отсутствие в другом. Антитеза как риторический прием, организующая весь текст статьи (на макроуровне), становится ведущим композиционным принципом параллели. В этом жанре критик использует композиционные возможности со- и противопоставлений, позволяющие говорить о чертах конкретных различий, о точках соприкосновения творческих явлений и индивидуальностей.

¹ Параллель, как известно, имеет древние традиции в философии, публицистике, риторике, литературе. Обычно самым знаменитым истоком называют «Сравнительные жизнеописания» Плутарха, оказавшие воздействие на европейскую науку и литературу. Русская критическая мысль, тесно связанная с западноевропейской, воспринимала и методологические возможности сопоставлений.

В эпоху Серебряного века с его широкой обращенностью к русской и мировой культуре этот жанр получает новую жизнь, активизируясь в критике самых разных направлений. Приведем несколько характерных названий статей-параллелей и книг-параллелей: А. Белый. «Ибсен и Достоевский», «Трагедия творчества», «Достоевский и Толстой», Вяч. Иванов «Ницше и Дионис», «Вагнер и Дионисово действо»; М. Волошин. «Эмиль Верхарн и В. Брюсов», «Л. Андреев и Ф. Сологуб»; К. Бальмонт. «Шелли и Байрон»; Розанов. «Толстой и Достоевский об искусстве», «Белинский и Достоевский», «Пушкин и Лермонтов»; Л. Шестов. «Шекспир и его критик Брандес», «Добро в учении гр. Толстого и Ницше», «Достоевский и Ницше»; Воровский. «Базаров и Санин», «Две матери», «К. Маркс и Лев Толстой», «Толстой и г. Горький», Н. Абрамович «Религия красоты и страдания. О. Уайльд и Достоевский»; А.К. Закржевский. «Религия. Психологические параллели»; А.С. Глинка (Волжский) «Достоевский и Чехов. Параллель»; В. Полонский. «О Леониде Андрееве и Федоре Сологубе» и т.д.

Критика Серебряного века, как можно заметить, разнообразила этот жанр, вводя сопоставление типа «писатель – философ», «писатель – художник», русско-зарубежные сопоставления (особенно у М. Волошина, К. Бальмонта); в объект сопоставления включаются мифологические образы и эстетические понятия (Дионис, мистерия и т.д.).

Стремление символистов к широкой сопоставительности, к выстраиванию различных типологических связей, поиску предшественников в литературе вызвало активизацию в их творчестве параллели как *приема* и *жанра*. Особенно заметное место параллели заняли у Д.С. Мережковского¹, М.А. Волошина. Их опыт Цветаева, несомненно, учитывала.

Законченное выражение параллель получила в статье «Эпос и лирика современной России». В письме к Г.П. Федотову она просит разрешить писать не обзор современной советской поэзии, а именно сопоставление Маяковского и Пастернака [17. С. 568].

Статья Цветаевой – это редкий пример, когда практически в полной мере композиционно (на всех уровнях композиции) прослеживается со/противопоставление. Это сопоставление на уровне отдельных соседних предложений с использованием точно найденных индивидуальных контрастов:

«Маяковский отрезвляет. Пастернак завораживает.
Когда мы читаем Маяковского, мы помним всё, кроме Маяковского.
Когда мы читаем Пастернака, мы всё забываем, кроме Пастернака
[10. С. 384].

¹ Самое заметное место параллель заняла у Д. Мережковского, в творчестве которого прослежен переход от приема к параллели как жанру. Литературная параллель представлена у Мережковского в «чистом» виде: критическая монография-параллель «Лев Толстой и Достоевский», статьи-параллели «Горький и Достоевский», «Чехов и Горький», «Суворин и Чехов», «Две тайны русской поэзии (Некрасов и Тютчев)» и др. Внешним «опознавателем» жанра выступают контрастные (бинарные) оппозиции в названиях статей. Но у Мережковского много и частных контрастных параллелей, на которых строятся внешне монографические статьи. М. Цветаева признавалась в одном из писем 1923 г.: «Я Мережковского знаю и люблю с 16 лет», когда-то к нему писала (об этом же!) и получила ответ, – милый, внимательный, от равного к равному, хотя ему было тогда 40 лет (?) и он был Мережковский, а мне было 19 лет – и я была никто» [29. С. 561]. Так, опыт Мережковского-критика отзывается в том, что композиционно сопоставление биографий поэтов отделяется от сравнения их творчества.

Почти каждый абзац содержит противопоставление Пастернака и Маяковского:

Пастернак не хотел славы. Может быть, боялся сглазу: повсеместного, непричастного, беспредметного глаза славы. Так Россия должна беречься Интуризма.

А Маяковский ничего не боялся, стоял и орал, и чем громче орал - тем больше народу слушало, чем больше народу слушало, тем громче орал - пока не доорался до «Войны и мира» и многотысячной аудитории Политехнического музея - а затем и до 150-миллионной площади вся России. (Как про певца - выпелся, так про Маяковского: выорался.)

У Пастернака никогда не будет площади. У него будет, и есть уже, множество одиноких, одинокое множество жаждущих, которых он, уединенный родник, поит. Идут за Маяковским и по Пастернака, как в неведомом месте по воду, куда-то по что-то – достоверно, но где? но что? – сущее, ошупью, наугад, каждый своим путем, все врозь, всегда вразброд. На Пастернаке, как на ручье, можно встретиться, чтобы вновь разойтись, каждый напившись, каждый умывшись, унося ручей в себе и на себе. На Маяковском же, как на площади, либо дерутся, либо спеваются [10. С. 377–378].

Статья Цветаевой строится по принципу градации, все большего накопления контрастных особенностей. На уровне общей композиции статьи идет сравнение биографий поэтов, воздействие поэтов на публику характеру их тем, отношению читателей к их поэзии, отношению поэтов к России. В конце эссе Цветаева говорит о родстве поэтов, но это общее (Пастернак и Маяковский «оба за новый мир») является общим только на первый взгляд. По Цветаевой, «единомыслие – не мера сравнения двух поэтов». Поэтому Маяковский и Пастернак связаны «только одной наличностью – силы» и общим отсутствием «пробега песни» [10. С. 396].

Проделанный анализ позволяет аргументированно подчеркнуть тесную связь цветаевской критической прозы с традициями модернизма – прежде всего с традициями символистского литературно-критического творчества. Статьи Цветаевой обнаруживают в той или иной мере преемственность с принципами субъективно-художественной критики Д.С. Мережковского, импрессионизмом Бальмонта, М. Волошина. Подобно тому, как в художественном творчестве (лирической, драматической и эпической поэзии) Цветаева усваивала литературный материал предшественников (или даже «присваивала», как обозначил особенность Цветаевой Майкл Мейкин в книге «Poetics of Appropriation») [30], так и в литературно-критической эссеистике она усваивает и перерабатывает модернистские критические приемы и жанровые формы, доводя их до предельной трансформации. Вместе с тем Цветаева не превращалась в эпигона символистской критики, а продолжала ее традиции в постсимволистский период, сохраняя свой «голос», тон непререкаемой и неотразимой уверенности в рассуждениях о художниках и искусстве. Важнейшей особенностью («принципом») ее поэтики становится принцип антиномичности, тяготение к риторике со/противопоставлений на уровне как отдельных фрагментов, так и целых жанровых форм, чем и объясняется активизация жанра параллели в ее творчестве.

Литература

1. *Karlinsky S. Marina Cvetaeva. Her life and Art.* Berkeley and Los Angeles University of California Press 1966; русский перевод: *Карлинский Саймон.* Марина Цветаева: ее жизнь и творчество. М.: Дом-музей Марины Цветаевой, 2015.
2. *Maciejewski Z. Proza Maryny Cwietajewej jako program i portret artysty.* Warszawa: Państwowe wydawnictwo naukowe, 1982.
3. *Кудрова И.В.* Просторы Марины Цветаевой: Поэзия, проза, личность. СПб.: Вита Нова, 2003.
4. *Купченко В.* Образ М. Волошина в прозе М. Цветаевой // *Wiener Slawistischer Almanach.* Sonderband 32. Wien, 1992. S. 161–170.
5. *Ляпон М.В.* Проза М. Цветаевой: Опыт реконструкции речевого портрета автора. М.: Языки славянских культур, 2010.
6. *Казнина О.А.* Проза Марины Цветаевой // *Русская литература 1920–1930-х годов: Портреты прозаиков:* в 3 т. Т. 1, кн. 2. М., 2016. С. 807–829.
7. *Зельдович М.Г.* В поисках закономерностей: О литературной критике и путях ее изучения. Харьков: Изд-во Харьков. ун-та, 1989.
8. *Шевеленко И.Д.* Литературный путь Цветаевой: Идеология – поэтика – идентичность автора в контексте эпохи. М.: Новое лит. обозрение, 2015.
9. *Цветаева М.И.* Письма 1924–1927. М.: Эллис Лак, 2013.
10. *Цветаева М.* Собрание сочинений: в 7 т. Т. 5: Автобиографическая проза. Статьи. Эссе; Переводы. М.: Эллис Лак, 1994.
11. *Жуковский В.А.* Эстетика и критика. М.: Искусство, 1985.
12. *Канунова Ф.З., Янушкевич А.С.* Своеобразие романтической эстетики и критики В.А. Жуковского // *Жуковский В.А. Эстетика и критика.* М., 1985.
13. *Казаркин А.П.* Русская литературная критика XX века. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2004.
14. *Мережковский Д.С.* Эстетика и критика: в 2 т. Т. 1. Москва: Искусство; Харьков: Фолио, 1994.
15. *Крылов В.Н.* Поэт и критик (М. Цветаева и В. Брюсов) // *Если душа родилась крылатой: Вопросы цветаевского музееведения. Особенности восприятия творчества М. Цветаевой современными читателями и учеными: материалы VII Междунар. Цветаевских чтений в Елабуге.* Елабуга, 2015.
16. *Белинский В.Г.* Сочинения: в 3 т. Т. 2: Статьи и рецензии 1841–1845. М.: ОГИЗ, 1948.
17. *Цветаева М.И.* Письма 1928–1932. М.: Эллис Лак, 2015.
18. *Бродский о Цветаевой: интервью, эссе.* М.: Независимая газета, 1997.
19. *Стадников Г.В.* О специфике писательской литературной критики // *Зарубежная литературная критика.* Л., 1985. С. 3–20.
20. *Рузавин Г.И.* Методологические проблемы аргументации // *Вопр. философии.* 1994. № 12. С. 107–114.
21. *Штейнгольд А.М.* Анатомия литературной критики: (Природа, структура, поэтика). СПб.: Дмитрий Буланин, 2003.
22. *Кудрова И.В.* Марина Цветаева – рецензент поэтической книги («Световой ливень» и «Поэт-альпинист») // *Русский литературный портрет и рецензия: Концепции и поэтика.* СПб., 2000. С. 106–113.
23. *Ничипоров И.Б.* Оппозиция эпоса и лирики в призме художнического зрения: О статье М. Цветаевой «Эпос и лирика современной России». URL: <http://www.portal-slovo.ru/philology/37235.php>
24. *Бройтман С.Н.* Историческая поэтика. М.: РГГУ, 2001.
25. *Руженцева Н.Б.* Прагматическая и речевая организация русского литературно-критического эссе XX века: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Екатеринбург, 2001.
26. *Салова Г.С.* Информативные потенции цитаты в литературно-критическом тексте // *Разновидности и жанры научной прозы: Лингвостилистические особенности.* М., 1989. С. 106–119.
27. *Гальперин И.Р.* Текст как объект лингвистического анализа. М.: Наука, 1981.
28. *Войтехович Р.С.* Три заметки на тему «Цветаева и Волошин // Марина Цветаева: Личные и творческие встречи, переводы ее сочинений: Восьмая цветаевская международная научно-тематическая конференция. М., 2001: URL: <http://brb.silverage.ru/zhslovo/sv/tsv/?id=30&r=about>

29. Цветаева М.И. Письма 1905–1923. М.: Эллис Лак, 2012.

30. Мейкин Майкл. Марина Цветаева: поэтика усвоения. М.: Дом-музей Марины Цветаевой, 1997.

MARINA TSVETAeva'S LITERARY PROSE: POETICS AGAINST THE BACKGROUND OF TRADITION

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology. 2017. 47. 132–148. DOI: 10.17223/19986645/47/10

Viacheslav N. Krylov, Kazan (Volga region) Federal University (Kazan, Russian Federation). E-mail: krylov77@list.ru

Keywords: Marina Tsvetaeva, modernism, literary criticism, essay, author's spirit, citationality, opposition rhetoric, parallel.

The article studies the poetics of Marina Tsvetaeva's literary essays. It deals with such themes as Tsvetaeva's standpoint in the literary life of the 1910s, her outlook on nature and criticism objectives, relationship of the critic and the poet, and implementation of theoretical views in critical practice.

The study was conducted in order to identify the links between Tsvetaeva's patterns and literary methods and the traditions of Russian modernist critics of the early 20th century.

The objective of the study was achieved by involving structural, semiotic and biographical methods alongside with the elements of linguistic analysis of a literary and critical text as well as other interdisciplinary approaches required for the contemporary study of literary and critical text. Both Tsvetaeva's essays and her correspondence revealed after 2001 served as sources of information. The structure of the article is based on the following principle: at first, Tsvetaeva's view of criticism and critics is reconstructed, and then her theoretical position towards the characteristic methods of poetics of literary essays is described.

The article provides a number of examples to argue Tsvetaeva's commitment to literary criticism as well as her negative attitude to formal approach, vulgar and biographical, historical and genetic research methods of literary creativity.

To achieve the objective, structural, semiotic and biographical methods were used alongside with the elements of linguistic analysis of a literary and critical text. Both Tsvetaeva's essays and her correspondence served as sources of information.

It has been proved that Tsvetaeva seems to have taken the literary discourse outside the existing framework of institutional conditions and recognized the exclusive right to criticize the poetry only of a "real" poet while professional criticism was deprived of the usual status in literature.

Her critical work is associated with the category of responsibility that was important for Tsvetaeva. Detours on aesthetic themes are typical of the poetics of her essays.

Having analysed Tsvetaeva's essays, the author concludes that her spirit is strongly manifested in her criticism. Its peculiarity is expressed in the offensive tone of indisputable and irresistible confidence. Tsvetaeva's essays evolve a number of trends in the modernist criticism of the early 20th century (in the text she introduces her memoirs, personal experience and the emotions she got from a piece of art). Another form of Tsvetaeva's communication with the traditions of modernism is the semantic and structural stress on the importance of other people's texts, the special role of the poetic word in the essay, rhetoric of oppositions, and appeal to the possibilities of the genre of parallels. The findings are essential for the study of poetics criticism of the 20th century and works by Marina Tsvetaeva.

References

1. Karlinsky, S. (2015) *Marina Cvetaeva. Her life and Art*. Berkeley and Los Angeles University of California Press 1966.
2. Maciejewski, Z. (1982) *Proza Maryny Cwietajewej jako program i portret artysty* [Marina Tsvetaeva's Prose as a program and portrait of the artist]. Warsaw: Państwowe wydawnictwo naukowe.
3. Kudrova, I.V. (2003) *Prostory Mariny Tsvetaevoy: Poeziya, proza, lichnost'* [Marina Tsvetaeva's space: Poetry, prose, personality]. St. Petersburg: Vita Nova.
4. Kupchenko, V. (1992) *Obraz M. Voloshina v proze M. Tsvetaevoy* [The image of M. Voloshin in the prose of M. Tsvetaeva]. *Wiener Slawistischer Almanach*. 32. pp. 161–170

5. Lyapon, M.V. (2010) *Proza M.Tsvetaevoy. Opyt rekonstruktsii rechevogo portreta avtora* [Prose of M. Tsvetaeva. Experience in reconstruction of the speech portrait of the author]. Moscow: Yazyki slavyanskikh kul'tur.
6. Kaznina, O.A. (2016) Proza Mariny Tsvetaevoy [Prose of Marina Tsvetaeva]. In: Gacheva, A.G., Semenova, S.G. & Trubilova, E.M. (eds) *Russkaya literatura 1920-1930 –kh godov. Portrety prozaikov: V 3 t.* [Russian literature of the 1920s–1930s. Portraits of prose writers: In 3 vols]. Vol. 1. Book 2. Moscow: IWL RAS.
7. Zel'dovich, M.G. (1989) *V poiskakh zakonornostey: O literaturnoy kritike i putyakh ee izucheniya* [In Search of Regularities: On Literary Criticism and Ways of Studying It]. Kharkov: Kharkov State University.
8. Shevelenko, I.D. (2015) *Literaturnyy put' Tsvetaevoy: Ideologiya – poetika – identichnost' avtora v kontekste epokhi* [Tsvetaeva's Literary Path: Ideology – poetics – author's identity in the context of the epoch]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie.
9. Tsvetaeva, M.I. (2013) *Pis'ma 1924–1927* [Letters of 1924–1927]. Moscow: Ellis Lak.
10. Tsvetaeva, M. (1994) *Sobranie sochineniy: V 7 t.* [Works: in 7 vols]. Vol. 5. Moscow: Ellis Lak.
11. Zhukovskiy, V.A. (1985) *Estetika i kritika* [Aesthetics and Criticism]. Moscow: Iskusstvo.
12. Kanunova, F.Z. & Yanushkevich, A.S. (1985) *Svoeobrazie romanticheskoy estetiki i kritiki V. A. Zhukovskogo* [The Originality of Romantic Aesthetics and Criticism of V.A. Zhukovsky]. In: Zhukovskiy, V. A. *Estetika i kritika* [Aesthetics and Criticism]. Moscow: Iskusstvo.
13. Kazarkin, A.P. (2004) *Russkaya literaturnaya kritika XX veka* [Russian Literary Criticism of the 20th Century]. Tomsk: Tomsk State University.
14. Merezhkovskiy, D.S. (1994) *Estetika i kritika. V 2-kh t.* [Aesthetics and criticism. In 2 volumes]. Vol. 1. Moscow: Iskusstvo; Kharkov: Folio.
15. Krylov, V.N. (2015) [Poet and critic (M. Tsvetaeva and V. Bryusov)]. *Esli dusha rodilas' krylatoy; Voprosy tsvetaevskogo muzevedeniya. Osobennosti vospriyatiya tvorchestva M.Tsvetaevoy sovremennymi chitatel'nyami i uchenymi* [If the soul was born winged; Questions of Tsvetaeva museology. Features of the perception of creativity of M. Tsvetaeva by modern readers and scholars]. Proceedings of VII international Tsvetaeva Readings in Elabuga Elabuga: ELTIK. (In Russian).
16. Belinskiy, V.G. (1948) *Sochineniya v trekh tomakh* [Works in 3 vols]. Vol. 2. Moscow: OGIZ.
17. Tsvetaeva, M.I. (2015) *Pis'ma 1928–1932* [Letters of 1928–1932]. Moscow: Ellis Lak.
18. Brodsky, J. (1997) *Brodskiy o Tsvetaevoy: interv'y, esse* [Brodsky about Tsvetaeva: interviews, essays]. Moscow: Nezavisimaya gazeta.
19. Stadnikov, G.V. (1985) O spetsifike pisatel'skoy literaturnoy kritiki [On the Specificity of Writer's Literary Criticism]. In: Stadnikov, G.V. et al. *Zarubezhnaya literaturnaya kritika* [Foreign Literary Criticism]. Leningrad: LSPI.
20. Ruzavin, G.I. (1994) Metodologicheskie problemy argumentatsii [Methodological problems of argumentation]. *Voprosy filosofii*. 12. pp. 107–114.
21. Shteyngol'd, A.M. (2003) *Anatomiya literaturnoy kritiki (Priroda, struktura, poetika)* [Anatomy of literary criticism (Nature, structure, poetics)]. St. Petersburg: Dmitriy Bulanin.
22. Kudrova, I.V. (2000) Marina Tsvetaeva – retsenzent poeticheskoy knigi ("Svetovoy liven'" i "Poet-al'pinist") [Marina Tsvetaeva – reviewer of a poetic book ("Light showers" and "Poet-climber")]. In: Perkhin, V.V. (ed.) *Russkiy literaturnyy portret i retsenziya: Kontseptsii i poetika* [Russian literary portrait and review: Concepts and poetics]. St. Petersburg: St. Petersburg State University.
23. Nichiporov, I.B. (n.d.) *Oppozitsiya eposa i liriki v prizme khudozhnicheskogo zreniya. O stat'e M.Tsvetaevoy "Epos i lirika sovremennoy Rossii"* [Opposition of the epic and lyrics in the prism of artistic vision. About the article by M. Tsvetaeva "Epos and the lyrics of modern Russia"]. [Online] Available from: <http://www.portal-slovo.ru/philology/37235.php>.
24. Broymann, S.N. (2001) *Istoricheskaya poetika* [Historical poetics]. Moscow: RSUH.
25. Ruzhentseva, N.B. (2001) *Pragmaticheskaya i rechevaya organizatsiya russkogo literaturno-kriticheskogo esse XX veka* [Pragmatic and verbal organization of the Russian literary critical essay of the 20th century]. Abstract of Philology Dr. Diss. Ekaterinburg.
26. Salova, G.S. (1989) Informativnye potentsii tsitaty v literaturno-kriticheskom tekste [Informative Potential of Citations in the Literary-Critical Text]. In: Tsvilling, M.Ya. (ed.) *Raznovidnosti i zhanry nauchnoy prozy: Lingvisticheskie osobennosti* [Varieties and genres of scientific prose: Linguostylistic features]. Moscow: Nauka.

-
27. Gal'perin, I.R. (1981) *Tekst kak ob'ekt lingvisticheskogo analiza* [Text as an object of linguistic analysis]. Moscow: Nauka.
28. Voytekovich, R.S. (2001) [Three notes on the topic "Tsvetaeva and Voloshin"]. *Marina Tsvetaeva: Lichnye i tvorcheskie vstrechi, perevody ee sochineniy* [Marina Tsvetaeva: Personal and creative meetings, translations of her works]. 8 Tsvetaeva international conference. [Online] Available from: <http://brb.silverage.ru/zhslovo/sv/tsv/?id=30&r=about>. (In Russian).
29. Tsvetaeva, M. I. (2012) *Pis'ma 1905–1923* [Letters of 1905–1923]. Moscow: Ellis Lak.
30. Meykin, M. (1997) *Marina Tsvetaeva: poetika usvoeniya* [Marina Tsvetaeva: poetics of assimilation]. Moscow: Dom-muzey Mariny Tsvetaevoy.

УДК 821.161.1

DOI: 10.17223/19986645/47/11

В.А. Суханов, А.И. Щербинин

**ЖИЗНЬ И СМЕРТЬ «СИБИРСКИХ АФИН»:
ПРОБЛЕМА ЖИЗНЕННОГО ЦИКЛА МЕТАФОРИЧЕСКОГО
ТОПОНИМА В РАЗЛИЧНЫХ ДИСКУРСАХ XX – НАЧАЛА XXI в.**

В статье рассматривается историческое функционирование регионального метафорического топонима «Томск – Сибирские Афины» в прозаическом, поэтическом, публицистическом, официально-деловом и эпистолярном дискурсах XX – начала XXI вв. Выявляется генезис метафорического топонима, формирование символического ядра концепта, устанавливается зависимость ее жизненного цикла от типа дискурса, в котором она функционирует, исследуются социально-исторические причины утраты символического содержания и превращения в клише и штамп.

Ключевые слова: Томск, Сибирские Афины, метафорический топоним, жизненный цикл метафоры, концепт, дискурс, историческое функционирование.

К истории одного заблуждения

Как известно, первое именование Томска «Сибирскими Афинами» приписывают путешественнику князю К.А. Вяземскому, который прибыл в Томск 19 июля 1891 г. и провел в городе несколько дней. Многочисленные открытые интернет-источники отсылают к публикациям в неких московских географических журналах и даже приводят цитаты из этих публикаций князя как подтверждение достоверности: «Томск, один из самых больших городов Сибири, расположен на берегу реки Томи, на возвышенности. Посреди города – небольшой холм, с него виден весь город. Это всё очень напоминает Акрополь Афинский; тот тоже возвышается посреди города» [1, 2].

Неточность и приблизительность подобного цитирования опровергает небольшая статья историка, краеведа А. Хахалкина «Томск в 1891 году. По путевым запискам князя К.А. Вяземского», опубликованная во втором номере краеведческого альманаха «Сибирская старина» за 1993 г. [3]. А. Хахалкин приводит текст записок «Путешествие по Азии верхом» по журналу «Русское обозрение» за 1894 г., где в номерах 9 и 10 они были опубликованы, замечая, что «публикацию своих путевых заметок автору закончить не удалось, около 40 тетрадей объемом в 2448 страниц хранятся в отделе рукописей Государственной библиотеки им. В.И. Ленина» [3. С. 13]¹.

Полностью приведенный краеведом фрагмент подлинника выглядит так: «Томск, один из самых больших городов Сибири, расположен на берегу реки Томи, на возвышенности, но окружен еще большими возвышенностями, так, что издали на него вида ниоткуда нет. Посреди города – небольшой холм (к несчастью, весь застроен); с него виден весь город. Это напоминает немного (конечно, в банальном виде) Акрополь Афинский; тот тоже возвышается по-

¹ Ныне Российская государственная библиотека.

среди города. Но греки, ценители красоты, ничем его не застроили, и вид отсюда чудесный. Чего бы не сделали с этой горой французы или немцы, если бы Томск им принадлежал! Тут раскинулись бы и сады, построились бы беседки, разные биргалле... У сибиряков же тут сарай, лачуги да помойная яма. К удивлению местных жителей, я простоял около четверти часа близ этой помойной ямы, любуясь красивой панорамой. Они никак не могли понять, что я там смотрю, и некоторые заподозрили, не хочу ли я что-нибудь стащить» [3. С. 13]. Далее князь К.А. Вяземский упоминает влюбленность обывателей в свой город, описывает, какую еду они употребляют в пищу, качество рыбы и рыбалку с детальным указанием количества выпитого, отмечая при этом и качество водки, и культуру питания. При этом, как замечает А. Хахалкин, «во время пребывания автор ни разу не поинтересовался ни об университете, ни о строящемся соборе», замечая, что «и такие воспоминания представляют для нас значительную ценность» [3. С. 13].

Таким образом, статус утверждения, что именно князь К.А. Вяземский назвал Томск «Сибирскими Афинами», не подтвержден документально и относится, скорее, к области локальной мифологии. Возможно, это именование где-то и находится в неопубликованных записях князя К.А. Вяземского, но это уже другая история¹.

Отсутствие документальных источников делает непроясненным контекст, в котором было рождено именование и сопоставление, а, соответственно, и стоящий за ним образ изначально был многозначен в силу этой неопределенности, а смысл его «затемнен» или, скорее, пуст (не ясно, Афины какого периода имел в виду князь – греческого или римского, расцвета или упадка, по какому основанию он строил аналогию и т.д.). В процессе исторического функционирования все это породило массу интерпретаций, стремившихся заполнить образ, выступивший в ситуации смысловой неопределенности в роли мифологического концепта, который, как известно, подобен двуликому Янусу: он и смысл, и форма, заполнен и пуст одновременно [5. С. 242].

Классический период

Исторически выкристаллизовались и «отстоялись» две версии. В первой, которую условно можно назвать «акропольской», именование «Сибирские Афины» непосредственно не связано с императорским университетом, а возникло под впечатлением от томского «акрополя» – холма, на котором сегодня находится реставрированный деревянный «кремль» и который немного напоминал К.А. Вяземскому «в банальном виде» Акрополь Афинский. Упоминание о «банальном виде» предполагает намеренно сниженный вариант отда-

¹ Именно это обстоятельство позволяет алтайским краоведам с опорой на опубликованные «Воспоминания П.П. Семенова-Тян-Шанского» вступить в соперничество с Томском за статус «Сибирских Афин». Во-первых, воспоминания написаны в 1856–1857 гг., т.е. раньше, а во-вторых, в них есть прямое указание на Барнаул как сибирские Афины. Вот что писал географ и путешественник П.П. Семенов-Тян-Шанский: «Одним словом, Барнаул был в то время, бесспорно, самым культурным уголком Сибири, и я прозвал его сибирскими Афинами, оставляя прозвание Спарты за Омском... Но, конечно, между этими городами и древними городами Греции было различие, пропорциональное различию культуры Сибири в половине XIX века от культуры древней Греции. Да и сибирская Спарта, при грубости ее воинственных нравов, не имела спартанской чистоты и безупречности, а в сибирских Афинах были свои темные стороны» [4].

ленного сходства между Афинами и Томском на том только основании, что и там и там посередине города находится холм, поскольку по другим основаниям Томск с Афинами не сравнивается. При этом холм в Афинах не застроен, оставлен для созерцания окружающей красоты, а в Томске «тут сарай, лачуги да помойная яма». Если сопоставить высказывания князя К.А. Вяземского о Томске с высказыванием П.П. Семенова-Тян-Шанского о Барнауле, то инвариантом обоих выступит эстетический принцип красоты: созерцания онтологической красоты у К.А. Вяземского и бытовой эстетики у П.П. Семенова-Тян-Шанского. Очевидно, что ни то, ни другое не имеет отношения к университетской образованности, а особенность приписываемой князю К.А. Вяземскому номинации заключаются в том, что «афинность» Томска – пространственный образ, не предполагающий какой-либо символики.

Следы этой же «акропольской» версии можно обнаружить и у американского журналиста Дж. Кеннана, который отметил, что центр Томской губернии того времени отличался от соседних городов и производил на путешественников впечатление вполне культурного города. Дж. Кеннан, позиционировавший Сибирь исключительно как место ссылки, писал: «Томск – город в 31 000 жителей, и по величине, и по значению считается вторым в Сибири, но по предприимчивости, интеллектуальному развитию, благосостоянию населения он мне кажется первым» [6. С. 44].

При этом Дж. Кеннан особенно подчеркивал привнесенный характер культуры и роль административно-ссылных революционеров в облике Томска. По его мнению, при разумном управлении и при минимуме запретов Томская губерния вполне могла бы соперничать с любым северо-западным американским штатом [6. С. 45], если бы не парадоксы сибирского быта: на одну деревню приходилось три питейных заведения и в то же время одна школа на тридцать деревень в Западной Сибири! Остается только догадываться, каким контекстом обусловлено скептическое отношение Дж. Кеннана к сообщению даже не о скором открытии Томского университета, а к нему самому, поскольку без комментариев он назвал его «пресловутым».

Другая версия связывает первичное метафорическое именование Томска с открытием первого сибирского университета. Именно этот смысл «вкладывался» в образ «Сибирских Афин» промышленным и культурным сообществом не только в Томске, но и за Уралом: сибирские промышленники, купечество и горожане охотно инвестировали средства в знание и новую культуру. Университет как учебное заведение, явление редкое для России того времени, оказался важен как основа объединения, но более значимым становится университет как символ *другого образа жизни, другого будущего*, консолидировавший сибиряков на почве новой культурно-образовательной идентичности, возможности организации иной, цивилизованной жизни в Сибири. Открытие университета выступило катализатором деятельности самой образованной части тогдашнего общества, а Афины и Томск «породнились» в сознании сибиряков именно на «умной», университетской почве.

Университет становится и *знаком*, знаменем просвещения, и *реальной материальной и культурной средой*, в которой составляющие ее жители Томска стремились не просто превзойти проекты и социальные практики,

бытовавшие в то время в Сибири, но и в России. Сюда можно отнести и первое в России здание, специально построенное для проживания студентов, – Дом студента, Ботанический сад, заложенный П. Крыловым с самым высоким в стране куполом оранжереи (превзойденным только во второй половине XX в.), планировку университетской роши – фактически воспроизводившую в модели природу севера и юга Сибири. Именно университет стал площадкой для настоящих инноваций, наглядно презентовавшихся горожанам и гостям. Это и первые газовые фонари, и первый в Сибири железобетонный мост через речку, протекавшую по Университетской роше (сохранился до сих пор), и даже гидроэлектростанция на этой речке.

К началу XX в. именно семантика этой новой идентичности «перекодирует» первоначально конкретный пространственный («акропольский») образ Томска как Сибирских Афин, наполняет его символическим содержанием, становясь ядром мифологического концепта (мифологемы, мифоконцепта) «Томск – Сибирские Афины» и вытесняя на периферию смыслового целого и социальной коммуникации «акропольский» пространственный план образа в силу отсутствия в нем символического потенциала. Пожалуй, с этого момента именование Томска «Сибирскими Афинами» становится символом образованности и просвещения, наступления новой эры в развитии Сибири. Как известно, у каждой метафоры свой жизненный цикл [7], поэтому ограниченность символического потенциала, изначально заложенная в топоним сугубо «афинскими» коннотациями, лишившими его многомерности подлинно символического образа, проявилась в дальнейшем существовании региональной мифологемы.

Годы революции и Гражданской войны не внесли ничего нового в этот образ, но актуальное содержание социальных событий оттеснило на социальную периферию идею университета, а с нею и проблему «афинности» Томска. Она вновь актуализируется почти сразу после окончания Гражданской войны, и обращающиеся к ней авторы свидетельствуют о достаточно широком распространении и укорененности в сознании образованной части России символично-поэтического уровня этого метафорического топонима.

Советский период: новые аспекты семантики

В 1925 г. в Томск приезжает поэт Леонид Мартынов, для которого образ Томска как Сибирских Афин был связан не с университетом, а с технологическим институтом (ныне Национальный исследовательский политехнический университет). Л. Мартынов так объясняет мотивы, толкнувшие его к посещению Томска: «Зачем я поехал в Томск? О, конечно, не за тем, чтобы поступать в технологический институт, из-за которого хмурый тихий Томск и получил свое прозвище: Сибирские Афины. И вовсе не для того, чтобы собрать какие-либо данные о Потанине, который умер там пять лет назад в 1920-м году, и не для того приехал я в Томск, чтобы побеседовать со старым сибирским просветителем книгоиздателем Макушиным, стоящим уже на пороге могилы. Не занимало меня даже и то, что из томского лагеря военнопленных вышел в 17-м году на свободу для последующей революционной

деятельности будущий вождь венгерской революции Бела Кун. Я был далек и от желания узнать что-либо новое о декабристах и о таинственном легендарном старце Федоре Кузьмиче. И хоть в моем командировочном удостоверении значилось, что я еду в Томск для получения новых данных о старых попытках сооружения Обь-Енисейского канала, интересовал меня даже и не этот канал. И если сказать по правде, чего я не сделал в редакции, прося командировку в Томск, то посещение Сибирских Афин, как это ни странно, было больше всего связано именно с одним из произведений Велимира Хлебникова» [8].

Таким образом, Л. Мартынова не занимает ни образовательный аспект (технологический институт), ни историко-биографический (данные о Потанине), ни интернациональный (Бела Кун), ни мистический (Федор Кузьмич), ни индустриальный (канал). Томск как сибирский город интересовал Л. Мартынова-поэта символическими образами, созданными в поэме Хлебникова «Шаман и Венера» (1912). С одной стороны, Томск становится для Л. Мартынова знаком, замещающим всю Сибирь (в поэме В. Хлебникова нет упоминаний о Томске), а с другой стороны, именно знаковость, «афинность» Томска оказывается главным, собственно поэтическим, мотивом приезда. Именно символический потенциал поэмы, «прочитанный» Л. Мартыновым, определил его интерес к Томску.

Основа стихотворного сюжета в поэме В. Хлебникова – ситуация искушения языческого Шамана богиней Венерой [9]. Образы персонажей – знаки, за которыми символически стоят два мира: восточный и европейский, дикий и культурный, две ментальности: созерцательная (шаман) и гедонистическая (Венера), суровая реальность и идеализированный текст, природа и цивилизация. Можно предположить, что Мартынов интерпретировал поэму серьезно, в то время как многие исследователи говорят о ее пародийном содержании [10].

В оценке повествователя Венера – «дева страсти», изнеженная красавица, «роскошная река», изгнанная из цивилизованного мира и противопоставляющая себя старому шаману. Для Венеры Сибирь – чуждое пространство, атрибуты которой «дикая пещера», шаман-монгол, «сибирские дикари». Для повествователя – это «глухой лес», в котором живет шаман. Для Шамана Сибирь – пространство естественной жизни, где добывают пищу в согласии с архаическими языческими духами природы.

В сюжетной ситуации поэмы Венера переживает свое изгнание апокалиптически как крушение мира: «Народ безумец, народ безбожник, / Куда идете? Оглянитесь!». Шаман, напротив, по-буддийски «неразговорчив и сердит», «угрюм, задумчив, важен», он молчит, курит трубку, «смотря в вечернее пространство». Ему нет дела до страданий изгнанной и забытой красавицы.

Но Венера соблазняет шамана готовностью остаться в Сибири для естественной жизни: «Я буду здесь бродить одна / (Ты знаешь, я ведь одинока), / Срывать цветы в густом лесу, / Вплетать цветы в свою косу. / Вдали от шума и борьбы, / Внутри густой красивой рощи / Я буду петь, собирать грибы, / Искать в лесу святого мощи, / Что может этой жизни проще?»

Доверчивый Шаман верит в искренность Венеры и откликается на это обещание «сияющей улыбкой», «глазами удовлетворенья», ритуальным тан-

цем и охотой. Удачная охота символически завершается совместной трапезой, еду для которой готовит Венера. Но поедание тотемного животного (олени), приобщение к языческим духам и плоти Сибири не может обеспечить у В. Хлебникова прочный союз двух ментальностей, двух стихий: мольбы умирающего лебедя о возвращении в цивилизацию заставляют Венеру покинуть Шамана, но она, обещая прославить его мудрость в песнях, «исчезает ласковой ошибкой».

Финал поэмы воплощает авторскую идею о невозможности союза между изнеженной гедонистической западной цивилизацией (Венера) и языческим востоком (Шаман), эгоистическим индивидуалистским (Венера) и естественным, коллективистским (Шаман). Можно предположить, что Л. Мартынова в Томске интересовала именно эта коллизия: возможность совместить европейское, культурное (Афины) и природное, аборигенное (сибирские).

Реальный Томск середины 1920-х гг. не совпал с поэтическим образом. Л. Мартынов писал: «То, что я увидел, шагая с вокзала в город, ничуть не соответствовало моим представлениям ни об Афинах, ни об хлебниковской Сибири. Над старыми добротными деревянными домами клубились печные дымы. Но вот, наконец, я достиг и царства кирпича и камня, очутившись перед строениями Университета. — Уж если приехал, то надо действовать! — сказал я себе и, стряхнув незримый груз грез и ассоциаций, вошел в Храм Науки» [8]. После разрушения поэтических иллюзий, рожденных поэмой Хлебникова, — знакомство с университетом, который еще воспринимается в духе конца XIX в. как «Храм Науки», остается для Л. Мартынова единственным утешением, но в его сознании университет как храм существует отдельно от города, сам по себе, что свидетельствует о расслоении смысла топонима на две составляющие: Томск и университет.

Начало 1930-х гг.: кузница кадров

В тридцатые годы XX в. не у дел остались промышленники и купечество, мало кого интересовали легенды о старце Федоре или Потанине, а успевший укорениться в Томске университет стал, как сегодня говорят, «конкурентным преимуществом» города, поскольку остальных преимуществ у него на тот момент не было. Роман И. Эренбурга «День второй» (1933) начинается с эпической картины строительства металлургического комбината и сопоставления истории и современности трех сибирских городов: Новокузнецка, Новосибирска и Томска. Пророчеству светлое будущее новым сибирским городам — Новосибирску и Кузнецку, повествователь отказывал в нем городу, у которого «все в прошлом», — Томску, который, несмотря на богатейшую свою историю, не вписался в цивилизационный сдвиг, происходивший в новой советской России: «Потом началась революция. Вырос Новосибирск. Покряхтев, Томск сдался. <...> Люди понаходчивей и пободрей уехали из Томска в Новосибирск, в Кузнецк или в Москву. Остались растяпы, чудаки и лишенцы» [11. С. 101].

Современная жизнь Томска изображается апокалиптически: «В голодные и холодные годы люди разбирали заборы и дома на топливо. Новых домов не построили. Построили только новый цирк. Дома гнили и падали, старые кондовые дома с резными воротами и затейливыми ставнями. Вместо тротуаров

были деревянные настилки. Они истлели. <...> На кладбище, где были похоронены Потанин и другие сибирские мечтатели, года два сряду резвились беспризорники. Они побивали все памятники. Лошади лихачей, отощав без овса, стали походить на допотопных чудовищ.<...> Судьбу различных городов легко было распознать на вокзале: достаточно было поглядеть, какой хлеб едят местные жители. Там, где люди строили гиганты, хлеб был светло-серый и нежный. В Томске хлеб был черный, мокрый и тяжелый: пятилетка обошла Томск, и Томск умирал. <...> Профессора университета между лекциями становились в очередь возле распределителей: они ждали, когда привезут хлеб. На базаре мальчишки продавали грязный сахар по кускам, и старые бабки глядели на этот сахар глазами, полными умиления. Так жил город, который должен был умереть. Его не могли спасти ни шумная история, ни строгановская библиотека, ни рвение томичан, которые проектировали постройку завода дорожных машин. Томск был в стороне и от магистрали, и от жизни. Он был осужден» [11. С. 102].

В этом контексте метафорическое именование Томска «Сибирскими Афинами» встречается всего раз, повествователь дает его в сниженном виде как шутливую самохарактеристику горожан, относящуюся к исторически завершившейся классической эпохе: «В те времена, когда люди любили не Америку, но классический стиль и велеречие, они шутя называли Томск «сибирскими Афинами» [11. С. 179]. Это, по сути, означает утрату как символического, так и пространственного уровней образа и превращение его в симулякр, поскольку за ним не оказывается никакого реального содержания.

По мысли повествователя и автора, спасительным для Томска, города на обочине индустриальных преобразований, оказывается университет, студенчество, которые дают возможность городу пережить в этом качестве «второе дыхание», «вторую жизнь», второе рождение в эпохальной ситуации творения нового социалистического мира: «Томск мог умереть, но в Томске был университет. В Томск приехали десятки тысяч студентов. Они не знали истории города <...> Они приехали, чтобы изучать физику, химию или медицину <...> Их было сорок тысяч. Среди них были буряты, остяки, тунгусы и якуты. Они знали, что через несколько лет они будут управлять страной, лечить и обучать, строить заводы, налаживать совхозы, буравить горы, чертить планы мостов и, забираясь в самую глушь необъятной страны, весело тормошить сонных людей, как тормошит их яркий день, своими лучами взламывая ставни. Так зажил Томск второй жизнью» [11. С. 183–184]. Важно, что в контексте романа университет выступает заместителем всех высших учебных заведений Томска, именно поэтому другие вузы, существовавшие в городе в тот момент, в романе не фигурируют.

Но это уже не тот университет, который в конце XIX в. делал Томск сибирскими Афинами в символическом значении образа. Причина этого в том, что модернистская эпоха творения мира требовала других смыслов. И они нашлись. Томск у И. Эренбурга предстает как фабрика естественно-научного образования масс, что соответствовало изменившемуся месту образования в обществе: в отличие от элитарного образования рубежа XIX–XX вв., новый тип образования носит массовый прагматический характер, это образование, необходимое только в той мере, в какой оно будет

способствовать индустриальному переустройству СССР, образование в сфере «позитивных» наук – физика, химия, медицина. Утрата элитарного характера образования и уникального места университета в этой системе сопровождалась и открытием новых вузов в Сибири: 1932 – образование пединститута в Красноярске, 1935 – открыт новосибирский педагогический институт, 1939 – учительский институт в Новокузнецке (Сталинске).

В отличие от И. Эренбурга, сосланный в Томск драматург Николай Эрдман в обозначении Томска еще обращается к семантике Афин. Практически в это же время, 14 декабря 1934 г., Эрдман пишет актрисе МХАТ СССР им. Горького Ангелине Степановой: «Я мало еще видел город, но кажется, это «очаровательный старик», который созвал к себе молодежь всей Сибири. Если в этом городе я буду получать Твои письма, то я заранее уверен, что даже сумею полюбить эти «Снежные Афины» [12. С. 569]. Ожидание встречи со «Снежными Афинами» для ссыльного Н. Эрдмана, исколесившего на санях Восточную Сибирь, если убрать поправку на чувства измученного человека, антропологически схожи с образным мышлением человека как такового. Н. Эрдман фиксирует в своем представлении о Томске несколько моментов: исторический возраст города («очаровательный старик»), современное его состояние («созвал к себе молодежь всей Сибири») и природное – время года («снежные Афины»). Но характер отношений с городом ставится в зависимость от отношений с А. Степановой: «Если я буду получать Твои письма...». Это условие является для Н. Эрдмана определяющим, а его отсутствие может означать совершенно иное отношение к Томску.

Образ Томска в переписке противоречив. С одной стороны, он по-домашнему близок: «...Томск мне нравится. Центральная улица похожа на школьный коридор во время большой перемены» [12. С. 570]. С другой стороны, Н. Эрдман пытается найти «Афины» в учреждениях культуры, но разочарованно пишет: «Помимо учебных заведений в городе есть цирк, кино и оперетта <...>. В здешних магазинах, кроме портретов вождей, ничем не торгуют. А томская библиотека похожа на томскую столовую – меню большое, а получить можно одни пельмени или Шолохова» [12. 572]. Провинциальная духовная нищета, где все, в том числе и культура, рассчитано не на образованную часть общества, а на массовый спрос (цирк, кино, оперетта, пельмени), становится частью Томска в сознании Н. Эрдмана.

Можно утверждать, что в тридцатые годы XX в. под воздействием конкретных социальных процессов необходимость в символическом «афинном» содержании исчезает, сам образ-символ выпадает из активного употребления, поскольку не соответствует новым реалиям жизни, превращаясь в симулякр, и перемещается на периферию социальной коммуникации в индивидуально-личностную сферу, где его смысловое наполнение трансформируется (отказ от семантики Храма, семантика массового образования) или ставится в зависимость от личных обстоятельств коммуниканта.

1940-е гг. Попытка новой номинации: Сибирский Оксфорд?

В 1940-е гг. исторически и политически обусловленная провинциальность 1930-х гг., усугубившаяся в тяжелых обстоятельствах войны, осознается научной интеллигенцией города как противоречащая реальному потенциалу университетского Томска, о чем свидетельствует беспрецедентный по времени публикации, военно-политическому контексту документ. 28 февраля 1945 г. на страницах «Известий», фактически второй газеты страны, появляется письмо томского политехника профессора И.Н. Бутакова. В этот день газеты информировали о ходе кровопролитной Кенигсбергской операции, боях за Бреслау, о том, что фактически все силы фронта и тыла сосредоточены для окончательного удара по врагу. Патриарх Алексей I сообщает Сталину о вкладе православной церкви 500 тыс. руб. в Фонд обороны.

На этом фоне «Известия» публикуют письмо профессора И. Бутакова, в котором ученый призывает восстановить былую славу Томска как научного сибирского центра, одновременно предпринимая попытку реноминации города: он предлагает новую метафору «сибирский Оксфорд», актуализируя англо-американскую семантику 1930-х гг. «К сожалению, за последние годы "сибирский Оксфорд", как именуют иногда Томск, заметно снизил свою популярность. Невыполнение плана набора новых студентов стало хроническим явлением в вузах города. Томск сильно отстал в своем развитии, в организации жилищного хозяйства и благоустройстве. Не так давно Томск прельщал молодежь широко развитой сетью культурных учреждений. Он имел театр, пять кинотеатров, студенческие клубы. Сейчас в Томске совсем нет театра, в студенческом районе нет кинематографа... приобрести нужные книги в городе практически невозможно... необходимое оборудование, даже самое простейшее, приходится добывать с большим трудом при специальных командировках в Москву или Свердловск» [13].

С точки зрения постсоветской схемы штампов об отсутствии гласности и гражданской позиции, оценки советских СМИ исключительно как органов пропаганды и коллективных доносов время, форма и канал обращения были экстраординарными (война, тоталитарный режим). Предмет обращения – быт, культура студенческого города, условия работы ученых – на первый взгляд темы не приоритетные для воюющей страны. Но страна заканчивала войну, в Томске и его вузах она видела, конечно, не Оксфорд, а «кузницу кадров», поэтому держать Томск в статусе города областного подчинения (а с августа 1944 г. Томская область уже выделилась из состава Новосибирской) с соответствующей «уездной» категорией снабжения (пельмени, портреты и Шолохов) было несправедливо и невыгодно, поэтому реакция на письмо в «Известия» была положительной. Формула «Кадры решают все» стала на долгие годы одним из ключевых партийных лозунгов, а «кузница кадров» – штампом, сохранившимся и поныне в массовом сознании. Эта расхожая метафора 1930-х гг. делала Томск равным любому другому городу советской страны, где в учебных заведениях готовились какие-либо специалисты, где из человеческого сырья выковывались кадры, прежде всего, для ключевых отраслей народного хозяйства. В послевоенный период вновь «замерцал» образ Томска, рожденный в романе «День второй» Эренбурга, где его специализация очевидна: это не гуманитарные («афинские») науки, а «кузница кадров»,

пройдя которую, они «будут управлять страной, лечить и обучать, строить заводы, налаживать совхозы, буравить горы, чертить планы мостов и, забираться в самую глушь необъятной страны» [11. С. 184].

Эта семантика сохраняется и в 1950–1960-е гг., но дополняется идеей исторической преемственности, сформулированной в образе «седого старика» Н. Эрдманом. В 1956 г. № 29 всесоюзного журнала «Огонек» выходит как спецвыпуск, посвященный Сибири, и в нем вновь обнаруживается «афинский след» в восприятии Томска. Конечно, главная его задача была пропагандистская: не просто показать массовому читателю то новое и лучшее, что происходит в крае и людях, а призвать, прежде всего, молодежь, осваивать новые районы и участвовать в создании новых производственных мощностей в соответствии с задачами шестой пятилетки. Интервью председателя правительства РСФСР М.А. Яснова задавало структуру этого спецвыпуска по отраслям экономики, а попавший в номер региональный центр представлял какое-либо направление. Позиционируя Сибирь как край не только уникальных производственных перспектив, но и с нормальными бытовыми условиями, богатый культурными учреждениями, дающий возможности для повышения образования, М.А. Яснов заявлял: «У некоторых существует такое представление, что Сибирь – страна глухая, что молодежи негде учиться. Это представление ложное. Уже сейчас Сибирь имеет отличные высшие учебные заведения и техникумы. Новосибирск, Омск, Томск, Красноярск, Иркутск – это все города с огромным количеством учащихся» [14. С. 3].

Хотя рассказ о Томске был помещен в конце спецвыпуска, но номинировался он вполне по-современному. Очерк С. Морозова назывался «Томск – город университетский» [15. С. 28–29], здесь мы вновь встречаемся с профессором Томского политехнического института И.Н. Бутаковым, но уже в роли гида по университетскому Томску. Снова возникает эрдмановский образ «чудного старика», создавшего к себе молодежь со всей Сибири: «...и старый город обернется к нам тысячеликим обликом молодости» [15. С. 28]. И. Бутаков приводит статистику – каждый десятый житель города студент вуза или техникума. И это тоже часть образа. Остается догадываться, почему Томск не подан как «вузовский» или «студенческий» (университет-то в те времена был один) город, тем более что автор очерка сам называет наряду с университетом еще пять институтов и двадцать один (!) техникум. Было ли это влияние атмосферы Томска, или рассказов Бутакова и других профессоров, или просто вытекающая из схемы спецвыпуска удачная «отстройка» темы образования в Сибири, сказать сложно.

Гуманитарной составляющей автор отводит место в рассказе о Научной библиотеке Томского государственного университета, где среди двух миллионов томов, которые, если их выставить в ряд, протянутся на тридцать километров, редчайшие издания деятелей Великой французской революции, гравюры к первым изданиям Шекспира, автографы Пушкина, Гоголя, Чернышевского. Но главное, на что обращает внимание автор очерка, сама атмосфера «научки»: «В двухсветном, пронизанном солнцем зале всегда полным-полно. Сотни голов склонились над учебниками, картами и чертежами. Геологи и почвоведы, электротехники и строители, историки и филологи получают здесь литературу по любой отрасли знания» [15. С. 29]. Дополни-

ной аргументацией становятся фотографии. С. Морозов адресует читателя спецвыпуска к четвертой странице обложки, где в студенческом читальном зале «научки» молодые люди склонились над книгами и бумагами. Кадры этого зала, снятые с балкона, казалось бы, не могут удивить – привычные по советским временам ряды столов, венские стулья, но вот что интересно – у каждого стола стоит не два, а три стула, есть один сбоку, мест не хватало настолько, что учились на приставном стуле, выкроив место сбоку стола. Это уже дух города и эпохи.

Многие фотографии, сделанные фотокорреспондентом С. Фридляндом, не вошли в этот выпуск, но позднее были опубликованы [16]. Сама семантика заглавий знакова: «Вход в Университет (цветущие яблони)»; «Студенты»; «После экзаменов можно запеть и свою студенческую песню»; «Перед экзаменами»; «Студенты идут на занятия»; «На улицах студенческого городка»; «В университетской роще. Сзади влюбленной парочки»; «Весна в Сибирском ботаническом саду». «Студенты на практике»; «Университетский городок». Фото, названное «Перед экзаменами», передает рабочую атмосферу «научки», здесь уже главное не интерьер, а лица, напряженный ритм сессии. Персонажи фото «Студенты» – преимущественно юноши, лица, позы, наклоны голов, взгляды студентов – все воплощает семантику «кузницы», выковывающей добротный продукт.

Возвращаясь к названию размещенного в «Огоньке» очерка, отметим основные составляющие образа Томска: схваченная динамика людских потоков, текущих по главному проспекту, сессия, защита дипломов, распределение воплощают модальность служения обществу, создают впечатление, что выпускники поедут на стройки и предприятия Сибири и Дальнего Востока, в города и села, обозначенные и в этом спецвыпуске. Отметим, что 1950-е гг. – это время открытия и новых образовательных учреждений в других сибирских городах: 1953 – Кемеровский педагогический институт, 1958 – год образования Новосибирского университета.

С изображения сессии начинается и стихотворение Роберта Рождественского «В Томске – экзамены» [17. С. 93–97], написанное в 1964 г.: «Томск пытит. / Напрягается Томск. / В Томске за тридцать цепляется Цельсий. / В Томске жара и волнение толп. / Сессия в Томске! / Сессия!»

Итоги учебного семестра предстают у Р. Рождественского как ключевое событие в жизни города. При этом субъект лирического высказывания категорично связывает всех жителей Томска с образованием: «Так уж начертано волей судеб, – / не принимаю / ничьих возражений: / если ты в Томске, / Ты – или студент, / или имеешь / к тому / отношение...».

Знания пронизывают все: лица студентов, воздух, асфальт, сквозь который проступают «формулы, графики и теоремы...». Лирики и физики как типичные представители интеллигенции 1960-х гг. объективированы в образах студентки-историка и студента-физика, а Томск поэт метафорически определяет как экзаменатора, размышляющего над судьбой будущих граждан страны: «неужто же выйдет / какой-нибудь толк / из этих очкариков? / Из этих девчоночек? / Неужто же это они – / исток / наук, / в которых – упрямство и дерзость?!».

Оттепельная эстетика доверия человеку определяет и финал стихотворения, в котором рефлексия города преодолевается призывом лирического субъекта к доверию молодым:

Знаешь, Томск,
Понимаешь, Томск,
назначь им свидание лет через десять.
Они
к тротуарам твоим прильнут.
И, вспоминая дни эти заново,
Всё, что ты дал им, – сполна вернут!
Так что, не дрейфь.
Принимай экзамены!

Можно говорить о том, что в 1960-е гг. обнаруживается смысловой разворот в исчезнувшем, казалось бы, образе Сибирских Афин, связанный с внесением в образ Томска не только образовательной компоненты, но и человеческого капитала. Сибирские Афины – это, прежде всего, люди, Томск начинает позиционироваться как *студенческий* город, *город молодости*.

В 1990-е гг. сфера употребления топонима переместилась в газетный дискурс, что было осознано, иронически обыграно и стало свидетельством того, что словосочетание «Сибирские Афины» превратилось в социальный стереотип. Он еще сохранял некоторую эмоциональную и ценностную определенность (социальный стереотип – «стандартизированный, устойчивый, эмоционально насыщенный, ценностно определенный образ, представление о социальном объекте» [18, 19]), но сдвиг в речевое клише, в потенциале способное перейти в разряд речевых штампов, был очевиден, что и порождало ироническое словоупотребление топонима: «Сибирские Помпеи», «Сибирские Афони». «Ох, и прав был покойный Олег Афанасьев, говоривший, что Томск – это не “Сибирские Афины”, а “сибирские афони”. Апогей “афонизации” – любой погожий вечер. По улицам бродят толпы “афонь”, сосущих пиво...» – писал еженедельник «Буфф-сад» [20]. Об этом процессе свидетельствует и политическая борьба начала 2000-х гг. в Томске, что проявилось в первую очередь в региональном газетном дискурсе, где топоним использовался как элемент коммуникативных тактик [21].

В 2000 г. в ходе политических битв за пост градоначальника в команде действовавшего тогда мэра не случайно появился слоган «Это наш город», а чтобы защититься от «посягательств» на политическую (и не только) «собственность» всевозможных разгребателей грязи, родился и второй: «Умному городу – чистые выборы». Томск стал позиционироваться как «умный город». Как пишет Н.Г. Щербинина, кампания «за чистые выборы» стала центральной для действующего мэра в борьбе за власть, Томск подавался как тонкий и живой организм, справиться с которым не по силам грубому хозяйственнику – главному оппоненту мэра-политика. Здесь команда мэра обращается к «умным» истокам: «Жители Томска – «умные». Томск есть «Сибирские Афины» (и дело не только в мощном студенческом и научном контингенте... В силу такой культурности город может принять лишь тонкого и вы-

сокообразованного «градоначальника» [22. С. 11]. Фактически наступает эра политической эксплуатации остатков символического капитала концепта.

Непосредственно в ходе кампании, после появления в рекламном политическом пространстве Томска этого слогана, в команде главного соперника пришли к мысли использовать слоган действующего мэра, но привязать его к городским реалиям: «Умному городу – чистые улицы», достойную жизнь и т.п. В ответ авторы первоначального слогана «наказали» плагиатора и выбросили от его имени фонтан вариаций: «Умному городу седина в бороду», «Умному городу двухэтажные автобусы», морской порт и т.д. [22. С. 14]. Деструктивный сценарий выборов привел к тому, что в первом туре против всех кандидатов проголосовало 40 процентов принявших участие в выборах, а во втором до одной трети. Неудивительно, что в такой обстановке у томичей возникло и сохранялось достаточно долгое время двойственное отношение к «умной» идентичности Томска.

Этот же процесс наблюдаем и в творчестве томских, и не только, писателей. Так, первая часть историко-филологического романа Ю. Щеглова «Еврейский камень, или Собачья жизнь Эренбурга» (2002), опубликованного в Израиле, названа «В сибирских Афинах». Томск предстает в двух модальностях: окрашенный в идиллические и ностальгические тональности в воспоминаниях рассказчика как университетский, прежде всего, город: «Полвека прошло, а знаменитая Университетская роща, с просвечивающим сквозь необлетевшую листву зданием, не изгладились из памяти. <...> Роща и университет – одно целое. Погружение в рощу вызывает особые чувства, а гулкий прохладный вестибюль переносит мгновенно в совершенно неведомую и неуловимо чем одухотворенную реальность» [23. С. 12–13]¹.

Но в воспоминаниях рассказчика Томск 1930-х – начала 1950-х гг. предстает далеким от просвещения и образования пространством, в котором господствует страх: «Томское НКВД не прибегало к камуфляжу, как московское... и перебрасывало заключенных с места на место не таясь, особенно летом и осенью» [23. С. 83]. «Я себе представил кошмар, который нас ожидал. Один обыск мы уже пережили, когда брали отца в январе 1933 года» [23. С. 91]. Это место негласной ссылки неугодных: «В Томск загоняли вовсе не одних евреев. Русских штрафников здесь было полно. <...> Философа и полиглотта профессора Ярошевского... пригнали из солнечного Фрунзе в сибирские Афины, чтобы не портил научный киргизский пейзаж» [23. С. 22]. В этом контексте топоним «Сибирские Афины» иронически снижен и предстает как официальный штамп. По сути, можно говорить о постепенной трансформации образа в концепт, обслуживающий региональную мифологию.

В конце 1990-х топоним исчезает из стихотворений томских поэтов и обозначение Томска как «Сибирских Афин» можно найти только в поэзии «второго» и «третьего» рядов, в том числе и в интернет-дискурсе [24]. Это не значит, что в стихах нет образов томского городского пространства [25], но это образ города индивидуально пережитый, воспринимаемый и изображаемый как часть личной духовной и эмоциональной биографии автора, не имеющей ничего общего с далекими Афинами.

¹ Далее текст цитируется по данному изданию.

Во-первых, в отличие от застывших в своей семантике «Сибирских Афин», Томск включен в поток быстро меняющейся современности и переживается в двух основных модальностях: ностальгической, сентиментальной, идеализирующих прошлое, и реалистической. Стихотворение «Город детства» В. Сердюка выходит с кратким посвящением «Томску». В пределах сюжета соединяются два пространственных образа Томска: современный Томск, где «встали новые кварталы, / подпирая облака, / встали стройные красавцы / ростом в девять этажей» [26. С. 184] и идиллическое и ностальгическое пространство детства, в которое невозможно вернуться: «Как далек ты, / город детства! / Безвозвратно. / Навсегда» [26. С. 184]. Сопоставление двух пространств, двух эмоциональных образов рождает и внутреннюю коллизию стихотворения: как примирить родное, но ушедшее с новым, но еще чужим. В финале стихотворения мотив повзрослевшего города детства снимает это противоречие: «Оглянись – / и станет сердцу / твоему / еще родней / повзрослевший город детства, / город зрелости твоей» [26. С. 186]. Идеализированный образ не имеет ничего общего ни с реальным городом, ни с сибирскими Афинами, это город прожитой и ушедшей жизни, над которым всегда «какой-то дивный свет». Особенно активно, и это объяснимо, идеализированное изображение Томска актуализируется к юбилейным датам, как было и в год 400-летия города, что проявилось в собранной к этой дате поэтической антологии «Томск – любовь моя и судьба» [27].

Но и реалистический вариант изображения современного Томска также далек от концептов образованности и мудрости. В стихотворении А. Редчица «Городской романс» он предстает смертельно больным: «Парится в своем автомобиле / Безутешный автор этих строк. / Погибает город, погибает... / От тромбоза долбанных дорог» [28. С. 31]. В стихотворении В. Антуха «Родному городу» [29. С. 50–51] образ Томска советского периода – образ пространства, в котором отсутствует связь времен, уничтожена «застывшая музыка» как носитель исторической памяти: взорван базар, на месте которого построено развлекательное учреждение – театр, «похожий на элеватор», в доме Радищева – гостиница, вместо старого кладбища – завод, даже вода ушла из Томи, потому что уничтожено ее естественное русло. И только тюрьма остается на своем месте:

Мимо тюрьмы – не бывшей,
Помнящей Короленко...
Мимо жалких домишек,
Их приютил овражек,
С расстроенным иду и злым лицом
На постылый Каштак,
Где светятся огни многоэтажек
В созвездии панельных Близнецов [29. С. 50–51].

Томск как пространство разрухи изображен и в стихотворении поэта В. Крюкова конца 1990-х гг.:

Среди разрухи городской
Ты замираешь вдруг:

Какой пугающей тоской
Глядит отверстый люк! [30. С. 42].

В сборнике А. Олеара «Оконный блюз» (2007) Томск – это пространство одиночества, где «за каждым «вместе» больше «по одному» / и пустота внутри меряется этажами» [31. С. 20]. Пустота – это не характеристика заполненности пространства, а характеристика отсутствия в нем смысла и того, что может быть отнесено к интеллектуальной и духовной жизни:

Взгляды на вещи шире, если высок этаж.
Вид отдаленных фабрик скалит гнилые зубы
Труб. Из тумана башня TV в городской пейзаж
Бесцеремонным пальцем тычет не так уж грубо [31. С. 20].

Еще жестче изображает Томск Е. Клименко:

Не город – кладбище.
Дом призраками полон.
И каждый с зеркалом играет в темноте.
И зайчик прячется в божественном зрачке.
И рамы крест гуляет в чистом поле.
И бабочка трепещет на кресте [32. С. 20].

Образ города в современной томской поэзии, в отличие от мифологического концепта, детализируется, предметом поэтической рефлексии становятся как различные знаковые места Томска (Буфф-сад, Университетская роща, Ботанический сад, Лагерный сад), знаковые события, например «Чеховские пятницы», так и улицы, переулки, окраины, деревянная архитектура, различные природные состояния (О. Афанасьев «На реке Томи ледоход»). Так, в стихотворении В. Брусьянина «В конце 80-х» Томск уподоблен Чикаго, создается образ замусоренного, пыльного, душного пространства, в котором от выхлопных газов нечем дышать: «Под вечер окраина / оттиски шин / на пыльном асфальте окурки обертки / урчанье моторов сигналы камазов / уазов и газов и прочих напротив / дыра в продтовары в листе запыленной/как тертый асфальт пересохшее небо/в жаре в духоте / в центре города полдень...» [33. С. 124].

Исторический «след», не совпадающий с семантикой Афин, обнаруживают стихотворения Г. Скарлыгина «Томск», «Мой город» [34. С. 27, 33]. В стихотворении А. Панова из сборника «Знаки судьбы» 2004 [35] поэтически воссоздана история возникновения Томска, образ города рождается на пересечении разных мотивов: вольницы, вечной молодости, книги и просвещения, умственной свободы и ссылки, подневольного труда заключенных, насилия времен гражданской войны и преступлений власти, повторяющихся из века в век. Но это и личное пространство лирического героя, в котором он дышит и любит. Хрестоматийное содержание концепта «сибирские Афины» (образование, наука) выступает лишь небольшой частью эпического образа Томска.

Я люблю тебя, город, не знаю, за что.
Я люблю тебя, город, и в прошлое верю.
Я люблю тебя, город, как цирк шапито,
И тебе поклоняюсь, как мудрому зверю.
Я иду по канату проспекта, спеша.
Я последние деньги на пиво потрачу.
Я люблю тебя, город, и плачет душа.
И уже не могу и не смею иначе.
Я жонглирую днями сгоревших годов.
Я зверей вывожу на арену урмана.
Я люблю тебя, город, средь всех городов,
Словно цирк шапито, как обман без обмана [35. С. 87].

Окончательное разрушение образа сибирских Афин обнаруживается в стихотворении Н. Конинина «Сибирские Афины», где современный Томск предстает как пространство вторжения западной культуры фаст-фуда:

Вместо снежной нежной каши
Мы в осколках кока-колы.
Мусор «маде им не наше»,
Европейские приколы [36. С. 87].

Можно говорить, что в поэтическом дискурсе «базовый миф Томска» (З.И. Резанова) окончательно разрушается, оставляя использование этого концепта уделом маргинальных жанров.

Отметим, что исчезновение реального содержания и превращение образа в симулякр было осознано именно в начале 2000-х гг., поскольку с конца XX в. дискурс «умного города» возникает практически во всех частях мира и с одновременным изменением социально-технологических практик. Поэтапно, сначала – кибергорода, затем «цифровые города», «интеллектуальные города», наконец, «умные города». Развитие концепта показывает постепенный переход от технологий к человеческим ценностям информационной эпохи [37]. «Умный город» не жесткий концепт и не лимитированные регламентом практики, поэтому у российских городов типа Томска появился шанс включиться в это движение. Но здесь уже старых брендов будет явно недостаточно, как и исключительно университетского компонента в позиционировании города, что стало очевидно к концу первого десятилетия XXI в.

В материале А. Соколовой «Бренд-нейм Томска вводит в недоумение» (27.08.2008) сообщается, что городской администрацией разработана и утверждена на собрании думы города Томска городская целевая программа «Внешнее позиционирование Томска на 2009–2011 годы», на которую из городского бюджета предполагается потратить около 25 млн руб. (разработка и производство полиграфической и сувенирной продукции с символикой города, общегородской сайт и социальная реклама о Томске). Автор приводит точку зрения заместителя мэра по информационной политике А. Севостьянова: «Мы слишком долго доказывали сами себе, что мы особенные и великие. Бренды "Сибирские Афины" и "Умный город" стали штампами и существуют только для внутреннего пользования. Мы должны продвигать наш имидж, нашу репутацию за пределами Томска» [38].

Руководитель данного проекта полагает, что формирование имиджа города в данный момент актуально как никогда, что связано с возросшей между городами России конкуренцией за ресурсы, инвестиции и человеческий капитал и, наконец, места в различных рейтингах. Вывод, который делает автор материала, – «миф о "Сибирских Афинах", который исторически достался Томску в процессе конкуренции с другими городами Сибири, постепенно теряет свою актуальность. В глобальном мире XXI века городу необходим новый имидж...» [38]. Де-факто на эту благую цель Томский «ареопаг» решил выделять по годам: 5 млн руб. в 2009 г., 8 млн руб. на 2010 г. и 12 млн руб. на 2011 г. [39]. Деньги, очевидно, невеликие для позиционирования города. Паспорт программы, вербально уйдя от «Афин», пытался синтезировать их качества в размытом конструкте «город университетов, город студентов, «умный город». Но до сих пор не забыли дорогу к «Афинам» томские чиновники, и лепятся из осколков «аффинной» метафоры, советских лозунгов и неведь чего конструкты типа «Город Томск в Сибири – Сибирские Афины. Город высокой культуры. Город больших возможностей для реализации творческих идей», как это произошло с презентацией Инвестиционного паспорта Томска [40. С. 8].

В полной мере проблема новой идентичности города проявилась и при работе над известным рекламным роликом ВВС «Учись в Томске». Его заказчикам и исполнителям пришлось «дорисовывать» понятную для молодежи всего мира составляющую образа города науки и университетов. Добавим к этому, что, по сообщению агентства РИА «Новости», ТГУ получил эксклюзивное право на публикацию манифеста «Умный город, который нам нужен» на русском языке; в нем собран опыт экспертов со всего мира по созданию комфортных условий для жизни горожан [41]. Агентство приводит высказывание французского урбаниста Николя Бушо, редактора манифеста: «Томск давно заявил себя как новые Афины в Сибири, это отсылка к классическому образованию, в то же время он имеет инновационный взгляд на современные проблемы» [41].

Таким образом, жизненный цикл метафорического топонима «Томск – Сибирские Афины» в различных дискурсах имеет и разную временную протяженность, и различный смысловой потенциал. Возникнув на основе пространственной аналогии, он достигает предела своего развития (наполняется символическим содержанием) в конце XIX в. в связи с открытием университета, на протяжении XX в. символический капитал метафоры «вымывается» и вытесняется на периферию актуальным социальным содержанием «кузницы кадров», а в постсоветский период метафора окончательно превращается в штамп. Если в художественном (поэтическом, прозаическом) и эпистолярном (личная переписка) дискурсах он утрачивает свой символический потенциал и превращается в клише, переходя в текстах второго ряда в штамп уже в 1960-е гг., то в публицистическом дискурсе он сохраняет символический статус вплоть до начала 1990-х гг.

В 2000-е гг. его перемещение из художественных в маргинальные жанры (поздравления, речи, инскрипты) и Интернет свидетельствует об окончательном исчерпывании первоначального символического капитала образа, превращении его в клише и штамп. Эти процессы обусловлены меняющейся ис-

торической, социальной (культурной, образовательной), информационной, технологической действительностью и теми новыми вызовами, которые эти изменения несут. Необходимое условие сохранения символического потенциала образа – постоянное обновление символа – оказывается невозможным в силу первоначально заложенного в топониме смыслового ограничения, не позволяющего приспособлять его к реалиям новых идентичностей. Но это не означает смысловой смерти топонима. Возможно, когда-нибудь время вновь призовет его к себе для выполнения тех задач, которым он будет соответствовать.

Литература

1. *Вяземский* Константин Александрович [Электронный ресурс]. URL: http://ru.rfwiki.org/wiki/Вяземский_Константин_Александрович (дата обращения: 10.03.2016).
2. *Вяземский* Константин Александрович [Электронный ресурс]. URL: [http://yavix.ru/Вяземский%20Константин%20Александрович%20\(%20персона%20\)](http://yavix.ru/Вяземский%20Константин%20Александрович%20(%20персона%20)) (дата обращения: 10.03.2016).
3. *Хахалкин А.* Томск в 1891 году: По путевым запискам князя К.А. Вяземского // Сибирская старина. 1993. № 2. С. 13.
4. *Семенов-Тянь-Шанский П.П.* Путешествие в Тянь-Шань [Электронный ресурс]. URL: http://www.litmir.info/data/Book/0/137000/137196/Semenov-Tyan-Shanskii_Petr_Puteshestvie_v_Tyan-Shan__Litmir.net_137196_ltr.fb2.zip (дата обращения: 12.03.2016).
5. *Барт Р.* Мифологии. М.: Изд-во им. Сабашниковых, 1996. 312 с.
6. *Кеннан Дж.* Сибирь и ссылка. Путевые заметки 1885–1886 годов: в 2 ч. СПб.: Изд. Вл. Распопова, 1906. 286 с.
7. *Уфимцев Р.* Хвост ящери: Метафизика метафоры. Калининград: Оттокар, 2010. 294 с.
8. *Мартынов Л.* Воздушные фрегаты // Сибирские огни. 2012. № 10 [Электронный ресурс]. URL: <http://old.magazines.russ.ru/sib/2012/10/m20-pr.html> (дата обращения: 16.05.2016).
9. *Хлебников В.* Шаман и Венера [Электронный ресурс]. URL: <http://rvb.ru/hlebnikov/tekst/02poemy/202.htm> (дата обращения: 24.06.2016).
10. *Турбин В.* Свободный ум [Электронный ресурс]. URL: http://ka2.ru/nauka/turbin_2.html (дата обращения: 15.04.2016).
11. *Эренбург И.* День второй // Собр. соч.: в 9 т. Т. 3. М., 1964. С. 151–360.
12. *Эрдман Н.* Переписка с А. Степановой // Николай Эрдман. Самоубийца: Пьесы. Интермедии. Переписка с А. Степановой. Екатеринбург, 2000. С. 303–582.
13. *Ученые* призывают возродить научную славу Томска [Электронный ресурс]. URL: <http://tass.ru/pobeda/fevral/1797644> (дата обращения: 04.05.2016).
14. *Сибирь* в шестой пятилетке: Беседа с Председателем Совета Министров РСФСР М.А. Ясновым // Огонек. 1956. № 29. С. 2–3.
15. *Морозов С.* Томск – город университетский // Огонек. 1956. № 29. С. 28–29.
16. *Томский* фотограф собрал коллекцию снимков Томска, сделанных в 1956 году фотокором «Огонька» [Электронный ресурс]. URL: <https://obzor.westsib.ru/news/480816> (дата обращения: 13.05.2016).
17. *Рождественский Р.* В Томске – экзамены // Над Томью серебряный город / сост. С. Федотов, Л. Яковлева. Новосибирск, 1981. С. 93–97.
18. *Шихирев П.Н.* Социальные стереотипы // Рос. социол. энцикл. / под ред. Г.В. Осипова. М., 1998. С. 538.
19. *Щекотихина И.Н.* Стереотип: аспекты и перспективы исследования // Вестн. Ленингр. гос. ун-та им. А.С. Пушкина. 2008. № 5 (19) [Электронный ресурс]. URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/stereotip-aspekty-i-perspektivy-issledovaniya> (дата обращения: 15.09.2016).
20. *Грабовский В.* Пивка для рыбка [Электронный ресурс]. URL: <http://old.duma.tomsk.ru/page/2575/> (дата обращения: 05.05.2016).
21. *Резанова З.И.* Мифологема «Томск – Сибирские Афины» в коммуникативных тактиках публицистического дискурса (на материале еженедельной периодики г. Томска) [Электронный ресурс]. URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/mifologema-tomsk-sibirskie-afiny-v-kommunikativnyh>

taktikah-publitsisticheskogo-diskursa-na-materiale-ezhenedelnoy-periodiki-g-tomska (дата обращения: 16.02.2016).

22. Щербинина Н.Г. Градоначальник «умного города», или Томские политические приколы // Политический маркетинг. 2000. № 11. С. 10–15.

23. Щеголов Ю. Еврейский камень, или Собачья жизнь Эренбурга: историко-филологический роман. Москва: Мосты культуры; Иерусалим: Гешарим, 2004. 740 с.

24. Колмаков В. Стихи о Томске [Электронный ресурс]. URL: <http://tomskiestihi.ru/articles/o-tomske/> (дата обращения: 20.09.2016).

25. Бабенко И.И. Специфика эстетической актуализации концепта город Томск в региональном поэтическом дискурсе // Вестн. Том. гос. пед. ун-та. 2011. Вып. 3 (105) [Электронный ресурс]. URL: (дата обращения: 16.02.2016).

26. Сердюк В. В обе стороны жизни: стихи. Томск, 2008. 191 с.

27. Томск – любовь моя и судьба: антология. Томск: Изд-во НТЛ, 2004. 708 с.

28. Редчиц А. Это капли дождя... Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2010. 74 с.

29. А нтух В. Знак Скорпиона: стихи. Томск, 1995. 110 с.

30. Крюков В. Линия ветра: Избранное: стихи, проза. Томск, 1999. 191 с.

31. Олеар А. Оконный блюз. Томск, 2007. 124 с.

32. Клименко Е. Все обростает солью... // Каменный мост: лит.-худож. альм. Томск, 2004. С. 236–237.

33. Бруссянин В. Стихотворения. Томск, 2001.

34. Скарлыгин Г. Ветер скитаний. Томск, 2006. 175 с.

35. Панов А. Притяжение жизни. Томск, 2007. 143 с.

36. Конинин Н. Давай нарисую... Томск: Том. ЦНТИ, 2012. 96 с.

37. Kompinos N. The age of intelligent cities: smart environments and innovation-for-all strategies. L&NY, 2015.

38. Соколова А. Бренд-нейм Томска вводит в недоумение [Электронный ресурс]. URL: <http://news.vtomske.ru/details/4137-brend-neim-tomska-vvodit-v-nedoumenie> (дата обращения: 05.05.2016).

39. О городской целевой программе «Внешнее позиционирование города Томска на 2009–2011 годы» [Электронный ресурс]. URL: <http://docs.cntd.ru/document/951825043#top> (дата обращения: 05.11.2016).

40. Инвестиционный паспорт муниципального образования «Город Томск». 2016. 23 с. (на правах рукописи).

41. ТГУ издаст русскую версию манифеста по созданию «умных городов» [Электронный ресурс]. URL: <https://www.riatomsk.ru/article/20160922/manifest-umnij-gorod-kotorij-nam-nuzhen-russkoe-izdanie-tgu/> (дата обращения: 22.09.2016).

LIFE AND DEATH OF THE “SIBERIAN ATHENS”: THE PROBLEM OF THE LIFE CIR- CLE OF THE METAPHORICAL TOPONYM IN THE DISCOURSES OF THE 20TH – EARLY 21ST CENTURIES

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology. 2017. 47. 149–170. DOI: 10.17223/19986645/47/11

Vyacheslav A. Sukhanov, Alexey I. Scherbinin, Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: slush@mail.ru / E-mail: shai52@mail.ru

Keywords: Tomsk, Siberian Athens, metaphoric toponym, life cycle of metaphor, concept, discourse, historical functioning

The paper addresses the refinement of the metaphorical genesis of the toponym “Tomsk – Siberian Athens” and the research of its socio-historical functioning in diverse discourses of the 20th and the beginning of the 21st centuries. The purpose of the paper is to research the living cycle of this metaphoric toponym in its conjunction with the main historical, esthetic, social and political processes of the time. In the paper patterns in the functioning of the toponym, such as phases of its development in artistic, journalistic, epistolary discourses are exposed, characterizing its actual state and making prognoses of its future destiny.

At the beginning of the 20th century the university semantics was at the core of the myth-concept. The opening of the university became a sign of enlightenment and a real material and cultural envi-

ronment in which the people of Tomsk sought to surpass the projects and social practices common at the time not only in Siberia, but in all Russia.

The Modern Times of world creation of the 1920s–1930s demanded new meanings. In I. Ehrenburg's novel *Den' vtoroy* [Day Two], Tomsk is a factory of scientific education for the masses, necessary because of its role in the industrial transformation of the USSR. In the same period the image of Tomsk as the Siberian Athens in the memoirs of L. Martinov and the correspondence of the playwright N. Erdman, is contradictory, it does not meet the reality, where the University exists as a temple of science, apart from the city itself, which shows the beginning of the stratification of the meaning of the toponym.

The semantic of “manpower forge” persists well into the 1950s, accompanied by the idea of a historical succession, and the attempt to rename Tomsk into the “Siberian Oxford” fails.

In the 1960s, the thaw aesthetics of man-trust (R. Rozhdestvensky, “Exams in Tomsk”) adds a new concept of Tomsk as a human capital to its educational level. Tomsk starts to be perceived as a student's city, the city of youth.

In the 1970s–1980s no new meaning are created, and in the 1990s the toponym disappears from the prose and poetry of Tomsk poets (V. Antukh, V. Brusianin, E. Klimenko, V. Kurkov, A. Olear, A. Panov, A. Redchitz, V. Serdiuk, G. Skarlygin), who perceive and depict the city as a part of their personal spiritual and emotional biography that has nothing to do with Athens. In the poetic and prosaic discourse of the 1990s–2000s (Yu. Shcheglov) the myth-concept is completely destroyed, its use becomes the lot of “second” and “third” class discourses: internet-discourse and marginal newspaper genres. The toponym still exists as a cliché in a range of official documents among Tomsk functionaries.

As such the life circle of the metaphorical toponym “Tomsk – Siberian Athens” has a varied time spread in different discourses, and a varied meaning potential. If in both the epistolary (personal correspondence) and the artistic (poetry and prose) discourses it loses its symbolic potential and becomes a cliché in the early 1960s, in the journalistic discourse it retains its symbolic status up to the beginning of the 1990s. In the 2000s it transfers from artistic to marginal genres (congratulations, speeches, inscriptions) and the internet shows that it has definitely used up its symbolic capital and has definitely become a cliché. Such a process is caused by the changing historical, social (cultural and educational), informational and technological realities and the new challenges that they bring.

References

1. Wikipedia. (n.d.) *Vyazemskiy Konstantin Aleksandrovich*. [Online] Available from: https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%92%D1%8F%D0%B7%D0%B5%D0%BC%D1%81%D0%BA%D0%B8%D0%B9_%D0%9A%D0%BE%D0%BD%D1%81%D1%82%D0%B0%D0%BD%D1%82%D0%B8%D0%BD_%D0%90%D0%BB%D0%B5%D0%BA%D1%81%D0%B0%D0%BD%D0%B4%D1%80%D0%BE%D0%B2%D0%B8%D1%87. (Accessed: 10.03.2016). (In Russian).
2. Yavix.ru. (n.d.) *Vyazemskiy Konstantin Aleksandrovich*. [Online] Available from: [http://yavix.ru/Vyazemskiy%20Konstantin%20Aleksandrovich%20\(%20persona%20\)](http://yavix.ru/Vyazemskiy%20Konstantin%20Aleksandrovich%20(%20persona%20)). (Accessed: 10.03.2016). (In Russian).
3. Khakhalkin, A. (1993) Tomsk v 1891 godu. Po putevym zapiskam knyazya K.A. Vyazemskogo [Tomsk in 1891. According to the travel notes of Prince K.A. Vyazemsky]. *Sibirskaya Starina*. 2. pp. 13
4. Semenov-Tyan-Shanskiy, P.P. (1946) *Puteshestvie v Tyan'-Shan'* [Journey to the Tien Shan]. [Online] Available from: http://www.litmir.info/data/Book/0/137000/137196/Semenov-Tyan-Shanskii_Petr_Puteshestvie_v_Tyan-Shan_Litmir.net_137196_ltr.fb2.zip. (Accessed: 12.03.2016).
5. Barthes, R. (1996) *Mifologii* [Mythologies]. Translated from English. Moscow: Izd-vo im. Sabashnikovykh.
6. Kennan, J. (1906) *Sibir' i ssylka. Putevye zametki 1885–1886 godov* [Siberia and exile. Travel notes of 1885 and 1886]. In 2 parts. Translated from English. St. Petersburg: Izdanie VI. Raspopova.
7. Ufimtsev, R. (2010) *Khvost yashcherki. Metafizika metafor* [The tail of a lizard. Metaphysics of metaphor]. Kaliningrad: Izdatel'stvo “Ottokar”.
8. Martynov, L. (2012) *Vozdushnye fregaty* [Air frigates]. *Sibirskie ogni*. 10. [Online] Available from: <http://old.magazines.russ.ru/sib/2012/10/m20-pr.html>. (Accessed: 16.05.2016).
9. Khlebnikov, V. (2014) *Shaman i Venera* [A Shaman and Venus]. [Online] Available from: <http://rvb.ru/hlebnikov/tekst/02poemy/202.htm>. (Accessed: 24.06.2016).

10. Turbin, V. (n.d.) *Svobodnyy um* [Free Mind]. [Online] Available from: http://ka2.ru/nauka/turbin_2.html. (Accessed: 15.04.2016).
11. Erenburg, I. (1964) *Sobr. soch. v 9 t.* [Works: in 9 vols]. Vol. 3. Moscow: GIKhL. pp. 151–360.
12. Erdman, N. (2000) *Samoubiytsa: P'esy. Intermedii. Perepiska s A. Stepanovoy* [Suicider: Plays. Intermedia. Correspondence with A. Stepanova]. Ekaterinburg: U-Faktoriya. pp. 303–582.
13. Tass.ru. (2017) *Uchenye prizyvayut vozrodit' nauchnuyu slavu Tomsk* [Scholars are calling to revive the scientific glory of Tomsk]. [Online] Available from: <http://tass.ru/pobeda/fevral/1797644>. (Accessed: 04.05.2016).
14. Ogonek. (1956) Sibir' v shestoy pyatiletke. Beseda s Predsedatelem Soveta Ministrov RSFSR M.A. Yasnovym [Siberia in the Sixth Five-Year Plan. Conversation with the Chairman of the Council of Ministers of the RSFSR M.A. Yasnovoy]. *Ogonek*. 29. pp. 2–3.
15. Morozov, S. (1956) Tomsk – gorod universitetskiiy [Tomsk is a university city]. *Ogonek*. 29. pp. 28–29.
16. Obzor.westsib.ru. (2016) *Tomskiy fotograf sobral kolleksiyyu snimkov Tomsk, sdelaynykh v 1956 godu fotokorom "Ogon'ka"* [Tomsk photographer collected a collection of photographs of Tomsk, made in 1956 by a photographer of "Ogonyok"]. [Online] Available from: <https://obzor.westsib.ru/news/480816>. (Accessed: 13.05.2016).
17. Rozhdestvenskiy, R. (1981) V Tomске – ekzameny [Tomsk has examinations]. In: Fedotov, S. & Yakovleva, L. *Nad Tom'yu serebryanyy gorod* [A silver city over the Tom]. Novosibirsk: Zap.-Sib. kn. izd-vo.
18. Shikhirev, P.N. (1998) Sotsial'nye stereotipy [Social stereotypes]. In: Osipov, G.V. (ed.) *Ros. sotsiologich. entsikl.* [Russian Sociological Encyclopedia]. Moscow: Norma-Infra-M.
19. Shchekotikhina, I.N. (2008) Stereotip: aspekty i perspektivy issledovaniya [Stereotype: aspects and prospects of research]. *Vestnik Leningradskogo gosudarstvennogo universiteta im. A.S. Pushkina*. 5 (19). [Online] Available from: <http://cyberleninka.ru/article/n/stereotip-aspekty-i-perspektivy-issledovaniya>. (Accessed: 15.09.2016).
20. Grabovskiy, V. (c. 2016) *Pivka dlya ryvka* [Beer for a breakthrough]. [Online] Available from: <http://old.duma.tomsk.ru/page/2575/>. (Accessed: 05.05.2016).
21. Rezanova, Z.I. (2010) *Mifologema "Tomsk – Sibirskie Afiny" v kommunikativnykh taktikakh publitsisticheskogo diskursa (na materiale ezhenedel'noy periodiki g. Tomsk)* [Mythologeme "Tomsk – Siberian Athens" in the communicative tactics of journalistic discourse (on the material of the weekly periodicals of Tomsk)]. [Online] Available from: <http://cyberleninka.ru/article/n/mifologema-tomsk-sibirskie-afiny-v-kommunikativnykh-taktikakh-publitsisticheskogo-diskursa-na-materiale-ezhenedel'noy-periodiki-g-tomsk>. (Accessed: 16.02.2016).
22. Shcherbinina, N.G. (2000) Gradonachal'nik "umnogo goroda" ili tomskie politicheskie prikoly [Mayor of a "smart city" or Tomsk political jokes]. *Politicheskii marketing*. 11. pp. 10–15.
23. Shcheglov, Yu. (2004) *Evreyskiy kamen', ili sobach'ya zhizn' Erenburga. Istoriko-filologicheskii roman* [A Jewish stone, or the dog's life of Ehrenburg. Historical and philological novel]. Moscow: Mosty kul'tury; Jerusalem: Gesharim.
24. Kolmakov, V. (n.d.) *Stikhi o Tomске* [Verses about Tomsk]. [Online] Available from: <http://tomskiestihi.ru/articles/o-tomske>. (Accessed: 20.09.2016).
25. Babenko, I.I. (2011) Spetsifika esteticheskoy aktualizatsii kontsepta gorod Tomsk v regional'nom poeticheskom diskurse [Specificity of aesthetic actualization of the concept "the city of Tomsk" in regional poetic discourse]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta – Bulletin of Tomsk State Pedagogical University*. 3(105).
26. Serdyuk, V. (2008) *V obe storony zhizni. Stikhi* [In both directions of life. Poems]. Tomsk: Krasnoe znamya.
27. NTL. (2004) *Tomsk – lyubov' moya i sud'ba. Antologiya* [Tomsk is my love and destiny. Anthology]. Tomsk: NTL.
28. Redchits, A. (2010) *Eto kapli dozhdya...* [These are raindrops . . .]. Ekaterinburg: Ural State University.
29. Antukh, V. (1995) *Znak Skorpiona. Stikhi* [The sign of Scorpio. Poems]. Tomsk: Obraz.
30. Kryukov, V. (1999) *Liniya vetra. Izbrannoe: stikhi, proza* [Wind line. Selected Works: poetry, prose]. Tomsk: Press-Integral.
31. Olear, A. (2007) *Okonnyy blyuz* [Window blues]. Tomsk: Tomsk State University.
32. Klimenko, E. (2004) *Vse obrastaet sol'yu...* [All is overgrown with salt . . .]. *Kamennyi most. Literaturno-khudozhestvennyy al'manakh*. Tomsk. pp. 236–237.

33. Brus'yanin, V. (2001) *Stikhotvoreniya* [Poems]. Tomsk: Tomsk State University.
34. Skarlygin, G. (2006) *Veter skitaniy* [Wind of wandering]. Tomsk: Krasnoe znamya.
35. Panov, A. (2007) *Prityazhenie zhizni* [The attraction of life]. Tomsk: [s.n.].
36. Koninin, N. (2012) *Davay narisuem...* [Let's draw . . .]. Tomsk: Tomskiy TsNTI.
37. Komninos, N. (2015) *The age of intelligent cities: smart environments and innovation-for-all strategies*. L&NY.
38. Sokolova, A. (2008) *Brend-neym Tomska vvodit v nedoumenie* [The brand name of Tomsk causes perplexity]. [Online] Available from: <http://news.vtomske.ru/details/4137-brend-neim-tomska-vvodit-v-nedoumenie>. (Accessed: 05.05.2016).
39. Docs.cntd.ru. (2008) *O gorodskoy tselevoy programme "Vneshnee pozitsionirovanie goroda Tomska na 2009 – 2011 gody"* [On the city target program "External positioning of the city of Tomsk for 2009–2011"]. [Online] Available from: <http://docs.cntd.ru/document/951825043#top>. (Accessed: 05.11.2016).
40. Investment passport of the municipal formation "City of Tomsk". 2016. 23 pp. (A manuscript). (In Russian).
41. Riatomsk.ru. (2016) *TGU izdast russkuyu versiyu manifesta po sozdaniyu "umnykh gorodov"* [TSU will publish the Russian version of the manifesto on the creation of "smart cities"]. [Online] Available from: <https://www.riatomsk.ru/article/20160922/manifest-umnij-gorod-kotorij-nam-nuzhen-russkoe-izdanie-tgu/>. (Accessed: 22.09.2016).

УДК 82.091

DOI: 10.17223/19986645/47/12

В.Т. Фаритов

**ФИЛОСОФИЯ ВРЕМЕНИ В РОМАНЕ А.С. ПУШКИНА
«ЕВГЕНИЙ ОНЕГИН»¹**

В статье исследуются философские аспекты времени в романе А.С. Пушкина «Евгений Онегин». Автор показывает, что в произведении представлено не одно универсальное время, но множество гетерогенных временных измерений. Анализируются структуры модусов времени Евгения Онегина, автора, Ленского, Ольги и Татьяны, семейства Лариных, природы и светского общества. Описываются соответствующие модели временных модусов, выявляются их качественные различия в экзистенциальном плане.

Ключевые слова: А.С. Пушкин, «Евгений Онегин», время, модус, экзистенция, модель времени.

В романе в стихах «Евгений Онегин» представлена оригинальная, богатая философскими импликациями концепция времени². Пушкин опередил свою эпоху тем, что показал не одно универсальное время, но множество гетерогенных измерений времени. Каждое такое измерение выступает в качестве модуса бытия, определяющего характер того или иного персонажа, его образ мыслей, поведение и отношение к другим людям. И наоборот – у каждого персонажа (от главных героев до второстепенных лиц) есть свое собственное временное измерение. Структура и конфигурация того или иного модуса времени изначально формирует индивидуальные и общественные миры, в которых разворачиваются события романа. Каждый временной модус задает особую систему отсчета, определенную перспективу существования. В свою очередь, пересечение и взаимодействие этих гетерогенных измерений определяет конфликт произведения.

М.М. Бахтин указывает, что «процесс освоения в литературе реального исторического времени и пространства и реального исторического человека, раскрывающегося в них, протекал осложненно и прерывисто. Осваивались отдельные стороны времени и пространства, доступные на данной исторической стадии развития человечества, вырабатывались и соответствующие жанровые методы отражения и художественной обработки освоенных сторон реальности» [2. С. 11]. В русской литературе до Пушкина время как художественная и как историко-философская категория мыслилось и переживалось совершенно иначе. Как отмечает Ю.М. Лотман: «Историческое время XVIII в. линейно. Идея циклического времени Джамбаттиста Вико, хотя и оказала частичное воздействие – через Вольнея – на Карамзина и, видимо, через Гердера – на Радищева, все же заметной роли в историческом сознании русского XVIII в. не сыграла» [3. С. 231]. В XVIII столетии не только в рус-

¹ Публикация подготовлена в рамках поддержанного РГНФ научного проекта №15-34-11045.

² Общий анализ философских мотивов творчества А.С. Пушкина см. в кн. [1].

ской, но и в европейской литературе доминирует характерная для эпохи Просвещения идея исторического прогресса, предполагающая поступательное и по преимуществу однонаправленное движение времени, а также преобладание социального, общественно-политического времени над индивидуальным и личностным, частным временем. Пушкин не оставляет в стороне проблему исторического времени, но сопрягает его с временем героя, которое в его творчестве получает совершенно новое осмысление.

Проблема времени пушкинского романа в стихах исследована в работах Г.А. Гуковского [4], С.Г. Бочарова [5], Ю.М. Лотмана [6] и других авторов [7, 8]. В указанных работах уже были выявлены интересующая нас многослойность и полифоничность временной структуры «Евгения Онегина». В частности, В.С. Баевский отмечает: «В «Гамлете», в «Евгении Онегине», в «Рудине», в «Войне и мире» возникает многоплановый образ времени. Он взаимопересекается с историческим временем, с авторским временем, с образами действующих лиц, обогащает их и обогащается ими. Так воссоздается то, что Тургенев со ссылкой на Шекспира назвал «the body and pressure of time» – «самый облик и давление времени» [9. С. 140–141].

Общей чертой названных исследований является преобладающая ориентация на реалистическое время текста Пушкина (что соответствует традиции прочтения «Евгения Онегина» как реалистического романа). Детальному и тщательному анализу подвергнута хронология произведения, выявляются совпадения или расхождения в датах исторических событий, событий сюжетных линий произведения, в биографическом времени героев и автора. Прделанная работа имеет непреходящую значимость в исследовании проблемы времени «Евгения Онегина». Однако пушкинский роман, как подлинное творение гения, характеризуется неисчерпаемой многогранностью, позволяющей обнаруживать в уже разработанных и изученных проблемах новые аспекты. Так, мы предполагаем в данной статье сформулировать и обосновать точку зрения, согласно которой в романе Пушкина помимо исторического и биографического времени значительную роль играет пласт *экзистенциального* времени. Этот временной пласт существенно отличается от исследованных до сих пор измерений исторического и авторского времени, а также времени действующих лиц. Экзистенциальное время получает свою значимость не от сюжетной организации художественного произведения и не от внешних, реально-исторических и биографических факторов. В соответствии с теоретическими разработками М. Хайдеггера [10] экзистенциальное время укоренено в онтологической структуре человеческого бытия. Это то время, в котором человеком осуществляется фундаментальный выбор собственного бытия, определяется стратегия его существования в мире. Как таковое экзистенциальное время нелинейно и неоднородно, но представлено качественно различающимися модусами (которые будут рассмотрены в настоящей статье ниже). Здесь мы вступаем в ту область исследования, где литературоведение взаимодействует с новейшими разработками в области философии. Мы ставим своей задачей показать, что роман Пушкина имеет вполне оформленный и самодостаточный экзистенциальный пласт. Обоснование данного тезиса позволит подтвердить вывод (см. в конце настоящей статьи), что «Евгений Онегин» является не только первым реалистическим романом в русской ли-

тературе, но и предначертывает пути формирования поэтики модернистского романа (который не только в русской, но и в европейской литературе появится значительно позднее эпохи написания «Евгения Онегина»).

В первой половине XIX в. Пушкин в художественной форме предвосхитил таких мыслителей XX столетия, как А. Эйнштейн, М. Бахтин и М. Хайдеггер. Уже в первой главе романа представлены два принципиально различающихся способа существования во времени и, соответственно, два мира, две перспективы бытия. Это время Онегина и время автора. В данном случае речь идет именно о двух мирах, каждый из которых определяется своей специфической моделью времени. Каждой из двух моделей времени принадлежит также своя роль в организации времени и пространства повествования (сюжетного времени, хронотопа) романа.

Время Онегина линейно и сконцентрировано в точке настоящего. Жизнь героя романа с самого начала представляется как череда последовательно сменяющих друг друга моментов настоящего: «Сперва *Madame* за ним ходила, // Потом *Monsieur* ее сменил» [11. С. 12]. Прошлое (историческое и личное) не имеет для него никакой экзистенциальной значимости: из истории он помнит лишь «дней минувших анекдоты», которые актуальны в текущий момент жизни, его юные годы не содержат никаких существенных событий, которые могли бы стать предметом воспоминания. Прошлое для Онегина – это ушедшие в небытие моменты настоящего, вытесненные другими, новыми моментами. То же самое относится и к будущему: в существовании Онегина оно незначимо и имеет смысл лишь как возможность слегка варьировать заполнение настоящего момента: «Куда ж поскачет мой проказник? // С кого начнет он? Всё равно: // Везде поспеть немудрено» [11. С. 16]. Жизнь героя в настоящем протекает между двумя изолированными временными отрезками – вчерашним и завтрашним днем. Время Онегина – это время настоящего дня, повседневность:

Проснется за полдень, и снова
До утра жизнь его готова,
Однообразна и пестра,
И завтра то же, что вчера [11. С. 25].

День представляет собой единицу астрономического измерения времени. Это внешнее, объективное, исчислимое время. Во временном измерении Онегина повышенную значимость получают единицы астрономического времени: утро, день, вечер, полдень, час¹. Время героя регулируется не внутренними мотивами и переживаниями, но максимально безличной инстанцией – часами: «Но звон брегета им доносит // Что новый начался балет» [11. С. 17]. Зацикленность на астрономическом измерении времени достигает максимальной концентрации в письме Онегина к Татьяне: «Нет, **поминутно** видеть вас», – и далее:

¹ Сравнительный анализ лексемы «час» в произведениях А.С. Пушкина и Дж. Байрона см. в работе [12].

И я лишен того: для вас
Ташусь повсюду наудачу;
Мне дорог **день**, мне дорог **час**:
А я в напрасной скуке трачу
Судьбой отсчитанные **дни**.
И так уж тягостны они.
Я знаю: **век** уж мой измерен;
Но чтоб продлилась жизнь моя,
Я **утром** должен быть уверен,
Что с вами **днем** увижусь я... [11. С. 169].

Итак, Онегин живет во внешнем времени, измеряемом часами и сутками. Внутреннее время у него отсутствует, внутри – пустота. Такая конфигурация времени заранее предопределяет истощение и скуку, которые уже с первой главы станут основными характеристиками состояния героя. Астрономическое время не является экзистенциальным временем, но представляет собой череду сменяющихся друг друга «теперь», которые постоянно исчезают и постоянно приходят. Это движение временных промежутков заведомо лишено смысла. Позднее об этом будут говорить писатели и философы экзистенциалисты. В частности, М. Хайдеггер так характеризует один из аспектов «неподлинной» временности: «Вялая ненастроенность безразличия наконец, ни к чему не привязанная, никуда не порывающаяся и отдающая себя тому, что всякий раз приносит день, и при этом известным образом все принимающая, *убедительнейше* демонстрирует власть *забывания* в обыденных настроениях ближайшего озабочения. Жизнь по течению, всему «дающая быть» как оно есть, основана в забывшемся отдании себя брошенности. Такая жизнь имеет экстатичный смысл несобственной бывшести» [10. С. 387].

Мертвое время требует заполнения, цель которого – ускорить движение пустых, абстрактных «теперь». Этим мотивом определяются практически все действия Онегина:

Один среди своих владений,
Чтоб только время проводить,
Сперва задумал наш Евгений
Порядок новый учредить [11. С. 87].

В «Набросках к замыслу о Фаусте» мы находим вариацию стиха «Чтоб только время проводить»:

– Молчи! ты глуп и молоденек.
Уж не тебе меня ловить.
Ведь мы играем не из денег,
А только б вечность проводить! [13. С. 519].

Аллюзия на Фауста здесь не случайна. Пушкинский Фауст страдает от того же недуга, что и Евгений Онегин: «Мне скучно, бес» [13. С. 108]. От того же недуга страдает и Фауст Гете: он ищет и не может найти мгновения, которое пожелал бы остановить («Werd' ich zum Augenblicke sagen: // Verwei-

le doch! du bist so schön!» [14. С. 48]), и даже дьявол не в силах ему в этом помочь¹.

Образ автора строится на основе совершенно другой конфигурации времени. Здесь – корень и исток той самой «разности» между Онегиным и автором. Прежде всего, следует отметить, что для автора существование не замыкается в границах настоящего момента. Его время не линейно, но конституируется по принципу «временных воронок». Общая схема этих «воронок» следующая: момент в настоящем продуцирует отсылку к прошлому. В первой главе таких временных воронок четыре: 1) XVIII–XX, 2) XXIX–XXXIV, 3) XLVIII–LI, 4) LV–LX. Так, описание посещения Онегиным театра вызывает у автора воспоминание о прошлом времени: «Волшебный край! Там в старые годы...» [11. С. 17]. Это воспоминание не остается объективно-безличным, но сразу же влечет память о собственном прошлом: «Там, там под сению кулис // Младые дни мои неслись» [11. С. 18]. Прошлое для автора – не мертвый и подлежащий забвению груз, но значимый момент в становлении его самости: он есть то, что он есть, благодаря своему прошлому, которое подлежит постоянному возобновлению в настоящем посредством памяти. Через возобновление прошлое становится живым элементом настоящего, а настоящее, в свою очередь, перестает быть пустым моментом, исчезающей и однообразной точкой «теперь». Настоящее оказывается углубленным и экзистенциально наполненным, просвеченным прошлым. Одновременно экзистенциальное прошлое не только проступает в настоящем, но и ориентировано на будущее: «Услышу ль **вновь** я ваши хоры» [11. С. 18]. Таким образом, мы видим, что перед нами не меланхолический уход от действительности в царство воспоминаний (как это имело место в романтизме у Гельдерлина или у Байрона)², но живое единство всех трех измерений времени: прошлое вспоминается в настоящем и направлено на возобновление в будущем. Время Онегина разорвано на изолированные друг от друга моменты, которые повторяются с регулярностью движения часового механизма. Это временность неподлинного бытия в мире. Такой модус времени в определенной степени является выражением экзистенциальной позиции самого героя, который уклоняется от задачи наполнения переживаемых моментов собственными смыслами, предпочитая заменить их чередой механических повторений. Поэтому время Онегина внутренне (на ментальном уровне) *бессобытийно*, несмотря на внешнюю наполненность его существования движением и переменами³. Время автора, напротив, представляет собой целостный феномен бытия, соединяющий прошлое, настоящее и будущее в единое мгновение. Это и есть то самое мгновение, которого искал Фауст и которое так и не смог пережить Онегин.

Вторая временная воронка погружает автора в воспоминания о любви. Так же, как и в предыдущем случае, прошлое через память возобновляется в настоящем:

¹ По теме «Пушкин и Гете» см., например, в работах [15, 16].

² По теме «Пушкин и Байрон» см. в работе [17].

³ О событийности как нарратологической категории см. в кн. [18].

Опять кипит воображенье,
Опять ее прикосновенье
Зажгло в увядшем сердце кровь,
Опять тоска, опять любовь!.. [11. С. 24].

Настоящее время может расширяться для автора не только в направлении прошлого, но и в направлении будущего. Здесь уже на передний план выступает не память, но воображение. Так, ночной пейзаж на петербургской набережной устремляет автора к будущему:

Адриатические волны,
О Брента! нет, увижу вас
И, вдохновенья снова полный,
Услышу ваш волшебный глас! [11. С. 30].

Однако и здесь будущее сцеплено с прошлым: как поэт он *уже был там* («Он свят для внуков Аполлона; // По гордой лире Альбиона // Он мне знаком, он мне родной» [11. С. 30]). Будущее оказывается возобновлением уже бывшего (пусть только в модусе поэтического воображения).

Любовные переживания прошлого преобразуются в настоящем и раскрывают перспективу подлинного «Я» автора:

Прошла любовь, явилась муза,
И прояснился темный ум.
Свободен, вновь ищу союза
Волшебных звуков, чувств и дум... [11. С. 34].

Так прошлое приобретает значение судьбы: однажды бывшие события становятся этапами в становлении самости и выборе своего собственного пути. Напротив, для Онегина любовные приключения не претворяются посредством памяти и воображения в ценный опыт самопознания и самостановления. Все его женщины образуют лишь безразличный ряд, в котором одна сменяет другую, подобно тому, как одно настоящее сменяется другим. Этот ряд мало чем отличается от ряда вещей, которые заполняют пространство существования Онегина (например, описание предметов кабинета героя в строфе XXIV первой главы). Ряд представляет собой модель времени Онегина. Моделью времени автора является воронка. Для Онегина единица времени – это отрезок настоящего, измеряемый часами, днями или временем суток. Для автора единица времени не настоящее, но также не прошлое и не будущее, но – наполненное мгновение, соединяющее все три измерения времени в одно целое.

Только в восьмой главе Онегин выпадает из тисков своего временного измерения и приближается к времени автора. Любовь к Татьяне нарушает ряд последовательно сменяющих друг друга настоящих моментов: она выступает в качестве парадоксального элемента, который в этот ряд не вписывается, и потому разрывает его. Татьяна оказывается не еще одной в ряду многих других, но единственной и уникальной, тем событием, которое не подлежит

включению в ряд. В результате Онегин погружается в то состояние, когда прошлое начинает активно проступать сквозь настоящее:

То видит он: на талом снеге,
Как будто спящий на ночлеге,
Недвижим юноша лежит,
И слышит голос: что ж? убит.
То видит он врагов забвенных,
Клеветников и трусов злых,
И рой изменниц молодых,
И круг товарищей презренных,
То сельский дом – и у окна
Сидит *она*... и всё она!.. [11. С. 172].

Однако в этом модусе времени Онегин не смог удержаться:

Дни мчались: в воздухе нагретом
Уж разрешалась зима;
И он не сделался поэтом,
Не умер, не сошел с ума [11. С. 173].

Пушкин не ограничивается в своем романе моделями времени лишь двух героев. Уже во второй главе разрабатываются временные модусы Ленского, Ольги и Татьяны, а также семейства Лариных. Каждый из названных персонажей обладает своим собственным временным измерением.

Временной модус Ленского характеризуется направленностью в будущее. Все его существование сконцентрировано в мечтах, надеждах, ожиданиях. Он ждет свадьбы с Ольгой и верит в грядущее мировое блаженство: «Неотразимыми лучами // Когда-нибудь нас озарит // И мир блаженством одарит» [11. С. 39]. Если время Онегина представлено как ряд, то время Ленского – это стрела, устремленная в одном направлении – в будущее. Время Онегина не знает цели, только погруженность в абстрактные моменты настоящего; время Ленского полностью определяется целью (будь то женитьба, слава поэта или гармония мира). Однако такая модель времени оказывается столь же абстрактной и дефективной, как и у Онегина. Одностороннее преобладание вектора будущего приводит к нарушению связи с настоящим. Настоящего юный поэт не знает и не видит, потому что в нем не живет. Для характеристики настоящего Ленского Пушкин подбирает формулу «еще не»: «От хладного разврата света // **Еще** увянуть **не** успев» [11. С. 39]. Актуальное бытие Ленского несамодостаточно, неполноценно, оно «еще не». Отсюда и будущее Ленского – в силу своей полной оторванности от настоящего – эфемерно и фантастично. Это чувствуют и Онегин и автор. Онегин: «И без меня пора придет; // Пускай покамест он живет // Да верит мира совершенству» [11. С. 43]. Автор: «А может быть и то: поэта // Обыкновенный ждал удел» [11. С. 126].

Временной модус Ольги характеризуется наречием «всегда», указывающим на отсутствие какого-либо движения во времени: «**Всегда** скромна, **всегда** послушна, // **Всегда** как утро весела» [11. С. 46]. Ольга пребывает в застывшем настоящем, модель ее времени – это точка, самодовлеющая и неподвижная. Ее бытие есть бытие мраморной статуи или стандартизированно-

го портрета героини «любого» романа. Такой временной модус не доставляет никаких неудобств или страданий самой Ольге, однако для автора он скучен в своем застывшем портретном однообразии («Но надоел он мне безмерно» [11. С. 46]). Поэтому Пушкин уделяет Ольге совсем мало внимания, почти сразу переходя к Татьяне.

Если портрет Ольги открывается временным наречием «всегда», то характеристика Татьяны начинается наречием «впервые»: «**Впервые** именем таким...» [11. С. 46]. «Впервые» – это событие, подобное рождению звезды, вспышке сверхновой, внезапному озарению. Однако поначалу описание Татьяны производит впечатление черной дыры – благодаря преобладанию «не» в ее характеристике: «**Не** привлекла б она очей»; «Она ласкаться **не** умела»; «Играть и прыгать **не** хотела»; «Ее изнеженные пальцы // **Не** знали игл...»; «Узором шелковым она // **Не** оживляла полотна»; «Но куклы даже в эти годы // Татьяна в руки **не** брала»; «Беседы с нею **не** вела»; «Она в горелки **не** играла» [11. С. 47–48]. Сплошное отрицание, отсутствие. Но это отсутствие не равнозначно пустоте небытия, оно представляет собой существование в другом временном измерении, не совпадающем с общепринятым ходом вещей, с общественным повседневным временем (характеристику которого мы дадим чуть позже). После трех строф с отрицанием (XXV–XXVII) Пушкин дает наконец позитивную характеристику Татьяны:

Она любила на балконе
Предупреждать зари восход,
Когда на бледном небосклоне
Звезд исчезает хоровод,
И тихо край земли светлеет,
И, вестник утра, ветер веет,
И всходит постепенно день [11. С. 48].

Если предыдущие строфы раскрывали «внемирный» характер образа Татьяны (существование вне мира повседневности), то здесь представлен надмирный аспект ее бытия: ее собственная экзистенция находится не в земном пространстве (где можно играть в горелки, в куклы, вышивать), но в пространстве небесном, среди звезд и утренней зари. Этому пространству соответствует особое измерение времени: космическое время становления, время движения небесных светил. Это не абстрактное и исчисляемое астрономическое время Онегина, это скорее время античного Космоса. В пятой главе Пушкин еще раз подчеркнет этот космический аспект пространственно-временного измерения Татьяны:

Морозна ночь, всё небо ясно;
Светил небесных дивный хор
Течет так тихо, так согласно...
Татьяна на широкий двор
В открытом платье выходит [11. С. 97].

В письме Татьяны к Онегину подчеркивается эта же укорененность героини в высшей сфере бытия: «То в **вышнем** суждено совете... // То **воля неба**: я твоя» [11. С. 69]. Здесь же раскрывается способность Татьяны вме-

стить в один миг максимальную полноту бытия, пережить мгновение как судьбу: «Вся жизнь моя была залогом // Свиданья верного с тобой». И далее: «Ты чуть вошел, я **вмиг** узнала, // Вся обомлела, запылала» [11. С. 69]. Время Татьяны концентрируется в миге, но это такой миг, который вбирает в себя всю жизнь, который является космическим событием обнаружения судьбы, небесного предназначения. Татьяна приближается к языческому, древнегреческому мироощущению с соответствующим способом переживания времени¹. Модель времени Татьяны – это движение небесных светил.

Во второй главе также характеризуется временное измерение семейства Лариных. Их время определяется привычкой: «Привычка свыше нам дана» [11. С. 49]; «Они хранили в жизни мирной // Привычки мирной старины» [11. С. 51]. Привычка задает определенный ритм течения времени, она обеспечивает регулярное повторение народных традиций («У них на масленице жирной // Водились русские блины; // Два раза в год они говели» [11. С. 51]). В отличие от времени Ольги время Лариных не лишено полностью движения, но характеризуется циклическим ритмом. Здесь уместно будет провести параллель с положением М.М. Бахтина об осуществляющемся в романе «Дафнис и Хлоя» разложении «пастушеско-идиллического хронотопа» [2]. Время Лариных, в общих чертах соответствующее понятию идиллического хронотопа, у Пушкина окружено со всех сторон чужеродными временными модулями. Это время Петербурга, от которого тщетно искал спасения в деревне Евгений Онегин, это время немецкого романтизма, привезенное «из Германии туманной» Ленским, это время Москвы, куда отправятся мать и дочь Ларины. Идиллический хронотоп с его циклическим ритмом показан в романе как вырождающийся и постепенно утрачивающий свою экзистенциальную (а также и литературную) значимость. Привычка обнаруживает и тот факт, что сама традиция уже не жива, что ее подлинный смысл утерян и забыт, а праздники и обряды соблюдаются лишь в силу установившегося распорядка, т.е. механически. Однако такой модус времени, регулируемый привычкой, вносит если не смысл, то хотя бы порядок и регулярность в ход дней и часов, сворачивает временной ряд в кольцо цикла. Тем самым повседневное, бытовое время освобождается от пустоты и абстрактности чистого астрономического времени. Такое время не является экзистенциально полноценным, поскольку лишено подлинной связи с народной традицией, а через нее – с ритмами природы и космоса. Линеинность времени в данном случае не снимается, время продолжает идти своим путем, неизбежно приближая конечное бытие человека к своему последнему рубежу:

И так они старели оба.
И отворились наконец
Перед супругом двери гроба,
И новый он приял венец [11. С. 51].

¹ При этом мы не утверждаем, что сама Татьяна является язычницей. Мы исследуем структуру измерения времени героини, а не ее религиозные воззрения. По вопросу сочетания язычества и христианства в творчестве Пушкина см. в кн. [19].

После высокопарного характера приведенных стихов иронично звучит фраза: «Он умер в час перед обедом» [11. С. 51], возвращающая к самому что ни на есть обыденному времени существования.

В романе Пушкина самостоятельной значимостью обладает время природы. Примечательно, что наиболее яркие, ставшие хрестоматийными пейзажные зарисовки отличаются одной общей деталью: все они изображают становление¹. Описывается не столько зима, не осень или весна, сколько становление зимы, наступление осени или весны. Пушкин фиксирует момент перехода, зарождения и возникновения:

Но наше северное лето,
Карикатура южных зим,
Мелькнет и нет: известно это,
Хоть мы признаться не хотим.
Уж небо осенью дышало,
Уж реже солнышко блистало,
Короче становился день,
Лесов таинственная сень
С печальным шумом обнажалась,
Ложился на поля туман,
Гусей крикливых караван
Тянулся к югу: приближалась
Довольно скучная пора;
Стоял ноябрь уж у двора [11. С. 89].

В раках одной строфы лето перетекает в осень, а осень плавно переходит в зиму. Пушкин предстает здесь последователем Гераклита с его максимой: «Все течет». То же самое становление описывается и в седьмой главе:

Но лето быстрое летит.
Настала осень золотая.
Природа трепетна, бледна,
Как жертва, пышно убрана...
Вот север, тучи нагоняя,
Дохнул, завыл – и вот сама
Идет волшебница зима [11. С. 143].

Время природы представляет собой основу существования всего живого: все становится, переходит в другое состояние, все рождается, возникает, расцветает, все умирает, все вновь возвращается. Становление природы лежит и в основе подлинных народных традиций, преданий и обрядов с их укорененностью в природных циклах, с их циклической моделью времени. Контрастный полюс природному времени составляет время обитателей больших городов, оторванных от становления и от жизни:

Но в них не видно перемены;
Всё в них на старый образец:
У тетушки княжны Елены
Всё тот же тюлевый чепец... [11. С. 149].

¹ См. в этой связи работу [20].

Это время абсолютного пребывания и фиксированного тождества. Это бытие, не знающее становления.

Таковы основные модусы времени в романе «Евгений Онегин». Описанные временные измерения находятся во взаимодействии друг с другом. Они вступают в отношения оппозиции, образуя противоположные полюса, или дополняют и оттеняют друг друга. Временные модусы обнаруживают качественное различие в экзистенциальном плане. Модусы времени Онегина и Ленского являются дефективными. Модусы Ольги, семейства Лариных и светского общества – неподлинными. В качестве экзистенциально полноценных выступают модусы времени автора и Татьяны. На основании проведенного исследования можно сделать вывод, что именно время является главным героем произведения Пушкина, а «Евгений Онегин» представляет собой не только реалистический, но и экзистенциальный роман¹. Внутренний мир отдельных героев, их характеры и судьбы определяются здесь не только факторами общественной жизни определенной исторической эпохи, но и специфическими способами организации измерений времени. Тем самым анализ экзистенциально-онтологической структуры времени в романе «Евгений Онегин» позволяет раскрыть дополнительные грани смысла и поэтики бессмертного творения А.С. Пушкина.

Литература

1. Кибальник С.А. Художественная философия А.С. Пушкина. СПб.: Дмитрий Буланин, 1998. 200 с.
2. Бахтин М. Формы времени и хронотопа в романе // Бахтин М. Эпос и роман. М.; СПб., 2000. С. 11–194.
3. Лотман Ю.М. Идея исторического развития в русской культуре конца XVIII – начала XIX вв. // Собр. соч. Т. 1: Русская литература и культура Просвещения. М., 1998. С. 231–239.
4. Гуковский Г.А. Пушкин и проблемы реалистического стиля. М.: Гос. изд-во худож. лит., 1957. 416 с.
5. Бочаров С.Г. Форма плана // Вopr. литературы. 1967. № 12. С. 115–136.
6. Лотман Ю.М. А.С. Пушкин: Биография писателя. Роман «Евгений Онегин». Комментарий. СПб.: Азбука, 2015. 640 с.
7. Тойбин И.М. Вопросы историзма и художественная система Пушкина 1830-х годов // Пушкин: Исследования и материалы. Т. 6: Реализм Пушкина и литература его времени. М.; Л., 1969. С. 35–59.
8. Лазукова М. Время в романе «Евгений Онегин» // Литература в школе. 1974. № 2.
9. Баевский В.С. Сквозь магический кристалл. М.: Прометей, 1990. 158 с.
10. Хайдеггер М. Бытие и время. Харьков: Фолио, 2003. 503 с.
11. Пушкин А.С. Собрание сочинений: в 10 т. М.: Худож. лит., 1960. Т. 4. 560 с.
12. Губанова Н.Г. Час в поэтическом языке А.С. Пушкина и Д. Байрона (на материале романа в стихах «Евгений Онегин» и поэмы «Паломничество Чайльд-Гарольда») / Н.Г. Губанова, Ю.Ю. Клыкова // Лингвистика, лингводидактика, переводоведение: актуальные вопросы и перспективы исследования: сб. матер. Междунар. науч.-практ. конф. Чебоксары, 2015. С. 39–43.
13. Пушкин А.С. Собрание сочинений: в 10 т. М.: Худож. лит., 1959. Т. 2. 800 с.
14. Goethe J.W. Faust. Der Tragödie. Erster Teil. Stuttgart: Reclam, 2000.
15. Жирмунский В.М. Гете в русской литературе. Л.: Гослитиздат, 1937. 674 с.
16. Эпштейн М.Н. Фауст и Петр на берегу моря: от Гете к Пушкину // Эпштейн Н.М. Слово и молчание: Метафизика русской литературы. М., 2006. С. 62–85.

¹ В.П. Руднев обосновывает классификацию романа Пушкина как модернистского [21. С. 195]. М.Н. Эпштейн предлагает относить «Евгения Онегина» к литературе постмодернизма [22]. Об экзистенциальных мотивах творчества Пушкина см. работу автора [23].

17. Жирмунский В.М. Байрон и Пушкин. Л.: Наука, 1976. 424 с.
18. *Событие и событийность*: сб. ст. / под ред. В. Марковича, В. Шмида. М.: Изд-во Кулагиной-Intrada, 2010. 296 с.
19. Мережковский Д.С. Вечные спутники. СПб.: Наука, 2007. 902 с.
20. Жолковский А.К. Инварианты Пушкина // Учен. зап. Тарт. гос. ун-та. 1979. Вып. 467. С. 3–25.
21. Руднев В.П. Прочь от реальности: Исследования по философии текста. М.: Аграф, 2000. 432 с.
22. Эпштейн М.Н. Истоки и смысл русского постмодернизма // Звезда. 1996. № 8. С. 166–188.
23. Фаритов В.Т. Память и историчность как экзистенциальные мотивы пушкинской поэзии: (Пушкин и Ясперс) // Вестн. Том. гос. ун-та. Филология. 2016. № 3 (41). С. 170–181.

THE PHILOSOPHY OF TIME IN A.S. PUSHKIN'S *EUGENE ONEGIN*

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology. 2017. 47. 171–183. DOI: 10.17223/19986645/47/12

Vyacheslav T. Faritov, Ulyanovsk State Technical University (Ulyanovsk, Russian Federation). E-mail: vfar@mail.ru

Keywords: Alexander Pushkin, *Eugene Onegin*, time, modus, existence, time model.

The aim of the article is to study the philosophical aspects of time in the novel in verse, A.S. Pushkin's *Eugene Onegin*. The author aims to substantiate the thesis that the text of Pushkin's novel presents an original concept of time, rich in philosophical implications.

The problem, the solution of which the study is devoted to, is that Russian literature before Pushkin time as an artistic and a historical and philosophical category was thought and experienced in a completely different way. In the 18th century, the idea of historical progress characteristic of the Enlightenment dominantes not only in Russian, but also in European literature; it implies the progressive and mostly unidirectional movement of time, as well as the prevalence of social, socio-political time over the individual and personal, private time. Pushkin does not leave aside the historical problem of time, but it matches with the time of the hero that gets a completely new interpretation in the novel.

The author relies on the methodological principles and theoretical framework of M.M. Bakhtin and Yu.M. Lotman and uses elements of narratology analysis. The author also uses the conceptual development of existential philosophy (K. Jaspers, M. Heidegger).

It is proved that Pushkin was ahead of his time by showing not one universal time, but a lot of heterogeneous measurements of time. Each such measurement acts as a mode of being, defining the nature of a particular character, their way of thinking, behavior and attitude towards others. And, vice versa, each character (from the main characters to minor persons) has its own temporal dimension.

The author proves the thesis that in addition to the historical and biographical time existential time plays a significant role in the novel. This is time in which a person makes the fundamental choice of their own existence, determined the strategy of their existence in the world.

Two fundamentally different modes of existence in time and, accordingly, two worlds, two perspectives of being are presented in the very first chapter of the novel. This is Onegin's time and the author's time. In this case we are talking about two worlds, each of which is determined by their specific model of time. Each of the two models of time has its own role in the organization of time and space of the narrative (plot time, chronotope).

Pushkin does not limit himself in his novel with models of time of only two characters. In the second chapter he develops modes of Lensky, Olga and Tatiana, as well as of the Larin family. Each of these characters has their own time dimension.

On the basis of the research the author concludes that it is time that is the protagonist of Pushkin's works, and *Eugene Onegin* is not only a realistic, but an existential novel. The inner world of individual characters, their personalities and destinies are determined here not so much a factor in the social life of a certain historical period (though this layer is also present in the novel), but as specific ways of organizing the measurement of time.

References

1. Kibal'nik, S.A. (1998) *Khudozhestvennaya filosofiya A.S. Pushkina* [The Artistic Philosophy of A.S. Pushkin]. St. Petersburg: Dmitriy Bulanin.
2. Bakhtin, M. (2000) *Epos i roman* [Epos and novel] Moscow: St. Petersburg: Azbuka. pp. 11–194.
3. Lotman, Yu.M. (1998) *Sobr. soch.* [Works]. Vol. 1. Moscow: OGI. pp. 231–239.
4. Gukovskiy, G.A. (1957) *Pushkin i problemy realisticheskogo stilya* [Pushkin and the problems of realistic style]. Moscow: Gosudarstvennoe izdatel'stvo khudozhestvennoy literatury.
5. Bocharov, S.G. (1967) Forma plana [Plan form]. *Voprosy literatury*. 12. pp. 115–136.
6. Lotman, Yu.M. (2015) *A.S. Pushkin. Biografiya pisatelya. Roman "Evgeniy Onegin". Kommentariy* [A.S. Pushkin. Biography of the writer. The novel "Eugene Onegin". Commentary]. St. Petersburg: Azbuka.
7. Toybin, I.M. (1969) Voprosy istorizma i khudozhestvennaya sistema Pushkina 1830-kh godov [Questions of historicism and Pushkin's art system of the 1830s]. In: Meylakh, B.S. et al. (eds) *Pushkin. Issledovaniya i materialy* [Pushkin. Research and materials]. Vol. 6. Moscow–Leningrad: Nauka.
8. Lazukova, M. (1974) Vremya v romane "Evgeniy Onegin" [Time in the novel "Eugene Onegin"]. *Literatura v shkole*. 2.
9. Baevskiy, V.S. (1990) *Skvoz' magicheskiy kristall* [Through the Magic Crystal]. Moscow: Prometei.
10. Heidegger, M. (2003) *Bytie i vremya* [Being and Time]. Translated from German. Kharkov: "Folio".
11. Pushkin, A.S. (1960) *Sobr. soch.: v 10 t.* [Works: in 10 vols]. Vol. 4. Moscow: Khudozhestvennaya literatura.
12. Gubanova, N.G. et al. (2015) [An hour in the poetic language of Pushkin and Byron (on the material of the novel in verse "Eugene Onegin" and the poem "The Pilgrimage of Childe Harold")]. *Lingvistika, lingvodidaktika, perevodovedenie: aktual'nye voprosy i perspektivy issledovaniya* [Linguistics, linguodidactics, translation studies: topical issues and research prospects]. Proceedings of the international conference. Cheboksary: Chuvash State University. pp. 39–43. (In Russian).
13. Pushkin, A.S. (1959) *Sobr. soch.: v 10 t.* [Works: in 10 vols]. Vol. 2. Moscow: Khudozhestvennaya literatura.
14. Goethe, J.W. (2000) *Faust. Der Tragödie. Erster Teil* [Faust. The tragedy. Part 1]. Stuttgart: Reclam.
15. Zhirmunskiy, V.M. (1937) *Gete v russkoy literature* [Goethe in Russian Literature]. Leningrad: Goslitizdat.
16. Epshteyn, M.N. (2006) *Slovo i molchanie: Metafizika russkoy literatury* [Word and Silence: The Metaphysics of Russian Literature]. Moscow: Vysshaya shkola. pp. 62–85.
17. Zhirmunskiy, V.M. (1976) *Bayron i Pushkin* [Byron and Pushkin]. Leningrad: Nauka.
18. Markovich, V. & Shmid, V. (ed.) (2010) *Sobytie i sobytynost'* [Event and eventfulness]. Moscow: Izdatel'stvo Kulaginoy-Intrada.
19. Merezkovskiy, D.S. (2007) *Vechnye sputniki* [Eternal satellites]. St. Petersburg: Nauka.
20. Zholkovskiy, A.K. (1979) Invarianty Pushkina [Pushkin's Invariants]. *Uchenye zapiski Tartuskogo gosudarstvennogo universiteta*. 467. pp. 3–25.
21. Rudnev, V.P. (2000) *Proch' ot real'nosti: Issledovaniya po filosofii teksta* [Away from reality: Studies on the philosophy of the text]. Moscow: "Agraf".
22. Epshteyn, M.N. (1996) Istoki i smysl russkogo postmodernizma [The origins and meaning of Russian postmodernism] *Zvezda*. 8. pp. 166–188.
23. Faritov, V.T. (2016) Memory and historicity as existential motifs of Pushkin's poetry (Pushkin and Jaspers). *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal of Philology*. 3 (41). pp. 170–181. (In Russian). DOI: 10.17223/19986645/41/14

ЖУРНАЛИСТИКА

УДК 82 (075.8)

DOI: 10.17223/19986645/47/13

Е.С. Бабкина

ЖУРНАЛИСТИКА РУССКОГО КИТАЯ ДЛЯ ДЕТЕЙ И МОЛОДЕЖИ (1898–1945 гг.)¹

Статья посвящена изучению журналистики русского Китая для детей и молодежи 1898–1945 гг. На основе мемуарной литературы и архивных материалов автор исследует возникновение первых детско-юношеских изданий в полосе отчуждения в период постройки КВЖД, функционирование газет и журналов для подрастающего поколения, появившихся в ходе массовой эмиграции из Российской империи после революции 1917 г. и Гражданской войны.

Ключевые слова: журналистика, издания для детей и молодежи, русская эмиграция в Китае.

Литературное и журналистское наследие русского Китая справедливо считают «отдельной ветвью богатейшей словесности зарубежья» (В.П. Крейд, О.М. Бакич). Исследования, проведенные В.В. Агеносовым [1], Е.Е. Аурилене [2], О.А. Бузуевым [3], Е.В. Витковским [4], А.А. Забияко [5], Е.О. Кирилловой [6], В.П. Крейдом [7], Г.В. Мелиховым [8], М. Раевым [9], А.Г. Соколовым [10], Е.П. Таскиной [11], А.А. Хисамутдиновым [12, 13], Э. Штейном [14], С.И. Якимовой [15], П. Полански [16], Дж. Стефаном [17], Ван Джичэн [18], Дян Джуангда [19], Ли Мэн [20], Лю Хао [21], Лянглун Жао [22], Сюй Гохун [23], Цзяо Чень [24], Шаохуа Дяо [25] и многими другими отечественными и зарубежными учеными, позволили говорить о литературе и журналистике русского зарубежья Дальнего Востока как о духовном и культурном феномене XX в., имеющем свою историю становления и развития, свои хронологические рамки, культурные центры, свои авторитеты в области художественного слова.

Вместе с тем в истории отечественной журналистики за рубежом многое остается неисследованным. Так, например, история возникновения и развития журналистики для детей и молодежи русского зарубежья Дальнего Востока (Китая) до настоящего времени не становилась объектом самостоятельного научного изучения, несмотря на то, что богатое содержание фондов Российского государственного исторического архива Дальнего Востока, Государственного архива Хабаровского края, Дома русского зарубежья им. А.С. Солженицына, Государственного архива Российской Федерации и др. с полным основанием дает основания придать этой теме статус самостоятельного научного направления.

¹ Публикация подготовлена в рамках поддержанного РГНФ научного проекта № 16-34-01005.

Журналистика для детей и молодежи русского зарубежья Дальнего Востока, рассматриваемая как целостная система, без изъятий и купюр, является одной из важных и концептуальных составляющих истории отечественной журналистики XX в. Изучение детско-юношеской журналистики русского Китая, ставившей своей целью сохранение русского языка, передачу национальных и культурных традиций подрастающему поколению, совпадает с актуальным приоритетным направлением государственной национальной политики Российской Федерации – сохранением Русского мира, традиционных ценностей, продвижением русского языка и культуры [26]. В контексте произошедших в современном российском обществе и сознании перемен, наметивших отход от западной системы массмедиа, возрождение гуманистических и просветительских традиций отечественной журналистики, усиление ее нравственной составляющей, необходимость формирования новой модели развития СМИ, ориентированных на детей и молодежь, является значимой актуальной социальной задачей. Думается, что в построении современной системы детско-юношеских СМИ, формировании их аксиологической составляющей будет уместным и ценным учесть опыт классической журналистики, в том числе журналистики русского зарубежья Дальнего Востока (Китая).

С 1898 г. русское население проживало компактными поселениями на специально отчужденной Китаем территории. Заселение русскими Китая было предопределено общей границей и историей российско-китайских отношений, одним из значимых результатов которых стало строительство Китайско-Восточной железной дороги (КВЖД) и возведение русскими города Харбина.

Небывалые темпы строительства железной дороги и самого города привели к тому, что уже через пять лет со дня основания Харбина в нем проживало около 45 тыс. человек, а к 1913 г. количество жителей возросло до 68 тыс., 60 % из которых составляло молодое работоспособное население [27. С. 12]. Для решения проблемы обучения детей рабочих и служащих дороги управлением КВЖД 6 декабря 1898 г. была открыта первая русская школа. Вслед за ней в полосе отчуждения появились и другие, основанные как в Харбине, так и вдоль крупных станций [28].

За учреждениями начального образования были открыты средние учебные заведения (классические женские и мужские гимназии М.С. Генерозовой, М.А. Оксаковской, Д.Л. Хорвата, В.Л. Андерса, Я.А. Дризуля и др., коммерческое училище) и профессиональные образовательные учреждения (курсы и реальные училища).

Именно возникновение учебных заведений положило начало формированию детской отечественной журналистики в регионе. Одними из первых в русском Китае начали выпуск детской периодики учащиеся средних учебных заведений Харбина. Так, в 1907 г. при сотрудничестве учеников V и VII классов мужского и женского коммерческих училищ вышел журнал-еженедельник «Школьные отголоски». К 1915–1916 гг. учащиеся гимназии В.Л. Андерса и Г.П. Рофаста уже выпускали несколько небольших журналов: «Звонок», «Рефератный вестник», «Друг гимназиста», «Друг учащихся», «Гимназист», «Наши мысли». Издания курировались преподавательским со-

ставом и являлись одной из форм организации ученического досуга. На страницах журналов учащиеся делились своими мнениями по интересующим их вопросам (зачастую интересы обсуждаемых тем замыкались на проблемах конкретного учебного заведения), получали возможность попробовать себя в различных видах литературного творчества.

С осени 1917 г. начался исход россиян за пределы Российской империи, в том числе в страны Северо-Восточной Азии, главным образом в Китай. Первые группы отъезжающих в Маньчжурию (Северо-Восточный Китай) состояли из дворян, промышленников и купцов, стремившихся спасти от национализации свой капитал. Они, а также предприниматели, начавшие торговлю в Маньчжурии еще в период постройки КВЖД и войны 1904–1905 гг., в течение 1917 г. до начала Гражданской войны сумели перебраться в Китай и перевезти туда свое имущество. Коммерческая деятельность таких русских предпринимателей, как И.Я. Чуринов, братья М.М. и Д.М. Воронцовы, Б.И. Бриннер, И.В. Рязанцев, А.П. Самарин, П.М. Емельянов, В.Ф. Ковальский и др. [29], «оказала сильнейшее влияние на экономику Китая, став весомой частью ее культуры в целом [30].

Вслед за промышленниками Россию покидала интеллигенция. В 1917–1920 гг. в Китай эмигрировали известные ученые и преподаватели: Г.К. Гинс, М.Н. Ершов, Ф.Н. Индриксон, В.В. Ламанский, С.Н. Усов, Н.В. Устрялов, В.В. Энгельфельд и др. Продолжили свое творчество в изгнании деятели культуры и искусства: артисты Н.И. Феоктистов, В.К. Ижевский, А.Н. Андреева, Е.И. Бриннер (Корнакова); музыканты В.Л. Гершгорина, Б.М. Лазарев, братья И. и О. Лундстрем, Л.М. Терехов; талантливые художники М.А. Кичигин, В.С. Подгурский, А.К. Холодилов, М.Ф. Домрачев, К.М. Глуз, А.С. Хренов; писатели, поэты и журналисты Н.А. Байков, З.Н. Жемчужная, Вс.Н. Иванов, В.Н. Матвеев (В. Март), А.А. Грызов (А. Ачаир), А.И. Митропольский (А. Несмелов), Г.Г. Сатовский-Ржевский (младший) и др. [31]. Среди священнослужителей Русской православной церкви, эмигрировавших в Китай после революции и в период Гражданской войны, были архиепископ Мефодий (М.Л. Герасимов), архиепископ Мелетий (М.В. Заборовский), епископ Нестор (Н.А. Анисимов), епископ Виктор (Л.В. Святин), архимандрит Ювеналий (И.К. Килин), протоирей Дмитрий (Н.Ф. Вознесенский) и др. [32. С. 294].

Весной 1920 г. начался массовый исход за рубеж разбитых вооруженных формирований А.В. Колчака и беженцев из Сибири, Забайкалья, Дальнего Востока. Последняя, самая многочисленная волна эмигрантов покинула Приморье вместе с Сибирской флотилией контр-адмирала Г.К. Старка осенью 1922 г. после падения последнего оплота Белого движения – Дальневосточной республики.

Выходцы из России селились вдоль всей линии КВЖД (Муданьцзян, Гринин, Чанчунь, Хинган, Цицикар, Хайлар, Аньда и др.), но центром русской эмиграции в 1920-е гг. стала столица Маньчжурии – город Харбин. Анализ анкетных карточек эмигрантов, сохранившихся в фондах Государственного архива Хабаровского края, иллюстрирует разнородный социально-сословный и национальный состав русской диаспоры в Китае. Среди российских переселенцев были представители всех социальных слоев (дворяне,

предприниматели, учителя, врачи, инженеры, рабочие, крестьяне и пр.) и национальностей (русские, украинцы, белорусы, поляки, армяне, грузины, евреи и др.) дореволюционной России. Конфессиональный состав эмигрантов составляли различные группы верующих: баптисты, католики, лютеране, но большинство – православного вероисповедования. Национальная и конфессиональная разнородность изгнанников переплелась с политической неоднородностью: монархисты, республиканцы, сменовеховцы и пр. [33]. По различным данным русская колония в Китае в 1918–1929 гг. насчитывала от 250 [34. С. 130] до 400 тыс. человек [35. С. 264]. Дети от этого числа составляли около 35 % [36. С. 194].

Судьба ребенка в изгнании являлась предметом глубочайшей тревоги эмигрантов. Печатные издания для детей и молодежи (в качестве вложений и приложений к «взрослым» изданиям, в виде самостоятельных газет и журналов) составили значительную часть рынка русской периодики за рубежом. Характерно, что газеты и журналы для взрослых и издания для подрастающего поколения начали выпускаться эмигрантами синхронно. Издательским центром детской и молодежной периодики русского Китая в 1920-х гг. стал Харбин.

Уже в начале 1920-х гг. в Китае начала издаваться периодика, адресованная детям дошкольного и младшего школьного возраста: журналы «Игрушка», «Василёчки», «Журнал детских развлечений», «Родные картинки», альманах «Восход». Изучение периодических изданий дальневосточного зарубежья для детей обнаруживает прочную взаимосвязь с отечественной классической детской журналистикой, заложившей основы развлекательного обучения и серьезного научного просветительства. «Профессиональные принципы детской журналистики Н.И. Новикова: сочетание художественного и научно-познавательного материала, ориентация на грамотную русскую речь, нацеленность на гармоничное развитие ребенка, стремление заинтересовать его, отсутствие нарочитой назидательности легли в основу детской периодики русского Китая» [37. С. 23].

Русская эмигрантская молодежь, прибывшая в Китай, нуждалась в получении и/или продолжении образования. Усилиями инициативной группы харбинцев в лице присяжного поверенного В.И. Александрова, директора Коммерческих училищ Н.В. Борзова, барона В.А. Дистерло и бывшего мирового судьи К.И. Кайдо в 1918 г. был создан Комитет по учреждению в Харбине русскоязычного высшего учебного заведения [38. С. 252]. Благодаря активной деятельности комитета и содействию администрации КВЖД в начале 1920 г. в Харбине почти одновременно открылось два высших учебных заведения: Высшие экономико-юридические курсы (1 марта 1920 г.), преобразованные в 1922 г. в Юридический факультет, и Русско-китайский техникум (сентябрь 1920 г.), который в 1922 г. был преобразован в Русско-китайский политехнический институт. По инициативе Общества врачей центральной больницы КВЖД 30 октября 1921 г. была открыта Высшая медицинская школа. Осенью 1924 г. открылся Институт ориентальных и коммерческих наук и вскоре после этого в сентябре 1925 г. – Педагогический институт. В конце 1930-х гг. был открыт Институт Св. Владимира с богословским и другими факультетами.

На фоне развивавшейся академической жизни возникла студенческая издательская деятельность. Наибольшую активность проявили учащиеся Юридического факультета, издававшие газеты «Наш день», «День юриста», «Академическая жизнь», «Жизнь студента», «Эхо». В Политехническом институте выпускалась газета «День политехника». В Педагогическом институте – газета «К свету». Объединенное русское студенческое общество издавало журналы и газеты: «Слово молодежи», «Русский студент», «Студенческая газета», «Татьянин день», «День студента». Издания содержали публикации по различным областям научного знания, затрагивали актуальные для эмигрантов вопросы образования и национального воспитания в России и за рубежом, освещали события академической жизни Харбина, публиковали творческие работы учащейся молодежи. Значительную помощь в учреждении и выпуске студенческой прессы оказали профессора и преподаватели высших учебных заведений Харбина – Ф.Н. Индриксон, С.В. Кузнецов, И.В. Мусий-Мусиенко, М.М. Шалабанов и др.

Политическое размежевание русской эмиграции обусловило выпуск изданий различной идеологической направленности. В русском Китае издавалась детско-юношеская периодика монархистов («Мушкетер», «Голос мушкетера», «Харбинский мушкетер»), фашистов («Крошка», приложение к газете «Наш путь» – «Друг юношества», «Авангард», «Авангардистка», «Русский Авангард»), эсеров («Юный социалист-революционер»), коммунистов («Друг коммуниста»). В политизированной прессе, адресованной русской молодежи, публиковались статьи, освещавшие события российской истории и современной жизни в разных странах (включая СССР), раскрывались основные положения, цели политических объединений и способы их реализации.

Политический плюрализм россиян за рубежом дополнялся широтой религиозных взглядов. Несмотря на то, что в дальневосточном зарубежье основу религиозной периодики для подрастающего поколения составляла православная пресса («Во имя Христа», «Семейный друг», «Детское чтение»), имели место также католические («Пробуждение: журнал русского католического лица Св. Николая») и протестантские («Светоч: журнал юношеского кружка союзн. церкви баптистов») издания.

Интересно, что обращения священнослужителей (архиепископа Мелетия, епископа Виктора, епископа Дмитрия, епископа Нестора, епископа Ювеналия)¹ к подрастающему поколению, регулярно публиковавшиеся на страницах религиозной и светской детско-юношеской периодики, не содержали рассказов об истории Русской православной церкви, наставительных жизнеописаний святых и великомучеников, т.е. являли собой не поучение, а, скорее, учение о смысле жизни: аллегорически, без явного назидания они открывали юным читателям истинные духовные ценности, учили сообща преодолевать жизненные невзгоды.

Среди многочисленных общественных организаций и молодежных объединений русского Китая наибольшую издательскую активность проявили скауты. В то время как некогда популярное в Российской империи движение

¹ Здесь указан тот духовный сан, который стоял рядом с именем священнослужителя под статьей на момент ее публикации.

к 1922 г. полностью изжило себя в Советской России, в дальневосточном зарубежье газеты и журналы русских скаутов («Вестник скаута» (позднее был переименован в «Белый медведь»), «Голос Скаута», «За Россию будь готов!», «Отзвуки», «Русский скаут») продолжали издаваться вплоть до 1940-х гг. Издания публиковали хронику событий и мероприятий, проводившихся организацией, законы и заповеди русских скаутов, воспоминания бывших скаутов о скаутском движении и пр. В подготовке и выпуске периодики принимали участие как лидеры движения (О.И. Пантюхов, организатор одного из первых скаутских отрядов в России, направлял обращения к маньчжурским скаутам из США), так и талантливые скаутмастеры, рядовые харбинских отрядов (А.А. Кармилов, В.П. Шубенко и др.).

Основанная на скаутской идеологии Национальная организация русских разведчиков (НОРР) также имела свой печатный орган в Китае. На страницах газеты «Русский разведчик», издававшейся в 1937–1939 гг. в Шанхае, публиковали обращения к русской молодежи основатель движения П.Н. Богданович и лидеры зарубежных отделов – В.Ф. Жуков, Я.Н. Репнинский и Л.Г. Фурсов.

Некоторое влияние на периодику россиян за рубежом оказал и иностранный сегмент крупных городов Китая. Ряд американских и французских учебных заведений наладили выпуск русскоязычных/двуязычных периодических изданий (детский журнал «Вечерний луч», издававшийся учащимися французской муниципальной школы; ежегодный журнал гимназии Христианского союза молодых людей (УМСА) «Прощай, колледж!»).

Магистральным направлением, определившим развитие литературы и журналистики в изгнании, явилась нацеленность на сохранение традиций и культурного наследия ушедшей России. Издатели и журналисты русского зарубежья Дальнего Востока обращали взоры подрастающего поколения к истокам традиционной русской культуры, формировали основы исторической памяти, стремились сохранить родной язык.

Наиболее востребованными в русском Китае, особенно у молодежи, были литературные издания. По меткому замечанию А.А. Забияко, «Харбин вообще был настроен на литературную волну» [39. С. 45]. С одной стороны, увлечение литературой являлось своеобразной данью традиции (Е. Рачинская) [40. С. 84], с другой – живительной заменой хлебу насущному (В. Слободчиков) [41. С. 67]. Литературно-художественное объединение «Молодая Чураевка», основанное в 1926 г. поэтом А. Ачаиром (А.А. Грызов) при Христианском союзе молодых людей (ХСМЛ), занимает особое место в системе общественных организаций русского Китая. Выполняя функции профессиональной ассоциации литераторов, «Молодая Чураевка» определила «лицо всей китайской группы» [42. С. 218] поэтов русского зарубежья. Под руководством поэтов и писателей старшего поколения (А. Ачаир, А. Несмелов, Вс. Н. Иванов, В. Логинов и др.) молодежь изучала теорию литературы, на примере русских классиков (П.А. Вяземский, А.С. Пушкин, А.С. Грибоедов, М.Ю. Лермонтов, А.В. Кольцов) и поэтов-современников (А. Блок, Н. Гумилев, М. Цветаева, А. Ладинский) постигала тайны версификации, проводила разбор собственных сочинений. В 1932 г. объединением был налажен выпуск литературной газеты «Молодая Чураевка» (впоследствии – «Чураевка»),

ставшей средоточием творческих национальных молодых сил за границей, «питомником для молодых талантов» (А. Несмелов) [43. С. 150]. На страницах «Чураевки» прошло поэтическое становление целой плеяды молодого поколения харбинских дарований – Л. Андерсен, М. Волина, Г. Гранина, В. Перелешина, Н. Петереца, С. Сергина, Н. Светлова, Л. Хаиндровой, Н. Щеголева и др.

Менее крупные творческие объединения русского Китая выпускали такие литературные газеты, как «Веселый сборник литературно-художественного кружка», «Первые литературные шаги», «На чужбине».

Особого внимания в изучении отечественной журналистики за рубежом заслуживает деятельность Е.С. Кауфмана – одного из самых известных и влиятельных издателей русского зарубежья Дальнего Востока. Мысля масштабно, сообразуясь с потребностями дня и вечными, непреходящими ценностями, он одним из первых россиян в эмиграции обратился к выпуску периодики для детей и юношества. Поставив перед собой задачу полно и широко отвечать запросам подрастающего поколения, Е.С. Кауфман стремился «дать широким кругам юношества не только интересное и занимательное чтение, но также и сведения из самых разнообразных областей науки» [44], «побудить молодежь к самотворчеству» [45], адаптировать детей-эмигрантов к жизни в инокультурной среде, сохранив при этом представление о традиционных ценностях русской культуры. Менее чем за 5 лет при поддержке неравнодушных к проблемам подрастающего поколения коллег (А. Ачаир, М.С. Рокотов, Е.А. Васильева) Е.С. Кауфман создал развернутую сеть адресованных подрастающему поколению русских изгнанников изданий: приложение к газете «Рупор» «Юный читатель “Рупора”» (1927), журнал «Юный читатель “Рубежа”» (1930), а в 1931 г. выкупил у издателя А.Я. Буйлова нерентабельный журнал для детей младшего возраста «Ласточка» (1926). Благодаря грамотной издательской политике Е.С. Кауфмана «Ласточка», успешно развиваясь в течение почти двух десятилетий (1926–1945 гг.), стала одним из самых популярных русскоязычных детских изданий не только в Китае, но и в Японии, Германии, Франции, Турции и США [46. С. 37].

На формирование ценностной составляющей детско-юношеской периодики русского Китая в различные конкретно-исторические отрезки времени оказывало влияние множество факторов (социокультурных, экономических, политических), определяющих жизнь изгнанников. Основой аксиологического наполнения всех без исключения периодических изданий для детей и молодежи дальневосточного зарубежья стали: сохранение любви к России; поддержание уважения к традициям, национальной культуре, истории отечества, русскому языку; ориентированность на получение новых знаний; общая социализация (установка на общественно полезную деятельность, внимание в ближнему, милосердие) [37. С. 77]. В остальном система ценностей, транслируемая детскими и молодежными изданиями, зависела от того, являлся журнал аполитичным или, напротив, политически ангажированным.

В художественном поиске и выражении своих взглядов эмигранты располагали большей свободой, чем советские писатели и журналисты, поэтому тематика и проблематика публикаций газет и журналов для подрастающего поколения отличалась богатством и разнообразием, включала большой обзор

новостей, в том числе заграничной жизни, что способствовало развитию и укреплению межкультурных связей.

На развитие отечественной журналистики в изгнании значительное влияние оказала культура страны расселения. В публикациях газет и журналов для детей и молодежи нашли отражение процессы взаимного влияния, взаимообогащающие тенденции культур: «Российская эмиграция принесла с собой в страны Востока свою, русскую, культуру и здесь, на новой почве, развивала ее в контексте другой культуры, обогащаясь сама и влияя на культуру страны, принявшей российских эмигрантов» [47. С. 7]. Наиболее активно эта тенденция проявилась в изданиях аполитичных, вследствие чего именно они как наиболее объективные, приближенные к реальной жизни оказались востребованными, конкурентно- и жизнеспособными.

Сложные интеграционные процессы вхождения российских эмигрантов в культурную, социальную и политическую жизнь Северо-Восточной Азии приводили к структурным и содержательным новообразованиям в периодике. Анализ содержания детских, молодежных газет и журналов русского Китая 1930-х гг. свидетельствует о вхождении россиян в адаптивную фазу аккультурации, постепенном ослабевании связей с дореволюционной Россией. Национальный акцент значительной части детско-юношеских изданий заметно приглушается: повествования о России, русском быте, народных обычаях сменяют стихи и рассказы о Маньчжурии, переводы китайских сказок, в изданиях все чаще находят отражение реальные проблемы природного и социального характера страны расселения [46. С. 56].

Вторжение японцев в Маньчжурию в 1931 г. ознаменовало начало нового периода в развитии русской прессы. Японская военная спецслужба создала Бюро по делам российских эмигрантов в Маньчжурской империи (БРЭМ), которое строго регламентировало все действия русских изгнанников. С переходом КВЖД под юрисдикцию японцев выпуск русскоязычных изданий (типографии КВЖД, русских учебных заведений и частных владельцев) значительно сократился [48. С. 176–186]. Для публикаций этого периода характерно «оправдание японской агрессии, провозглашение Японии спасительницей народов Восточной Азии от мирового коммунизма и “белого” колониализма» [2. С. 11]. Постепенно русская эмигрантская печать полностью попала под контроль БРЭМ. Даже детская пресса не смогла избежать идеологической экспансии. Так, с середины 1930-х гг. на страницах детских и молодежных изданий русских эмигрантов начали публиковаться переводы японских сказок («Ласточка», «Юный читатель “Рубежа”», «Восточное обозрение»), уроки японского языка («Ласточка», «Светлый луч»), публицистика на японском языке («Прощай, колледж!»).

Наибольшей активности в период японской экспансии достигла издательская деятельность Всероссийской фашистской партии («Крошка», «Друг юности» – приложение к газете «Наш путь», «Авангард», «Авангардистка», «Русский Авангард», издание союза националистической молодежи «Русская речь», «Однодневная газета организации русских девушек»), до определенного времени пользовавшейся покровительством японских властей. Деятельность ВФП (позднее – Всероссийский фашистский союз) – активизация антисоветской пропаганды и разведывательной работы – совпадала с

приоритетным направлением подрывной деятельности государства Ниппон против СССР, поэтому японцы, рассматривая партию как потенциального союзника в случае войны с Советским Союзом, относились к ней благосклонно, поддерживали финансово.

Анализ содержания периодической печати для детей и молодежи, издаваемой Всероссийской фашистской партией, позволяет выявить основные направления работы политического объединения: пропаганда в молодежной среде антикоммунизма и антисемитизма, прикрываемая стремлением к сохранению национальной идентичности. Формирование «русской линии» осуществлялось посредством ксенофобии, активного использования манипулятивных стратегий и тактик психологического воздействия. Однако вопреки иллюзиям партийных лидеров идеологическая и расовая селекция не консолидировала, а разъединяла русскую диаспору, а отрицание определяющей в жизни эмигрантов инокультурной составляющей (призывы забыть «подражание иностранщине» [49. С. 3]) способствовали созданию на страницах детско-юношеской политизированной периодики искусственной среды, отгораживающей молодежь от реального мира, а не способствующей адаптации в нем. В результате политизированные издания ВФП, в отличие от аполитичной детско-юношеской периодики русского Китая, оказались нежизнеспособными [50. С. 272].

По требованию японской военной миссии (ЯВМ) БРЭМ сосредоточило внимание на военно-воспитательной работе с подрастающим поколением русских эмигрантов. На этом основании под патронажем БРЭМ стали выходить такие газеты и журналы, как однодневная газета «День русского ребенка», издание учащихся общественной гимназии Бюро по делам российских эмигрантов «Друг юношества», общественно-политический и литературный журнал Муданьцзянского штаба Кио-Ва-Кай «На штурм», ежемесячный журнал литературной секции пристанского кружка молодежи Бюро эмигрантов «Пробуждение», приложение «Литературная студия: страница объединения молодежи» в газете «Голос эмигрантов». Несмотря на идеологическое давление ЯВМ, Бюро проявило лояльность по отношению к эмигрантам, в результате чего в Северо-Восточном Китае была создана беспрецедентная парадоксальная ситуация: служа реализации планов японских оккупантов, БРЭМ сохраняло культурные и духовные традиции дореволюционной России, обеспечивало этнокультурную целостность российской диаспоры.

Анализ периодической печати для детей и юношества 1930–1940-х гг. обнаруживает, что единой тенденцией для всей детско-юношеской периодики дальневосточного зарубежья на протяжении указанного периода стало неуклонное усиление политизации, обусловленное событиями внешней политики Маньчжурии [51. С. 249–254].

В 1933–1938 гг. в связи с усилением японского диктата и обострившимся экономическим кризисом, повлекшими исход русских из Харбина в Шанхай, прекратили свое существование такие аполитичные газеты для молодежи, как «Чураевка», «Голос мушкетера», «К свету», журнал «За Россию будь готов!».

Под натиском политико-идеологической и культурной унификации японских властей в конце 1930-х – начале 1940-х гг. в Харбине стали сокращаться политизированные объединения русских эмигрантов, что повлекло за собой

ликвидацию издаваемых ими изданий, в том числе газет и журналов для детей и молодежи. Не избежали закрытия и недавние фавориты ЯВМ: был прекращен выпуск газет «Авангард», «Авангардистка», «Друг юношества» (приложение к газете «Наш путь»), издававшихся Всероссийским фашистским союзом.

Некоторые газеты и журналы после закрытия харбинских редакций продолжали выходить в Шанхае (печатный орган русского воинства на Дальнем Востоке «Подчасок», газета НОРР «Русский разведчик», газета РФС «Наш Путь»). Наряду с ними в Шанхае был налажен выпуск новых изданий для подрастающего поколения: детского журнала «Кот Мурлыка», журнала «Юность», литературно-художественного журнала «Феникс», общественно-политического журнала «Русское знамя» (содержал раздел для юношества), газеты «Русский Авангард», национально-патриотического антисоветского журнала «Мушкетер».

В декабре 1941 г. Япония оккупировала территорию международного селтльмента и французской концессии Шанхая [52], что повлекло за собой массовое закрытие русских газет и журналов. Что касается столицы русской диаспоры в Китае, то в Харбине эмигрантские издания прекратили свое существование в августе 1945 г., когда после входа советских войск в город были арестованы и насильственно вывезены в СССР практически все видные представители российской эмиграции, в том числе издатели, журналисты, поэты и писатели.

Изучение периодических изданий для детей и молодежи русского зарубежья Дальнего Востока, являющихся неотъемлемой частью отечественной журналистики, представляется перспективным направлением развития научного знания, способным расширить представление о политической, культурной и экономической жизни русской диаспоры в Китае, существенно обогатить и вывести на качественно новый уровень имеющиеся данные по истории отечественной журналистики, полнее разобраться в истоках социальных потрясений России и Азиатско-Тихоокеанского региона в первой половине XX столетия.

Литература

1. Агеносов В.В. Литература русского зарубежья. М.: Терра. Спорт, 1998. 543 с.
2. Аурилене Е.Е. Российская эмиграция в Маньчжурии а 30–40-е года XX века (на примере деятельности бюро по делам российских эмигрантов в Маньчжурской Империи): автореф. дис. ... канд. ист. наук. Владивосток, 1996. 24 с.
3. Бузуев О.А. Очерки по истории литературы русского зарубежья Дальнего Востока (1917–1956). М.: Прометей, 2000. 124 с.
4. Витковский Е.В. «Мы жили тогда на планете другой...»: антология поэзии русского зарубежья, 1920–1990 (первая и вторая волна): в 4 кн. М.: Моск. рабочий, 1994. Кн. 1. 466 с.; 1995. Кн. 2. 498 с.
5. Забияко А.А. Лирика харбинской ноты: культурное пространство, художественные концепты, версификационная поэтика: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. М., 2007. 36 с.
6. Кириллова Е.О. Ориентальные темы, образы, мотивы в литературе русского зарубежья Дальнего Востока (Б.М. Юльский, Н.А. Байков, М.В. Щербаков, Е.Е. Яшнов). Владивосток: Дальневост. федерал. ун-т, 2015. 276 с.
7. Русская поэзия Китая: антология / сост. В.П. Крейд, О.М. Бакич. М.: Время, 2001. 720 с.
8. Мелихов Г.В. Российская эмиграция в Китае (1917–1924). М.: Наука, 1997. 245 с.

9. Раев М. Россия за рубежом: История культуры русской эмиграции 1919–1939. М.: Прогресс-академия, 1994. 293 с.
10. Соколов А.Г. Судьбы русской литературной эмиграции 1920-х годов. М.: Изд-во МГУ, 1991. 182 с.
11. Таскина Е.П. Неизвестный Харбин. М., 1994. 192 с.
12. Хисамутдинов А.А. По странам рассеяния: в 2 ч. Ч. 1: Русские в Китае. Владивосток : Изд-во ВГУЭС, 2000. 360 с.
13. Хисамутдинов А.А. Следующая остановка – Китай: из истории русской эмиграции. Владивосток : Изд-во ВГУЭС, 2003. 244 с.
14. Штейн Э. Журналы русского Китая // Знамя. 1990. № 5. С. 231–236.
15. Якимов С.И. Литература русского зарубежья Дальнего Востока: учеб. пособие для преподавателей и студентов. Хабаровск : ДВИМБ, 2005. 106 с.
16. Полански П. Русская печать в Китае, Японии и Корее: каталог собрания библиотеки им. Гамильтона Гавайского университета / под ред. А.А. Хисамутдинова. М. : Пашков дом, 2002. 204 с.
17. Стефан Дж. Русские фашисты: Трагедия и фарс в эмиграции. 1925–1945. М. : СП «Слово», 1992. 448 с.
18. Ван Д. История русской эмиграции в Шанхае. Шанхай, 1994. 832 с.
19. Дян Д. Панорама культурной жизни: газеты Харбина и культурная жизнь до 1932 г. // Дальний Восток России – Северо-Восток Китая: исторический опыт взаимодействия и перспективы сотрудничества: материалы Междунар. науч.-практ. конф., Хабаровск, 1–3 июня 1998 г. / Дальневост. гос. науч. б-ка. Хабаровск, 1998. С. 280–282.
20. Ли М. Литература русской эмиграции в Китае. Забытая страница. Пекин: Peking University Press, 2007. 483 с.
21. Лю Х. Поэзия русской эмиграции в Харбине: основные имена и тенденции: автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2001. 18 с.
22. Лянглун Ж. Краткий очерк о русских эмигрантах, проживающих в Харбине с 1917 по 1932 г. // Дальний Восток России – Северо-Восток Китая: исторический опыт взаимодействия и перспективы сотрудничества: материалы Междунар. науч.-практ. конф., Хабаровск, 1–3 июня 1998 г. / Дальневост. гос. науч. б-ка. Хабаровск, 1998. С. 286–289.
23. Сюй Г. Литературная жизнь русской эмиграции в Китае (1920–1940-е годы): автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1996. 45 с.
24. Цзяо Ч. Русский литературный Харбин 1920–1930-х годов: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Иваново, 1994. 18 с.
25. Шаохуа Д. Художественная литература русского зарубежья в городе Харбине за первые 20 лет (1905–1925 гг.): По найденным материалам // Россияне в Азии: литературно-исторический ежегодник / под ред. О. Бакич. Торонто, 1996. № 3. С. 57–111.
26. Указ Президента РФ от 19.12.2012 № 1666 «О Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года» [Электронный ресурс]. URL: http://kafioo.edurm.ru/dok/strategiya_nacpolitiki.pdf (дата обращения: 26.10.2016).
27. Кротова М.В. Харбин – аванпост русской промышленности, торговли и культуры в Маньчжурии (1898–1917 гг.): автореф. дис. ... канд. ист. наук. СПб., 1996. 20 с.
28. ГАХК. Ф.Р-830. Оп. 2. Главное Бюро по делам российских эмигрантов в Маньчжурской империи. Ед. хр. 31 (Л. 28, 34, 43).
29. Чуприна М.В. Роль русских белоэмигрантов в социально-экономическом развитии Маньчжурии в 1920–30-х гг. // Власть. 2012. № 7. С. 128–130.
30. Великая Маньчжурская Империя: К десятилетнему юбилею. Харбин: Изд. Государственной организации Кио-ва-кай и Главного Бюро по делам российских эмигрантов в Маньчжурской Империи, 1942. 416 с.
31. Говердовская Л.Ф. Культурная жизнь российской эмиграции в Китае в 20–40-е года XX века [Электронный ресурс]. URL: http://abc.vvsu.ru/Books/up_kult_zhiznj_ros_emigr_v_kitaje/page0001.asp (дата обращения: 18.11.2016).
32. Русак В.С. Православие в Китае // Макарьевские чтения: материалы 8-й Междунар. конф., 21–23 ноября 2009 г. / отв. ред. В.Г. Бабин. Горно-Алтайск, 2009. С. 294–319.
33. ГАХК. Ф.Р-830. Главное бюро по делам российских эмигрантов в Маньчжурской империи. Оп. 3. Личные дела эмигрантов, зарегистрированных Главным бюро по делам российских эмигрантов (1935–1945 гг.).

34. *Аблажей Н.Н.* Хозяйственно-экономическая деятельность российских эмигрантов в Северной Маньчжурии // *Россия и Китай на дальневосточных рубежах*. 2. Благовещенск, 2001. С. 130–136.
35. *Печерица В.Ф.* Духовная культура русской эмиграции в Китае. Владивосток: Изд-во Дальневост. ун-та, 1998. 276 с.
36. *Постижение педагогической культуры человечества*: в 2 т. Т. 2: Отечественная педагогическая традиция / под ред. Г.Б. Корнетова. М.: АСОУ, 2010. 248 с. Гл. 14. Журналистика русского зарубежья о самосохранении детей в условиях эмиграции.
37. *Бабкина Е.С.* Эпоха русского рассеяния на страницах детского журнала. М.: ФЛИНТА : Наука, 2014. 92 с.
38. *Лукашин А.* К библиографии дальневосточной прессы // *Новый журнал*. Кн. 114. Нью-Йорк, 1974. С. 252–259.
39. *Забияко А.А.* «Дети восемнадцатого года»: социокультурный портрет писателей русского Харбина // *Русские писатели в Маньчжурии*. Благовещенск, 2009. С. 32–45.
40. *Рачинская Е.* Перелетные птицы: Воспоминания. Сан-Франциско: Глобус, 1982. 261 с.
41. *Слободчиков В.А.* «Чураевка» // *Русский Харбин* / сост., предисл. и коммент. Е.П. Таскиной. 2-е изд., испр. и доп. М., 2005. С. 65–84.
42. *Волин М.* Воспоминания (Гибель «Молодой Чураевки») / публ. Э. Штейна // *Новый журнал*. Нью-Йорк. 1997. Кн. 209. С. 216–240.
43. *Несмелов А.* Что такое динамичность искусства (из записной книжки) // *Литературный ежедневник харбинской группы писателей – динамических реалистов*. Харбин. Маньчжоу-Го. 21 июля 1941 г. С. 150.
44. *ГАХК.* НСБ. Юный читатель Рубежа: журнал. Харбин: Заря, 1930. № 1. С. 1.
45. *ГАХК.* НСБ. Рупор: газета. Харбин: Заря, 1927. № 1 (22 окт.). С. 3.
46. *Бабкина Е.С.* Издатель детской периодики дальневосточного зарубежья (о деятельности Е.С. Кауфмана) // *Меди@льманах*. 2014. № 4 [63]. С. 36–42.
47. *Якимов С.И.* Литературно-художественная критика русского зарубежья Дальнего Востока в историко-культурном контексте. Хабаровск : Изд-во Тихоокеан. гос. ун-та, 2016. 213 с.
48. *Кузнецова Т.В.* Из практики книжного дела Бюро по делам российских эмигрантов в Маньчжурской империи // *XX век. Две России – одна культура*: сб. науч. тр. по материалам 14-х Смирдинских чтений. СПб., 2006. С. 176–186 [Электронный ресурс]. URL: <http://kk.docdat.com/docs/index-473814.html> (дата обращения: 11.09.2016).
49. *ГАХК.* НСБ. Наш путь : газета. Харбин. 10 февраля 1934 г. № 35 (121). С. 3.
50. *Бабкина Е.С.* Русские фашисты дальневосточного зарубежья: опыт издания периодической печати для детей и юношества // *Общественные науки*. 2016. № 3. С. 261–273.
51. *Бабкина Е.С.* Внешняя политика Маньчжурии 1930–1940 гг. и ее отражение в детской периодике русской эмиграции // *Вестн. Тихоокеан. гос. ун-та*. 2015. № 2 (37). С. 249–254.
52. *Гудошников Л., Троцкий П.* Шанхайская ветвь русской эмиграции [Электронный ресурс]. URL: <http://www.china-voyage.com/2010/11/shanhajskaya-vetv-russkoj-emigracii/> (дата обращения: 11.09.2016).

RUSSIAN CHILDREN AND YOUTH JOURNALISM IN CHINA (1898–1945)

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology. 2017. 47. 184–198. DOI: 10.17223/19986645/47/13

Ekaterina. S. Babkina, Pacific State University (Khabarovsk, Russian Federation); Saint Petersburg State University (Saint Petersburg, Russian Federation). E-mail: gussinda@yandex.ru

Keywords: journalism, children, youth, China, emigration.

The article deals with the study of Russian children and youth journalism in China in 1898–1945. On the basis of official documents, correspondence with Russian emigration personalities during that period, their personal records, information obtained through intelligence service, publications for children and youth from national and foreign archive funds, the author studies the reasons of the origin of the first periodicals for children and young people in the Chinese Eastern Railway right-of-way during its construction. The author also studies development conditions of Russian periodicals, published for children and young people during the mass exodus of the Russian Empire citizens after the October revolution in 1917 and the Civil war. The author finds out typological, formal and substantive peculi-

arities of Russian periodicals for children and youth during the period of the Japanese occupation of China and the existence of the Great Empire of Manchukuo.

Periodicals for children and youth, attached to periodicals for grown-ups or published as independent newspapers and magazines, made up a considerable part of Russian journalism market in China. They differ in typological, formal and substantive features. But they are strongly interrelated with classical national children's literature and journalism and regional children's journalism of the Russian Far East in the 19th – early 20th centuries. Newspapers and magazines for Russian children and youth in China reflect the dramatic events in Russian and world history in the 20th century, the cultural, social, political, religious life of Russian people in exile and the complicated integration processes of interaction between Russian and Asian cultures.

The study of typological peculiarities of Russian children and youth in China, in-depth research of the subject, problems, axiological dominant ideas of newspapers and magazines, specific features of the professional and creative career of publishers, editors and journalists, ideology, methods of work with young people, analysis of changes in the publishing policy of Russian emigrants depending on the economic, political and sociocultural changes in North-Eastern Asia in the 1920s–1940s allows to enrich the available information about the history of Russian journalism and propel it to the next level, expand knowledge about the political, cultural and economic life of the Russian diaspora in China and study the origins of social upheavals in Russia and Asian-Oceanian countries in the first half of the 20th century.

References

1. Agenosov, V.V. (1998) *Literatura russkogo zarubezh'ya* [Literature of the Russian Abroad]. Moscow: Terra. Sport.
2. Aurilene, E.E. (1996) *Rossiyskaya emigratsiya v Man'chzhurii v 30-40-e goda XX veka (na primere deyatel'nosti byuro po delam rossiyskikh emigrantov v Man'chzhurskoy Imperii)* [Russian emigration in Manchuria in the 1930s–1940s (on the example of the activity of the bureau for the affairs of Russian emigrants in the Manchurian Empire)]. Abstract of History Cand. Diss. Vladivostok.
3. Buzuev, O.A. (2000) *Ocherki po istorii literatury russkogo zarubezh'ya Dal'nego Vostoka (1917–1956)* [Essays on the History of the Literature of the Russian Abroad of the Far East (1917–1956)]. Moscow: Prometey.
4. Vitkovskiy, E.V. (1994–1995) *“My zhili togda na planete drugoy...”: antologiya poezii russkogo zarubezh'ya, 1920–1990 (pervaya i vtoraya volna): v 4 kn.* [“We lived on a different planet then”: an anthology of Russian poetry abroad, 1920–1990 (first and second waves): in 4 vols]. Vols 1–2. Moscow: Mosk. rabochiy.
5. Zabiako, A.A. (2007) *Lirika kharbinskoy noty: kul'turnoe prostranstvo, khudozhestvennyye kontsepty, versifikatsionnaya poetika* [Lyrics of the Harbin note: cultural space, artistic concepts, versification poetics]. Abstract of Philology Dr. Diss. Moscow.
6. Kirillova, E.O. (2015) *Oriental'nye temy, obrazy, motivy v literature russkogo zarubezh'ya Dal'nego Vostoka* [Oriental themes, images, motifs in the literature of the Russian emigre of the Far East]. Vladivostok: FEFU.
7. Kreyd, V.P. & Bakich, O.M. (2001) *Russkaya poeziya Kitaya: antologiya* [Russian poetry of China: anthology]. Moscow: Vremya.
8. Melikhov, G.V. (1997) *Rossiyskaya emigratsiya v Kitae (1917–1924)* [Russian emigration in China (1917–1924)]. Moscow: Nauka.
9. Raev, M. (1994) *Rossiya za rubezhom. Istoriya kul'tury russkoy emigratsii 1919–1939* [Russia Abroad. History of the culture of Russian emigration, 1919–1939]. Moscow: Progress-akademiya.
10. Sokolov, A.G. (1991) *Sud'by russkoy literaturnoy emigratsii 1920-kh godov* [The fate of the Russian literary emigration of the 1920s]. Moscow: MSU.
11. Taskina, E.P. (1994) *Neizvestnyy Kharbin* [Unknown Harbin]. Moscow: Prometey.
12. Khisamutdinov, A.A. (2000) *Po stranam rasseyaniya: v 2 ch.* [In countries of dissemination: in 2 vols]. Vol. 1. Vladivostok: Izd-vo VGUES.
13. Khisamutdinov, A.A. (2003) *Sleduyushchaya ostanovka – Kitay: iz istorii russkoy emigratsii* [The next stop is China: from the history of Russian emigration]. Vladivostok: Izd-vo VGUES.
14. Shteyn, E. (1990) *Zhurnaly russkogo Kitaya* [Journals of Russian China]. *Znamya*. 5. pp. 231–236.
15. Yakimova, S.I. (2005) *Literatura russkogo zarubezh'ya Dal'nego Vostoka* [Literature of the Russian Abroad of the Far East]. Khabarovsk: DVIMB.

16. Polanski, P. (2002) *Russkaya pechat' v Kitae, Yaponii i Koree: katalog sobraniya biblioteki im. Gamil'tona Gavayskogo universiteta* [The Russian press in China, Japan and Korea: the catalog of the library collection. Hamilton University of Hawaii]. Moscow: Pashkov dom.
17. Stefan, J. (1992) *Russkie fashisty: Tragediya i fars v emigratsii. 1925–1945* [Russian fascists: Tragedy and farce in emigration. 1925–1945]. Moscow: SP "Slovo".
18. Van, D. (1994) *Istoriya russkoy emigratsii v Shankhae* [The history of Russian emigration in Shanghai]. Shanghai.
19. Dyan, D. (1998) [Panorama of cultural life: Harbin's newspapers and cultural life until 1932]. *Dal'niy Vostok Rossii – Severo-Vostok Kitaya: istoricheskiy opyt vzaimodeystviya i perspektivy sotrudnichestva* [Far East of Russia – Northeast China: historical experience of interaction and cooperation prospects]. Proceedings of the international conference. Khabarovsk. 1–3 June 1998. Khabarovsk: Izdat. dom "Chastnaya kollektsiya". pp. 280–282. (In Russian).
20. Li, M. (2007) *Literatura russkoy emigratsii v Kitae. Zabytaya stranitsa* [Literature of Russian emigration in China. Forgotten page]. Beijing: Peking University Press.
21. Lyu, Kh. (2001) *Poeziya russkoy emigratsii v Kharbine: osnovnye imena i tendentsii* [Poetry of Russian emigration in Harbin: main names and trends]. Abstract of Philology Cand. Diss. Moscow.
22. Lyanglun, Zh. (1998) [A short essay on Russian emigrants living in Harbin from 1917 to 1932]. *Dal'niy Vostok Rossii – Severo-Vostok Kitaya: istoricheskiy opyt vzaimodeystviya i perspektivy sotrudnichestva* [Far East of Russia – Northeast China: historical experience of interaction and cooperation prospects]. Proceedings of the international conference. Khabarovsk. 1–3 June 1998. Khabarovsk: Izdat. dom "Chastnaya kollektsiya". pp. 286–289. (In Russian).
23. Syuy, G. (1996) *Literaturnaya zhizn' russkoy emigratsii v Kitae (1920–1940-e gody)* [Literary life of Russian emigration in China (1920s–1940-s)]. Abstract of Philology Cand. Diss. Moscow.
24. Tsziao, Ch. (1994) *Russkiy literaturnyy Kharbin 1920–1930-kh godov* [Russian literary Harbin of 1920s–1930s]. Abstract of Philology Cand. Diss. Ivanovo.
25. Shaokhua, D. (1996) *Khudozhestvennaya literatura russkogo zarubezh'ya v gorode Kharbine za pervye 20 let (1905–1925 gg.). Po naydannym materialam* [Fiction of the Russian Abroad in the city of Harbin for the first 20 years (1905–1925). On the found materials]. In: Bakich, O. (ed.) *Rossiyanе v Azii: literaturno-istoricheskiy ezhegodnik* [Russians in Asia: a literary-historical yearbook]. Toronto.
26. Russian Federation. (2012) *Decree of the President of the Russian Federation of December 19, 2012, No. 1666 "On the Strategy of the State National Policy of the Russian Federation for the period until 2025"*. [Online] Available from: http://kafioo.edurm.ru/dok/strategiya_nacpolitiki.pdf. (Accessed: 26.10.2016). (In Russian).
27. Krotova, M.V. (1996) *Kharbin – avanpost russkoy promyshlennosti, trgovli i kul'tury v Man'chzhurii (1898–1917 gg.)* [Harbin – the outpost of Russian industry, trade and culture in Manchuria (1898–1917)]. Abstract of History Cand. Diss. St. Petersburg.
28. State Archive of Khabarovsk Krai (GAKhK). Fund R 830. List 2. *Glavnoe Byuro po delam rossiyskikh emigrantov v Man'chzhurskoy imperii* [The Main Bureau for Russian Emigrants in the Manchurian Empire]. Unit 31 (pp. 28, 34, 43).
29. Chuprina, M.V. (2012) *Rol' russkikh beloemigrantov v sotsial'no-ekonomicheskom razvitii Man'chzhurii v 1920-kh–30-kh gg.* [The Role of Russian White Emigrants in the Social and Economic Development of Manchuria in the 1920s–1930s]. *Vlast'*. 7. pp. 128–130.
30. Kato, R. (ed.) (1942) *Velikaya Man'chzhurskaya Imperiya. K desyatiletmemu yubileyu* [The Great Manchu Empire. To the tenth anniversary]. Harbin: Izdanie Gosudarstvennoy organizatsii Kiova-kay i Glavnogo Byuro po delam rossiyskikh emigrantov v Man'chzhurskoy Imperii.
31. Goverdovskaya, L.F. (n.d.) *Kul'turnaya zhizn' rossiyskoy emigratsii v Kitae v 20–40-e goda XX veka* [Cultural life of Russian emigration in China in the 1920s–1940s]. [Online] Available from: http://abc.vvsu.ru/Books/up_kult_zhiznj_ros_emigr_v_kitaje/page0001.asp. (Accessed: 18.11.2016 g.).
32. Rusak, V.S. (2009) *Pravoslavie v Kitae* [Orthodoxy in China]. *Makar'evskie chteniya* [Makariy Readings]. Proceedings of the VIII international conference. 21–23 November 2009. Gorno-Altaysk: GASU. pp. 294–319. (In Russian).
33. State Archive of Khabarovsk Krai (GAKhK). Fund R 830. *Glavnoe Byuro po delam rossiyskikh emigrantov v Man'chzhurskoy imperii* [The Main Bureau for Russian Emigrants in the Manchurian Empire] List 3. *Lichnye dela emigrantov, zaregistrirovannykh Glavnym byuro po delam rossiyskikh emigrantov (1935–1945 gg.)* [Personal affairs of immigrants registered by the Main Bureau for the Affairs of Russian Emigrants (1935–1945)].

34. Ablazhey, N.N. (2001) [Economic Activities of Russian Emigrants in Northern Manchuria]. *Rossiia i Kitay na dal'nevostochnykh rubezhakh* [Russia and China on the Far Eastern Frontiers]. Proceedings of the conference. Blagoveshchensk: Amur State University. pp. 130–136. (In Russian).
35. Pecheritsa, V.F. (1998) *Dukhovnaya kul'tura russkoy emigratsii v Kitae* [Spiritual Culture of Russian Emigration in China]. Vladivostok: FESU.
36. Kornetov, G.B. (ed.) (2010) *Postizhenie pedagogicheskoy kul'tury chelovechestva: v 2 t.* [Comprehension of the pedagogical culture of mankind: in 2 vols]. Vol. 2. ASOU.
37. Babkina, E.S. (2014) *Epokha russkogo rasseyaniya na stranitsakh detskogo zhurnala* [The Age of Russian Dissemination in the Children's Journal]. Moscow: FLINTA: Nauka.
38. Lukashin, A. (1974) K bibliografii dal'nevostochnoy pressy [To the bibliography of the Far Eastern press]. *Novyy zhurnal*. 114. pp. 252–259.
39. Zabiako, A.A. (2009) "Deti vosemnadtsatogo goda": sotsiokul'turnyy portret pisateley russkogo Kharbina ["The Children of the Eighteenth Year": Sociocultural Portrait of the Writers of Russian Harbin]. In: Zabiako, A.A. & Efendiev, G.V. *Russkie pisateli v Man'chzhurii* [Russian writers in Manchuria]. Blagoveshchensk: Amur State University.
40. Rachinskaya, E. (1982) *Pereletnye ptitsy. Vospominaniya* [Migratory birds. Memories]. San Francisco: Globus.
41. Slobodchikov, V.A. (2005r) "Churaevka". In: Taskina, E.P. (ed.) *Russkiy Kharbin* [Russian Harbin]. 2nd ed. Moscow: Moscow State University: Nauka. pp. 65–84.
42. Volin, M. (1997) Vospominaniya (Gibel' "Molodoy Churaevki") [Memoirs (Death of the "Young Churaevka")]. *Novyy zhurnal*. 209. pp. 216–240.
43. Nesmelov, A. (1941) Chto takoe dinamichnost' iskusstva (iz zapisnoy knizhki) [What the dynamism of art is (from a notebook)]. *Literaturnyy otdelnyy kharbinskoy gruppy pisateley – dinamicheskikh realistov*. 21 July 1941. pp. 150.
44. State Archive of Khabarovsk Krai (GAKhK). NSB. *Yunnyy chitatel' Rubezha*. (1930). Harbin: "Zarya". 1. pp. 1.
45. State Archive of Khabarovsk Krai (GAKhK). NSB. *Rupor*. (1927). Harbin: "Zarya". 1 (22 October). pp. 3.
46. Babkina, E.S. (2014) Izdatel' detskoy periodiki dal'nevostochnogo zarubezh'ya (o deyatel'nosti E.S. Kaufmana) [Publisher of children's periodicals of the Far Eastern countries (on the activities of E.S. Kaufman)]. *Medi@l'manakh*. 4 [63]. pp. 36–42.
47. Yakimova, S.I. (2016) *Literaturno-khudozhestvennaya kritika russkogo zarubezh'ya Dal'nego Vostoka v istoriko-kul'turnom kontekste* [Literary and Art Criticism of the Russian Abroad of the Far East in Historical and Cultural Context]. Khabarovsk: Pacific State University.
48. Kuznetsova, T.V. (2006) [From the book business practice of the Bureau of Russian Emigrants in the Manchurian Empire]. *XX vek. Dve Rossii – odna kul'tura* [20th century. Two Russias – one culture]. Proceedings of the 14th Smirdinsky Readings. St. Petersburg: SPbGUKI. pp. 176–186. [Online] Available from: <http://kk.docdat.com/docs/index-473814.html>. (Accessed: 11.09.2016). (In Russian).
49. State Archive of Khabarovsk Krai (GAKhK). NSB. *Nash put'*. Harbin, 10 February 1934. 35 (121). pp. 3.
50. Babkina, E.S. (2016) Russkie fashisty dal'nevostochnogo zarubezh'ya: opyt izdaniya periodicheskoy pechati dlya detey i yunoshestva [Russian fascists of Far Eastern countries: the experience of publishing periodicals for children and youth]. *Obshchestvennye nauki*. 3. pp. 261–273.
51. Babkina, E.S. (2015) Vneshnyaya politika Man'chzhurii 1930–1940 gg. i ee otrazhenie v detskoy periodike russkoy emigratsii [The foreign policy of Manchuria in the 1930s–1940s and its reflection in the children's periodicals of the Russian emigration]. *Vestnik Tikhookeanskogo gosudarstvennogo universiteta*. 2 (37). pp. 249–254.
52. Gudoshnikov, L. & Troshchinskiy, P. (2010) *Shankhayskaya vetv' russkoy emigratsii* [Shanghai branch of Russian emigration]. [Online] Available from: <http://www.china-voyage.com/2010/11/shanxajskaya-vetv-russkoj-emigracii/>. (Accessed: 11.09.2016).

УДК 087.5

DOI: 10.17223/19986645/47/14

В.Е. Беленко, Е.С. Осипова

СТУДЕНЧЕСКИЕ РАДИОСТАНЦИИ СИБИРСКОГО ФЕДЕРАЛЬНОГО ОКРУГА: РЕДАКЦИОННАЯ И ПРОГРАММНАЯ ПОЛИТИКА

Статья посвящена различным аспектам функционирования и контентной политике семи студенческих радиостанций СФО. В работе представлен результат анализа программных сеток и самих программ, организационных документов, экспертных интервью и анкет руководителей радиостанций, страниц радиостанций ВКонтакте и их сайтов. Уточняется понятие «студенческая радиостанция», приводятся этапы ее создания, структура редакций и каналы вещания, анализируются тематический и жанровый аспект радиопрограмм, выразительные средства радио, используемые авторами.

Ключевые слова: студенческие СМИ, студенческое радио, радиопрограммы, редакция, радиостанция.

Сегодня во многих государственных и коммерческих вузах страны существуют свои радиостанции. В начале 2000-х гг. рост таких радиостанций был замечен в западной части России, затем студенческое радио стало появляться в Сибирском и Дальневосточном федеральных округах.

Эмпирической базой настоящего исследования стали студенческие радиостанции Сибирского федерального округа, такие как «РиФ (Томский государственный педагогический университет; далее – ТГПУ), «Студенческая республика» (Томский государственный педагогический университет; далее – ТГПУ), «Uni» (Томский государственный университет; далее – ТГУ), «Кактус» (Новосибирский государственный университет; далее – НГУ), «Планета радио» (Алтайский государственный университет; далее – АлтГУ), «PiFm» (Сибирский федеральный университет; далее – СФУ), «Ракета» (Омский государственный университет; далее – ОмГУ). Все эти радиостанции отвечают требованию «быть студенческими» (т.е. не выступать прямым инструментом внешне- и внутрикорпоративного PR и не быть учебной площадкой для отработки навыков студентов, обучающихся по направлению «Журналистика»). Других студенческих радиостанций в вузах СФО найдено не было. То есть студенческие радиостанции в 2015 – первой половине 2016 г. (период сбора материала) функционировали в шести вузах пяти городов (причем одном вузе – две радиостанции).

Помимо собственно анализа программных сеток и содержания программ, были проанализированы организационные (уставные) документы радиостанций, проведены экспертные интервью с руководителями четырех радиостанций («Кактус», «РиФ», «Ракета», «Uni»), с остальными проведено анкетирование. В поле исследования также попали страницы радиостанций ВКонтакте и их сайты.

Типология студенческих медиа и конкретизация понятия «студенческая радиостанция»

Постараемся обосновать, почему к студенческим нами были отнесены именно эти радиостанции.

Если говорить о типологической классификации вузовских медиа в целом, то по такому критерию, как «преимущественный канал коммуникации», можно выделить вузовское телевидение, радио, периодические печатные издания (в основном газеты), сайты вузов и факультетов (во многих вузах сайт – это не просто проводник к официальной информации об учебе и работе, а источник разносторонних сведений, над подготовкой которых работают опытные журналисты) и многочисленные группы вузов и подразделений вузов в социальных сетях, которые все больше оттягивают на себя контент, авторов и аудиторию (вплоть до того, что студенческие печатные и аудиовизуальные проекты существуют только в версии «группа ВКонтакте»).

Еще один критерий для описания студенческих медиа, и в частности радиостанций, – аудиторный. Здесь стоит отметить, что, говоря о типологии студенческих радиостанций, необходимо, прежде всего, обратиться к существующим типологиям студенческой прессы, поскольку ряд типотформирующих признаков, которые применимы и к радио, и к телевидению, изначально были описаны исследователями в отношении периодики. Так, Е.Н. Туголукова в статье «Вузовские СМИ – инструмент коммуникации и становления современной молодежи» [1. С. 393–397] выделяет факультетские студенческие газеты, вузовские и межвузовские студенческие газеты, городские студенческие газеты (распространяются не только в вузах, но и в местах скопления молодежи: кафе, клубах, кинотеатрах, имеют хорошо организованную рекламную службу), республиканские, областные, краевые студенческие газеты и, наконец, общероссийские студенческие издания (впрочем, таковые сейчас не выходят). Эти же характеристики могут быть применены и к радио.

Однако, анализируя работы, посвященные студенческим медиа, нередко приходится встречать авторов, которые приравнивают студенческие СМИ к медиа факультетов журналистики. Такие СМИ называются ими студенческими, но рассматриваются как учебная площадка для отработки профессиональных компетенций их студентов [2–5]. Пример такой трактовки: «Студенческие издания – это особый сегмент молодежной периодики, где главными сотрудниками выступают студенты журналистских специальностей. Студенты-журналисты делают такие издания для своих сверстников и для себя, а пишут о том, что их окружает и волнует, – о своей студенческой жизни» [6. С. 81]. Тем не менее «студенческие вузовские» и «студенческие факультетские» – это не одно и то же.

И наконец, самый неоднозначный для описания критерий, но, крайне важный для корректной типологизации вузовских медиа, можно сформулировать как «степень независимости от официального руководства вуза» (этот критерий, который применительно к официальным зарегистрированным СМИ формулируется «по учредителю», однако напрямую этот критерий применить невозможно, поскольку подобные вузовские медиа редко регистрируются как СМИ, т.е. их учредитель просто напросто нигде не указан), по которому можно разделить на студенческие и корпоративные (официально-

вузовские). Существует большое количество работ, в которых вузовские СМИ (как правило, газеты, но также и радио, и телевидение) рассматриваются как корпоративные, т.е., по сути, через призму проведения маркетинговой и имиджевой политики университетов [7–11]. Вот типичный пример подобной концептуализации студенческого радио: «В настоящее время в России студенческое радиовещание вновь начинает прогрессивно развиваться. ...Тенденция эта связана, по нашему мнению, с эффективной работой менеджмента по формированию сильной корпоративной культуры образовательных учреждений, которая воспринимается как неотъемлемая часть успешной работы вуза» [12. С. 324].

С нашей точки зрения, понятия «студенческий» и «вузовский» в отношении СМИ не могут использоваться как синонимичные. И это важно конкретизировать, как, например, у Е.Н. Туголуковой: «вузовские студенческие газеты» [1. С. 394], потому что могут быть вузовские, но не студенческие, а могут быть студенческие, но не вузовские.

Рассматриваемые в данной работе радиостанции – студенческие вузовские. Во-первых, речь идет о медиа, в котором роль «взрослых» (сотрудников и преподавателей вуза) сведена к минимуму. Во-вторых, студенты факультетов журналистики хотя и представлены в редакциях студенческих радио, но далеко не всегда играют в них главную роль, а сами станции не являются подразделениями этих факультетов, решающими образовательные задачи, т.е. не являются их учебными площадками.

В диссертации, защищенной в 2011 г. А.В. Колесниковой по теме «Типологическая характеристика современного студенческого радиовещания», отмечается «...на момент исследования нам удалось выявить более тридцати студенческих радиостанций, работающих в государственных университетах крупных городов страны, в том числе четыре студенческих интернет-радиостанций» [13. С. 18]. А в 2015 г., по данным Фонда независимого радиовещания «Университи», который проводит тренинги, занятия и конкурсы для студенческих СМИ (на одном из них и были озвучены эти цифры), в России функционировало около двадцати студенческих радиостанций. Однако говорят ли они об одном и том же явлении (учитывая описанные выше сложности, связанные с типологическими характеристиками и с самим понятием «студенческие»), оценить не представляется возможным.

Этапы создания и финансирование

Рассмотрим, как запускались студенческие радиостанции Сибири.

Первые два этапа – появление идеи у человека или коллектива и разработка плана работы радио и типа вещания. Они занимают достаточно короткий промежуток времени, но требуют от инициативной группы наибольшей творческой и исследовательской работы. Во всех исследуемых редакциях инициатива по реализации проекта шла от группы студентов из двух-трех человек или от одного представителя студенчества. Поводом для создания проекта радио в университете для инициаторов становились «личные интересы», «наличие в другом российском городе студенческого радио на базе университета и желание появления в собственном вузе подобного», «создание

площадки для практики по учебной специализации (радиожурналистика на базе факультета журналистики)» или «возрождение ранее существовавшей радиостанции». Инициатива небольшого коллектива студентов была выявлена на таких радиостанциях, как «Кактус», «Планета радио», «Студенческая республика», «Ракета», «PiFm». На радио «Uni» и «Риф», инициатива по реализации университетского радио поступила от одного представителя студенчества. Во всех случаях на первом этапе самыми дискуссионными вопросами были: сам факт создания радио, примерный контент станции и возможное место расположения редакции внутри университета.

После предварительной подготовки инициативная группа организовывала собрание, на котором разрабатывался план работы радиостанции. Детально обговаривали: структуру работы, предполагаемые темы для передач, способы создания новостного контента, формат радиостанции, программную политику. Например, создатель радио «Uni» первым делом оповестил других студентов ТГУ о том, что у него есть желание создать студенческое радио и он ищет единомышленников для реализации идеи. Для этого была назначена встреча. Именно на ней благодаря мнению и идеям других студентов, был разработан предварительный план работы радио, его структура и политика. Радио «Ракета» выбрало музыкальный тип вещания и следует ему на протяжении уже трех лет. Остальные студенческие радиостанции Сибирского федерального округа предпочли смешать несколько типов вещания или даже добавить к «классическим» форматам радио новый тип. Например, на радио «Uni» был утвержден вариант познавательно-развлекательного типа вещания, «Планета радио» и «Кактус» выбрали информационно-музыкальный, «PiFm» позиционирует себя как информационно-развлекательное радио. Радиостанции «Студенческая республика» и «Риф» стали себя позиционировать как радио с музыкальным, информационным и развлекательным типами вещания.

Следующий этап – представление проекта студенческим органам самоуправления в университете. Данная процедура коснулась малой части рассматриваемых нами радиостанций. Почти в каждом высшем учебном заведении существуют студенческий совет и объединенный союз обучающихся, которые непосредственно участвуют в реализации или одобрении нового студенческого коллектива или организации. Так, радиостанциям ТГПУ потребовались разрешение и поддержка органов студенческого самоуправления, прежде чем пойти в инстанции управления вуза. А радио «Кактус» потребовалась их поддержка, чтобы принять участие в федеральных грантах.

Затем следует этап представления проекта деканату факультета / директору центра по внеучебной работе университета / руководству вуза. Этот этап является необходимым и наиболее трудоемким. Во-первых, именно эти структуры могут предоставить финансирование и покупку нужного оборудования для радиостанции. Во-вторых, благодаря этим инстанциям будущему радио могут выделить служебное помещение на территории университета или досугового центра. В-третьих, информирование данных структур может способствовать развитию и предоставлению идей по реализации определенного контента и проектов.

Такие радиостанции, как «Планета радио», «PiFm» и «Uni», получили финансирование от руководства университета, им было предоставлено оборудование или деньги на его покупку. Но не всем из них смогли выделить служебное помещение. Радиостанции «Uni» пришлось поучаствовать в конкурсе Дома молодежи города Томска, в котором они выиграли помещение для своей станции, но в скором времени радиостанция переехала на частную квартиру. Радио «Студенческая республика» и «Риф» получили поддержку деканата историко-филологического факультета ТГПУ, который им выделил финансовые средства и предоставил кабинет на территории университета для работы. Однако не все радиостанции получили полную поддержку своего родного вуза. Например, радио «Кактус» и «Ракета» участвовали во всероссийских грантах на развитие студенческого самоуправления в 2012 г. и на эти деньги обустраивали студию. При этом для них были выделены служебные помещения на территории университета.

Чаще всего студенческие радиостанции прикрепляют к определенной структуре вуза. Например, радиостанции «Риф» и «Студенческая республика» документально прикреплены к историко-филологическому факультету ТГПУ, радио «Кактус» находится в ведомстве центра по внеучебной работе НГУ, «Планета радио» является подразделением факультета журналистики Алтайского государственного университета (АлтГУ). Радиостанции «Ракета» и «Uni» на данный момент документально не прикреплены к своим университетам. «PiFm» входит в информационный отдел центра по внеучебной деятельности института.

Следующий этап, который стоит описать, – создание устава и разработка программной политики радиостанции. У радиостанций «Студенческая республика», «Кактус» и «Риф» есть устав. У томских радиостанций уставы одинаковые и соответствуют положениям уставов факультета и университета. Радиостанция «Студенческая республика» появилась раньше, чем «Риф», но оба устава были прописаны в 2014 г. В них перечислены предмет, цели и задачи деятельности редакции, права и обязанности сотрудников радио. В уставе радиостанции «Кактус» прописаны еще и структура редакции, процедура выборов и деятельность руководящих органов, а также порядок реорганизации и ликвидации радиостанции.

Что касается редакционной политики как фиксации контентных предпочтений и принципов работы с информацией, то она нигде не прописана, однако для всех рассматриваемых студенческих радио характерно исключение передач с политической проблематикой. По словам руководителей, они максимально пытаются взаимодействовать со студенческими организациями вуза, активно участвовать в жизни университета, а также предоставлять свою площадку для коммуникации между гостями из других стран в их городе. Есть даже специальные передачи, на которые приглашаются иностранные студенты, музыканты и преподаватели.

Студенческие радиостанции реализуют все функции СМИ. Однако обеспечение преемственности (интегративная функция), пожалуй, превалирует над информационной (познакомить, рассказать, поделиться важнее, чем оповестить и проинформировать), а рекреативная функция расширяется за счет

того, что само участие в работе редакции воспринимается как интересный вид досуга в хорошей компании.

Структура редакций и каналы вещания

Если говорить о среднем количестве работников редакции, то, по полученным от руководителей радиостанций данным, можно выявить, что в студенческих редакциях от 9 до 26 человек. В их состав входят ведущие программы, звукорежиссеры, сотрудники новостного отдела, редакторы и другие активисты редакции.

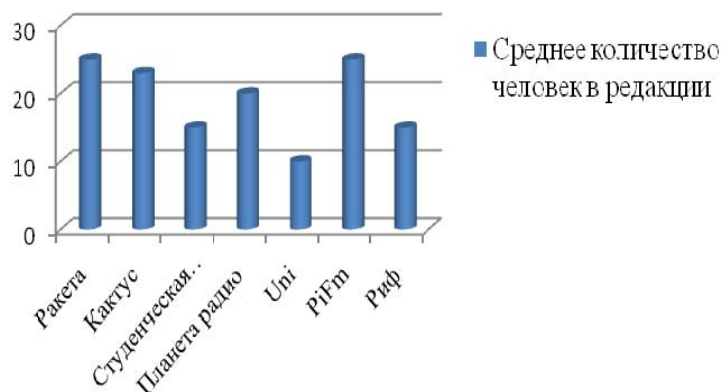

Рис. 1. Среднее количество человек в редакции

Вот как описывают руководители радиостанций способы пополнения своих кадров:

– Были те, кто пришел сначала, был воодушевлен, что дадите, то и делают, но со временем желание уходит. А есть энтузиасты, активисты: они делают выпуски передачи, но только то, что они хотят. Первое время в коллективе была иерархия, но потом поняли, что нам этого не надо (руководитель радио «Uni» Павел Ащеулов, февраль 2016 г.).

– Берем всех желающих, часть уходит сама после первых попыток работы (руководитель радио «РиФ» Глеб Балабаев, январь 2016 г.).

– Студенты на радио появляются несколькими путями: услышат в Интернете, приходят на набор в начале года, когда мы объявляем общий набор (кастинг) или просто случайно зайдут и ощутят на себе позитивную атмосферу (руководитель радио «Кактус» Екатерина Осипова, март 2016 г.).

– Кастингов больше не проводим. Обычно ребята попадают к нам, если лично столкнулись со мной где-то в жизни, поговорили со мной, и мы поняли, что это «наш человек» (руководитель радио «Ракета» Максим Усов, ноябрь 2015 г.).

Студенческие радиостанции имеют один или несколько каналов распространения. Все они вещают в Интернете. Вещание только на собственном сайте осуществляют радиостанции «Ракета» и «Uni». Радиостанции «Студен-

ческая республика», «Кактус», «Риф» в 2015 г. перешли на систему выкладывания аудиофайлов в социальной сети «ВКонтакте» вместо полноценного вещания на собственном сайте.

Радиостанции «Студенческая республика» и «Риф» также транслируют свои программы в блоках питания университета (кафе, столовые). Эти же места распространения вещания используют станции «Планета радио» и «PiFm».

Каждая редакция радио имеет свою группу в социальной сети «ВКонтакте». В табл. 1 приводится количество людей, которые видят обновление информации в группе в своей ленте новостей в социальной сети «ВКонтакте». Однако только небольшая их часть действительно регулярно слушают выпуски станции.

Таблица 1

Количество подписчиков в социальной сети «ВКонтакте»*

Радио «Ракета»	vk.com/radioraketa	5 205
Радио «PiFm»	vk.com/pifmradio	2 009
Радио «Кактус»	vk.com/cactus_nsu	1 080
Радио «Uni»	vk.com/uni70	409
«Планета радио»	vk.com/planetaradio	396
Радио «Риф»	vk.com/radiorif	238
«Студенческая республика»	vk.com/res.publica.tspu	164

* Данные на июнь 2016 г.

Жанровое и тематическое своеобразие программ студенческих радиостанций

Анализ передач на исследуемых радиостанциях позволил выявить, что в данном типе СМИ преобладают информационный и аналитический жанры радиожурналистики с разным тематическим наполнением. Среди информационных жанров популярны: обзор, репортаж, новость, интервью (информационное, портретное, блиц-опрос), сообщение. Не используются отчеты и информационная корреспонденция.

Университетская жизнь богата на события, и выпуски новостей, репортажи и анонсы (обзоры) событий играют важную роль в наполнении эфирной сетки радиостанции.

– У нас студенческий город. Поэтому можно зайти на любой новостной сайт, и там половина публикаций про студентов. Остается только выбрать, о ком рассказать и с кем поговорить. Мероприятий тоже много. Потом к нам начали обращаться бары, клубы, чтоб мы анонсировали мероприятия, которые у них проходят, – говорит в экспертном интервью Павел Ащеулов, руководитель радио «Uni».

Информационные выпуски состоят не только из изложенных сообщений ведущим эфира, они дополняются репортажами, комментариями, опросами, статистикой. Ведущие студенческого радио «Планета радио» используют рубрику «Новости с нами», в которой они оповещают аудиторию о важных, интересных и/или актуальных новостях университета, города или страны. На радиостанциях ТГПУ «Студенческая республика» и «Риф» в основном огла-

шаются новости вуза и иногда происшествия в городе. Для радио «Ракета» характерны новости из мира музыки и культуры, наименьшую часть эфирного времени составляют новости университетского, городского масштабов. Последние полтора года существования этой радиостанции новости университета отсутствуют полностью. На радио «Кактус» новостные выпуски не имеют периодичности, но освещают события в жизни вуза, его культурной жизни, а также новости Академгородка (табл. 2).

Таблица 2

Новостные программы на студенческих радиостанциях

Радиостанция	Широта охвата тем	Название программ
Радио «Ракета»	–	–
Радио «PiFm»	Вуз, город, страна	«Новости ПИ», «Новости Спорт», «Global News»
Радио «Кактус»	Вуз, Академгородок	«Новости»
Радио «Uni»	Обсуждение новостей: курьезы мира	«1+1»
«Планета радио»	Вуз	«Новости», «Культурная планета»
Радио «Риф»	Вуз, редко – город	«Почтальон Печкин»
«Студенческая республика»	Вуз	СтудИнфо

Среди информационных программ еще стоит выделить популярную передачу «Афиша» (в жанре обзора), которая присутствует на 2/3 выбранных нами студенческих радиостанциях.

Интервью и беседа – традиционные жанры на студенческих радиостанциях (табл. 3)

На студенческих радиостанциях СФО в репортажах, беседах и новостных выпусках используется оперативное интервью, так называемый «блиц-опрос».

Чтобы предоставить студентам возможность поделиться своим мнением по актуальной проблеме, на студенческой радиостанции создаются определенные передачи аналитического жанра, например обозрения, беседы, комментарии.

Например, в жанре дискуссии и беседы на радио «Uni» в передаче «Болтология» обсуждаются студенческие проблемы и возможные способы их решения. На радио «Кактус» в свое время была передача-беседа «Живой взгляд», где студенты с помощью редакционной почты и опроса могли задать приглашенному гостю из администрации университета любой вопрос по обсуждаемой в эфире проблеме, таким образом, аудитория делает «заказ» на обсуждение.

«На вузовском радио крайне необходима информация о различных профессиях и их востребованности на современном рынке труда. Здесь важно представлять точки зрения работодателя, человека, имеющего опыт работы в той или иной профессии, преподавателей и студентов» [14. С. 72]. Данная тема реализуется в передачах «Профессия» и «Больше нечего скрывать» (радио «Кактус»), где обсуждаются особенности профессии, возможности тру-

доустройства и специфика работы, «Без проблем» (радио «Студенческая республика»).

Таблица 3

Интервью и беседа на студенческих радиостанциях

Радиостанция	Интервью	Беседа
Радио «Ракета»	«Интервью»: с музыкантами, ди-джеями города и страны	«Очень музыкальное шоу»: беседа-дискуссия на актуальные новости мира музыки, иногда с гостями
Радио «PiFm»	«Знай наших»: интервью со студентами вуза, которые выделились своей учебной и внеучебной деятельностью. «Интервью Star»: интервью с танцорами, певцами и музыкантами СФУ и Красноярска. «Будь профи»: интервью преподавателями о возможностях повышения квалификации, участия в конкурсах и грантах	«Мир без границ»: беседа с гостями из-за рубежа о Сибири и их родине. «На одной волне»: беседа с интересными студентами
Радио «Кактус»	«А у нас в НГУ»: интервью со студентами НГУ об их достижениях и хобби. «От сессии до сессии» / «Кто есть кто» / «Добрый вечер, Сид»: интервью с представителями студенческих организаций об их деятельности, «Профессия» / «Больше нечего скрывать»: интервью с представителями разных профессий	«Вечерний чай»: беседа ведущих с гостями на повседневные актуальные темы. «Живой взгляд»: передача-дискуссия с представителями руководства университета на актуальные темы жизни студентов и вуза. «Может, чайку»: беседа на актуальные студенческие темы.
Радио «Uni»	«Интервью»: с местными и приезжими музыкальными исполнителями	«Стол заказов»: обсуждение повседневных проблем, озвучивание приветов и поздравлений от аудитории. «Болтология»: обсуждение студенческих проблем и способов их решения
«Планета радио»	—	—
Радио «Риф»	«Калейдоскоп»: интервью с представителями студенческих организаций об их деятельности	«Мнение»: обсуждение новостей университета и города. «Аура кровати»: программа-беседа на актуальные темы для студентов
«Студенческая республика»	«ИнтервьюС»: интервью со студентами-активистами	«Без проблем»: астрологический прогноз

Студенческое радио может также стать площадкой для формирования вкусов и предпочтений и обозрения различных развлекательных тем. Например, на радио «Кактус» представлены передачи: «Дистанция» и «StudyOn» (спортивные секции университета, новости в мире спорта), «История рока» (о

рок-музыке и наиболее популярных рок-группах), «КиноАфиша» и «Кино-блог» (о популярных современных фильмах и классике мирового кинематографа), «Турволна», «Галопом по Европам» и «Первым классом» (гиды по странам, рассказы о местных традициях и культуре стран мира). На радио «Риф» передачи «Кино», «Строчки в точку» (о поэзии).

Таблица 4

Обзоры и обозрения на студенческих радиостанциях

Радиостанция	Программы, их тематика
Радио «Ракета»	«Очень музыкальное шоу»: обзор-обсуждение новостей из мира музыки. «Unknown hip-hop show»: музыкальная программа с обзором треков из альбомов. «Юность»: обзор старой советской музыки
Радио «PiFm»	«Саперы киномира»: обзор кино прошедшего в кинотеатрах или которые появятся скоро в прокате. «Must go»: обзор культурных мероприятий Красноярска и мест, где стоит побывать
Радио «Кактус»	«Афиша»: обзор предстоящих культурных событий университета, Академгородка на неделю. «План выходного дня»: обзор на наступающие выходные культурных событий Академгородка и города. «Коротко об интересном»: обзор предстоящих конкурсов для студентов в регионе, стране и за рубежом. «История рока»: обозрение музыкальных групп и рок-музыкантов. «КиноАфиша»: обзор предстоящих новинок кино недели. «Диванная аналитика»: обзор новостей мира, страны с юмористическими комментариями ведущих. «Все просто»: научно-популярная передача с элементами обозрения. «Nerd Adventures»: программа с обзором компьютерных игр, их истории и специфике. «Play on»: музыкальная программа обозрения новых альбомов в разных направлениях музыки
«Планета радио»	«Роковые строки»: программа-обзор исполнителей русского рока и их альбомов. «Нулевая дорожка»: обзор творчества музыкальных личностей и групп. «Киногалактика»: обозрение кинокартин разных жанров. «Крутой переплет»: обозрение литературных произведений
Радио «Риф»	«Кино»: обзор кинокартин разных жанров

Аналитический комментарий используется студенческими радиостанциями, такими как «Риф», «Кактус», «Планета радио» и «PiFm», достаточно редко и в разных тематических передачах.

Следующий блок программ представляет собой диффузию документально-художественного и аналитического жанров. В эту группу жанров входят композиция, спектакль, рассказ. Однако программы в жанре спектакля и рассказа редко встречаются на студенческих радиостанциях, в основном это отдельные проекты. Например, на радио «Риф» передача «Строчки в точку»;

«Планета радио» с программой «Стихи о любви»; на радио «Кактус» программы «Наедине», «Сказки», специальные радиоспектакли в рамках передачи «Nerd Adventure». Обычно в радиоспектаклях и радиорассказах музыка используется как выразительное средство – иллюстрация, фон или обобщение и играет примерно ту же роль, что и в театральных спектаклях или кинофильмах.

Таблица 5

Музыкальные программы и программы о музыке

Радиостанция	Программы о музыке
Радио «Ракета»	«Unknown hip-hop show»: музыкальная программа с обзором треков из альбомов. «Cassiopeia»: авторская музыкальная программа в жанре композиции. «80's minutes»: музыка 30-летней давности от нью-вейва до синти-попа. «Юность»: обзор старой советской музыки. «Rocket mixtape»: авторские музыкальные композиции от диджеев радио. «Очень музыкальное шоу»: беседа-дискуссия на актуальные новости мира музыки, иногда с гостями. «Deerofrenia»: авторский музыкальный блог
Радио «PiFm»	«Хит-парад, или «ТОП 13»: хит-парад самых популярных песен на радио
Радио «Кактус»	«Амплитуда» /«Like a Dj»: авторская музыкальная программа в жанре композиции. В гостях диджеи Академгородка и Новосибирска. «Индикид»: музыкальная программа с обзором альбомов в жанре инди-рока. «Play on»: обзоры новых альбомов в разных направлениях музыки. «Relax»: авторская музыкальная программа в жанре композиции от ведущего
Радио «Uni»	«Кедровый Саунд»: история лейблов электронной музыки. «РОКовый Вечер»: рассказы об отечественных рок-исполнителях и группах. «Вот это jazz»: история джазовых исполнителей и их творчества
«Планета радио»	«Роковые строки»: программа-обзор исполнителей русского рока и их альбомов. «Нулевая дорожка»: обзор творчества музыкальных личностей и групп
Радио «Риф»	«Свободная касса»: музыкальная программа с песнями по заказу аудитории. «Веер музыки»: топ-хит радиостанции
«Студенческая республика»	«Аполлон фм»: музыкальная программа с обзором музыкальных композиций

Особое место в контенте радиостанции стоит отвести передачам музыкальной направленности. Популярны передачи с обзорами музыкальных альбомов (табл. 5). Присутствуют передачи с авторской музыкой в жанре композиции. Причиной популярности музыкальной тематики может послужить то, что студенческое радио имеет достаточно узкую целевую аудиторию, точнее, знает ее музыкальные вкусы. Программы о музыке не стараются захватить

большой сегмент аудитории, а сосредоточены на определенной группе людей с одним, возможно, узкоспециализированным музыкальным предпочтением.

Студентов в основном интересуют два музыкальных направления – рок и электронная музыка. Обычно гости-диджеи не просто исполняют музыку, но и рассказывают о данном направлении электронной музыки или о том, почему именно эти треки вдохновили и т. п., в уверенности, что их слушатели разделяют их интересы. Упомянем программы по типу рейтингов песен. Они обычно строятся на студенческих радиостанциях по личному рейтингу редакции, музыкальным топам в Интернете или по результатам голосования аудитории на сайте или в группе радио в социальной сети.

Кроме того, на студенческих радиостанциях были выявлены программы, которые по структуре или тематике есть только на одной или двух радиостанциях. К таким можно отнести две передачи о джазе, его исполнителях: «RetroMus» (радио «Кактус») и «Вот это jazz» (радио «Uni»).

Информационные, музыкальные и развлекательные программы занимают примерно по трети от общего количества программ студенческих радиостанций. Программы имеют разную тематику, но для них характерны присутствие юмора, легкость речи и ее наполненность, сужение темы для целевой аудитории радиостанции (см. табл. 4, 5). Из собственно юмористических передач встретила только семиминутная программа с авторскими шутками «Карапуля», которая выходит на радио «PiFm».

Заключение

Само понятие «студенческая радиостанция» с типологической точки зрения нуждается в конкретизации по охвату аудитории (факультетская, вузовская, городская и т.п.) и по степени независимости редакционной политики от тех или иных структур вуза (вероятнее всего, руководство вуза будет видеть в нем инструмент построения имиджевых коммуникаций вуза, а факультет – если станция создана при факультете журналистики – будет рассматривать его как свою учебную площадку). И оценивать это надо не по формальным характеристикам, а по содержательному наполнению эфира, поскольку некоторые станции со временем отходят от материнского факультета, приглашая к участию к работе всех желающих (как «Планета радио»), и от материнского вуза (как радиостанции «Ракета» и «Uni»), переезжая в другие помещения и переставая давать в эфир вузовские новости. Изученные в данной статье радиостанции относятся к вузовским студенческим независимым, поскольку редакционную политику определяет творческий коллектив станции, а руководство вуза не вмешивается в их деятельность и не вводит в редакцию своих сотрудников.

У изученных студенческих радиостанций в прошлом очень разные условия «запуска»: от подразделения внутри вуза, к которому они прикреплены, до места базирования и способов получения денег на закупку оборудования. Сходятся они в общих этапах, которые пришлось пройти, и в значительной роли лидера (небольшой группы лидеров), которые «продавали» эту идею до реализованного проекта в своем вузе. Также различны и способы пополнения редакций: от заранее объявляемых кастингов до «приходите все, кто себя у нас не найдет, уйдет сам».

Что касается жанрового своеобразие и особенностей контентного наполнения эфира, то радиостанции не очень отличаются друг от друга по спектру жанров и почти не отличаются по спектру тем. Самые популярные жанры: интервью, беседа, новости (зачастую не имеющие фиксированной периодичности выхода). Редки репортажи и художественно-публицистические жанры (в ходе анализа встречались радиорассказы, чтение стихов), аналитика. Среди популярных тем: жизнь вуза, интересные сверстники, музыка, кино. При этом любопытно было отметить, что студенческие коллективы стремятся сделать свой продукт максимально качественным, так или иначе, используя весь арсенал выразительных средств радио.

«Большие медиа» – это прежде всего бизнес, главная цель которого – извлечение прибыли, будь то символическая прибыль или материальная. Оказываясь в команде студенческих СМИ, учащиеся имеют возможность не задумываться ни о прибыли, ни о форматах, ни о заказчиках. Поэтому подытожить хочется мыслью, что самая сильная сторона студенческих радиостанций – в их невключенности в медиарынок, в отсутствии необходимости подстраиваться под рейтинги и спонсоров, а значит, в возможности выступать концентрированным каналом самовыражения и партиципаторности.

Литература

1. Туголукова Е.Н. Вузовские СМИ – инструмент коммуникации и становления современной молодежи / Диалог культур: состояние межкультурных коммуникаций в условиях посткризисной экономики: сб. науч. тр. Междунар. науч.-практ. конф. СПб., 2012. 610 с.
2. Шестёркина Л.П. Журналистское образование и образовательное телевидение (на примере университетской телекомпании ЮУрГУ-ТВ) // Мир науки, культуры, образования. Горно-Алтайск. 2010. № 4. С. 30–32.
3. Шестёркина Л.П., Шаманова О.С. Специфика организации работы радиожурналиста в конвергентной редакции // Гуманитарный вектор. Сер. Филология, востоковедение. Чита. 2013. № 4. С. 182–186.
4. Владимирова Т.Н. Студенческая пресса как проявление интерактивной медиасреды факультета // Журналистская практика. Иркутск, 2014. С. 53–57.
5. Никитина О.Э. Студенческая газета как инструмент профессионального воспитания // Мир науки и образования. Саранск. 2015. № 3. С. 11.
6. Розанов К.А. Молодёжная пресса как составляющая студенческой жизни // Изв. Саратов. ун-та. Сер. Филология. Журналистика. 2009. Т. 9, № 2. С. 81–87.
7. Сидорова Т.И. Университетское телевидение как инструмент формирования корпоративной культуры вуза: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Екатеринбург, 2011.
8. Сидорова Т.И., Чемякин Ю.В. Вузовские СМИ в системе корпоративных медиа // Медиаскоп. 2011. № 3. URL: <http://www.mediascope.ru/node/887>
9. Зарубина Т.А. Корпоративная газета как инструмент формирования новой модели массовых коммуникаций в университете // Вопр. теории и практики журналистики. Иркутск. 2013. № 2. С. 126–131.
10. Краснова Т.В., Прудникова Е.В. Информационное наполнение студенческой газеты как средство формирования имиджа института // Международный студенческий вестник. Пенза. 2015. № 4. С. 251–252.
11. Егорова Н.В. Информационные «идеалы» студенческой прессы: особенности смысловой нагрузки // Наука 21 век: вопросы, гипотезы, ответы. Таганрог. 2014. Т. 2, № 2. С. 12–15.
12. Лиджиева С.П., Гиркис С.Н. Специфика создания студенческого радиовещания на базе университета // Приоритетные направления развития науки и образования: материалы V Междунар. науч.-практ. конф. Чебоксары. 2015. С. 324–325.
13. Колесникова А.В. Типологическая характеристика современного студенческого радиовещания: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Тольятти, 2011.

14. Колесникова А.В. Ценностные ориентиры современной студенческой молодежи и их формирование посредством вузовского радио // Вектор науки Тольят. гос. ун-та. 2010. № 2. С. 70–73.

STUDENT RADIO STATIONS IN THE SIBERIAN FEDERAL DISTRICT: EDITORIAL AND PROGRAM POLICIES

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology. 2017. 47. 199–213. DOI: 10.17223/19986645/47/14

Viktoria E. Belenko, Novosibirsk State University (Novosibirsk, Russian Federation).
E-mail: viktoria_belenko@mail.ru

Ekaterina S. Osipova, Renaissance Credit bank (Novosibirsk, Russian Federation).
E-mail: osipova.kate30.12@mail.ru

Keywords: student media, student radio, radio program, editorial office.

Nowadays a lot of Russian universities have their own student radio stations. According to various sources there are from 20 to 30 such stations. The aim of this work is to describe them in the Universities of Siberian Federal District, represent and characterize their editorial and program policies. The content and means of expression of radio programs, the broadcast, statutory documents and station pages in social networks and their websites, are the empiric material of our research. A questionnaire survey and expert interviews with the heads of radio stations were conducted in order to find information about the editorial policy.

They often confuse “student media” with “university media” or even “department media”, but these definitions should not be seen as synonyms. Radio stations which are taken as objects in this research are *student* radio stations. That means that the role of university staff is minimized, also these stations are not considered as an educational facility of journalism departments. During the preliminary stage of our work we found that student radio stations worked in six universities of five cities in the Siberian Federal District.

This research shows the stages of the station creation from the emergence of the idea to the development of the working plan. Student editorial offices have from 9 to 26 members. Student radio stations have one or several channels of distribution: their own website and/or their own page in “VKontakte” social network and/or university canteens. All radio stations have solved the problem of funding differently: with the help of university or department administration, national or municipal grants.

All radio stations avoid programs that are somehow connected with politics; we have found that the editorial policy is not written anywhere. Analysis of the programs shows that informational and analytical genres of broadcast journalism dominate. Amid informational genres, news, reportage, interview and report are popular. Amid analytical genres, interview, discussion, review and preview are popular. They were found at all radio stations; mostly they are dedicated to films or music. Amid documentary and art programs, there are composition, performance and story.

Informational, musical and entertaining programs take one-third of the broadcast of student radio stations each. Student staff of such radio stations tries to make the content of a good quality using all radio’s means of expression. In general, creating programs in order to self-express, spending time with adherents and experience of work management are distinctive features of student radio stations which influence their content in theme and genre aspects.

References

1. Tugolukova, E.N. (2012) [University media as a tool for communication and formation of modern youth]. *Dialog kul'tur: sostoyanie mezhkul'turnykh kommunikatsiy v usloviyakh postkrizisnoy ekonomiki* [Dialogue of Cultures: the state of intercultural communications in the post-crisis economy]. Proceedings of the international conference. St. Petersburg: St. Petersburg University of Management and Economics. (In Russian).
2. Shesterkina, L.P. (2010) Zhurnalistskoe obrazovanie i obrazovatel'noe televidenie (na primere universitetskoy telekompani YuURGU-TV) [Journalistic education and educational television (on the example of the university television company SUSU-TV)]. *Mir nauki, kul'tury, obrazovaniya*. 4. pp. 30–32.

3. Shesterkina, L.P. & Shamanova, O.S. (2013) Spetsifika organizatsii raboty radiozhurnalista v konvergentnoy redaktsii [The specifics of the organization of the work of a radio journalist in a convergent edition]. *Gumanitarnyy vektor. Ser. Filologiya, vostokovedenie*. 4. pp. 182–186.
4. Vladimirova, T.N. (2014) Studencheskaya pressa kak proyavlenie interaktivnoy mediasredy fakul'teta [Student press as a manifestation of the interactive media environment of the faculty]. *Zhurnalistskaya praktika*. 2. pp. 53–57.
5. Nikitina, O.E. (2015) Studencheskaya gazeta kak instrument professional'nogo vospitaniya [Student newspaper as an instrument of professional education]. *Mir nauki i obrazovaniya*. 3. pp. 11.
6. Rozanov, K.A. (2009) Molodezhnaya pressa kak sostavlyayushchaya studencheskoy zhizni [The youth press as a component of student life]. *Izvestiya Saratovskogo universiteta. Ser. Filologiya. Zhurnalistika – Izvestiya of Saratov University. Series: Philology. Journalism*. 9:2. pp. 81–87.
7. Sidorova, T.I. (2011) *Universitetskoe televidenie kak instrument formirovaniya korporativnoy kul'tury vuza* [University television as a tool for the formation of the corporate culture of the university]. Abstract of Philology Cand. Diss. Ekaterinburg.
8. Sidorova, T.I. & Chemyakin, Yu.V. (2011) Vuzovskie SMI v sisteme korporativnykh media [University media in the system of corporate media]. *Mediascope*. 3. [Online] Available from: <http://www.mediascope.ru/node/887>.
9. Zarubina, T.A. (2013) Korporativnaya gazety kak instrument formirovaniya novoy modeli massovykh kommunikatsiy v universitete [Corporate newspapers as a tool for the formation of a new model of mass communication at the university]. *Voprosy teorii i praktiki zhurnalistiki*. 2. pp. 126–131.
10. Krasnova, T.V., & Prudnikova, E.V. (2015) Informatsionnoe napolnenie studencheskoy gazety kak sredstvo formirovaniya imidzha instituta [Information content of the student newspaper as a means of forming the image of the institute]. *Mezhdunarodnyy studencheskiy vestnik*. 4. pp. 251–252.
11. Egorova, N.V. (2014) Informatsionnye “idealy” studencheskoy pressy: osobennosti smyslovoy nagruzki [Information “ideals” of the student press: features of the semantic load]. *Nauka 21 vek: voprosy, gipotezy, otvety*. 2:2. pp. 12–15.
12. Lidzheva, S.P. & Girkis, S.N. (2015) [Specificity of the creation of student radio broadcasting on the basis of the university]. *Prioritetnye napravleniya razvitiya nauki i obrazovaniya* [Priority directions of the development of science and education]. Proceedings of the international conference. Cheboksary: TsNS “Interaktiv plus”. pp. 324–325. (In Russian).
13. Kolesnikova, A.V. (2011) *Tipologicheskaya kharakteristika sovremennogo studencheskogo radioveshchaniya* [Typological characteristics of modern student radio broadcasting]. Abstract of Philology Cand. Diss. Tolyatti.
14. Kolesnikova, A.V. (2010) Tsennostnye orientiry sovremennoy studencheskoy molodezhi i ikh formirovaniye posredstvom vuzovskogo radio [Value orientations of modern student youth and their formation by university radio]. *Vektor nauki Tol'yatinskogo GU*. 2. pp. 70–73.

ДОКУМЕНТЫ И МАТЕРИАЛЫ

УДК 82.09

DOI: 10.17223/19986645/47/15

Е.Г. Кузнецова

ПИСЬМО МАТЕРИ – ЕВГЕНИЯ СОЛОМОНОВНА ГИНЗБУРГ В ЗАЩИТУ СЫНА ВАСИЛИЯ ПАВЛОВИЧА АКСЁНОВА

Автором подготовлена публикация письма Е.С. Гинзбург, в котором мать обращается к директору Казанского медицинского института с просьбой восстановить ее сына, будущего советского и российского писателя Василия Павловича Аксёнова, в студенты. Евгения Соломоновна приводит важные, с ее точки зрения, аргументы, просит «не ломать молодую жизнь». Архивные материалы, публикуемые впервые, раскрывают личные, семейные перипетии Аксёновых – Гинзбург, а также вписываются в политический контекст своего времени.

Ключевые слова: В.П. Аксёнов, Е.С. Гинзбург, Казанский государственный медицинский институт.

С 1950 по 1954 г. Василий Павлович Аксёнов учился в Казанском государственном медицинском институте. В архиве университета за № 500011 сохранилось его личное дело, которое является неким подтверждением его учебы в стенах казанского вуза; показывает, насколько прочными были семейные узы; наконец, документально свидетельствует об эпохе – времени подозрений, преследований, страхов и ожиданий.

В 1937 г., когда В. Аксёнову не было ещё и пяти лет, оба родителя были арестованы за участие в троцкистской террористической организации. Мать приговорили к десяти годам тюремного заключения, отца – к высшей мере наказания, которая потом была заменена на пятнадцать лет лишения свободы.

Маленького Васю отдали в детский дом для детей заключенных, откуда в 1938 г. его забрал к себе родной брат отца. В 1948 г., уже выйдя из лагеря, мать Евгения Гинзбург, проживая в ссылке в Магадане, добилась разрешения на проезд к ней сына. А в 1950 г., окончив там среднюю школу и получив аттестат зрелости, Аксёнов приезжает в Казань и поступает в медицинский институт [1. Л. 12].

Ещё учась в школе, Аксёнов решил «скрыть» [2. С. 32], что его родители были репрессированы. Когда он поступал в Казанский медицинский институт, в личном листке по учёту кадров, согласно пунктам анкеты, им было указано только социальное происхождение родителей – отец рабочий, мать служащая [1. Л. 16]. Позже Аксёнов вспоминал: «Я соврал в анкете, не указав, что родители – заключённые. Там, правда, и не было такого вопроса» [3. С. 51]. А в автобиографии он сообщил вполне достоверные сведения: «Мать

работает в системе Дальстроя в качестве учителя музыки. <...> отец умер в 1939 году» [1. Л. 2].

В 1950 г. скрывание факта заключения родителей действительно могло сыграть злую шутку. И это почти случилось с Аксеновым. Спустя много лет из архивов «Чёрного озера» Василий Павлович узнал, что уже весной 1951 г. МВД Татарской АССР запросило из Магадана копию дела его матери «в связи с началом разработки её сына Аксёнова Василия Павловича, студента 1 курса мединститута» [4. С. 22]. Вот тогда личное дело студента Аксёнова и «пригодилось». Свидетельством тому многочисленные приписки и подчеркивания в деле: «Занятие отца до 1939 г.?»», «Являюсь членом ВЛКСМ» (подчеркнуто) [1. Л. 2] и т.д.

Мать встала на защиту сына. Письма, справки, телеграммы, нотариально заверенные документы, просьбы, мольбы... Ниже приводится письмо [1. Л. 29], написанное осенью 1953 г. Евгенией Соломоновной Гинзбург директору мединститута проф. Р.А. Вяселеву.

Заявление Гинзбург образец отстаивания своих конституционных прав, свобод и человеческой чести. Это требование исполнения того, что она и её семья заслужили по праву. Она честна, прямолинейна и намерена добиться восстановления сына¹.

Наконец, после отчисления в сентябре 1953, в январе 1954 г. он был восстановлен, а затем в июле снова отчислен. В архивном деле под датой 7 сентября 1954 г. значатся два приказа – один на восстановление в студенты пятого курса лечфака, а другой – на отчисление в порядке перевода в 1-й Ленинградский мединститут [1. Л. 21, 30, 33, 35, 36, 52].

Директору Казанского Медич. Ин-та²
Заявление

Учительница Магаданской
средней школы (Колыма)
Е.С. Гинзбург (Аксеновой)

Вы исключили моего сына Василия Аксёнова – студента 4-го курса, мотивируя исключение тем, что он три с половиной года тому назад, якобы, ввел в заблуждение приемную комиссию и предъявил «незаконно полученную» льготную справку³.

В связи с этим, сообщаю Вам следующее:

1) Я работаю в Дальстрое с 1947 г. Все это время я нахожусь на педагогической работе⁴.

Справка, законность которой вызвала Ваше сомнение, была выдана сыну через школу, так же, как и всем детям специалистов. Это подтверждается целым рядом справок, высланных мной сыну и представленных им Вам. Из

¹ См. об этом более подробно [5].

² Орфография и пунктуация оригинала.

³ Справка Аксёнову В.П. о льготе при поступлении в вузы детей работников Дальстроя НКВД СССР [1. Л. 4].

⁴ Справка Гинзбург Е.С. в том, что она действительно работает в Магаданской средней школе рабочей молодежи в качестве преподавателя [1. Л. 22].

этих же справок ясно видно, что я совершенно законно пользуюсь льготами, предоставленными специалистами, работающим на Дальнем Севере¹.

2) Я пользуюсь избирательным правом, являюсь членом профсоюза, мне доверено обучение учащихся 10-ых классов, т.е. подготовка молодых людей в ВУЗы. К тому же, я – мать, отдавшая родине старшего сына, который погиб при обороне Ленинграда.

Откуда же вытекает, что я должна быть лишена основных прав, предоставленных мне конституцией, в частности – права на образование для моих детей?

3) Тот факт, что я репрессировалась в 1937 г., кажется, не снимает всего изложенного выше. Обвинять сына в желании скрыть мое прошлое было бы странно: если бы он пытался что-то [нрзб.], то не поехал бы учиться в мой родной город [Ка]зань, а тем паче, не поступил бы в тот Ин[ститут], где я когда-то преподавала и где старый проф.-преп. состав еще помнит меня. (Я вела в [сере]дине 30-ых гг. курс «Основы ленинизма» в Ин-те, по совместительству с основной работой)². Что касается отца моего сына, то сын был, [дейст]вительно, убежден в его смерти, т.к. я получ[ила,] в свое время, официальное извещение об [нрзб.] смерти, оказавшееся впоследствии ошибкой.

Исходя из всего сказанного, я прошу Вас отменить Ваше решение об исключении сына Василия Аксёнова, прошу вас не ломать молодую жизнь, хотя бы из ува[жения] к памяти его героически погибшего брат[а]. Исключать студента 4-го курса, к тому же [нрзб.] удовлетворительно успевающего, очень нерационально с точки зрения общегосуд[арст]венных интересов.

Заявление, поданное Вам в отношении моего сына является³ неправильным. Оно вызвано [же]ланием перестраховаться хотя бы ценой жизни.

В этом я уверена и это буду упорно до[ка]зывать, в случае Вашего отказа, во всех в[ыше]стоящих органах, вплоть до Верховно[го] Совета СССР.

ЕГинз. (Подпись). г. Магадан. 21/X 53.

Литература

1. Архив КГМУ. Ф. Р-6446. Д. № 500011. 52 л.
2. Есипов В. Василий Аксёнов. «Юность» балзаковского возраста. Воспоминания под гитару // Октябрь. 2013. № 8. С. 89–106.
3. Швелёв И. Фрагменты бесед с В.П. Аксёновым с 1998 по 2002 гг. // Аксёнов В.П. Жаль, если кого-то не было с нами. М.: АСТ: Астрель, 2010.
4. Аксёнов В.П. Досье моей матери // Аксёнов В.П. Негатив положительного героя. Москва: Вагриус: Изограф, 1996. 303 с.
5. Кузнецова Е.Г. В.П. Аксёнов в Казанском медицинском институте // Казанский медицинский журнал. 2015. Т. 96, вып. 5. С. 883–886.

¹ Справки [1. Л. 23, 24, 26, 27, 28, 31].

² Гинзбург Е.С. на основной должности работала в Казанском государственном университете, подрабатывала в Техническом институте при мыловаренном заводе, в экспериментальной школе при Педагогическом институте. Из приведенного письма следует, что подрабатывала также в Медицинском институте.

³ Вставлено сверху.

A LETTER OF A MOTHER: YEVGENIA GINZBURG IN DEFENCE OF HER SON V.P. AKSENOV

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology. 2017. 47. 214–217. DOI: 10.17223/19986645/47/15

Elena G. Kuznetsova, Kazan State Medical University (Kazan, Russian Federation).

E-mail: egkuz@rambler.ru

Keywords: V.P. Aksenov, Ye.S. Ginzburg, Kazan State Medical Institute.

From 1950 to 1954, Vasily Aksenov studied at Kazan State Medical Institute. The University Archive preserved his credit transcripts.

In 1937, both parents of Aksenov were arrested for their participation in the Trotskyist terrorist organization. Little Vasya was sent to an orphanage. His father's brother took him from there in 1938. In 1948, he moved in with his mother in Magadan.

In 1950, Aksenov graduated from high school and came to Kazan to enroll in the medical school. The documents do not say that his parents were repressed. The information about his mother and privileges for admission caused surveillance and, later, expulsion from the Institute.

The mother began to defend her son. She continuously sent letters, enquiries, telegrams, documents from Magadan and expressed entreaty.

In the autumn of 1953, Yevgenia Ginzburg wrote to the Medical Institute Director, Professor R. Vyaselev. She defended her constitutional rights, freedom and honor; she required readmission of her son.

After the expulsion from the university in September 1953, in January 1954, he was readmitted and then expelled again in July. Then, in September of the same year, he was readmitted and again expelled. Then he transferred to Leningrad Medical Institute.

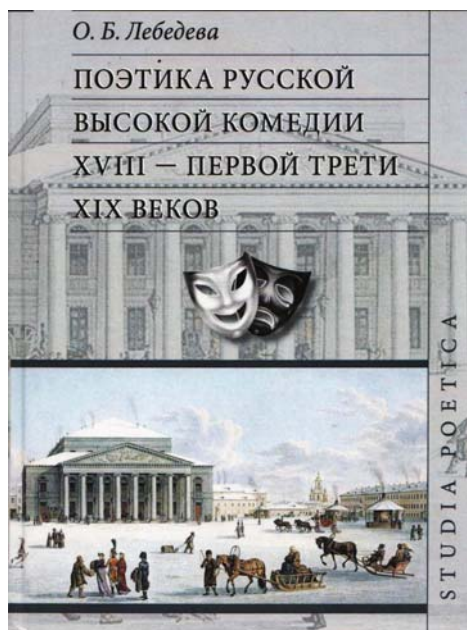
The archived documents are published for the first time. They reveal the family connections of the Ginzburgs and the Aksenovs and illustrate the law and political influence at that time.

References

1. Kazan State Medical Institute Archive. Fund R–6446. File 500011. 52 p. (In Russian).
2. Esipov, V. (2013) Vasilii Aksenov. “Yunost” bal’zakovskogo vozrasta. Vospominaniya pod gitaru [Vasily Aksyonov. “Youth” of the Balzac age. Memoirs with a guitar]. *Oktyabr’*. 8. pp. 89–106.
3. Shevelev, I. (2010) Fragmenty besed s V.P. Aksenovym s 1998 po 2002 gg. [Fragments of conversations with V.P. Aksenov from 1998 to 2002]. In: Aksenov, V.P. *Zhal’, esli kogo-to ne bylo s nami* [Pity if someone was not with us]. Moscow: AST, Astrel’.
4. Aksenov, V.P. (1996) *Negativ polozhitel’nogo geroya* [The negative of a positive character]. Moscow: Vagrius: Izograf.
5. Kuznetsova, E.G. (2015) V.P. Aksenov v Kazanskom meditsinskom institute [V.P. Aksenov in the Kazan Medical Institute]. *Kazanskiy meditsinskiy zhurnal*. 96:5. pp. 883–886.

РЕЦЕНЗИИ, КРИТИКА, БИБЛИОГРАФИЯ

DOI: 10.17223/19986645/47/16

«Свойство комедии...» (рецензия на книгу: Лебедева О.Б. Поэтика русской высокой комедии XVIII – первой трети XIX веков. М.: Языки славянской культуры, 2014. 472 с.)

Книга посвящена поэтике русской комедии XVIII – первой половины XIX в. В первой части монографически исследуются закономерности становления и функционирования национально-своеобразной жанровой модели русской высокой комедии XVIII в. в ее перспективных связях с комедιοграфией А.С. Грибоедова и Н.В. Гоголя, рассматриваются специфика и типология стилистики, образности, действия и сюжетосложения. В сфере внимания автора – поэтика устойчивых жанрово-стилевых структур, оказавших влияние на русскую комедιοграфию (сатира А.Д. Кантемира, ода М.В. Ломоносова, трагедия А.П. Сумарокова, публицистика Н.И. Новикова) и

эволюционный ряд русской высокой комедии XVIII в., представленный творчеством А.П. Сумарокова, В.И. Лукина, Екатерины II, Д.И. Фонвизина, М.М. Хераскова, Н.П. Николева, Я.Б. Княжнина, В.В. Капниста. Во вторую часть вошли работы разных лет, посвященные поэтике, интертекстуальным связям и жанровому своеобразие комедий А.С. Грибоедова «Горе от ума» и Н.В. Гоголя «Ревизор».

Работа известного отечественного специалиста в области поэтики драмы, творчества В.А. Жуковского и русско-европейских литературных связей подводит итог многолетней исследовательской деятельности по изучению стержневой жанровой модификации русского драматургического искусства – высокой комедии, генетика которой, как показывает ученый, восходит к первым образцам европеизированной русской словесности XVIII в., а перспектива – не только определяет повестку дня, собственно, театра XIX столетия, но в значительной степени проливает свет на художественную ментальность культуры классического периода, в рамках которого высокая комедия отвоёвывала себе весьма заметное место и породила череду бесспорных шедевров: «Горе от ума» Грибоедова и «Ревизор» Гоголя знаменуют кульминационный момент в развитии этой традиции, эхо которой впоследствии, бесспорно, может быть обнаружено на любом хронологическом участке национального историко-литературного процесса.

Читая работу, легко заметить, что парадигмальные тексты Грибоедова и Гоголя определяют в значительной степени всю логику развертывания исследовательской мысли; работа пишется словно «в перспективе» «Горя от ума» и «Ревизора», что позволяет почувствовать «сюжетность», закономерность и неслучайность именно такого, а не иного ритма в развитии жанра. Сама категория жанра весьма продуктивно понимается автором монографии как определенный эстетический угол зрения на мир, принцип миромоделирования (понятие, утвердившееся в нашем литературоведении во многом с подачи О.Б. Лебедевой, эффектно преодолевшей здесь некоторую статичность тезиса структуралистов о «картине» и «модели мира»).

Аналитическая интрига исследования определяется несколькими тезисами, объяснительные возможности которых позволили привести в систему множество разрозненных эмпирических фактов. В основу работы положена не столько аналитико-литературоведческая, сколько историософская импликация, соотносящаяся как с многочисленными размышлениями русских философов XX в., так и с наблюдениями семиотиков недавнего прошлого, например знатока культуры и языка XVIII в. В.М. Живова [1]. Суть идеи заключается в том, что русская форсированная модернизация эпохи Петра, первый в мировом историческом процессе и беспрецедентный по своим масштабам и последствиям акт заимствования и адаптации параметров западноевропейской культуры во внеевропейском пространстве, деформировала сами принципы культурного и лингвистического самоописания русского человека XVIII столетия. Категориальный характер этого сдвига можно сопоставить в теоретическом отношении лишь с очередным «приступом» социальной модернизации в России – на рубеже XIX–XX вв. и в первые десятилетия XX в., когда, по мысли И.П. Смирнова, художественная динамика также определялась реконструкцией системы словоупотребления в художественной практике [2]. Как убедительно показывает О.Б. Лебедева, само художественное слово, микроскопическое ядерное первовещество литературы, дистрибутивно раздвоилось в XVIII в. на абстрактно-понятийное и предметно-описательное, причем каждая из ипостасей обнаруживала свою недостаточность: абстракция не опиралась на *факт*, а материальность не отсылала к идее синтетического *воплощения* (до Льва Толстого, Владимира Соловьева и Николая Федорова русской культуре предстоял еще огромный путь), а заключала в себе лишь представление о брэнном физическом, почти животном *теле*. Добавим от себя, что в парадигме, предшествовавшей секулярной реформе Петра, такое рассечение и противопоставление семантических полюсов словесной материи было (при всем тяготении христианской культуры к дуализму) далеко не столько очевидным, что подтверждается не только множественностью телесных практик, понимаемых как духовные, но самой стилистикой письма, в котором можно найти довольно радикальные картины симбиоза телесного и духовного – ср. известный пример из протопопа Аввакума, видевшего сон о том, как его тело вобрало в себя весь мир («...разпространился язык мой и бысть велик зело, потом и зубы быша велики, все и руки быша и ноги велики, потом и весь широк и пространен под небесем по всей земли разпространился, а потом Бог вместил в меня небо, и землю, и всю тварь»).

Трагедия форсированной модернизации, тонко уловленная впоследствии (сознательно или бессознательно – другой вопрос) мастерами словесности XVIII в., и заключалась в том, что идеал был отвлеченно противопоставлен реальности, а сама эта реальность, из которой идеальное начало извлекалось словно хирургическим путем¹, оказалась низведена до уровня мертвенного в своей плотскости объекта властного социального экспериментаторства. Телесное, предметное и вещественно-однозначное в рамках такой стратегии понимания делались атрибутом отрицаемого мира прошлого и подлежали символическому развенчанию и уничтожению в художественной практике сатиры. Утверждение абстракции, напротив, стало задачей оды. Ода и сатира сформировали, как подчеркивает О.Б. Лебедева, двойственный агрегат производства главных смыслов русского Просвещения в их поэтической репрезентированности, смыслов, имевших отчетливо взаимонаправленную зеркальную природу: ода пыталась материализовать идеал добра и гармонии, а сатира – дискредитировать косную телесность порока. В мире театра эта парность отразилась во взаимодействии трагедии и комедии, на первых порах – со-противопоставленных, а позднее начавших тяготеть к некоему симбиозу жанровых форм.

Моментом сбоя в работе этого культурного механизма стал предопределенный нерешенной крестьянской проблемой и неупорядоченной системой престолонаследия кризис русского просвещенческого проекта. Этот почти внезапный пароксизм, пришедшийся на 1770-е гг. с их Пугачевским восстанием, был тем не менее проницательно угадан еще в 60-е, когда в лице Фонвизина с его «Бригадиром» зрители и читатели получили первый зрелый пример синтетического соединения комедийного и трагедийного – как в топике (ср., например, проницательный анализ зооморфизмов в обоих жанрах – С. 129), так и на словесно-стилевом уровне поэтики текста, где безраздельно господствовал прием зеркально-двупланового каламбура.

Эти развернутые мною тезисы книги О.Б. Лебедевой, прямо подводящие читателя ее работы к дальнейшему разговору о вершинах – «Недоросле», «Горе от ума» и «Ревизоре», не только конкретизируют представления о своеобразии жанровой динамики в русском литературном процессе XVIII в., но являются также ярким примером того, как литературоведческий анализ может наметить выход во внелитературные сферы истории, политики и философии – те дискурсивные пространства, в которых вырабатывались координаты национально-государственного развития в XVIII столетии. А раз так, то и сама рецензируемая монография исподволь раздвигает свои жанрологические рамки и постепенно трансформируется в опыт целостной истории русской литературы «века Просвещения», осмысленного здесь *с точки зрения* избранного жанра, но в дальнейшем охарактеризованного автором как гораздо более стереоскопическое явление – см., в частности, концептуальное отражение этого опыта в учебнике О.Б. Лебедевой «История русской литературы XVIII века» (М., 2000; М., 2003). Соединение историко-литературного и жанрово-поэтологического подходов мы встречаем в уже упомянутых разбо-

¹ На парадигмальное в контексте эпохи увлечение Петра I медициной и в особенности хирургией в науке не раз указывалось. См., например, недавнюю книгу К.А. Богданова [3. С. 52 и сл.].

рах одической поэтики и сатирического послания Кантемира, сумароковской трагедии и публицистических баталей 1769–1774 гг. – вплоть до освещения драматургических экспериментов самой Екатерины II.

И хотя граница между двумя частями книги задана самой историей и проходит по рубежу XVIII и XIX столетий, в теоретическом отношении уместно, полагая, видеть единство обоих разделов монографии: аналитика, представленная во втором из них, отчетливо отсылает к включенной в предыдущую часть главе о фонвизинском «Недоросле» – центральному в концепции О.Б. Лебедевой разбору первого истинного шедевра русской драматургии, наивысшая оценка которого возможна без всяких поправок на дискомфортные последствия «вестернизации» и новой литературной «трансплантации». «XIX век» в истории русской высокой комедии начинается словно раньше столетия календарного – настолько глубок резервуар смыслов «Недоросля», сконцентрированных в пьесе ее создателем и обнаруженных исследователем. Наряду с уже известными читателю мотивными и стилевыми блоками, относящимися к взаимодействию одического и сатирического типов художественного слова, поэтика и историософия «Недоросля» позволяют открыть еще один с этого времени типологически обязательный элемент высокой комедии как жанра: интервенцию в текст евангельской темы истинного судии, ассоциативно ориентированной на образ монарха. В сложных шифрах структурно-поэтической организации текста О.Б. Лебедева точно подмечает культурно-исторический сдвиг эпохального масштаба: лишив государство классицистского ореола рационального установителя всеобщего порядка, драматург XVIII в. начинает «вспоминать» о национально-укорененной идее власти как охранительнице высшей («вышней» – в терминологии «Недоросля») справедливости. Причем дело здесь не только в том, что современный читатель комедий Фонвизина и Капниста оказывается в состоянии опознать с помощью О.Б. Лебедевой издавна присущие русской литературе приемы понижения сюжетности («литературности») в пользу символического значения отдельных сцен, мотивы самозванства или религиозные обертоны будущей знаменитой немой сцены гоголевского «Ревизора», а в том, что на ранних примерах из истории русской словесности XVIII в. мы начинаем наблюдать регулярность срабатывания культурного механизма, укоренившегося в России, весьма вероятно, на столетие раньше самих петровских преобразований: вестернизирующий прорыв – откат к (нео)традиционализму. Интересно было бы в этом смысле проверить системную предопределенность рождения национальных шедевров в поле притяжения (нео)традиционализма – в диапазоне от Фонвизина (или, быть может, даже Аввакума) до Мандельштама и Бродского. Разумеется, ответов на эти вопросы рецензируемая монография не содержит, однако важно то, что имплицитно рефлексия на данную тему она предлагает, а точнее – потребность в такого рода размышлениях следует из теоретического языка, предложенного О.Б. Лебедевой в рамках решения ею задач анализа истории и поэтики русской высокой комедии.

В краткой рецензии невозможно исчислить весь богатый перечень наблюдений, которыми насыщена книга литературоведа. Да и едва ли в этом есть необходимость в принципе. Многие из них, такие как конструктивные

антитезы говорения, молчания/глухоты, метапоэтическая идея и образность зеркала, нюансы стилистики каламбура и т.д., несомненно, достойны отдельного содержательного разговора. Важнее другое: книга О.Б. Лебедевой, являясь важным вкладом в традицию русской жанрологии, берущей свое начало в классических трудах М. Бахтина, Ю. Тынянова, В. Проппа, О. Фрейденберг и др., предлагает современному читателю не только целостную картину истории и поэтики жанра высокой комедии, но убедительно демонстрирует, как теоретически оснащенный подход к кругу текстов, в котором на первом плане лишь считанное количество выдержавших проверку временем произведений, способен через избранную «точку зрения» данного жанра обнаружить самую сердцевину работающего механизма национальной культуры – далеко не только в ее драматургической ипостаси. В этой обращенности монографии О.Б. Лебедевой к расширению границ литературоведческого анализа при неукоснительном соблюдении самих правил литературоведения как науки заключается, на мой взгляд, одна из наиболее привлекательных черт этой объемной и важной книги – во многом образца современного жанрологического исследования.

Литература

1. Живов В.М. Государственный миф в эпоху Просвещения и его разрушение в России конца XVIII века // Из истории русской культуры. Т. 4: (XVIII – начало XIX века). М., 1996. С. 657–683.
2. Смирнов И.П. Художественный смысл и эволюция поэтических систем // Смирнов И.П. Смысл как таковой. СПб., 2001. С. 13–222.
3. Богданов К.А. Врачи, пациенты, читатели: Патографические тексты русской культуры XVIII–XIX веков. М., 2005.

К.В. Анисимов

THE COMEDY'S VIRTUE... BOOK REVIEW: LEBEDEVA, O.B. (2014) *POETIKA RUSSKOY VYSOKOY KOMEDII XVIII – Pervoy Treti XIX Vekov* [THE POETICS OF THE RUSSIAN HIGH COMEDY OF THE 18TH – FIRST THIRD OF THE 19TH CENTURIES]. MOSCOW: LANGUAGES OF SLAVIC CULTURE

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology. 2017. 47. 218–223. DOI: 10.17223/19986645/47/16

Kirill V. Anisimov, Siberian Federal University (Krasnoyarsk, Russian Federation); Institute of History and Archaeology of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences (Yekaterinburg, Russian Federation). E-mail: kianisimov2009@yandex.ru

References

1. Zhivov, V.M. (1996) Gosudarstvennyy mif v epokhu Prosveshcheniya i ego razrushenie v Rossii kontsa XVIII veka [The State Myth in the Age of Enlightenment and Its Destruction in Russia at the End of the 18th Century]. In: Lotman Yu.M. et al. *Iz istorii russkoy kul'tury* [From the History of Russian Culture]. Vol. IV. Moscow: Yazyki russkoy kul'tury.

2. Smirnov, I.P. (2001) *Smysl kak takovoy* [Sense as such]. St. Petersburg: Akademicheskiiy proekt. pp. 13–222.
3. Bogdanov, K.A. (2005) *Vrachi, patsienty, chitateli. Patograficheskie teksty russkoy kul'tury XVIII-XIX vekov* [Doctors, Patients, Readers. Pathographic texts of Russian culture of the 18th–19th centuries]. Moscow: OGI.

DOI: 10.17223/19986645/47/17

Рецензия на книгу: Ностальгия по советскому. Томск: Изд-во Том. гос. ун-та, 2011. 514 с.

В монографии представлены результаты междисциплинарного исследования феномена актуализации ностальгических переживаний советского исторического, социального, культурного опыта в современной России. Рассматриваются формы и содержание ностальгии по советскому в современном российском социуме, анализируются причины ностальгического поворота в массовых настроениях российских граждан, вопросы конструирования советского прошлого в постсоветскую эпоху и селекция его наследия, переинтерпретация его смыслов и ценностей в новых социальных контекстах, проблемы выделения социально-групповых и индивидуальных типов ностальгической рефлексии советского прошлого.

Для философов, социологов, политологов, культурологов, филологов, социальных работников и работников культуры.

Рецензируемое исследование, несомненно, является значимым событием в общественно-политической, культурной жизни современной России, поскольку в нем с позиций различных гуманитарных наук обсуждаются ключевые, сущностные категории, определяющие духовно-нравственную атмосферу современного российского общества в условиях «социокультурного разноречия».

Коллективная монография стала весомым результатом масштабного научного исследования, осуществляемого под руководством Б.М. Гаспарова (Harriman Institute, Columbia University) и объединившего усилия ученых различных гуманитарных специальностей ведущих научных центров страны (это научные коллективы межрегиональных институтов общественных наук Новгорода, Воронежа, Саратова, Екатеринбурга, Томска, Иркутска, а также вузовских и академических центров России). Начатое в 2008 г. в рамках проекта «Советская культура в современном социопространстве: трансформации и перспективы», исследование продолжилось на новом этапе под названием «Ностальгия по советскому в социокультурном пространстве современной России». Уже само название нового проекта демонстрирует логику движения

исследовательской мысли от экстенсивного пути исследования, предполагающего выявление и характеристику явлений социокультурного разноречия, к интенсивному анализу глубинных категорий, позволяющих вскрыть сущностные, часто противоречивые тенденции культурно-исторических процессов советской и постсоветской России.

Такой глубинной, обладающей повышенной социокультурной значимостью, служащей исходной точкой в оценке исторического пути Российского государства, его современного состояния и будущего развития, определяющей вектор общественных мнений и настроений, признана категория «ностальгия по советскому». Этот тип рефлексивного переживания советского исторического опыта, по мнению авторского коллектива, является «устойчивым, многообразно актуализируемым в широкой палитре современных социальных и культурных практик» (С. 9). Полагаем, что данный тип общественных рефлексий не потерял (если не усилил) своей актуальности и значимости и сейчас, через шесть лет после выхода монографии.

Феномен ностальгии по советскому подвергается в работе детальному, глубокому, разноаспектному анализу с позиций современности. В центре исследовательского внимания находится следующая проблематика:

- 1) эпохи советского прошлого, контекстные, конситуативные условия, рождающие ностальгический отзыв; причины активизации процессов ностальгирования по советскому в постсоветскую эпоху;
- 2) социальные и дискурсивные практики, являющиеся средой актуализации ностальгического переживания советского; типы конкретных источников, поставляющих материал для ностальгического конструкта;
- 3) типология ностальгических конструктов советского в современном социокультурном пространстве России;
- 4) пути, формы, способы, функции ностальгического конструирования в дискурсивных практиках современной России;
- 5) способы семиотической репрезентации ностальгии по советскому в дискурсивных практиках современной России, типология семиотически определенных и скрытых форм выражения ностальгии;
- 6) варьирование типов ностальгирования по советскому в современной социокультурной ситуации современной России: возрастные, региональные, социальные, дискурсивные, медийные и другие варианты, новые культурные смыслы, возникшие в новую историческую эпоху;
- 7) место ностальгии по советскому в системе современного мифотворчества, советские мифологемы и их ностальгическая аксиологическая окрашенность; универсальные мифологемы, актуализованные и трансформированные в Советском Союзе, их судьба в постсоветском пространстве, процессы немифологизации образов советского в современном социокультурном пространстве России и др.

Решение поставленных задач потребовало объединения усилий представителей целого ряда различных общественно-политических гуманитарных дисциплин, что обусловило одну из главных отличительных особенностей рецензируемой работы – ее междисциплинарность, комплексность. При этом интеграция научных усилий происходит как на уровне самостоятельных дисциплин (таких как философия, история, социология, политология, культуроло-

логия, дискурсология, лингвистика, литературоведение, литературная критика, журналистика и др.), так и на уровне их наиболее актуальных направлений (так, например, исследуемый объект анализируется в рамках ряда аспектных лингвистических дисциплин: теории дискурса, политической лингвистики, когнитивной лингвистики, социальной лингвистики, теории речевого воздействия и ее раздела – теории манипулятивного речевого воздействия, урбанистики и др.). В результате такого междисциплинарного исследования были выявлены и описаны сущностные характеристики феномена ностальгии по советскому: формы и содержание, типы (социально-групповые и индивидуальные), причины активизации процессов ностальгирования по советскому в постсоветскую эпоху, новые культурные смыслы, возникшие в новую историческую эпоху, и т.д.

Органическое объединение усилий ученых разных специальностей, образование единого сплава разных представлений и взглядов на феномен ностальгии по советскому осуществляется благодаря опоре на современные общегуманитарные, междисциплинарные методы научного исследования (антропоцентризм, учет дискурсивных факторов, социальное моделирование и др.). Благодаря использованию современной междисциплинарной методологии авторы реконструируют срез определенной исторической эпохи, определяют культурно значимые смыслы советского, его ценностные доминанты, выявляют особенности их презентации в различных типах дискурсов и, следовательно, в различных типах коллективного, массового, и индивидуального сознания.

Задача многоаспектной, системной характеристики ностальгии по советскому потребовала также выявления корпуса дискурсивных практик с актуализированной ностальгической рефлексией и репрезентирующих их текстов. Авторы рецензируемого исследования представили достаточно полное, разнообразное по семиотическим средствам выражения ностальгического конструкта собрание дискурсивного материала, образующего в своей совокупности советский дискурс. Этот материал имеет хронологическую отнесенность к советской и постсоветской эпохам и включает различные типы дискурсов: классические произведения соцреализма (произведения художественной литературы, кинофильмы, музыка), документальная иконография, вторичные источники постсоветского времени (медийные, рекламные, маркетинговые, праздничные, риторические, художественные, литературно-критические, обыденные, интернет-дискурсы и др.). Имея в своем распоряжении разнообразные по времени возникновения, сфере функционирования, семиотическим средствам репрезентации ностальгических рефлексий произведения советского дискурса, авторы получают возможность широкого, многоаспектного, сущностного анализа ностальгических конструктов в различных направлениях. Укажем наиболее важные из них.

1. В работе дается характеристика конструируемых в различных социальных практиках образов советского и направлений их переконструирования в постсоветскую эпоху. Используя в качестве инструмента анализа дискурсивно-когнитивные категории («архетипы», «культурные смыслы», «политические конструкты», «когнитивные стратегии», «(советские) концепты», «мифы / мифологемы»), представляющие собой формы репрезентации фено-

мена ностальгии по советскому, исследователи характеризуют важнейшие общественные тенденции, связанные с ностальгическими рефлексиями. Одной из таких тенденций является мифологизация, лежащая в основе государственной политики и идеологии советского периода и во многом определяющая направления переконструирования советской реальности. В монографии обсуждается теоретическая проблема глубинной связи ностальгического конструирования действительности и мифотворчества, выявляются и характеризуются различные типы мифологем, их ностальгическая аксиологическая окраска. Данные изыскания способствуют углублению представления о месте советского мифа в системе современного мифотворчества. Большой исследовательский потенциал усматривается авторами и в базовой когнитивной оппозиции «свой – чужой» (в ее частной реализации – дихотомии «советское прошлое – актуальное настоящее»). Обращение к данной дихотомии позволяет актуализировать противопоставление на основе социальных, возрастных, этнических и других признаков.

2. Особый раздел монографии посвящен выявлению соотношений типов ностальгирующих субъектов и объектов ностальгических рефлексий, что повлекло за собой выделение и характеристику социально-групповых и индивидуальных образов прошлого и аксиологических доминант в оценке этих образов, варьирующихся в дискурсивных практиках разных поколений советской эпохи, различных социальных и территориальных групп.

3. В коллективном исследовании определяются контекстные, констатирующие условия, актуализирующие ностальгическое переживание советского прошлого, описывается своеобразие дискурсивных практик, являющихся средой актуализации ностальгического переживания, способы семиотической репрезентации.

4. Многоаспектный анализ социальных практик, в которых актуализирована ностальгическая рефлексия, а также разнообразных семиотических средств ее выражения позволил произвести типологизацию как первых, так и вторых.

5. В силу большой насыщенности ностальгическими рефлексиями, а также особой роли в формировании и функционировании ностальгических конструкторов, их влиянии на общественные мнения и настроения особое внимание уделяется анализу художественных, медиа- и интернет-дискурсов.

6. Одним из важнейших результатов исследования является представление не только онтологии ностальгического дискурса, но и его аксиологии. Доминирующей тенденцией в этом плане признаются вытеснение отрицательных оценок и актуализация положительно оцениваемого опыта. В связи с этим в проблемное поле проекта включается исследование текстовых, семиотических свидетельств переключения оценочных регистров при конструировании образов советской действительности в современных коммуникативных (социальных) практиках.

В итоге благодаря созданию единой комплексной исследовательской базы в монографии сформировано целостное, объемное, системное представление феномена ностальгии по советскому в единстве содержательного, структурного и функционального аспектов. Это позволило сформулировать исчерпывающую словарную дефиницию данного понятия: ностальгия по совет-

скому трактуется как «эмоционально-психологический и социально обусловленный феномен, одна из форм исторической памяти, проявляющаяся в эмоциональной, психологической, культурной актуализации прошлого личного и социального опыта в его соотношении с наличествующим настоящим, как частный случай идеализации прошлого, необходимый для его экзистенциального освоения» (С. 17). Исследователи подчеркивают эмоционально-психологическую, социальную обусловленность ностальгической рефлексии по советскому, ее сложное переплетение с другими типами осмысления и переживания семиотики советского, а также с новыми моделями культуры. Важным моментом в осмыслении данного феномена является актуализация перспективного характера ностальгических переживаний, направленных на переструктурирование актуального настоящего для моделирования будущего. Такая трактовка ностальгической рефлексии позволяет реконструировать общественно-политическую модель современной России со всеми ее проблемами и противоречиями, понять настроения и чаяния различных слоев общества и выстроить на этой базе общественно-политические программы и стратегии, направленные на преодоление социокультурного напряжения в постсоветском обществе.

Резюмируя оценку данного коллективного труда, хотелось бы охарактеризовать его как достойное воплощение главных принципов современной научной парадигмы: антропоцентризма, функционализма, междисциплинарности. Коллективная монография «Ностальгия по советскому» обладает общенаучной актуальностью, способствует пониманию глубинных механизмов социальных процессов в современной России, позволяет выстроить социальную модель современного российского общества и спрогнозировать направления его развития.

О.П. Сологуб

BOOK REVIEW: REZANOVA, Z.I. (ED.) (2011) *NOSTAL'GIYA PO SOVETSKOMU* [NOSTALGIA FOR THE SOVIET]. TOMSK: PUBLISHING HOUSE OF TOMSK STATE UNIVERSITY

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology. 2017. 47. 224–228. DOI: 10.17223/19986645/47/17

Olga P. Sologub, National Taiwan University (Taipei, China). E-mail: olsolpa@mail.ru

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

АКБАЕВА Ольга Викторовна – преподаватель колледжа экономики, управления и права Донского государственного технического университета (г. Ростов-на-Дону).
E-mail: o.akbaeva@yandex.ru

АНИСИМОВ Кирилл Владиславович – д-р филол. наук, профессор кафедры русского языка, литературы и речевой коммуникации Сибирского федерального университета (г. Красноярск); вед. науч. сотр. сектора истории литературы Института истории и археологии Уральского отделения Российской академии наук (г. Екатеринбург).
E-mail: kianisimov2009@yandex.ru

БАБКИНА Екатерина Сергеевна – канд. филол. наук, доцент кафедры «Журналистика» Тихоокеанского государственного университета (г. Хабаровск); докторант кафедры истории журналистики Санкт-Петербургского государственного университета.
E-mail: gussinda@yandex.ru

БЕЛЕНКО Виктория Евгеньевна – канд. филос. наук, зав. кафедрой массовых коммуникаций Новосибирского государственного университета.
E-mail: viktorija_belenko@mail.ru

БЕЛОУСОВА Елена Германовна – д-р филол. наук, зав. кафедрой русского языка и литературы Челябинского государственного университета.
E-mail: belouelena@gmail.com

БЕРЕЗОВИЧ Елена Львовна – чл.-корр. Российской академии наук, д-р филол. наук, профессор кафедры русского языка и общего языкознания Уральского федерального университета им. первого Президента России Б.Н. Ельцина (г. Екатеринбург).
E-mail: berezovich@yandex.ru

ВОЛОШИНА Светлана Владимировна – канд. филол. наук, доцент кафедры русского языка Томского государственного университета.
E-mail: vsv1304@yandex.ru

ЕЛИСЕЕВА Александра Владимировна – канд. филол. наук, доцент кафедры немецкой филологии Санкт-Петербургского государственного университета.
E-mail: elisseeva_alexan@mail.ru

ЖУЧКОВА Анна Владимировна – канд. филол. наук, доцент кафедры русской и зарубежной литературы Российского университета дружбы народов (г. Москва).
E-mail: sapra@mail.ru

ЗИЛЬБЕРМАН Надежда Николаевна – канд. филол. наук, доцент кафедры гуманитарных проблем информатики Томского государственного университета.
E-mail: zilberman@ido.tsu.ru

КОСТЕЦКАЯ Екатерина Викторовна – канд. филол. наук, доцент кафедры истории, философии и методик преподавания Тобольского педагогического института им. Д.И. Менделеева (филиала) Тюменского государственного университета.
E-mail: katerinavb@yandex.ru

КРЫЛОВ Вячеслав Николаевич – д-р филол. наук, профессор кафедры русской и зарубежной литературы Казанского (Приволжского) федерального университета.
E-mail: krylov77@list.ru

КУЗНЕЦОВА Елена Геннадьевна – канд. филол. наук, доцент кафедры русского и татарского языков Казанского государственного медицинского университета.
E-mail: egkuz@rambler.ru

ЛЕОНТЬЕВА Татьяна Валерьевна – д-р филол. наук, профессор кафедры русского и иностранных языков Российского государственного профессионально-педагогического университета (г. Екатеринбург).
E-mail: leotany@mail.ru

МЕЛИКЯН Вадим Юрьевич – д-р филол. наук, зав. кафедрой теории языка и русского языка Южного федерального университета (г. Ростов-на-Дону).
E-mail: melikyanv@mail.ru

МИШАНКИНА Наталья Александровна – д-р филол. наук, профессор кафедры русского языка как иностранного Томского политехнического университета; профессор кафедры гуманитарных проблем информатики Томского государственного университета.
E-mail: mna@tpu.ru

ОСИПОВА Екатерина Сергеевна – менеджер по работе с клиентами банка «Ренессанс Кредит» (г. Новосибирск).
E-mail: osipova.kate30.12@mail.ru

СОЛОГУБ Ольга Павловна – д-р филол. наук, доцент кафедры иностранных языков и зарубежной литературы Национального университета Тайваня (Тайбэй, Китай).
E-mail: olsolpa@mail.ru

СТАРИКОВА Галина Николаевна – канд. филол. наук, доцент кафедры русского языка Томского государственного университета.
E-mail: gstarikova@yandex.ru

СУХАНОВ Вячеслав Алексеевич – д-р филол. наук, зав. кафедрой истории русской литературы XX века Томского государственного университета.
E-mail: slush@mail.ru

ФАРИТОВ Вячеслав Тависович – д-р филос. наук, профессор кафедры философии Ульяновского государственного технического университета.
E-mail: vfar@mail.ru

ХОАНГ Тхи Хонг Чанг – аспирант кафедры русского языка Томского государственного университета.
E-mail: hongtrang791@gmail.com

ЩЕРБИНIN Алексей Игнатьевич – д-р полит. наук, зав. кафедрой политологии Томского государственного университета.
E-mail: shai52@mail.ru

ОТ РЕДАКЦИИ

Научный журнал «Вестник Томского государственного университета. Филология» был выделен в самостоятельное периодическое издание из общенаучного журнала «Вестник Томского государственного университета» в 2007 г.

Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере массовых коммуникаций, связи и охраны культурного наследия (свидетельство о регистрации ПИ № ФС 77-29496 от 27 сентября 2007 г.), ему присвоен международный стандартный номер сериального издания (ISSN 1998-6645).

«Вестник ТГУ. Филология» выходит 6 раз в год и распространяется по подписке, его подписной индекс – 44041 в объединённом каталоге «Пресса России». Полнотекстовые версии вышедших номеров выкладываются на сайте журнала: <http://journals.tsu.ru/philology>

Все статьи, поступающие в редакцию журнала, подлежат обязательному рецензированию; рукописи не возвращаются. Публикации в журнале осуществляются на некоммерческой основе. Ознакомиться с требованиями к оформлению материалов можно на сайте журнала: <http://journals.tsu.ru/philology>

Редакция не вступает с авторами в переписку по методике написания и оформлению научных статей и не занимается доведением статей до необходимого для публикации уровня.

Редакция может не разделять точку зрения авторов статей. Ответственность за содержание публикуемых материалов несет автор. При любом использовании материалов ссылка на журнал обязательна.

Адрес редакции: 634050, г. Томск, пр. Ленина, 36, Томский государственный университет, филологический факультет.

Телефон 8(382-2)52-96-67

Ответственный секретарь редакции журнала – Д.А. Катунин.

E-mail: katunin@mail.tsu.ru

Научный журнал

**ВЕСТНИК ТОМСКОГО
ГОСУДАРСТВЕННОГО
УНИВЕРСИТЕТА
ФИЛОЛОГИЯ**

TOMSK STATE UNIVERSITY JOURNAL OF PHILOLOGY

2017. № 47

Редактор *Т.В. Зелева*
Редактор-переводчик *В.В. Каишур*
Оригинал-макет *Г.П. Орловой*
Дизайн обложки *Яна Якобсона* (проект «Пресс-интеграл»,
факультет журналистики ТГУ)

Учредитель – Федеральное государственное автономное образовательное учреждение
высшего образования «Национальный исследовательский
Томский государственный университет»

Подписано в печать 12.07.2017 г. Формат 70х100^{1/16}.

Печ. л. 14,5; усл. печ. л. 20,3; уч.-изд. л. 20,1.

Тираж 500 экз. Дата выхода в свет 30.05.2017 г. Заказ 2558. Цена свободная

Адрес издателя и редакции: 634050, г. Томск, пр. Ленина, 36
Томский государственный университет

ООО «Издательство ТГУ», 634029, г. Томск, ул. Никитина, 4
Журнал отпечатан на оборудовании Издательского Дома
Томского государственного университета,
634050, г. Томск, пр. Ленина, 36, тел. 8(382-2) 53-15-28; 52-98-49
<http://publish.tsu.ru>; e-mail: rio.tsu@mail.ru